

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

GÖTHE.

1822 — 1830.

Н. Языковъ.

род. 1803 г. умеръ 1846 г.

Jazykov, Nikolai Mikhailovich, 1803-

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

ПРИ НИХЪ ПРИЛОЖЕНЫ ЕГО ПОРТРЕТЪ, FAC-SIMILE, СВѢДѢНІЯ О ЕГО ЖИЗНИ И ЗНАЧЕНІИ И НАПИСАННОЕ О НЕМЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1858.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 мая, 1857 года.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы имѣемъ три изданія стихотвореній Языкова: 1833, 1844 и 1845 годовъ; всѣ они явились еще при жизни поэта и нынѣ составляютъ библіографическую рѣдкость. Но до и послѣ этихъ изданій многія піесы его печатались въ журналахъ, альманахахъ и сборникахъ. Полнаго же собранія сочиненій Языкова доселѣ не было, хотя почитатели его таланта и любители отечественной литературы настоятельно того желали.

Нынѣ желаніе ихъ исполняется: предлагаемое изданіе содержитъ въ себѣ не только всѣ прежде напечатанныя піесы, но и нѣсколько рукописныхъ, сообщенныхъ намъ роднымъ братомъ поэта Александромъ Михайловичемъ Языковымъ. Піесы расположены нами въ хронологическомъ порядкѣ; имъ

предпосланы краткія замѣтки о жизни и значеніи поэта и всѣ статьи, разновременно появлявшіяся о немъ въ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ того приложены портретъ Языкова, въ 1829 писанный художникомъ Хрипковымъ, и снимокъ съ его почерка.

П. Перевлѣсской.

24 ноября, 1857 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Примѣч. 1. Звѣздочками означены тѣ изъ піесъ, которыя въ 1844 году были изданы самимъ поэтомъ въ числѣ 56, какъ избранныя.

2. За исключеніемъ піесъ: «Элегія — зачѣмъ божественной хариты — Разбойники, Пловецъ, Элегія — Ты восхитительна — Памяти Маркова, Элегія — Языкъ души краснорѣчивой — А. Н. Тютчеву — Графу Д. Н. Хвостову, элегія — Тотъ не поэтъ — «написанныхъ въ Симбирскѣ, и піесы» К. К. Янишъ, писанной въ Москвѣ, всѣ остальныя написаны въ Дерптѣ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ, и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями,
Онъ красоту боготворилъ душой.

1803—1829.

Мѣсто и годъ рожденія Языкова. Его воспитаніе и дерптская жизнь. Успѣхи его въ литературѣ и безуспѣшность въ университетѣ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ 4 марта, 1803 года, воспитывался въ С. Петербургѣ въ Институтѣ Горныхъ Инженеровъ, куда былъ отданъ по 12-му году (1814). Выборъ мѣста воспитанія былъ рѣшенъ вовсе не потому, чтобы въ немъ замѣтили особенныя наклонности или способности къ горному дѣлу, но такъ... случайно, вѣроятно потому, что тамъ уже воспитывались два его старшіе брата. Результатъ такого выбора вышелъ далеко не желанный: оказалось, юный питомецъ института къ математическимъ

наукамъ рѣшительно не имѣлъ никакой охоты, а приневоливать себя не умѣлъ, и шести-лѣтній институтскій курсъ.... Къ счастью еще, онъ порученъ былъ особенному наблюденію учителя русской словесности А. Д. Маркова, человѣка *съ блистательнымъ умомъ, самобытнымъ просвѣщеньемъ и поэтическимъ огнемъ.* Почтенный Алексѣй Дмитріевичъ, любившій Языкова, какъ сына, прилагалъ все свое стараніе къ развитію его способностей, заставлялъ его читать и изучать Ломоносова и Державина, и, можетъ-быть въ этихъ-то начальныхъ занятіяхъ угадывая призваніе своего ученика, ласково встрѣчалъ первые его опыты, нѣжно лелѣялъ его поэтическія стремленія. Признательный нашъ поэтъ всю жизнь хранилъ искреннюю благодарность къ своему наставнику и свято чтилъ его память *. Въ 1820 году Николай Михайловичъ кончилъ курсъ въ институтѣ и поступилъ въ Инженерный корпусъ, но для чего и почему, сказать не можемъ. Занятія сего послѣдняго заведенія еще менѣе соотвѣтствовали потребностямъ его души; оттого черезъ годъ онъ вышелъ оттуда (1821), и на свободѣ предался своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ. Они-то, вѣроятно, и расположили молодаго Языкова къ рѣшенію отправиться въ Дерптъ, чтобы поучиться въ тамошнемъ университетѣ. Снабженный рекомендательными письмами А. Ѳ. Воейкова — который первый изъ литераторовъ привѣтствовалъ талантъ его — Языковъ въ концѣ 1822 г. прибылъ въ Дерптъ, и сталъ посѣщать университетскія лекціи.

Здѣсь, въ кругу сверстниковъ-товарищей по душѣ, началась собственно и развивалась поэтическая дѣятельность Языкова. На студентскія пирушки и бесѣды поэтъ

* См. Памяти Маркова, ч. I стр. 123.

являлся съ своими пѣснями; дружные товарищи хоромъ пѣли ихъ съ одушевленіемъ, — даже нынѣ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ, оставшіеся изъ нихъ помнятъ наизусть удалыя его стихотворенія и любятъ повторять ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ: такъ для меня останется навсегда памятнымъ тотъ вечеръ прошлой зимы, когда одинъ изъ товарищей Языкова, Вульфъ посѣтившій меня, читалъ съ увлеченіемъ многія изъ его пьесъ, — припоминая случаи ихъ сочиненія — и между прочимъ слѣдующую, мнѣ неизвѣстную ни по рукописнымъ, ни по печатнымъ собраніямъ стихотвореній Языкова:

Всему человѣчеству
Заздравный стаканъ.
Два полныхъ — отечеству
И славѣ Славянъ.
Свободѣ божественной.
Лелѣющей насъ.
Кругомъ и торжественно
По троицѣ въ разъ!

Поэзіи сладостной
И міру наукъ.
И буйности радостной.
И удали рукъ,
Труду и бездѣлію,
Любви пировать.
Вину и веселію
Четыре да пять!

Очамъ возмутительнымъ
И персямъ живымъ.
Красоткамъ чувствительнымъ.
Красоткамъ лихимъ.
Съ природою пылкою
Съ дешевой красой.

Послѣдней бутылкою
И всѣ изъ одной!

Кружится, склоняется
Моя голова,
Но духъ возвышается
Но громки слова!
Восторгами нѣжными
Разнѣжился я:
Стучите стаканами
И пойте, друзья!

Съ переѣзда же Языкова въ Дерптъ, именно въ 1823 году, начали появляться въ печати разныя его стихотворенія, воспѣвавшія харитъ, вино, дружбу, покой и — изрѣдка родину. При самомъ первомъ появленіи они были замѣчены и отличены Жуковскимъ и Пушкинымъ по ихъ бойкой силѣ, яркой живописи и юношескому разгулу. Славные поэты почтили молодаго пѣвца лестнымъ, радушнымъ привѣтомъ; особенно Пушкинъ высоко цѣнилъ талантъ Языкова, и еще въ 1824 году желалъ съ нимъ лично познакомиться, какъ видно изъ этого неизданнаго стихотворенія *:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Привози ко мнѣ съ собой,
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ,
(Не михайловскій прикащикъ)
Привезетъ намъ право кладъ,
Что? бутылокъ полный ящикъ.

---

* Стихотвореніе это взято нами изъ собственноручнаго пушкинскаго письма къ А. Н. Вульфу отъ сентября 20, 1824 г.

Запируемъ ужь, молчи!
Чудо — жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта,
Дни любви посвящены;
Ночью царствуютъ стаканы;
Мы же то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Впрочемъ личное знакомство поэтовъ тогда не состоялось, а по чему-то отсрочилось до 1826 года. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ у Пушкина въ Тригорскомъ. Время, проведенное въ обществѣ Пушкина, искренно воспѣто имъ въ замѣчательномъ стихотвореніи «Тригорское», и всю жизнь было самымъ свѣтлымъ и отраднымъ его воспоминаніемъ. «Я вопрошалъ, пишетъ Языковъ къ Вульфу въ 1827 г. отъ 17 февраля, совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея — и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственною и физическою, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца — нежели лѣто 1826 года!» Черезъ 20 лѣтъ (1846 г.) онъ съ такимъ увлеченіемъ воспомянулъ Тригорское: «Вези, писалъ онъ томуже Вульфу (17 сент. 1846), вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору и никогда не забуду.»

Въ короткое время имя Языкова, какъ поэта, стало общеизвѣстно: стихи его съ увлеченіемъ читала образованная публика, а въ особенности восхищалась ими молодежь. Блестящи были успѣхи Языкова въ обществѣ, какъ поэта, — но далеко не таковы были успѣхи его въ университетѣ, какъ студента. Для университета онъ работалъ неусидчиво, а такъ.... порывами, по

временамъ: *не могъ* — выражусь его собственными словами — *впиться въ занятія сухія, скучныя, прозаическія, но необходимыя*, даже не умѣлъ совладать съ методическими серьёзными приготовленіями къ экзамену. «Въ моемъ положеніи внѣшнемъ и внутреннемъ, — откровенно сознавался онъ Вульфу * — все идетъ прежнимъ порядкомъ или, вѣрнѣе, безпорядкомъ: приготовленія къ экзамену можно признаться, не начались, потому что мнѣ совѣстно назвать симъ почтеннымъ именемъ обыкновенное чтеніе, справки и выправки учебныя — безъ системы, какъ въ голову придетъ, безъ цѣли близкой». — Годъ за годъ, а приготовленія къ экзамену не подвигались впередъ; кончилось тѣмъ, что онъ такъ-таки и не приготовился къ нему въ теченіи цѣлыхъ шести лѣтъ, и въ концѣ 1829 года оставилъ Дерптъ студентомъ *бездипломнымъ*.

1829 — 1846.

Жизнь въ Москвѣ и деревнѣ. Опредѣленіе на службу и отставка. Намѣреніе основаться на постоянное житье въ деревнѣ. Препятствіе — болѣзнь. Ея усиленіе и продолжительность. Лѣченіе за границею. Возвращеніе въ Москву. Новая болѣзнь. Кончина. День и мѣсто погребенія его. Значеніе его въ литературѣ.

Изъ Дерпта Языковъ переѣхалъ на житье въ Москву; съ 1829 по 1832 годъ прожилъ въ ней безвыѣздно. Цвѣтущій здоровьемъ и красотой, съ независимымъ состояніемъ, онъ жилъ въ Москвѣ *чрезвычайно уединенно: безвыходно, даже безвыѣздно сидѣлъ дома и въ полной власти собственнаго своего произвола* **. Въ эту

* Письмо 1827, 18 декабря.

** Пис. къ Вульфу 1832 г., іюля 30.

пору онъ рѣшился поступить на службу: 12 сентября, 1831 года, состоялось его опредѣленіе въ Межевую Канцелярію. Служба однакожь не заняла и не завлекла его: почти при самомъ вступленіи въ должность, онъ сталъ смотрѣть на нее, какъ на помѣху его занятію, которое шутливо между друзьями называлъ *стихописаньемъ*. Такой взглядъ на службу скоро перешелъ въ убѣжденіе, а убѣжденіе не замедлило перейти въ дѣло: 18 ноября, 1833 г., видимъ Языкова уже уволеннымъ отъ службы *по прошенію въ чинъ коллежскаго регистратора*. Главнымъ побужденіемъ къ такому поспѣшному выходу изъ службы было сильное, рѣшительное желаніе Языкова навсегда поселиться въ деревнѣ, усѣсться на одномъ мѣстѣ, чтобы вполнѣ и свободно предаться своимъ любимымъ занятіямъ: по его понятію, кочевая жизнь не благопріятствуетъ поэтической дѣятельности въ Россіи; по его убѣжденіямъ, необходимо имѣть осѣдлость, бытъ уединенно-поэтическій и много другаго, *чтобы муза его вовсе предалась своей милой страсти, принесла плоды многіе, и прославилась славно.* Этому благородному плану однакожь не суждено было исполниться: болѣзнь, открывшаяся въ 1831 году слабыми, незначительными припадками, въ 1833 г. начала усиливаться довольно значительно; боли отъ солитера, разстройства спинной кости и печени увеличились уже до того, что нужно было серьёзно подумать о лѣченіи; и постоянная жизнь въ деревнѣ оказывалась несбыточною мечтою. Для облегченія страданій онъ нашелся вынужденнымъ бывать часто въ Москвѣ, съѣздить въ Пензу къ славившемуся тамъ гомеопату Петерсону. Во дни облегченія отъ недуга, Языковъ брался за свое дѣло, замышлялъ большіе труды; дѣятельно участвовалъ въ Московскомъ Наблюдателѣ, на страницахъ кото-

раго помѣщено между прочимъ и его возвышенное посланіе къ Д. В. Давыдову (ч. II, стр. 56). Въ эту пору, именно въ 1836 году, онъ льстилъ себя надеждою на продолжительную дѣятельность: «да, я опять расписался, — говорилъ онъ своему товарищу Вульфу, и теперь кажется надолго. Принимаюсь и за большіе труды. Полно мнѣ. такъ сказать, мелочничать. Впрочемъ, да не смущается сердце твое — посланія у меня всегда будутъ писаться — только что они будутъ уже незначительны — вотъ главное! Теперь жизнь моя чрезвычайно благопріятна стихописанію: уединенная, какъ нельзя больше, тихая, привольная и сельская — и хвала за то Провидѣнію, хозяйство мое такъ хорошо устроено и такъ долго шло хорошо, что я совершенно независимо могу предаваться любви своей.» Такъ думалъ и располагалъ въ душѣ Языковъ въ апрѣлѣ 1836 года, но не такъ случилось на дѣлѣ: коренная постоянная болѣзнь его еще болѣе стала усиливаться, и осенью 1837 г. къ ней присоединилась новая — сильная простуда, отъ которой онъ пролежалъ на одрѣ болѣзни до мая 1838. Съ трудомъ перевезли его въ Москву, гдѣ медики присовѣтовали ему путешествіе въ Маріенбадъ. Оправившись отъ простуды, Языковъ въ августѣ выѣхалъ изъ Москвы на маріенбадскія воды. Тамъ пробылъ онъ почти два мѣсяца, *пилъ брунъ*, купался въ водѣ и грязяхъ, но все безъ пользы; по окончаніи курса, отправился въ Ганау къ знаменитому доктору Копу. Копъ обѣщалъ поставить его на ноги и сдѣлать молодцомъ къ осени 1839 года; но какъ и на сколько оправдались смѣлыя, утѣшительныя обѣщанія добродушнаго врача, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ вся заграничная пятилѣтняя жизнь Языкова, проведенная, по его же словамъ, подъ ферулою медицины, полная тягостными переѣздами отъ

одного мѣста къ другому, томительными пережиданіями и отдыхами отъ одного лѣкарства до другаго. За границей, состояніе здоровья его порою было таково, что онъ не могъ порядочно пройти по комнатѣ, взойти на лѣстницу безъ провожатаго, прочесть страницы и написать пяти строкъ, не почувствовавши одышки; но были дни, хотя и рѣдко, когда болѣзнь уступала искуснымъ усиліямъ врача и благому дѣйствію цѣлебныхъ водъ: въ такіе счастливые дни тоскующій по родинѣ поэтъ охотно принимался за стихи. Къ этому періоду жизни относится замѣчательная его пьеса «къ Рейну» и нѣсколько элегій, изъ которыхъ въ одной ясно высказалась поколебавшаяся его надежда на выздоровленіе отъ заграничнаго лѣченія:

«Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался,
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ!
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.»

Да, черный день его не разгулялся, втунѣ пять лѣтъ скитался онъ по чужимъ странамъ: изможденнымъ, съ тою же, но еще болѣе усилившеюся болѣзнію воротился онъ въ Москву въ августѣ 1843 г. Здѣсь онъ поручилъ себя наблюденію своего стараго дерптскаго товарища, профессора Иноземцева. Искусство знаменитаго московскаго врача съ трудомъ поддерживало разрушавшееся здоровье поэта, который услаждалъ горечь своихъ страданій религіозными размышленіями, чтеніемъ священнаго писанія и отечественной исторіи, бесѣдами съ близкими и друзьями. Плодомъ этихъ думъ,

занятій и бесѣдъ остались нѣсколько посланій и прекрасныя религіозныя стихотворенія «*Землетрясеніе* и *Сампсонъ.*»

Въ половинѣ декабря 1846 года Языковъ простудился; къ застарѣвшей 15-лѣтней болѣзни присоединилась горячка. Онъ счелъ ее за предзнаменованіе своей близкой смерти. Напрасно друзья старались разувѣрить его въ такомъ печальномъ убѣжденіи; онъ былъ непоколебимъ, и серьёзно сталъ готовиться къ смерти: пригласилъ священника совершить послѣдній долгъ христіянина, сдѣлалъ нужныя, похоронныя распоряженія, назначилъ даже кого пригласить на свои похороны, и заказалъ блюда для похороннаго обѣда.

26 декабря къ общему прискорбію оправдалось грустное его предчувствіе смерти; въ шестомъ часу вечера Языкова не стало: онъ скончался тихо и незамѣтно для его окружающихъ. 30 декабря, родные, друзья и почитатели похоронили его въ Даниловомъ Монастырѣ между могилами двухъ памятныхъ нашихъ людей — Венелина и Валуева.

На память объ Языковѣ остались для насъ его стихотворенія, изъ которыхъ многія (Двѣ картины, Ливонія, Вечеръ, Пловецъ, Чужбина, Землетрясеніе, Сампсонъ, Подражаніе псалму XIV, Жаръ-Птица и др.) блещутъ истинной красотой, исполнены художественности, за которыя онъ, какъ самобытный талантъ, займетъ по праву видное и почетное мѣсто въ ряду литературныхъ дѣятелей пушкинскаго періода, и съ которыми имя его будетъ всегда жить въ исторіи нашей словесности. Печатавшіяся при жизни поэта то въ періодическихъ изданіяхъ, то отдѣльными книгами, они не разъ были предметомъ и восторженныхъ, превыспреннихъ похвалъ, и ѣдкихъ, саркастическихъ порицаній; нынѣ, издавае-

мыя вполнѣ, почти 11 лѣтъ спустя послѣ смерти автора, они, конечно, найдутъ судъ болѣе безпристрастный и справедливый; предохранятъ цѣнителей-читателей и отъ чрезмѣрной выспренности льстивыхъ похвалъ и отъ желчи безпощадныхъ порицаній.

Въ полномъ собраніи сочиненій Языкова, за исключеніемъ пьесъ «Жаръ-Птица», «О пастухѣ и дикомъ вепрѣ», «Отрокъ Вячко», «Сержантъ Сурминъ», «Странный случай», «Встрѣча Новаго года», всѣ остальныя пьесы принадлежатъ роду лирическому; слѣдовательно на судъ публики Языковъ предстаетъ, какъ *поэтъ лирическій*.

Что же и *какъ* пѣлъ Языковъ въ своихъ лирическихъ пѣсняхъ? — На эти вопросы, думаемъ, всего лучше отвѣчать его же собственными словами. Языковъ самъ называлъ себя *голосистымъ пѣвцомъ пировъ, хмеля, прелести суетъ, пѣвцомъ вина, дружбы, прохладъ и шалостей любви нескромной:* дѣйствительно, больше всего и чаще всего онъ воспѣвалъ счастливыми стихами харитъ, вино, дружбу и покой. Стало-быть, поэзія юности была вдохновительницею его пѣсенъ, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ піесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружественныя посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ (Къ А. И. Вульфу ч. I, стр. 116. Пѣсня, тамже стр. 106, Пѣсня 135.)! Какою теплотой, искренностью проникнуты его посланія, и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, что составляетъ не уединенный, исключительный интересъ кружка, но

интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго (Къ Д. В. Давыдову ч. II, стр. 56. Вульфу ч. I, стр. 117)! Но этою ли одною сферою ограничивалась поэтическая дѣятельность Языкова? Конечно нѣтъ. Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствіи по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжкихъ страданіи отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи. И эти патріотическія и религіозныя пѣснопѣнія ближе знакомятъ насъ со всею силой могучаго таланта Языкова, и невольно заставляютъ грустить о его ранней смерти. Какимъ могучимъ словомъ поэтъ дѣлился въ нихъ своими священными думами (Сампсонъ, Землетрясеніе, Подражаніе псалмамъ и др.)! Къ сожалѣнію, количество стихотвореніи въ этомъ родѣ слишкомъ незначительно; они составляютъ самую малую ихъ часть: оттого въ глазахъ цѣнителей много проигрываетъ поэтическая дѣятельность Языкова, по преимуществу сосредоточенная въ пьесахъ анакреонтическихъ и дружескихъ посланіяхъ. Ограничиваясь такою неширокою областью, поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это — ея существенный недостатокъ. За то, внѣшняя сторона ея — стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтобы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія — разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былину, — Языковъ вездѣ является

чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова. «И недаромъ,—заключимъ справедливыми словами Гоголя,—пришлось ему имя Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановишься пораженный.»

ИЗДАНІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ ЯЗЫКОВА.

Собранія стихотвореній Языкова появлялись нѣсколько разъ, а именно:

I. Стихотворения Н. Языкова. Спб. 1833. Въ типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ. Стр. 308, IX. въ 12 д. Изящное это изданіе вмѣщало 116 піесъ.

II. ИЅ Стихотвореній Н. М. Языкова. Москва. 1844 г. Въ типографіи А. Семена при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Стр. 94 и II. въ 18 д. Здѣсь помѣщены піесы избранныя изъ прежняго изданія съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ.

III. Новыя Стихотворения Н. Языкова. Москва. 1845 г. Въ Университетской типографіи. Стр. 332 и IV. въ 12 д. Тутъ напечатано 62 піесы, между которыми находятся IV отрывка «Жаръ-Птицы».

НАПИСАННОЕ (ЛИТЕРАТУРА) О Н. М. ЯЗЫКОВѢ.

I. МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ 1833, № VI. МАРТЪ.

Стихотворенія Н. Языкова. Спб. 1833.

Г-нъ Языковъ писалъ только въ лирическомъ родѣ. Воображеніе его, порывистое, яркое, живое, укладывается только въ лирическую форму. Мицкевичъ прекрасно сравниваетъ поэта съ волною моря, которая, хлынувъ на берегъ, убѣгаетъ назадъ и оставляетъ послѣ себя перлы и драгоцѣнности, хранимыя въ таинственной глубинѣ моря. Можно сравнить и дѣятельность творческой силы съ дѣятельностью моря, которое наконецъ образуетъ цѣлыя гряды изъ своихъ посылокъ землѣ. Мгновенные восторги лирическаго поэта также образуютъ наконецъ нѣчто цѣлое, полное своею разнообразною общностью, и даютъ тогда средство судить о свойствахъ стихіи, породившей сіе явленіе. Такъ изъ отдѣльныхъ, мѣлкихъ стихотвореній г-на Языкова, составилось наконецъ цѣлое собраніе образовъ, чувствованій, картинъ. Можно и должно сказать о немъ свое мнѣніе. и болѣе другихъ намъ, которыхъ иногда упрекали не въ безпристрастіи къ г-ну Языкову. Настоящій разборъ покажетъ. справедливо ли это обвиненіе.

Лирическая поэзія дѣйствительно есть слѣдствіе вдохновеній мгновенныхъ, не столь продолжительныхъ, какъ вдохновенія поэзіи эпической или драматической. Эпикъ и драматикъ приходятъ въ восторгъ отъ идей, объемлющихъ собою цѣлое, такъ сказать событіе продолжительное, разнообразное, многостороннее, и вдохновеніе ихъ должно быть также долговременно, ибо выразить какую-нибудь огромную идею нельзя безъ нѣкотораго труда, безъ продолжительной дѣятельности, безъ преодолѣнія многихъ трудностей. Вдохновеніе поэта лирическаго, напротивъ, есть одинъ пламенный взглядъ, одна мысль, часто одинъ образъ, вставленные въ изящную оправу. Стихи и гармонія стиховъ для него необходимы, ибо въ лирической поэзіи музыка не отдѣлима отъ словъ. Первоначальное выраженіе ея въ пѣсни и самое названіе пѣвца всего приличнѣе тому поэту, у котораго самый родъ поэзіи получилъ свое названіе отъ лиры. Потому-то и всякое лирическое произведеніе непремѣнно выливается въ стихахъ, въ звукахъ гармоническихъ, и бываетъ кратко, пѣвуче, какъ пѣснь. Недостанетъ никакой груди для пѣнія продолжительнаго: недостанетъ ни вдохновенія, ни предмета лирическаго для произведенія объемнаго, каковы поэма и драма.

Но одушевляясь восторгами краткими, увлекая и своихъ читателей только на мгновенія, поэтъ лирическій, разумѣется, истинный поэтъ, всегда бываетъ вѣренъ самому себѣ, то есть одушевляется въ одномъ направленіи, въ одной сферѣ, одинакимъ образомъ, ибо онъ всегда остается одинъ и тотъ же человѣкъ. Перемѣняются образы и предметы, перемѣняется и состояніе духа въ самомъ поэтѣ, но его душа, его воображеніе, его природа — неизмѣнны. Эта неизмѣнимость его есть вѣрный признакъ силы и дарованія, ибо она по-

казываетъ неистощимость воображенія и могущество души, всегда одинаково пріемлющихъ впечатлѣнія. Это — употребимъ слово не русское, непріятное для слуха, но здѣсь необходимое — индивидуальность поэта, ибо сего свойства не выражаетъ ни русская самобытность, ни варварски-выкованная особность. Индивидуальность есть собственная принадлежность поэта лирическаго, ибо драматикъ и эпикъ бываютъ скрыты въ своихъ произведеніяхъ, между тѣмъ какъ лирикъ всегда выражаетъ себя — и только себя. Онъ не думаетъ осуществлять идеи какой нибудь страсти, какого нибудь характера или событія; онъ сказываетъ намъ только свои впечатлѣнія, при взглядѣ на предметъ. Представляя какое нибудь лицо и заставляя говорить его, онъ всегда ставитъ себя на мѣсто его и высказываетъ намъ свои мысли.

Другое свойство, необходимое въ поэтѣ лирическомъ, есть современность, ибо кромѣ того что онъ человѣкъ, онъ еще сынъ какой нибудь земли и гражданинъ какого нибудь вѣка. Берегитесь тѣхъ лирическихъ поэтовъ, которые не знаютъ ни отечества, ни времени: это самозванцы. Человѣкъ не можетъ вдохновляться тѣмъ, чего онъ не видитъ и не понимаетъ, и потому восторги его при такихъ предметахъ всегда показываютъ поддѣльность дарованія. Человѣкъ, въ наше время трепещущій отъ восторга при имени Аполлона и девяти музъ, рѣшительно лжетъ на себя, или говоритъ шутя. Русскій, желающій быть Грекомъ, Римляниномъ или Итальянцемъ въ лирической поэзіи — не поэтъ, ибо онъ идетъ вслѣдъ и подражаетъ поэтамъ чужеземныхъ народовъ, а подражатель не знаетъ вдохновенія. Это ремесленникъ, копирующій чужой рисунокъ, а не самъ создавшій его. И наоборотъ, человѣкъ, не одушевляющійся

при взглядѣ на свою природу, на могилы и дѣянія своихъ предковъ, не волнуемый идеями своего времени, своей судьбы, своихъ согражданъ, есть существо слабое, себялюбивое, мѣлкое, ничтожное, ибо только собственную особу видитъ онъ во всей природѣ, во всемъ мірѣ, во всемъ отечествѣ своемъ. Не впечатлѣнія предметовъ на душу свою хочетъ онъ передать намъ, а только мѣлкія требованія своего самолюбія.

Если мы зададимъ себѣ вопросъ: какое чувство преимущественно выражаютъ стихотворенія г-на Языкова? то будемъ приведены въ большое затрудненіе. Если спросимъ себя также: какія идеи господствуютъ въ звучныхъ стихахъ г-на Языкова? отвѣтъ будетъ не менѣе затруднителенъ. Но все еще скорѣе можно отыскать индивидуальность у сего поэта (ибо она должна быть, болѣе или менѣе, у всякаго пишущаго), нежели открыть какія нибудь идеи во стѣ шестнадцати напечатанныхъ его стихотвореніяхъ. Господствующее чувство у него—какая-то живость, разгульность; но воображеніе его не поражается глубоко ничѣмъ и довольствуется впечатлѣніями легонькими, поверхностными. При этомъ стихъ г-на Языкова закаленъ громомъ и огнемъ Русскаго языка. Немногіе изъ стихотворцевъ Русскихъ умѣли такъ счастливо пользоваться богатствомъ выраженій и неожиданностью оборотовъ нашего могучаго языка! Замѣтимъ, что это достоинство важно въ стихотворцѣ, а не въ поэтѣ. Конечно, поэтъ, и особенно лирическій, долженъ быть равно превосходенъ и въ наружной отдѣлкѣ, и во внутреннемъ смыслѣ своихъ произведеній; но это же самое показываетъ, что одно изъ сихъ свойствъ, безъ другаго, есть уже несовершенство. Безъ господствующаго чувства, безъ индивидуальности нѣтъ лирическаго поэта, ибо отсутствіе ин-

дивидуальности показываетъ слабость воображенія, которое у поэта должно глубоко и пламенно отражать то, что незамѣтно скользитъ по душевнымъ фибрамъ людей обыкновенныхъ. Предметы существуютъ для всѣхъ равно, но различно отражаются въ душахъ. Въ этомъ отношеніи поэтъ подобенъ зеркалу, которое ясно и вѣрно показываетъ все, что приходитъ въ оптическую точку его. Но поверхность тусклая, или слабо отполированная, представляетъ намъ всѣ предметы невѣрно и неясно: таково свойство и людей обыкновенныхъ. Напротивъ, тѣснясь въ душу поэта, всѣ впечатлѣнія становятся ясны и разительны, ибо поэтъ, такъ сказать, сосредоточиваетъ въ одинъ фокусъ разбѣгающіеся лучи и передаетъ ихъ въ семъ новомъ, преображенномъ видѣ толпѣ, жадной и готовой принимать все, чего не можетъ она создать собственными силами. Но этого-то свойства нѣтъ въ г-нѣ Языковѣ. Всѣ впечатлѣнія скользятъ по душѣ его. У него нѣтъ той индивидуальности, которая пламенѣетъ яркимъ огнемъ и отражается милліонами радужныхъ переливовъ въ стихотвореніяхъ Державина, всегда сильныхъ, разительныхъ и остающихся въ душѣ; у него нѣтъ глубины впечатлѣній Пушкина, передаваемыхъ въ образахъ ясныхъ и свѣтлыхъ, но отѣненныхъ какою-то поэтическою грустью; нѣтъ веселости, нѣтъ самозабвенія Батюшкова, прославляющаго вино и забавы не потому что они туманятъ голову, но потому что онъ узналъ непрочность и невѣрность всего подлуннаго, узналъ какъ поэтъ, и доказываетъ намъ это каждымъ своимъ стихотвореніемъ; у него нѣтъ и стремленія въ лучшій міръ, столь плѣнительнаго въ грустныхъ и веселыхъ вдохновеніяхъ Жуковскаго. Однимъ словомъ, у г-на Языкова нѣтъ впечатлѣній, которыя показали бы намъ его душу, нѣтъ

индивидуальности поэтической. Онъ говоритъ, какъ толпа современной молодежи, только сопровождаетъ слова вои звуками гармонической лиры.

Искать ли у него идей и вдохновеній народныхъ, русскихъ, или современныхъ, всемірныхъ? Трудъ будетъ напрасенъ. Г-нъ Языковъ не подражаетъ никому: въ этомъ должно отдать ему справедливость; но за то онъ глядитъ и на всѣ предметы равнодушно. Никакое событіе, никакое явленіе, никакое чудо природы не поражаетъ его. Онъ холоденъ ко всему, кромѣ немногихъ, можно сказать домашнихъ своихъ отношеній. Главный предметъ пѣснопѣній его — студенческая жизнь въ Дерптѣ. Она заставила его написать довольно посланій къ товарищамъ, къ друзьямъ, довольно описаній празднествъ и подвиговъ студенческихъ. Любовь — чувство непонятное для г-на Языкова. Онъ прославляетъ розовыя ланиты, пурпурныя уста, утѣхи любви; но любовь истинная, любовь Мицкевичей, Петраркъ, Шиллеровъ, неизвѣстна ему. Еще важный отдѣлъ занимаетъ у г-на Языкова воспоминаніе о знакомствѣ съ Пушкинымъ. Когда-то случилось Дерптскому поэту съѣздить въ Тригорское и погостить тамъ у Пушкина. Сколько вдохновенія доставили ему проведенные тамъ часы! Старая няня, завтраки, пуншъ новаго изобрѣтенія, шаткіе столики и бревенчатые мостики, словомъ, всѣ достопамятности Тригорскаго воспѣты г-мъ Языковымъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Кажется, это самое живое впечатлѣніе жизни его, передъ которымъ уничтожается даже Дерптская жизнь, хотя о ней писалъ онъ гораздо больше.

Что еще найдемъ мы у г-на Языкова? Нѣсколько альбомныхъ стихотвореній, очень милыхъ; нѣсколько поэтическихъ воспоминаній о старой Руси; нѣсколько

посланій, задумчивыхъ, прелестныхъ. Намъ кажется даже, что г. Языковъ не рожденъ быть поэтомъ веселія, хотя особенно ему жертвовалъ онъ на алтарѣ музъ. Мнѣніе сіе не покажется страннымъ, если сообразимъ, что лучшія стихотворенія его, какъ-то: «Ливонія,» «Пловецъ,» «Воспоминаніе объ А. А. Воейковой, и нѣкоторыя Элегіи, принадлежатъ не къ тѣмъ, въ которыхъ поэтъ старался выразить буйство разгула, и которыя часто приторны и несносны. Даруй Богъ, чтобы лѣта охладили прививные восторги поэта, и обратили его на истинный путь дарованія — на неподдѣльность мыслей и чувствъ.

Впрочемъ, всегдашнимъ, лучшимъ перломъ стихотвореній г-на Языкова останется выраженіе оныхъ. Въ этомъ онъ часто бываетъ прекрасенъ и плѣнителенъ. Вотъ изображеніе вечера:

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ,
Звѣздами убранный, лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей. [ч. I. с. 81.]

Какая роскошь и вѣрность въ этой картинѣ! Для противоположности, представимъ очеркъ совсѣмъ другаго рода:

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
    Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ кіевскихъ вратъ:
    Князь Игорь, его воеводы,
    Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ,
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
    Великому *бранью* и миромъ. [тамъ же.]

Эти стихи, мужествомъ своимъ напоминаютъ *Олега* Пушкинскаго. Но всего лучше у г-на Языкова порывистые, *удалые* стихи его. Приведемъ въ примѣръ маленькое посланіе *къ А. Н. Вульфу*. (Здѣсь рецензентомъ оно выписано вполнѣ, но мы ограничимся только указаніемъ страницы: см. ч. I, стр. 64.)

Мы высоко уважаемъ дарованіе г-на Языкова, и отдаемъ справедливость всѣмъ свѣтлымъ сторонамъ его поэзіи, можетъ быть болѣе нежели самые ревностные его хвалители. Но это самое уваженіе заставило насъ сказать откровенно все, что думаемъ мы о стихотвореніяхъ его, изданныхъ нынѣ въ книгѣ. Пояснивъ самый родъ поэзіи, которымъ исключительно занимается онъ, указавъ на особенныя свойства лирической поэзіи, и представивъ требованія искусства, мы искали въ его стихотвореніяхъ красотъ, замѣчая въ тоже время и недостатки. Что нашли мы? Односторонность и какую-то холодность чувства; мало индивидуальности поэтической, но за то самобытность, или лучше сказать незаимственность картинъ; мы не нашли въ немъ никакихъ глубокихъ, многообъемлющихъ идей, но замѣтили языкъ и выраженіе истинно-поэтическіе. Достоинства г-на Языкова можно выразить тремя словами: онъ поэтъ выраженія. Не у многихъ есть и это.

Кс. Полевой.

II. DORPATER JAHRBÜCHER FÜR LITERATUR, STATISTIK UND KUNST, besonders Russland's, herausgegeben von Profess. Dr. *Blum*, Dr. *Bunge*, Dr. *Goebel*, Dr. *Neue*, Dr. *Struve*, *v. d. Borg*, Dr. *Fridlaender*, Dr. *Kruse*, Dr. *Rathke*, Dr. *Walter*. 1833. 1 ч. стр. 509 — 514.

Russische schöne Literatur.

Стихотворенія Н. Языкова, d. i. Gedichte von N. Jasykow. St. Petersburg 1833. Mit dem Motto von Goethe.

Wer das Dichten will verstehen,
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

Wenn wir, bei den neuesten poetischen Produkten mancher Nationen, nur zu oft veranlasst werden, mit schmerzlichem Gefühle von der Gegenwart zu einer schöneren Vergangenheit zurückzuschauen: so gewährt es dagegen eine besondere Erquickung, bei einer in frischer Jugend aufkeimenden Litteratur zu verweilen, welche ihre Blüthenzeit erst erwartet, diese jedoch bereits ahnden lässt. Es ergreift uns da ein ähnliches Gefühl, wie im Frühlinge, wo die Hoffnung uns die Schönheiten der Zukunft im verklärten Lichte vorführt, — während auch die schönsten Tage des Herbstes unser Herz mit einer — wenn auch süssen — Wehmuth erfüllen. Noch mehr muss dies aber der Fall sein, wenn der einer jugendlichen Litteratur angehörende Dichter zugleich selbst ein jugendlicher ist: dann tritt uns aus seinen Werken ein doppelter Frühling entgegen, welcher die erheiternde Wirkung auf unser Gemüth nicht verfehlen kann.

Referent gesteht, dass ihn ein solcher Frühlingsduft erfreuend aus den vorliegenden Gedichten angeweht hat, welche für diese Jahrbücher noch ein besonderes Interesse dadurch erhalten, dass der jugendliche Verf. derselben einige Jahre der Dorpater Universität angehörte, und ihr seine höhere Bildung verdankt. Auch sind diese Gedichte grösstentheils während seines Aufenthalts in Dorpat entstanden, oder enthalten Erinnerungen an diesen Aufenthalt. Sie gehören fast durchaus zur lyrischen Gattung, und zwar ist die Mehrzahl derselben, — wie ja auch fast alle Volkslieder der nordischen Völker, besonders der Slavischen — im elegischen Tone gehalten. Aber auch gesellige

und erotische Lieder sind nicht ausgeschlossen, und einige derselben vorzüglich gelungen. Ueberhaupt sind Vaterland, Liebe, Freundschaft und das Beisammenleben fröhlicher Jugend die Gegenstände, bei denen unser Dichter am liebsten verweilt, und die er am häufigsten zum Stoff seiner poetischen Ergüsse wählt. Fast alle seine Gedichte sprechen durch eine gewisse Frische und Naivität der Empfindung an, und Ref. wüsste in der That keines derselben, das schlechthin verfehlt zu nennen wäre. Ein besonderer Reiz liegt in seiner Sprache, die sich durch Neuheit, ja Keckheit des Ausdrucks, so wie seine Versification durch seltenen Wohllaut, auszeichnet. Fügen wir nun noch hinzu, dass sich in diesen wohlklingenden Versen überall ein edler Sinn und ein für alles Schöne und Grosse begeistertes Gemüth aussprechen: so werden wir genug gesagt haben, um diese Poesien allen denen zu empfehlen, die dem Fortschreiten der Russischen Litteratur theilnehmend folgen.

Es bleibt nun noch übrig, aus den einzelnen Gedichten, welche diese Sammlung enthält, diejenigen herauszuheben, welche uns vorzüglich angezogen haben, und sodann, zum Beleg unseres Urtheils, ein Paar Proben nebst Deutschen Nachbildungen mitzutheilen, bei denen wir jedoch im Voraus um Nachsicht bitten müssen, da es uns wohl schwerlich gelungen sein dürfte, den Originalen, namentlich in Beziehung auf Wohllaut, auch nur nahe zu kommen.

Am gelungensten scheinen uns, wie wir schon oben angedeutet, die elegischen Gedichte, namentlich die Elegien Th. I. S. 32, 34, 43*; Мое уединенie (meine Einsamkeit,) S. 7; Чужбина (die Fremde), S. 13; Отъѣздъ (die Abreise), S. 126; ferner die Balladen: Олегъ (Oleg), S. 81;

* Въ статьѣ Борга указанiя на страницы поставлены нами не по изданiю 1833 г., но по новому: что принято за правило и въ другихъ статьяхъ.

Кудесникъ (der Zauberer), S. 98; und endlich das Abschiedslied S. 140. Doch gestehen wir gern, dass hierbei viel von subjectiver Auffassung und Empfindung abhängt, und wollen daher dem Urtheil Anderer über den relativen Werth irgend eines einzelnen Gedichtes hiermit keinesweges vorgegriffen haben.

Als Probe möge hier zuvörderst das vorerwähnte elegische Gedicht (S. 13) stehen, welches während des Aufenthalts unseres Dichters in Dorpat entstanden ist, und in welchem eine wehmüthige Erinnerung an die Heimath vorherrscht.

DIE FREMDE.

Wo die Wolga schimmernd wallet
Stolz an grünen Fluren hin,
Längs den Ufern widerhallet
Froher Schiffer Melodie'n;
Gleich dem Nil, dem Segenspender,
Reichthum den Gefilden theilt,
Dort sind meiner Heimath Länder,
Dorten meine Liebe weilt!

Längst bin ich von dir entwichen,
Unvergessliches Gebiet!
Unter fremden Himmelsstrichen,
Meiner Jugend Lenz verblüht.
Aber nicht im Sturm der Zeiten,
In des Lebens Lärm und Drang —
Nie entrauscht des Dichters Saiten
Ein der Heimath fremder Klang.

Du bist diesem Ort gewogen,
Freiheitsfreundinn, Muse, Du!
Legen rings Gestad' und Wogen
Unter Nebeln sich zur Ruh';
Geht, ein Schild vor Kampfes Toben,
Auf der goldne Mond so klar:

Mild begeisternd dann von oben,
Eine leichtbeschwingte Schaar,

In äther'scher Ruhe, steigen
Aus der Zauberei Revier
Träume nieder, und sie neigen
Trost verkündend sich zu mir;
Und vor meinem Blick belebt sich
Alter Tage Glanz und Lust;
Heller wird das Aug', es hebt sich
Süss erseufzend meine Brust!

Das bist du, o Heimath-Erde,
Wo das junge Leben mir
Frühlingsblüthen einst bescheerte!
Schöne Fluren, — das seid ihr!
Wo mir jedes Tages Schimmer,
Wie ein lust'ger Traum entschwand,
Wo ein jeder Tag mich immer
Glücklich liess und glücklich fand!

Hügel, Wälder, Fluren, Schlüfte,
Und ihr üpp'gen Uferhöh'n,
Und ihr alten Hügelgrüfte,
Kühner Ahnen Mausoleen, —
Die, verschont vom Sturm der Zeiten,
Ihr als Siegeszeichen steht:
Euch, mit unverstellten Saiten,
Euch begrüsset der Poet!

In der Fremd' eu'r Sänger wallet,
Einsam in der Jugend Drang,
Lange, lange nicht erschallet
Ihm der Wolgafischer Sang.
Lange schweift er hin und wieder
Durch das ferne Land voll Harm:
Lange währt es, eh' er Lieder
Singt der Freunde frohem Schwarm.

Die du Göttergluth entzündest
    In den Herzen immerdar,
Schmückend Blüthenkränze windest
    In des jungen Sängers Haar,
Komm', o Muse du der Leier,
    Freiheitfreundin, Lebens Glück!
Rufe mir in Traumes Schleier
    Die verlor'ne Zeit zurück!

Schön, o Muse der Gesänge,
    Bist du, und so theuer mir;
Von der Leidenschaft Gedränge
    Und der Welth flieh' ich zu dir.
Stolz auf deinem Antheil blick' ich;
    Du bist's, die mein Leben schönt;
Und, bin früh' versäumt vom Glück ich,
    Klag' ich nicht: mein Lied ertönt!

Zum Schluss ein Liedchen (S. 135), seiner Kürze der Popularität wegen, die es bereits erlangt hat:

LIED.

Die Flammen der Liebe, sie heben
Die Brust mir, an Wonne so reich:
Marie, die Holde, soll leben, —
Ihr Füsschen, ihr Händchen zugleich!
Wie Morgens hellrosiges Prangen,
Wie schimmernder Schnee auf den Au'n,
Sind ihre jungfräulichen Wangen,
Der Sammet des Busens zu schau'n.
Wie nächtlicher Sterne Geflimmer,
Wie lockender Nachtigallsang —
Der Augen entzückender Schimmer,
Der Stimme bezaubernder Klang.
Beglückt, wer im Traum sie umschlossen,
Und träumend sein Mädchen sie nennt;
Beglückter, als Edens Genossen,
Ist der ihr gefällt, der Student!

C. v. d. Borg.

III. Телескопъ, изд. Н. И. Надеждинымъ. 1834 № 3, 4.

О стихотвореніяхъ г. Языкова *.

Тому два года, французскій журналъ Преній торжественно объявилъ Европѣ, что въ Россіи скончался одинъ изъ первокласныхъ ея поэтовъ г. *Державинъ.*— Въ концѣ прошедшаго года издано во Франціи Собраніе русскихъ повѣстей, выбранныхъ изъ *Булгарина, Карамзина и другихъ* (Le Conteur Russe, par Bulgarine, Karamsin et autres....)

Скажите, что страннѣе: говорить о русской литературѣ, не зная Державина, или ставить вмѣстѣ имена Булгарина, Карамзина и *другихъ?* Который изъ двухъ примѣровъ доказываетъ бóльшее незнаніе нашей словесности?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, надобно имѣть особенно тонкую проницательность, которою я не смѣю гордиться, и потому предоставляю это дѣло моимъ читателямъ. Но во всякомъ случаѣ кажется мнѣ несомнѣннымъ одно, что Русская литература извѣстна во Франціи почти столькожъ, сколько Персидская или Татарская.

И мысль, что ни одна тѣнь нашей мысли, ни одинъ звукъ нашего голоса не дойдутъ до народовъ образованныхъ,— это тяжелая мысль; и кромѣ грусти, она

---

* Изд. получилъ сію статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Если вы найдете статью мою достойною помѣщенія въ вашемъ журналѣ, то прошу васъ напечатать ее безъ примѣчаній; это будетъ вамъ тѣмъ легче, что говоря о литературѣ прошедшаго года, вы, вѣроятно, скоро должны будете изложить свое мнѣніе о Языковѣ и, слѣдовательно, читатели ваши не припишутъ вамъ тѣхъ мыслей изъ моей статьи, съ которыми, можетъ быть, вы не согласны.

Имѣю честь и пр.

Y — z.

должна имѣть еще другое вредное вліяніе на нашихъ писателей. Литераторъ нашъ невольно стѣсняетъ кругъ своей умственной дѣятельности, думая о своихъ читателяхъ, между тѣмъ какъ писатель французскій, при мысли о печатаніи, разширяетъ свои понятія; ибо при каждомъ счастливомъ движеніи ума, при каждомъ чувствѣ поэтически самобытномъ, при каждомъ словѣ удачно сказанномъ — является ему надежда, вдохновительная надежда на сочувствіе со всѣмъ, что въ мірѣ есть просвѣщеннаго и славнаго.

Вотъ почему каждое покушеніе познакомить образованныхъ иностранцевъ съ нашею словесностью должно встрѣчать въ насъ отзывъ благодарности и возможно вѣрную оцѣнку.

Но между всѣми переводчиками съ Русскаго языка три особенно замѣчательны удачею своихъ переводовъ: ***Баурингъ***, который одинъ изъ трехъ былъ оцѣненъ и можетъ-быть даже перецѣненъ иностранными и русскими критиками; ***Карлъ фонъ деръ Боргъ***, котораго переводы имѣютъ безъ сравненія бо̀льшее достоинство, но который не смотря на то извѣстенъ весьма немногимъ и еще ни въ одномъ журналѣ не нашелъ себѣ справедливаго суда; и наконецъ ***Каролина фонъ Янишъ***, которой замѣчательная книга явилась на послѣдней Лейпцигской ярмаркѣ и обнаруживаетъ, кажется, талантъ еще превосходнѣйшій *.

Но, какъ ни утѣшительно это начало дружескаго сближенія нашей словесности съ литературою Нѣмецкою, признаюсь, однако, что мнѣ было больше досадно, чѣмъ пріятно видѣть, какъ одного изъ первокласныхъ

* Das Nordlicht, Proben der neueren russischen Literatur, von ***Caroline*** von ***Janisch.***

поэтовъ нашихъ лучше всѣхъ русскихъ понялъ и оцѣнилъ — писатель нѣмецкій!

Г. фонъ деръ Боргъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ Дерптскихъ Лѣтописей * въ нѣсколькихъ строчкахъ сказалъ больше справедливаго о сочиненіяхъ Языкова, нежели сколько было сказано о нихъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ и не періодическихъ изданіяхъ. Впрочемъ и то правда, что до сихъ поръ у насъ еще не говорили объ Языковѣ, а только вскрикивали. Одинъ Телеграфъ высказалъ свое мнѣніе, и тотъ, судя о Языковѣ, не былъ, кажется, свободенъ отъ такихъ предубѣжденій, съ которыми истина не всегда уживается.

При началѣ статьи своей г. фонъ деръ Боргъ жалуется на тяжелое чувство, которое возбуждаютъ въ немъ новѣйшія поэтическія произведенія Европы и при этомъ случаѣ говоритъ о томъ утѣшеніи, которое доставляетъ ему созерцаніе *Литературы свѣжей, юношеской, которая еще не достигла времени своего полнаго процвѣтанія, но уже даетъ его предчувствовать.*

Кто не раздѣлитъ съ г. Боргомъ того ощущенія, которое возбуждаетъ въ немъ современная поэзія Европы? но что касается до особеннаго утѣшенія, которое доставляетъ ему литература русская, то въ этомъ случаѣ — почему намъ не повѣрить г. Боргу на слово? можетъ-быть со стороны такъ и должно казаться.

«Это утѣшительное чувство, продолжаетъ г. Боргъ, «похоже на то, которое возбуждаетъ въ насъ весна, «когда надежда еще рисуетъ намъ будущее въ лучшемъ свѣтѣ, — между тѣмъ какъ самые прекрасные «дни осени внушаютъ невольную грусть... Когда же «поэтъ, принадлежащій юношеской литературѣ, самъ

* Dorpater Jahrbücher für Literatur. Statistik und Kunst. См. н. изд. стр. XXI — XXVIII.

«еще находится въ порѣ юности и надежды, тогда изъ «созданій его навѣваетъ намъ двойною весною, такъ, «что ея дѣйствіе на душу становится уже неотразимымъ.

«Такое дыханіе весны встрѣтилъ я въ сочиненіяхъ «Языкова, которыя для Дерптскихъ Лѣтописей имѣютъ «еще тотъ особенный интересъ, что молодой поэтъ «нѣсколько лѣтъ принадлежалъ Дерптскому Универси«тету и ему обязанъ своимъ высшимъ образованіемъ. «Къ тому же и стихотворенія его написаны бо̀льшею «частію во время его жизни въ Дерптѣ, или наполнены «воспоминаньями объ этой жизни. Онѣ принадлежатъ «почти исключительно лирическому роду и бо̀льшею «частію сложены въ тонѣ элегическомъ.... Впрочемъ «и застольныя и эротическія пѣсни не исключены изъ «собранія, и многія изъ нихъ особенно счастливы. Оте«чество, любовь, дружба и братское житье веселыхъ «юношей-товарищей — вотъ любимые предметы поэта. «Вообще стихи его плѣняютъ какою-то свѣжестью и «простодушіемъ, и врядъ ли есть одно стихотвореніе, «которое бы можно было назвать неудавшимся. Но осо«бенная прелесть заключена въ его языкѣ, отличаю«щемся силою, новостью и часто дерзостью выраженій, «между тѣмъ какъ стихъ его исполненъ самой рѣдкой «благозвучности. Если же мы прибавимъ къ сказанному «еще то, что въ этихъ гармоническихъ стихахъ выра«жается чувство всегда благородное, душа вся проник«нутая любовью къ прекрасному и великому, то конеч«но возбудимъ любопытство всѣхъ, принимающихъ уча«стіе въ успѣхахъ Русской Словесности *.

---

* Въ подтвержденіе своихъ словъ г. ф. д. Боргъ приводитъ нѣсколько (??) стихотвореній Языкова вмѣстѣ съ своимъ переводомъ Переписываемъ одно изъ нихъ Die Fremde — Чужбина

Таково мнѣніе г. Борга. Оно показалось намъ особенно замѣчательнымъ въ томъ отношеніи, что изо всѣхъ рецензентовъ Языкова до сихъ поръ, одинъ онъ постигнулъ поэтическую и нравственную сторону тѣхъ изъ стихотвореній поэта, которыя у насъ навлекли ему столько странныхъ упрековъ.

Слыша безпрестанные упреки Языкову, я всегда вспоминаю одного русскаго барина, который ѣздилъ *отдавать* своего сына въ какой-то нѣмецкій университетъ; но встрѣтивъ на улицѣ студента безъ галстука и съ длинными волосами, тотчасъ же понялъ изъ этаго всю безнравственность нѣмецкихъ университетовъ и возвратился домой воспитывать своего сына въ Саратовѣ.

Вообще многіе изъ насъ еще сохранили несчастную старообрядческую привычку: судить о нравственности болѣе по наружному благочинію, чѣмъ по внутреннему достоинству поступка и мысли. Мы часто считаемъ людьми нравственными тѣхъ, которые не нарушаютъ приличій, хотя бы впрочемъ жизнь ихъ была самая ничтожная, хотя бы душа ихъ была лишена всякаго стремленія къ добру и красотѣ. Если вамъ случалось встрѣчать человѣка согрѣтаго чувствами возвышенными, но одареннаго при томъ сильными страстями, то вспомните и сочтите: сколько нашлось людей, которые поняли въ немъ красоту души, и сколько такихъ, которые замѣтили одни заблужденія.

(*которое мы здѣсь опускаемъ, какъ уже напечатанное выше въ ст. Борга стр.* XXXIV), чтобы тѣ изъ нашихъ читателей, которые не знаютъ переводовъ г-на Борга, могли судить о его талантѣ въ самомъ трудномъ испытаніи, которое когда либо предстояло переводчику; ибо изо всѣхъ новѣйшихъ поэтовъ, Языковъ можетъ быть самый непереводимый. *Примѣч. автора статьи.*

Странно, но правда, что для хорошей репутаціи у насъ лучше совсѣмъ не дѣйствовать, чѣмъ иногда ошибаться, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ, скажите: есть ли на свѣтѣ что-нибудь безнравственнѣе равнодушія?

Конечно, я повторяю здѣсь мысли старыя, всѣмъ извѣстныя; но почему не повторять иногда старой истины? Есть мысли, которыя всякой знаетъ, но только въ теоріи; чтобы понимать ихъ въ ежедневномъ примѣненіи, для этого, кромѣ *просвѣщенія умственнаго*, нужна еще *просвѣщенная жизнь*, устроенная посреди просвѣщеннаго общества, гдѣ мысли, изъ отвлеченнаго умозаключенія обратились въ непримѣтную привычку: до тѣхъ поръ истина еще не пошлость.

Вотъ почему нѣмецкій ученый, отличающійся самою щекотливою чопорностью, скорѣе пойметъ нравственность стиховъ Языкова, чѣмъ многіе изъ самыхъ снисходительныхъ его русскихъ читателей.

А между тѣмъ, если мы безпристрастно вникнемъ въ его поэзію, то не только найдемъ ее не безнравственною, но врядъ ли даже насчитаемъ у насъ многихъ поэтовъ, которые могли бы похвалиться бо̀льшею чистотою и возвышенностью. Правда: онъ воспѣваетъ вино и безъименныхъ красавицъ, но упрекать ли его за то, что тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на другихъ нестройно, внушаютъ ему гимны поэтическіе? — Правда: пьянство есть вещь унизительная и гадкая; но если найдется человѣкъ, на котораго вино дѣйствуетъ иначе, то вмѣсто безнравственности, не будетъ ли это напротивъ доказательствомъ особенной чистоты и гармоніи его души? — Положимъ, что на васъ производятъ дѣйствіе чистое и поэтическое только весна, цвѣты и музыка, а все другое, что возбуждаетъ ваши

нервы, внушаетъ вамъ мысли нечистыя, — въ этомъ случаѣ вы хорошо дѣлаете, воздерживаясь отъ всего возбудительнаго. Однако это не должно мѣшать вамъ быть справедливыми къ другимъ. И виноватъ ли Языковъ, что тѣ предметы, которые на душѣ другихъ оставляютъ слѣды грязи, на его душѣ оставляютъ перлы поэзіи, перлы драгоцѣнные, огнистые, круглые?

Изберите самыя предосудительныя по вашему мнѣнію изъ напечатанныхъ стихотвореній Языкова (ибо о ненапечатанныхъ, какъ о непризнанныхъ, мы не имѣемъ права судить) и скажите откровенно: производятъ ли они на васъ вліяніе нечистое?

Когда Анакреонъ воспѣваетъ вино и красавицъ, я вижу въ немъ веселаго сластолюбца; когда Державинъ славитъ сладострастіе, я вижу въ немъ минуту нравственной слабости: но, признаюсь, въ Языковѣ я не вижу ни слабости, ни собственно сластолюбія; ибо гдѣ у другихъ минута безсилія, тамъ у него избытокъ силъ; гдѣ у другихъ простое влеченіе, тамъ у Языкова восторгъ, а гдѣ истинный восторгъ, и музыка, и вдохновеніе — тамъ пусть другіе ищутъ низкаго и грязнаго; для меня восторгъ и грязь кажется такимъ же противорѣчіемъ, какимъ огонь и холодъ, красота и безобразіе, поэзія и вялый эгоизмъ.

Впрочемъ судить такимъ образомъ о сочиненіяхъ Языкова могли бы мы только въ такомъ случаѣ, когда бы изо всѣхъ стихотвореній его мы знали одни застольныя и эротическія. Но если при всемъ сказанномъ мы сообразимъ еще то, что можетъ-быть нѣтъ поэта, глубже и сильнѣе проникнутаго любовью къ отечеству, къ славѣ и поэзіи; что можетъ-быть нѣтъ художника, который бы ощущалъ болѣе святое благоговѣніе передъ красотою и вдохновеніемъ, то тогда всѣ упреки

въ безнравственности покажутся намъ странными до комическаго, и намъ даже трудно будетъ отвѣчать на нихъ, ибо мудрено будетъ понять ихъ возможность.

Но довольно. Уже слишкомъ много останавливались мы на предметѣ и безъ того слишкомъ ясномъ. Есть предубѣжденія, которыя не признаютъ и очевидности; есть близорукость, которой не поможетъ никакой телескопъ. Мы пишемъ для людей зрячихъ и безпристрастныхъ.

Стихотворенія Языкова внушаютъ намъ другой вопросъ, болѣе дѣльный и болѣе любопытный, и въ этомъ случаѣ особенно желалъ бы я найдти сочувствіе моихъ читателей.

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ ѳиміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.

Дѣло критики при разборѣ стихотворцевъ заключается обыкновенно въ томъ, чтобы опредѣлить степень и особенность ихъ таланта, оцѣнить ихъ вкусъ и направленіе и показать, сколько можно, красоты и недостатки ихъ произведеній. Дѣло трудное, иногда любопытное, часто безполезное и, почти всегда, неудовлетворительное, хотя и основано на законахъ положительныхъ.

Но когда является поэтъ оригинальный, открывающій новую область въ мірѣ прекраснаго, и прибавляющій такимъ образомъ новый элементъ къ поэтической жизни своего народа, — тогда обязанность критики измѣняется. Вопросъ о достоинствѣ художественномъ становится уже вопросомъ второстепеннымъ; даже вопросъ о талантѣ является неглавнымъ; но мысль, одушевляв-

шая поэта, получаетъ интересъ самобытный, философическій; и лице его становится идеею, и его созданія становятся прозрачными, такъ что мы не столько смотримъ *на нихъ*, сколько *сквозь нихъ*, какъ сквозь открытое окно стараемся разсмотрѣть самую внутренность новаго храма и въ немъ божество, его освящающее.

Отъ того, входя въ мастерскую живописца обыкновеннаго, мы можемъ удивляться его искусству; но предъ картиною художника творческаго забываемъ искусство, стараясь понять мысль, въ ней выраженную, постигнуть чувство, зародившее эту мысль, и прожить въ воображеніи то состояніе души, при которомъ она исполнена. — Впрочемъ и это послѣднее сочувствіе съ художникомъ свойственно однимъ художникамъ же; но вообще люди сочувствуютъ съ нимъ только въ томъ, что въ немъ чисто человѣческаго: съ его любовью, съ его тоской, съ его восторгами, съ его мечтою-утѣшительницею. однимъ словомъ, съ тѣмъ, что происходитъ внутри его сердца, не заботясь о событіяхъ его мастерской.

Такимъ образомъ на нѣкоторой степени совершенства искусство само себя уничтожаетъ, обращаясь въ мысль, превращаясь въ душу.

Но эта душа изящныхъ созданій, — душа нѣжная, музыкальная, которая трепещетъ въ звукахъ и дышитъ въ краскахъ, — неуловима для разума. Понять ее можетъ только другая душа, ею проникнутая. Вотъ почему критика произведеній образцовыхъ должна быть не столько судомъ, сколько простымъ свидѣтельствомъ: ибо зависитъ отъ личности, и потому можетъ быть произвольною, и основана на сочувствіи, и потому должна быть пристрастною.

Что же дѣлать критикамъ систематическимъ, которые хотятъ доказывать красоту и заставляютъ васъ

наслаждаться по правиламъ, указывая на то, что̀ хорошо, и на то, что̀ дурно? — Имъ въ утѣшеніе остаются произведенія обыкновенныя, для которыхъ есть законы положительные, ясные, неподлежащіе произвольному толкованію, — и надобно признаться, что это утѣшеніе огромное; ибо въ литературѣ каждаго народа встрѣчаете вы немногихъ поэтовъ-двигателей, тогда какъ всѣ другіе только слѣдуютъ данному ими направленію, подлежа критикѣ однимъ искусствомъ исполненія, но не душою созданія.

Нѣсколько свѣтильниковъ, окруженныхъ тысячью разбитыхъ зеркальныхъ кусковъ, гдѣ тысячу разъ повторяется одно и тоже, — вотъ образъ литературы самыхъ просвѣщенныхъ народовъ. Сколько же пріятныхъ занятій для того, кто захочетъ исчислять всѣ углы отраженій свѣта на этихъ зеркальныхъ обломкахъ!

Но если вообще то, что мы называемъ *душою искусства*, не можетъ быть доказано посредствомъ математическихъ доводовъ, но должно быть прямо понято сердцемъ, либо просто принято на вѣру, — то еще менѣе можно требовать доказательствъ строго-математическихъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о поэтѣ молодомъ, котораго произведенія хотя и носятъ на себѣ признаки поэзіи оригинальной, но далеко еще не представляютъ ея полнаго развитія.

Вотъ почему, стараясь разрѣшить вопросъ о томъ: что̀ составляетъ характеръ поэзіи Языкова, мнѣ особенно необходимо сочувствіе моихъ читателей; ибо оно одно можетъ служить оправданіемъ для мыслей, основанныхъ единственно на внушеніяхъ сердца и частію даже на его догадкахъ.

Мнѣ кажется, — и я повторяю, что мое мнѣніе происходитъ изъ одного индивидуальнаго впечатлѣнія, —

мнѣ кажется, что средоточіемъ поэзіи Языкова служитъ то чувство, которое я не умѣю опредѣлить иначе, какъ назвавъ его *стремленіемъ къ душевному простору.* — Это стремленіе замѣтно почти во всѣхъ мечтахъ поэта, отражается почти на всѣхъ его чувствахъ, и можетъ быть даже, что изъ него могутъ быть выведены всѣ особенности и пристрастія его поэтическихъ вдохновеній.

Если мы вникнемъ въ то впечатлѣніе, которое производитъ на насъ его поэзія, то увидимъ, что она дѣйствуетъ на душу какъ вино, имъ воспѣваемое, какъ какое-то волшебное вино, отъ котораго жизнь двоится въ глазахъ нашихъ: одна жизнь является намъ тѣсною, мелкою, вседневною; другая праздничною, поэтическою, просторною. Первая угнетаетъ душу; вторая освобождаетъ ее, возвышаетъ и наполняетъ восторгомъ. И между сими двумя существованіями лежитъ явная, бездонная пропасть; но черезъ эту пропасть судьба бросила нѣсколько живыхъ мостовъ, по которымъ душа переходитъ изъ одной жизни въ другую: это любовь, это слава, дружба, вино, мысль объ отечествѣ, мысль о поэзіи, и наконецъ тѣ минуты безотчетнаго, разгульнаго веселья, когда собственные звуки сердца заглушаютъ ему голосъ окружающаго міра, — звуки, которыми сердце обязано собственной молодости болѣе, чѣмъ случайному предмету, ихъ возбудившему.

Но не одна жизнь, и сама поэзія съ этой точки зрѣнія является намъ вдвойнѣ: сначала какъ пророчество, какъ сердечная догадка, потомъ какъ исторія, какъ сердечное воспоминаніе о лучшихъ минутахъ души. Въ первомъ случаѣ она увлекаетъ въ міръ неземной; во второмъ она изъ дѣйствительной жизни извлекаетъ тѣ мгновенія, когда два міра прикасались другъ друга.

и передаетъ сіи мгновенія, какъ вѣрное, чистое зеркало. Но и та и другая имѣютъ одно начало, одинъ источникъ, и вотъ почему намъ не странно въ сочиненіяхъ Языкова встрѣтить веселую застольную пѣснь подлѣ святой молитвы, и отблескъ разгульной жизни студента подлѣ высокаго псалма. Напротивъ: при самыхъ разнородныхъ предметахъ лира Языкова всегда остается вѣрною своему вѣрному тону, такъ что всѣ стихи его, вмѣстѣ взятые, кажутся искрами одного огня, блестящими отрывками одной поэмы, недосказанной, разорванной, но которой цѣлость и стройность понятна изъ частей. Такъ иногда въ немногихъ поступкахъ человѣка съ характеромъ открывается намъ вся исторія его жизни.

Но именно потому, что господствующій идеалъ Языкова есть праздникъ сердца, просторъ души и жизни, потому господствующее чувство его поэзіи есть какой-то электрическій восторгъ; а господствующій тонъ его стиховъ — какая-то звучная торжественность.

Эта звучная торжественность, соединенная съ мужественною силою, эта роскошь, этотъ блескъ и раздолье, эта кипучесть и звонкость, эта пышность и великолѣпіе языка, украшенныя, проникнутыя изяществомъ вкуса и граціи, — вотъ отличительная прелесть и вмѣстѣ особенное клеймо стиха Языкова. Даже тамъ, гдѣ всего менѣе выражается господствующій духъ его поэзіи, нельзя не узнать его стиховъ по особенной гармоніи и яркости звуковъ, принадлежащихъ его лирѣ исключительно.

Но эта особенность, такъ рѣзко отличающая его стихъ отъ другихъ русскихъ стиховъ, становится еще замѣтнѣе, когда мы сличаемъ его съ поэтами иностранными. И въ этомъ случаѣ особенно счастливъ Языковъ

тѣмъ, что главное отличіе его слова есть вмѣстѣ и главное отличіе Русскаго языка. Ибо если языкъ Итальянскій можетъ спорить съ нашимъ въ гармоніи вообще, то конечно уступитъ ему въ мужественной звучности, въ великолѣпіи и торжественности, — и слѣдовательно поэтъ, котораго стихъ превосходитъ всѣ русскіе стихи именно тѣмъ, чѣмъ языкъ Русскій превосходитъ другіе языки, — становится въ этомъ отношеніи поэтомъ — образцомъ не для одной Россіи.

Но сія наружная особенность стиховъ Языкова потому только и могла развиться до такой степени совершенства, что она, какъ мы уже замѣтили, служитъ необходимымъ выраженіемъ внутренней особенности его поэзіи: это не просто тѣло, въ которое вдохнули душу, — но душа, которая приняла очевидность тѣла.

Любопытно наблюдать, читая Языкова, какъ господствующее направленіе его поэзіи оставляетъ слѣды свои на каждомъ чувствѣ поэта, и какъ всѣ предметы, его окружающіе, отзываются ему тѣмъже отголоскомъ. Я не представляю примѣровъ потому, что для этого надобно бы было переписать все собраніе его стихотвореній; напомню только выраженіе того чувства, которое всего чаще воспѣвается поэтами и потому всего яснѣе можетъ показать ихъ особенность:

. . . .
А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи, — какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы,
. . . .
И радостно во имя божества
Сбирались въ хоръ созвучныя слова!
Какъ ѳиміамъ, горѣло вдохновенье!

Не знаю, успѣлъ ли я выразить ясно мои мысли, говоря о господствующемъ направленіи Языкова; но если я былъ столько счастливъ, что читатели мои раздѣлили мое мнѣніе, то мнѣ не нужно продолжать болѣе. Опредѣливъ характеръ поэзіи, мы опредѣлили все: ибо въ немъ заключаются и ея особенныя красоты и ея особенные недостатки. Но пусть кто хочетъ пріискиваетъ для нихъ соотвѣтственные разряды и названія, — я умѣю только наслаждаться и, признаюсь, слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы играть словами безъ цѣли, и столько ожидаю отъ Языкова въ будущемъ, что не могу въ настоящихъ недостаткахъ его видѣть что-либо существенное.

Теперь, судя по нѣкоторымъ стихотвореніямъ его собранія, кажется, что для поэзіи его уже занялась заря новой эпохи. Вѣроятно поэтъ, проникнувъ глубже въ жизнь и дѣйствительность, разовьетъ идеалъ свой до *большей существенности*. По крайней мѣрѣ надежда принадлежитъ къ числу тѣхъ чувствъ, которыя всего сильнѣе возбуждаются его стихотвореніями, — и если бы поэзіи его суждено было остаться навсегда въ томъ кругу мечтательности, въ какомъ она заключалась до сихъ поръ, то мы бы упрекнули въ этомъ судьбу, которая, даровавъ намъ поэта, послала его въ міръ слишкомъ рано или слишкомъ поздо для полнаго могучаго дѣйствованія; ибо въ наше время всѣ важнѣйшіе вопросы бытія и успѣхи таятся въ опытахъ дѣйствительности и въ сочувствіи съ жизнію обще-человѣческою, а потому поэзія, не проникнутая существенностью, не можетъ имѣть вліянія довольно обширнаго на людей, ни довольно глубокаго на человѣка.

Впрочемъ, если мы желаемъ большаго развитія для поэзіи Языкова, то это никакъ не значитъ, чтобы мы

желали ей измѣниться; напротивъ: мы повторяемъ за нимъ — и въ этомъ присоединятся къ намъ всѣ, — мы повторяемъ отъ сердца за него его молитву къ Провидѣнію:

Пусть неизмѣненъ, жизни новой
Придетъ къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!
Y — z.

IV. СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА 1833 Г. № 74.

Стихотворенія Н. Языкова. С. Петербургъ 1833.

Языковъ пользуется у насъ завидною участію: стихотворенія его въ первый разъ напечатаны отдѣльно книжкою; между-тѣмъ, кто не знаетъ Языкова? Возьмите любаго молодаго человѣка, который читалъ что либо, начните читать ему нѣкоторые изъ стиховъ Языкова, и онъ навѣрное доскажетъ вамъ остальное. И мудрено ли? У многихъ ли изъ нашихъ поэтовъ найдете вы эту возвышенность, благородство чувствованій, эту любовь къ картинамъ родной исторіи, ко всему русскому, это обиліе кипучихъ мыслей, выраженныхъ языкомъ сильнымъ, оригинальнымъ, гармоническимъ? У кого изъ русскихъ поэтовъ замѣтите вы это необычайное искусство въ расположеніи цѣлыхъ пьесъ, въ которыхъ мысль льется живымъ потокомъ, не стѣсняясь берегами риѳмы, въ которыхъ періоды развиваются стройными рядами въ стихахъ, не сцѣпляющихся окончаніями? Языкову дѣлаютъ странный упрекъ: говорятъ, что онъ однообразенъ. Мало ли композиторовъ, которые пишутъ почти всегда съ одного тона? Дѣло въ томъ, каково онъ пишетъ. Притомъ, посмотрите изданныя нынѣ стихотворенія Языкова: замѣтите ли вы въ

нихъ это однообразіе? Чтобы оправдать похвалы наши (въ которыхъ мы не исчислимъ и половины качествъ нашего поэта, и которыя, впрочемъ, не встрѣтятъ большаго противорѣчія), мы бы хотѣли выписать все хорошее, но положеніе о литературной собственности запрещаетъ перепечатывать цѣлыя книги.

Но мы погрѣшили бы передъ нашими читателями, если бы не полакомили ихъ хотя чѣмъ-нибудь. Вотъ одна изъ его пьесъ, доселѣ ненапечатанныхъ, въ которой, по нашему мнѣнію, видны почти всѣ характеристическія черты автора: «Пловецъ»*.

Нужно ли указывать пальцемъ на прелести этого восхитительнаго стихотворенія? Нѣтъ, мы предоставляемъ нашимъ читателямъ разсмотрѣть ихъ поближе. (Послѣ этихъ строкъ выписано стихотвореніе «Молитва», см. наше изд. стр. 36. ч. I).

Музыка, исполненная мысли и гармоніи! Больно досадно, что мы должны ограничиться этими выписками, что мы не можемъ, въ нашей тѣсной рамкѣ, изобразить Языкова такимъ, какимъ онъ намъ кажется; но теперь покуда довольно, а тамъ.....

Примѣчаніе для любопытныхъ. Литеры Д. М. С., поставленныя подъ стихотвореніями Языкова, означаютъ три мѣста его жительства: Дерптъ, Москву, Симбирскъ.

Изданіе этой книги прелестно: можно сказать рѣшительно, что ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не былъ изданъ такъ хорошо и не продавался такъ дешево: это дѣлаетъ честь вкусу издателя и безкорыстію автора.

---

* Пieса выписана сполна, которую перепечатывать здѣсь мы считаемъ излишнимъ, но указываемъ только страницу нашего изданія. См. ч. II, стр. 14.

V. LITERARISCHE BILDER AUS RUSSLAND. HERAUSGEGEBEN VON KŒNIG 1837, CTP. 164—167.

Jasykow.

Dieser Dichter ist einigermassen der umgekehrte Delwig; wenn dieser deutsche Baron sich zum russischen Dichter bildete, so hat sich der russische Bojarensohn Jasykow zum deutschen Studenten umgewandelt und Studentenlieder gedichtet. In Simbirsk — der Geburtsstadt Karamsins und Dmitrijews — geboren, ist er nach Dorpat gezogen, und hier als Student jahrelang geblieben. Er gehört als der Jüngste diesem Dichter-Cyklus an, und kann hinsichtlich des Volksthümlichen so wie der Poesie der Sprache und des Ausdrucks als Schlussstein dieser Periode angesehen werden. Jasyk bedeutet im Russischen Zunge und Sprache, so dass dieses Dichters Name Symbol seiner Poesie ist. Denn man darf wohl sagen, Jasykow habe zuerst die volle Pracht und das Grandiose der russischen Sprache entdeckt. Darin, wie schon manche sachkundigen Kritiker in Russlands selbst in deutscher Sprache bemerkt haben, hat er als lyrischer Dichter, vielleicht auch in keiner andern Literatur, seines Gleichen; worin ihn freilich das Eigenthümliche der russischen Sprache unterstützt. — In vielen Wortbildungen, Klängen und Rhythmen erinnert er an den verstorbenen Grafen Platen, nur dass Jasykow solche Bildungen nicht in ausländischen Formen, sondern in ganz volksthümlichen anwendet. Platens «weltumsegelnde Gedanken» ist z. B. ein recht Jasykow'scher Ausdruck. Ein ganzes Bild in einem einzigen Worte zu geben, darin hat die russische Sprache eine Verwandschaft mit der orientalischen.

Jasykow ist ein reiner Lyriker. Erzählende Gedichte

sind ihm bis jetzt wenig gelungen, und den früheren Gedanken, ein Drama zu schreiben, hat er selber aufgegeben. Dafür ist er im Gebiet des Lyrischen unendlich reich. Von Studenten- und bachischen Liedern oder von seinen Elegien erhebt er sich zu den erhabensten Psalmen und Hymnen. Er ist religiös; aber nicht wie Derschavin orthodox-philosophirend, sondern, mit Uebergehung alles Dogmatischen, biblisch erhaben und bildlich und zugleich mohammedanisch orientalisch. — Jetzt, so viel bekannt, vollendet er die Bearbeitung eines in Russland sehr populären Mährchens von italienischen Ursprung, — des «Glutvogels», einer Art russischen Phönix. Bei Jasykows Phantasie und Talent für halb südliche, halb russische Sage, lässt sich von diesem Versuche in einer ihm neuen Gattung das Beste hoffen.

Jasykow hat, wie Delwig, ein phlegmatisches Ansehen. Wenn man ihn im Studentenkittel, mit einer Pfeife im Munde, sitzen sieht, so nimmt man ihn eher für einen deutschen Studenten, als für einen russischen Bojahrensohn. Hinter seinem Aeussern, besonders in den ruhigen Augenblicken, sucht man auch durchaus nichts Lyrisches, besonders nichts von seinen aufstürmenden — soll man sagen — Donnerwetter-Gesängen. Wenn er jedoch begeistert, und mit einem Pokal Champagner in der Hand, seine schönen Gedichte eben so schön und eigenthümlich vorliest, mit dem Kranze geschmückt, den ihm seine Freunde auf die Stirne drücken, so erinnert er in solchen Augenblicken seinem ganzen Aussehen nach an den bekränzten Gott Dionysos.

Seine Gedichte sind in den Dorpater Jahrbüchern von einem dortigen deutschen Professor würdig und geistreich beurtheilt, einige auch, von dem Kritiker übersetzt, als Proben der Rezension beigegeben worden. Jasykows Aufent-

halt in Moskau, wo er seit einigen Jahren von Zeit zu Zeit lebt, hat das Volksthümliche in ihm noch mehr entwickelt. Der Anblick des Kremls, dieses Palladium Russlands, den er so schön besungen, so wie andere Erinnerungen der Vorzeit nähren seine Begeisterung. Jung, wie er ist, mit noch nicht ganz entfalteten Gaben, gibt Jasykow die schönsten Hoffnungen, und kann als Uebergang zur jüngern Dichterperiode betrachtet werden.

VI. ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ, ИЗД. А. КРАЕВСКИМЪ. 1845, № 1.

Русская литература въ 1844 году.

Стихотворенія гг. Языкова и Хомякова вышли въ маленькихъ книжкахъ, обѣ съ оригинальнымъ титуломъ: «н҃ѕ Стихотвореній Н. М. Языкова» — «к҃е Стихотвореній А. С. Хомякова». Заглавіе по счету стихотвореній, счетъ славянскими цыфрами, киноварью оттиснутыми! Оригинально, хотя и некрасиво! Въ одной книжкѣ 56, въ другой 25 стихотвореній: хорошаго по-немножку!... Начнемъ съ *пятидесяти шести;* но прежде скажемъ нѣсколько словъ о томъ времени, когда этихъ стихотвореній было написано цѣлыхъ *сто шестнадцать*...

Это было необыкновенно-оригинальное время, читатели! Даже сочиненія самого Пушкина, написанныя въ это время, большею частію весьма-рѣзко отличаются отъ его же сочиненій, написанныхъ послѣ. Но Пушкинъ смѣло перешагнулъ черезъ границу и своихъ тридцати лѣтъ, по поводу которыхъ онъ такъ поэтически распрощался съ своею юностью въ VI-й главѣ *Онѣгина*, вышедшей въ 1828 году, и черезъ границу критическихъ для русской литературы тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Но онъ перешагнулъ черезъ нихъ,

болѣе посредствомъ своего огромнаго художническаго таланта, нежели сознательной мысли. На первыхъ его сочиненіяхъ, не смотря на все прéвосходство ихъ передъ опытами другихъ поэтовъ его эпохи, слишкомъ замѣтенъ отпечатокъ этой эпохи. Поэтому, не удивительно, что Пушкинъ видѣлъ вокругъ себя все геніевъ, да талантовъ. Вотъ почему онъ такъ охотно упоминалъ въ своихъ стихахъ о сочиненіяхъ близкихъ къ нему людей, и даже въ особыхъ стихотвореніяхъ превозносилъ ихъ поэтическія заслуги:

Тамъ *нашъ* Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой...

Увы! гдѣ же этотъ величавый геній Корнеля, воскрешенный на русскомъ театрѣ г. Катенинымъ? — объ этомъ ровно ничего не знаемъ ни мы, ни русская публика... Гдѣ шумный рой комедій? — разлетѣлся, разсѣялся и — забытъ! Кто не помнитъ гекзаметровъ Пушкина, въ которыхъ онъ говоритъ, что Дельвигъ возрастилъ на снѣгахъ ѳеокритовы нѣжныя розы, въ желѣзномъ вѣкѣ угадалъ золотой, — что онъ, молодой *Славянинъ*, духомъ Грекъ, а родомъ Германецъ! Или кто не знаетъ этихъ стиховъ къ Баратынскому, на счетъ его *Эды:*

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ.
Твоя Чухоночка, *ей-ей,*
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ — прямой Чухонецъ.

Кáкъ не сказать, что если всѣ безпрекословно согласятся съ послѣднимъ стихомъ, то едва ли кто согласится съ третьимъ и четвертымъ? Но, чтобъ пока-

зать дѣло во всей ясности, выпишемъ посланіе Пушкина къ г. Языкову:

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье *удалое?*
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое *буйство молодое!*
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Иппокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится *хмѣльною брагой;*
Она *разымчива*, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Слiянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ *жаждою свободной*
Открытый въ наши времена.

Это было писано въ лѣто отъ Р. Х. 1826-е, — и тогда намъ, какъ и всѣмъ, очень нравилось, а теперь мы, какъ и всѣ, спрашиваемъ самихъ себя: неужели это намъ нравилось? Что такое: *удалое посланіе*, и почему же это только *удалое*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не *ухарское*, не *забубенное?* Что такое — *буйство молодое?* — Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» слова: *буй* и *буесть* употреблены въ смыслѣ *храбрый*, *сильный*, *храбрость*, *богатырство*; но въ наше время *буйство* означаетъ только ту добродѣтель, за которую сажаютъ въ тюрьму. И потомъ: что̀ за эпитетъ — *молодое* буйство? *Хмѣльная брага* — напитокъ, который сами наши поэты, замѣняли или англійскимъ портеромъ, или кроновскимъ пивомъ. Эпитетъ *разымчивый* происходитъ отъ глагола *разнимать*, *разбирать*; о пьяныхъ говорятъ: экъ его разни-

маетъ, экъ его разбираетъ! Что такое *свободная жажда* — рѣшительно не понимаемъ.

А между-тѣмъ, было время, когда всѣ этимъ восхищались, не вникая слишкомъ строго въ смыслъ. Въ это золотое время, быть поэтомъ — значило быть древнимъ полубогомъ. И потому всѣ бросились въ поэты. *Стишки* были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами, и чужими и своими; «барышни» были отъ стиховъ безъ ума. *Дѣва*, *луна*, *она*, *къ ней*, *золотая лѣнь*, *мечта*, *буйное разгулье*, *разочарованіе*, но въ особенности *дѣва* и *луна* сдѣлались постоянными тэмами, на которыя наши поэты взапуски варіировали свои невинныя упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится, бывало, стихотвореніе, — критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорятъ между собою; читатели говорятъ и спорятъ о немъ. Бывало, убить нѣсколько вечеровъ на споръ о стихотвореніи ничего не стоило. Да, это былъ золотой вѣкъ Астреи для стиховъ! поэты и читатели жили въ Аркадіи. Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для того смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмахъ. Теперь не то: въ нашъ корыстный вѣкъ, люди до того развратились, что никто не дастъ даромъ своей статьи въ журналъ — изъ чести видѣть въ печати свое имя. Теперь многіе пишутъ только для денегъ, въ полномъ убѣжденіи, что это гораздо умнѣе и приличнѣе для взрослаго человѣка, нежели писать изъ безкорыстнаго стремленія прославить свое имя въ кругу своихъ пріятелей, или плохими сочиненіями дѣйствовать въ пользу отечественной сло-

весности. Люди съ талантомъ и призваніемъ пишутъ теперь изъ желанія высказаться, и за свои труды хотятъ брать деньги, чтобъ имѣть возможность вполнѣ посвятить себя литературѣ. И только немногія праведныя души прошли чистыми чрезъ мутный потокъ времени, и сохранили цѣломудріе и наивность романтической эпохи. Уже не вспоминая съ умысломъ о томъ, что они тогда кропали стишонки, которыми пріобрѣли себѣ большую извѣстность, — они тѣмъ не менѣе любятъ сшивать жиденькія печатныя тетрадки, набивая ихъ разнымъ невиннымъ вздоромъ въ стихахъ и прозѣ, и приправляя запоздалыми сужденіями о литературѣ и устарѣлыми фразами о безкорыстной любви къ литературѣ.... Счастливые люди! имъ все кажется, что ихъ время или еще не прошло, или опять скоро настанетъ....

Въ это-то время явился г. Языковъ. Не смотря на неслыханный успѣхъ Пушкина, г. Языковъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти себѣ огромную извѣстность. Всѣ были поражены оригинальною формою и оригинальнымъ содержаніемъ поэзіи г. Языкова, звучностью, яркостью, блескомъ и энергіею его стиха. Что въ г. Языковѣ дѣйствительно былъ талантъ, объ этомъ нѣтъ и спора; но пора уже разсмотрѣть, до какой степени были справедливы заключенія публики того времени объ оригинальности поэзіи и достоинствѣ стиха г. Языкова.

Начнемъ съ оригинальности. Паѳосъ поэзіи г. Языкова составляетъ *поэзія юности!* Теперь посмотримъ, какъ понялъ поэтъ поэзію юности, и попросимъ его самого отвѣчать на этотъ вопросъ.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали,
Свободу нашего житья

И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣтлыя виномъ,
Они плѣнительно блистали.

Въ этихъ стихахъ, такъ сказать, программа всей поэзіи г. Языкова. Но вотъ цѣлое стихотвореніе — *Кубокъ*, представляющее апоѳеозу юности и любви поэта.

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною играетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ, міръ *житейской*
Развернется предъ тобой...
Много силы чародѣйской
Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же *сладостно*-сильна;
Въ дни прекраснаго *расцвѣта*
Поэтическихъ заботъ (???),
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;

Молодое сердце бьется
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется
И куда-то улетитъ!
И, послушно, имя дѣвы
Станетъ въ *лики* чудныхъ словъ (???),
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно-памятныхъ стиховъ! (!!!),
Дѣва-радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный
Чудно (?) *пьянствуетъ* (!) поэтъ!
Кубокъ взялъ: *душѣ угодны*
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ (?!);
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Сразу кубокъ выпиваетъ
И высоко поднимаетъ,
И надъ *буйной* головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно-весела,
А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла (???!!!).

Вотъ она — поэзія юности и любви поэта, по идеалу г. Языкова!... Чудно *пьянствуетъ* поэтъ: а что жь тутъ чуднаго, кромѣ развѣ того, что и поэтъ такъ же можетъ пьянствовать, какъ и... приберите сами, читатели, къ нашему «и» кого вамъ угодно. Мы понимаемъ, что есть поэзія во всемъ живомъ, стало-быть, есть она и въ *питьѣ* вина; но никакъ не понимаемъ, чтобъ она могла быть въ *пьянствѣ*; поэзія можетъ быть и въ *ѣдѣ*, но никогда въ *обжорствѣ*. Пьютъ и ѣдятъ всѣ люди, но пьянствуютъ и обжираются только дикари. Подобное антиэстетическое направленіе нашъ поэтъ довелъ

до того, что въ одномъ стихотвореніи, вспоминая о времени своего студенчества, говоритъ:

Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мнѣ дано
Той жизни *мило-забубённой*
Извѣдать крѣпкое вино.

Въ другомъ стихотвореніи, приглашая друзей на свою могилу, поэтъ восклицаетъ:

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните блистательнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную,
И *пьянствуйте* о имени моемъ.

Спрашивается: какимъ образомъ поэтъ съ дарованіемъ, человѣкъ образованный и принадлежащій къ одному изъ замѣтнѣйшихъ круговъ общества, — какимъ образомъ могъ онъ дойдти до такой антиэстетичности, до такой, выразимся прямѣе, тривіяльности въ мысли, чувствѣ и выраженіи? — Не трудно объяснить это странное явленіе. До Пушкина, наша поэзія была не только реторическою, но и скучно-чопорною, приторно-сантиментальною. Она или воспѣвала надутыми словами разныя иллюминаціи, или перекладывала въ пухлыя фразы газетныя реляціи; а если вдавалась въ сферу частной жизни, то или жеманно сантиментальничала, или старалась прикинуться сладострастною на манеръ древнихъ. Нужна была сильная реакція этому реторическому направленію. Разумѣется, эта реакція должна была заключаться въ натурѣ, естественности и простотѣ какъ предметовъ, избираемыхъ поэзіею, такъ и въ выраженіи этихъ предметовъ. Понятно, что всѣ захотѣли быть народными, каждый по-своему. Такъ

Дельвигъ началъ писать русскія пѣсни; г. Языковъ началъ брать слова и предметы изъ житейскаго русскаго міра, запѣлъ русскимъ удальцомъ. Но тутъ прогрессъ былъ только въ намѣреніи, а въ исполненіе забралась та же реторика, которая водянила и прежнюю поэзію. Пѣсни Дельвига были пѣснями *барина*, который только въ стихахъ носилъ шапку, заломленную на бекрень, а въ самомъ дѣлѣ одѣвался, какъ одѣваются всѣ порядочные люди его сословія. Въ посланіи Пушкина къ г. Языкову, которое мы привели выше (и на которое должно смотрѣть, какъ на исключеніе между его стихотвореніями), упоминается о *хмѣльной брагѣ*: ясно, что поэтъ здѣсь только прикинулся пьющимъ этотъ напитокъ, а въ самомъ-то дѣлѣ никогда не пилъ, — а прикинулся, чтобъ *казаться* народнымъ. Вообще, о нравственности всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ отнюдь не должно заключать по ихъ стихамъ въ честь вину и пьянству: въ этомъ случаѣ, они *реторически* налыгали на себя небывальщину. Этого рода *реторизмъ* есть главная основа всей поэзіи г. Языкова. Всѣ его ухорскія и милозабубённыя выходки, его молодое буйство и чудное пьянство явились въ печати не какъ выраженіе дѣйствительности (чѣмъ должна быть всякая истинная поэзія), а такъ, только для *красоты слога*, какъ говоритъ Маниловъ. Кстати о реторикѣ: перечтите его пьесы: *Олегъ*, *Евпатій*, *Пѣсня Короля Регнера* *, *Ливонія*, *Кудесникъ*, *Новогородская Пѣсня*, *Усладъ*, *Меченосецъ Аранъ*, *Пѣснь Баяна:* что́ такое все это, если не реторика, хотя и не лишенная своего рода изящества? Тутъ

---

* Эта пьеса есть подражаніе пьесѣ Батюшкова: *Пѣснь Гаральда Смѣлаго*. Вообще г. Языковъ не разъ подражалъ Батюшкову, какъ, на примѣръ, въ пьесѣ: *Мое Уединеніе* и въ другихъ.

Славяне полу-баснословныхъ временъ Святослава и Русскіе XIII вѣка говорятъ и чувствуютъ, какъ ливонскіе рыцари, которые, въ свою очередь, очень похожи на нѣмецкихъ буршей; тутъ ни въ чемъ нѣтъ истины — ни въ содержаніи, ни въ краскахъ, ни въ тонѣ. А тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, нѣтъ никакой истины въ чувствѣ, мысль придумана, произвольно кончена, стихъ блестящъ, бросается въ глаза, поражаетъ слухъ своею необыкновенностью, и читатель только до тѣхъ поръ признаетъ его прекраснымъ, пока не дастъ себѣ труда присмотрѣться и прислушаться къ нему.

Люди, несимпатизировавшіе съ романтическою школою, нападали на нѣкоторыя стихотворенія г. Языкова за отсутствіе въ нихъ чувства цѣломудрія, за слишкомъ неприкрытое даже цвѣтами поэзіи сладострастіе. Мы такъ думаемъ, что эти пьесы такъ же точно заслуживаютъ упрекъ за отсутствіе въ нихъ именно того, излишнее присутствіе чего въ нихъ такъ восхищало однихъ, такъ оскорбляло другихъ. Сладострастіе этихъ пьесъ холодное; это не болѣе, какъ шалость воображенія. Слѣдующая пьеса самого г. Языкова есть лучшая критика на всѣ его пьесы въ этомъ родѣ:

Ночь безлунная звѣздами
Убирала синій сводъ;
Тихи были зыби водъ;
Подъ зелеными кустами,
Сладко, дѣва-красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста;
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетаясь, развивались
Черныхъ локоновъ струи;

Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.

Подъ ночными небесами,
Сладко, дѣва-красота,
Я горячими устами
Цаловалъ тебя въ уста....
Небесамъ благодаренье!
Здравствуй, дѣва-красота!
То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

Когда муза г. Языкова *прикидывается* вакханкою,— въ ея безтѣлесномъ лицѣ блеститъ яркій румянецъ наглаго упоенія, но худо то, что этотъ румянецъ, если вглядѣться въ него, оказывается толстымъ румянцемъ.... Теперь объ оригинальномъ стихѣ г. Языкова: въ немъ много блеска и звучности; первый ослѣпляетъ, вторая оглушаетъ, и изумленный читатель, застигнутый въ-расплохъ, признаетъ стихъ г. Языкова образцовымъ. Первое и главное достоинство всякаго стиха составляетъ строгая точность выраженія, требующая, чтобъ всякое слово необходимо попадало въ стихъ и стояло на своемъ мѣстѣ такъ, чтобъ его никакимъ другимъ замѣнить было невозможно, чтобъ эпитетъ былъ вѣренъ и опредѣлителенъ. Только точность выраженія дѣлаетъ истиннымъ представляемый поэтомъ предметъ, такъ-что мы какъ-будто видимъ передъ собою этотъ предметъ. Стихи г. Языкова очень слабы со стороны точности выраженія. Это можно доказать множествомъ примѣровъ. Вотъ нѣсколько:

Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;

Они звучали *яркимъ звукомъ*
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла:
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи свѣтлыя виномъ,
Они плѣнительно блистали.

Чтò такое *яркій звукъ разгульныхъ пѣсенъ?* Есть ли какая-нибудь точность и какая-нибудь òбразность въ этомъ выраженіи? И кàкъ могли *звучать дни?* И неуже-ли искры только тогда плѣнительны, когда брызжутъ на роковомъ поединкѣ? И какое отношеніе имѣютъ эти *страшныя* искры къ веселой жизни поэта? Разберите все это строго, переведите всѣ эти фразы на простой языкъ здраваго смысла, — и вы увидите одинъ наборъ словъ, замаскированный *кажущимся* вдохновеніемъ, *кажущеюся* красотою стиха....

Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего,

Не уже ли это поэтическій образъ?

Самобытными мечтами
Загуляетъ голова

Чтó за *самобытныя* мечты? развѣ — пьяныя?

Чудно пьянствуетъ поэтъ.

Что жь тутъ *чуднаго?*

Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ.

Чтò за эпитетъ: *прекрасно* радуясь?

Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!

Какъ *безгранично-сладострастна*
Твоихъ объятій полнота!

Безгранично-сладострастная *полнота* объятій: помилуйте, да этого «не хитрому уму не выдумать бы въ вѣкъ»!....

Здѣсь муза пѣсень полюбила
Мои словесныя дѣла.
Разнообразныя надежды
Я *расточительно* питалъ.
. . . . Грозою *правой*
Ты *знаменито* ихъ пугнешь.
Тебѣ привѣтъ мой издалеча
Отъ москворѣцкихъ береговъ,
Туда, гдѣ *звонкихъ звономъ вѣча*
Моихъ пугалась ты стиховъ.

Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ? . . . . . .
Нѣтъ, не для васъ! — Она меня хвалила,
Ей нравились *разгульный* мой *вѣнокъ*,
И младости заносчивая сила
И *пламенныхъ восторговъ кипятокъ*.

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой *нехристи* нѣмецкой
На Русь, къ святынѣ *москворѣцкой*.

Неточность, вычурность и натянутость всѣхъ этихъ выраженій и словъ, означенныхъ нами курсивомъ, слишкомъ-очевидны и не требуютъ доказательствъ. Замѣтимъ только, что *нѣмецкая нехристь* есть выраженіе, уже оставляемое даже русскими мужичками, понявшими наконецъ, что Нѣмцы вѣруютъ въ того же самого Христа, въ котораго и мы вѣруемъ: г. Языковъ тоже понимаетъ это — въ чемъ мы ручаемся за него; но какъ ему, во что бы ни стало, надо быть народнымъ и какъ

поэзія для него есть только маскарадъ, то, являясь въ печати, онъ старается закрыть свой фракъ зипуномъ, поглаживаетъ свою накладную бороду, и, чтобъ ни въ чемъ не отстать отъ народа, такъ и щеголяетъ въ своихъ стихахъ и грубостію чувствъ и выраженій. По его мнѣнію, это значитъ быть *народнымъ!* Хороша народность! Кому не дано быть народнымъ и кто хочетъ сдѣлаться имъ насильно, тотъ непремѣнно будетъ простонароднымъ, или вульгарнымъ. У г. Языкова нѣтъ ни одного стихотворенія, въ которомъ не было бы хотя одного слова, некстати-поставленнаго, или изъисканнаго и фигурнаго. Еслибъ приведенныхъ нами примѣровъ кому-нибудь показалось мало, или доказательства наши кому-нибудь показались бы неудовлетворительными, — мы всегда будемъ готовы представить и больше примѣровъ и придать нашимъ доказательствамъ бо̀льшую убѣдительность и очевидность..... Правда, встрѣчаются у него иногда и весьма счастливые и ловкіе стихи и выраженія, но они всегда перемѣшаны съ несчастными и неловкими. Такъ, напр., въ стихотвореніи *Пожаръ:*

Уже, осушены за Русь и сходки наши,
Высоко надъ столомъ *состукивались* чаши,
И разомъ кинуты *всей силою плеча*,
Скакали по полу дробяся и бренча.

Послѣдній стихъ хорошъ, но глаголъ *состукивались* какъ-то отзывается изъисканностію, а выраженіе: *кидать всей силою плеча* совершенно-ложно.

Картина пышная и грозная предъ нами:
Подъ *громоносными* ночными облаками,
Полнеба заревомъ багровымъ обхвативъ,
Шумѣлъ и вылъ огня блистательный разливъ.

Послѣдніе два стиха даже очень хороши; но эпитетъ *громоносными* во второмъ стихѣ не то, чтобъ не-

точенъ, а какъ-то отзывается общимъ мѣстомъ, и его *вставка* въ стихъ если чѣмъ-нибудь оправдывается, такъ это развѣ необходимостью составить стихъ непремѣнно изъ шести стопъ. Въ томъ же стихотвореніи есть стихи;

Ты помнишь ли, какъ мы, на праздникѣ ночномъ,
Уже *веселые* и *шумные* виномъ,
Уже *пѣвучіе* (?) и *свѣтлые* (!), кругами
Сидѣли у стола....

Что за странный наборъ словъ!

Есть у г. Языкова нѣсколько стихотвореній очень недурныхъ, не смотря на ихъ недостатки, какъ напр.: *Поэту*, *Двѣ Картины*, *Вечеръ*, *Подражаніе псалму* CXXXVI. Еще разъ: мы и не думаетъ отрицать таланта въ г. Языковѣ, но хотимъ только опредѣлить объемъ этого таланта. Имя г. Языкова навсегда принадлежитъ русской литературѣ и не сотрется съ ея страницъ даже тогда, когда стихотворенія его уже не будутъ читаться публикою: оно останется извѣстно людямъ, изучающимъ исторію русскаго языка и русской литературы. Г. Языковъ принесъ большую пользу нашей литературѣ даже самыми ошибками своими: онъ былъ смѣлъ, и его смѣлость была заслугою. Вычурныя выраженія, оскорбляющія эстетическій вкусъ, мнимая оригинальность языка, внѣшняя красота стиха, ложность красокъ и самыхъ чувствъ, — все это теперь уже сознано въ поэзіи г. Языкова, и все это теперь уже не дастъ успѣха другому поэту; но все это было необходимо и принесло великую пользу въ свое время. Дотолѣ всякая мысль, всякое чувство, всякое выраженіе, словомъ, всякое содержаніе и всякая форма казались противными и эстетическому вкусу, если они не оправдывались, какъ копія образ-

цомъ, произведеніемъ какого-нибудь писателя, пр знаннаго образцовымъ. Отъ того писатели наши отл чались удивительною робостію: всякое новое, ориг нальное выраженіе, родившееся въ собственной ихъ г ловѣ, приводило ихъ въ ужасъ; литература, въ сво очередь, отличалась скучнымъ однообразіемъ, особенн въ произведеніяхъ второстепенныхъ талантовъ. Чтоб имѣть право писать не такъ, какъ всѣ писали, над было сперва пріобрѣсти огромный авторитетъ. Таким образомъ. первыя сочиненія Пушкина ужасали наших классиковъ своеволіемъ мысли и выраженія. И потом смѣлыя, по ихъ оригинальности, стихотворенія г. Язы кова имѣли на общественное мнѣніе такое же полезн вліяніе, какъ и проза Марлинскаго: они дали возмож ность каждому писать не такъ, какъ всѣ пишутъ, какъ онъ способенъ писать, слѣдственно, каждому дал возможность быть самимъ собою въ своихъ сочиненіях Это было задачею всей романтической эпохи нашей л тературы, задачею, которую она счастливо рѣшила.

Вотъ историческое значеніе поэзіи г. Языкова: он немаловажно. Но въ эстетическомъ отношеніи, общі характеръ поэзіи г. Языкова чисто-реторическій, осн ваніе зыбко, паѳосъ бѣденъ, краски ложны, а содерж ніе и форма лишены истины. Главный ея недостаток составляетъ та *холодность*, которую такъ справедли находилъ Пушкинъ въ своемъ произведеніи — ***Руслан и Людмила.*** Муза г. Языкова не понимаетъ просто красоты, исполненной спокойной внутренней силы: он любитъ во всемъ одну яркую и шумную, одну эффект ную сторону. Это видно во всякой строкѣ, имъ нап санной; это онъ даже самъ высказалъ:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,

Когда предъ нимъ *гремитъ* и *блещетъ*
Инаго генія полетъ.

Повидимому поэзія г. Языкова исполнена бурнаго, огненнаго вдохновенія; но это не болѣе, какъ разноцвѣтный огонь отразившагося на льдинѣ солнца, это... но мы лучше объяснимъ нашу мысль собственными стихами г. Языкова:

. . . . Такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блеститъ, кипитъ — но холодна.

Разсказывая въ удалыхъ стихотвореніяхъ болѣе всего о своихъ попойкахъ, г. Языковъ нерѣдко разсуждалъ въ нихъ и о томъ, что пора уже ему охмѣлиться и приняться за дѣло. Это благое намѣреніе, или лучше, эта охота говорить въ стихахъ объ этомъ благомъ намѣреніи, сдѣлалась новымъ источникомъ для его вдохновенія, обратилась у него въ истинную манію и отъ частаго повторенія превратилась въ общее реторическое мѣсто. Обѣщанія эти продолжаются до сихъ поръ; всѣ давно знаютъ, что нашъ поэтъ давно уже охмѣлился; публика узнала даже (изъ его же стиховъ), что онъ давно уже не можетъ ничего пить, кромѣ рейнвейна и малаги; но дѣла до сихъ поръ отъ него не видно. Новыя стихотворенія его только повторяютъ недостатки его прежнихъ стихотвореній, не повторяя ихъ достоинствъ, каковы бы они ни были. Въ прошломъ 1844 году, въ одномъ журналѣ было помѣщено предлинное стихотвореніе г. Языкова, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

Но вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу —

Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть *вольнодумную* хвалу:
Потѣхи юности удалой
Не кстати были бъ мнѣ; неюному челу
Не кстати рѣзвый плющъ и роза....
Пора за дѣло! Въ добрый путь!

Вотъ подлинно длинные сборы въ путь! Гдѣ ж дѣло-то? Не уже ли эта крохотная книжечка съ пяты десятью стихотвореніями, изъ которыхъ большая пол вина старыхъ, имѣющихъ свой историческій интерес и меньшая половина новыхъ, интересныхъ развѣ толы какъ фактъ совершеннаго упадка таланта, нѣког столь превозносимаго? Перечтите, напр., драгоцѣнн стихотвореніе, въ которомъ неуваженіе къ печати грамотнымъ людямъ доведено до послѣдней степен это — посланіе къ *М. П. Погодину.*

Благодарю тебя сердечно
За *подареньице* твое!
Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
Поэту! *Дивно-быстротечно*,
Легко пошли часы мои —
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня *уважилъ!*
По-стихотворчески я зажилъ,
Я въ духѣ! Словно, какъ ручьи
Съ высокихъ горъ на долы *злачны*
Бѣгутъ, игривы и *прозрачны*,
Бѣгутъ, сверкая и звеня
Свѣтлостеклянными струями,
При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами,
Весной: такъ точно у меня
Стихи мои, *проворно*, *мило*
Съ пера бѣгутъ теперь; — и вотъ
Тебѣ, мой *явный* доброхотъ,
Стаканъ стиховъ (?!...): *на*, *пей!* — Что было —
Того ужь намъ не воротить!

Да, братъ, теперь мои созданья
Не то, что въ пору волнованья
Надеждъ и мыслей *; — такъ и быть!
Они теперь — напитокъ трезвый : **
Давнымъ давно уже въ нихъ нѣтъ
Игры и силы прежнихъ лѣтъ,
Ни мысли пламенной и рѣзвой,
Ни *пьяно-буйнаго* стиха. ***
И не диковинное дѣло : ****
Я самъ не тотъ (,) и смѣло
Въ томъ признаюсь : кто безъ грѣха?
Но ты, *мой добрый и почтенный*,
Ты пріимешь ласковой душой
Напитокъ, поднесенный мной;
Хоть онъ безхмѣльный и не пѣнный. *****

Скажите, ради здраваго смысла; не ужели это поэзія, *языкъ боговъ*? Вотъ чѣмъ разрѣшился романтизмъ двадцатыхъ годовъ! Впрочемъ, и то сказать: «Отъ великаго до смѣшнаго только шагъ», по выраженію Наполеона: стало быть, отъ *небольшаго* до *смѣшнаго* еще ближе!...

Это *дивно-быстротечное* стихотвореніе, звенящее *свѣтлостеклянными* струями прѣсной и не совсѣмъ свѣжей воды, поднесенной въ стаканѣ *явному* доброхоту стихотворцемъ, *сдѣлавшимся въ духѣ* отъ *подареньица*, которымъ *уважилъ* его *явный* доброхотъ, — это образ-

* Вотъ что правда, такъ правда, хотя и выраженная прозаически, нескладно и съ грѣшкомъ противъ грамматики!...

** То есть : вода?

*** Зачѣмъ же продолжать печатать такія жалкія созданія, въ которыхъ нѣтъ не только поэзіи, но даже и *буйно-пьянаго* стиха?

**** Даже очень понятное!

***** Зачѣмъ же было не послать этого прѣснаго стакана въ рукописи тому, для кого онъ былъ назначенъ, — дѣло семейное и до публики не касающееся. Что такое: *непѣнное* вино? Должно быть: не *пѣнникъ?* иначе было бы сказано: не *пѣнистое* вино.

цовое проявленіе заживо умершаго таланта, не напечатано въ числѣ завѣтныхъ 56-ти стихотвореній г. Языкова. Напрасно! отъ этого его книжечка много потеряла. По нашему, ужь если печатать, такъ все, чтὸ характеризуетъ и опредѣляетъ дѣятельность поэта: лучше было бы или совсѣмъ не издавать этой маленькой книжечки, въ которой литература ровно ничего не выиграла, или издать книжку побольше, которая была бы вторымъ изданіемъ изданныхъ въ 1833 году стихотвореній г. Языкова, съ прибавленіемъ къ нимъ всего написаннаго имъ послѣ, а между прочимъ, и его прекрасной «Драматической Сказки объ Иванѣ Царевичѣ, Жаръ-Птицѣ и о Сѣромъ Волкѣ», которая, по нашему мнѣнію, лучше всего, чтὸ вышло изъ-подъ пера г. Языкова.

Вис. Бѣлинскій.

VII. БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ 1845. Т. 72. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя стихотворенія Н. Языкова, въ тип. Университетской, 1845, въ 8., стр. 332.

Въ винѣ издревле пребывала правда: слѣдовательно, тамъ никогда не могло быть поэзіи. Правда и поэзія не уживаются вмѣстѣ. Многіе въ винѣ — пуншѣ то жь — почерпали вдохновенія: къ содѣйствію его, говорятъ, часто прибѣгалъ и великій Шиллеръ; но вино служило здѣсь только возбудительнымъ средствомъ для воображенія. Напившись виномъ или пуншемъ, Шиллеръ не воспѣвалъ ни вина, ни пуншу: онъ писалъ «Разбойниковъ» или «Орлеанскую Дѣву». Въ самомъ дѣлѣ, какую поэтическую картину, какой высокій по-

мысль, какую новую истину можно создать изъ стакана крѣпкаго напитку? — положимъ даже, изъ десяти стакановъ? Нѣтъ подъ солнцемъ ничего болѣе прозаическаго какъ бутылка, и ея содержаніе, и его дѣйствіе. Я нахожу, что въ страсбургскомъ пирогѣ гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ самомъ лучшемъ шампанскомъ. Кулебяка и вино принадлежатъ къ одному разряду предметовъ въ порядкѣ дѣлъ человѣческихъ: одно отнюдь не благороднѣе и не болѣе художественно другаго. Кулебяка имѣетъ еще то преимущество, что не производитъ, какъ вино, кратковременнаго сумасшествія въ потребителѣ и отвращенія въ зрителяхъ. Зачѣмъ же никто изъ нашихъ поэтовъ не воспѣваетъ кулебяки? Зачѣмъ такъ многіе поютъ одно только вино? Потому ли, что оно ихъ веселитъ? Но когда они веселы виномъ, то всѣмъ другимъ это очень скучно; всѣ другіе ихъ бѣгаютъ; всѣ объ нихъ сожалѣютъ. Въ пьяной или, учтивѣе сказать, *разгульной* жизни, — да, да, *въ разгульной*: это техническій терминъ, принятый въ нашемъ стихотворствѣ, — въ разгульной жизни кромѣ отсутствія разума, нравственности и приличія, не примѣчается ничего особеннаго: это не поэтическое, не восторженное, но патологическое состояніе души, душевная болѣзнь, которую часто приходится лечить тѣмъ же средствомъ, какъ и другія душевныя болѣзни, ведромъ холодной воды. Въ помѣшательствѣ, какой бы степени оно ни было, рѣшительно ничего нѣтъ для художества: въ этомъ отношеніи многіе изъ нашихъ поэтовъ находятся въ полномъ и страшномъ заблужденіи. Обыкновенная жизнь — проза: я согласенъ: но *разгульная* жизнь еще хуже: это — дурная проза, скверная, грязная проза. Какъ же можно перелагать ее въ стихи?... Выйдетъ ли когда-нибудь изъ этого

настоящая поэзія? Разумѣется, нѣтъ. Воспѣвая вино и разгульную жизнь, вы не произведете никогда ничего другаго, кромѣ скуки. Еще Сократъ доказывалъ своимъ современникамъ, поэтамъ, живописцамъ и прочимъ художникамъ, что искусство можетъ съ успѣхомъ заниматься однимъ только прекраснымъ, а прекрасное въ природѣ — одно только добропорядочное, honestum. Всѣ послѣдующіе вѣка подтвердили эту коренную аксіому.

Я не хочу, чтобы стихотворствующіе народы принимали меня за угрюмаго ригориста, требующаго отъ нихъ непремѣнно пить одну воду. Всѣмъ и каждому, сколько отъ меня это зависитъ, я, въ качествѣ критика, позволяю нарѣзаться одинъ разъ въ мѣсяцъ. Несказанная снисходительность моя въ этомъ случаѣ простирается еще далѣе: я позволяю даже одинъ разъ въ годъ сочинить застольную пѣсню въ честь вину и *разгульной жизни.* Но избрать себѣ бутылку музою, разгульную жизнь постояннымъ идоломъ, и терпѣніе трезвыхъ читателей жертвою, вотъ противъ этого я торжественно протестую отъ имени всей изящной словесности. Я въ правѣ не принимать такихъ стихотвореній на разбирательство. Винный погребъ не принадлежитъ ни къ какой литературѣ.

Авторъ этихъ «Новыхъ стихотвореній», безспорно, имѣетъ право на званіе начальника стихотворной школы, вѣчно воспѣвающей бокалъ и разгулье. Не подумайте, чтобы члены этой школы были какіе гуляки: напротивъ, всѣ, почти всѣ, они — молодые люди благонравные, пресмирные, поутру пьютъ ромашку, за обѣдомъ одну воду; но — что̀ прикажете дѣлать!... натура человѣческая неразгадаема, — чѣмъ больше пьютъ ромашки и воды, тѣмъ жарче воспѣваютъ *шипучую влагу*

Вакха; чѣмъ примѣрнѣе занимаются полезнымъ трудомъ, тѣмъ сильнѣе шумятъ про разгулье и кутёжъ. Предводитель ихъ, господинъ Языковъ, преданный давнымъ-давно, какъ самъ говоритъ, строжайшей діетѣ, сочиняетъ «Новыя стихотворенія» передъ кувшиномъ маріенбадской воды, и между-тѣмъ не знаетъ другаго предмету для своихъ умственныхъ упражненій кромѣ «разгульной жизни»: на каждой рѣшительно страницѣ онъ такъ много толкуетъ о попойкахъ и разныхъ *добрыхъ* винахъ, что — не боїся я оклеветать порядочнаго человѣка — такъ право бы подумалъ, что вѣрно у него въ погребу нѣтъ даже и простаго ротвейну. Странная страсть! Но это дѣйствительно — страсть, и страсть всей школы. Эти господа гуляютъ въ стихахъ на-пропалую, не по внутреннему влеченію къ предмету, но потому что вообразили, будто «разгульная жизнь», шампанское, бокалъ, — поэзія. Какое заблужденіе!

Раскрываю книгу на-удачу. Страница девятая.

«Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
И воинственно-летучій
И *разгульно-удалой* ....

Теперь опять закроемъ книгу. Я хочу еще раскрыть на-удачу. Страница семнадцатая.

«А я, студенческому міру
Сказавъ задумчиво — прощай,
Я перенесъ *разгульну лиру*
На Русь, въ отечественный край».

Перекинемъ одинъ листокъ. Страница осемнадцатая

«Уста и очи дѣвъ красавицъ,
Привѣты гордыхъ молодицъ,

И пѣсни пламенныхъ пѣвицъ,
И пляски пламенныхъ плясавицъ!
Поклонъ вамъ, прежнія мои....
Пляшите, пойте, процвѣтайте,
Великолѣпно оживляйте
Пиры и шалости любви!
Довольно чувствъ и вдохновеній
Я прогулялъ, и мнѣ пора
Познать себя, вкусить добра,
Не буйныхъ, *трезвыхъ* наслажденій!»

Перекинемъ два листка. Страница двадцать пятая.

«Потѣхи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, вѣтренной, хмѣльной и быстролетной...»

Перекинемъ три листка. Стихотвореніе «*Малага*».

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой,
Вино шипучее я пилъ,
И вкусъ, и блескъ его, и хмѣль его игривый,
Друзья, не мало я хвалилъ;
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое....

Вино, *развивавшее насъ!*... Хорошо *развитіе*. Заглянемъ на слѣдующую страницу.

Остепеняютъ насъ и учатъ насъ замѣтно
Лѣта и бремя бытія:
Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня, друзья,
Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
Напитокъ смирный и безпѣнный,
Вино густое, *какъ елей*,
И черное, *какъ смоль*, *какъ очи дѣвы горной*,
И мягко-сладкое, *какъ медъ*....

Каково *остепененіе!*... послѣ дѣтскаго шампанскаго старая и крѣпкая малага. C'est du progrès. Перейдемъ на слѣдующій листокъ.

«Когда остатки вдохновеній
Я *допивалъ* въ кругу друзей,
Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣній,
Стихомъ блистая *удалымъ*,
Восторженъ, *выше всякой прозы* (?),
Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
Любили хмѣль мой: слава имъ!»

Все — то же! Перейдемъ опять — на слѣдующій.

«И много здѣсь гостей съ семьями
Сюда изъ дальнихъ странъ сгоняетъ аквилонъ.
Здѣсь и россійскій князь, здѣсь и нѣмецкій фонъ»...

Эти стихи.... я гдѣ-то читалъ: кажется, въ твореніяхъ покойнаго графа Хвостова?... Но можетъ-быть, я ошибаюсь.

«Здѣсь и россійскій князь, здѣсь и нѣмецкій фонъ,
И англійскій милордъ, ихъ жены, дѣти, слуги
Проводятъ мирные приморскіе досуги
На тепломъ берегу, на ясномъ свѣтѣ дня;
Житье здѣсь хоть куда, для самаго меня!
Здѣсь есть и для меня три сладостныя блага:
Уединенный садъ, видъ моря *и малага.*»

Нѣтъ, это скучно: малага да малага! Не хочу болѣе слѣдовать за страницами по порядку. Лучше, сложу книгу, и опять раскрою на-удачу. Разъ! два! три!... страница сто десятая. *Іоганисбергъ.* А! по крайней мѣрѣ, это — дѣло.... то есть вино, другое.

«Вино первѣйшее! Предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
Краса всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной!
О! дивное вино! Струею золотой

Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пѣнно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмѣляетъ насъ и нѣжитъ, такъ сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
Воспламеняется, какъ радость молодая,
Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его,
Въ кругу друзей, порой *разгула* своего....»

Что̀ это здѣсь слѣдуетъ? Какая-то большая поэма. Какой-то разговоръ въ стихахъ. Драма, что̀ ли: Скачковъ, Власьевъ, Хворовъ, Дрянской, Пронской, *всѣ на веселѣ въ разныхъ градусахъ.* Поэма начинается стихомъ:

«Ужъ пить, такъ пить....»

О! какая благодать: здѣсь что̀ строчка, то новое вино. И это продолжается страницъ сорокъ. Посмотримъ, чѣмъ оканчивается эта *разгульная* драма. Ого! собесѣдники уже перестали говорить: они поютъ во все горло —

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus.... *(Всѣ подтягиваютъ.)*

Гдѣ же это писано?.... За границею, на минеральныхъ водахъ.

Опять закроемъ книгу. Разъ! два! три.... страница двѣсти тридцать девятая.

.... Я слушаю поэта.
До ночи слушать я готовъ
Тебя; въ созданіяхъ души твоей прекрасной
Въ картинахъ вѣрныхъ и живыхъ,
Въ гармоніи стиха съ игрою мысли ясной
И вдохновеніяхъ твоихъ
Легко, восторженно забудусь я съ тобою...
Часы летятъ, давно погасъ
Каминъ, давно мой *пуншъ* простылъ передо мною,
Давно денница занялась!»....

Это писано въ Ниццѣ, когда поэтъ лечился и передъ нимъ вмѣсто пуншу стояла аптечная стклянка съ микстурой. Охота же настойку ревеню превращать въ пуншъ: будто это — поэзія!

Закроемъ еще разъ книгу: но это уже послѣдній. Раскрываю, по-прежнему, на-удачу. Страница двѣсти сорокъ пятая. «Странный случай. Комната въ трактирѣ». Опять какой-то стихотворный разговоръ. Скачковъ, Власьевъ, Хворовъ.... Ну, ужь мы знаемъ, о чемъ эти господа разговориваютъ. Поэма опять пребольшая. Посмотримъ, чтò на концѣ.

Да здравствуетъ Москва!

Это можно было предвидѣть. Въ концѣ первой драмы только *подтягивали*: въ концѣ второй уже *пьютъ* полнымъ ртомъ. Тоже прогрессъ!

Съ позволенія вашего, я еще желаю полюбопытствовать, чѣмъ оканчивается самая книга: *пьютъ* ли тамъ также?... или только *подтягиваютъ?*... Чтò это?... О удивленіе!... тутъ совсѣмъ другое!... тутъ говорятъ —

И медицинскій факультетъ
Пилюлю горькую мнѣ задалъ:
Пить воды за моремъ! И пилъ я ихъ пять лѣтъ!
Но, вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу,
Пора, за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу:
Потѣхи юности удалой
Не кстати были бъ мнѣ: не-юному челу
Некстати рѣзвый плющъ и роза....
Пора за дѣло!»

Давно пора! Такой прекрасный стихъ расточать на

такую безсмысленную прозу, какова «*разгульная* жизнь», на такую чепуху, какъ вино, право, совѣстно.

Въ виду безсмертныхъ памятниковъ итальянскаго искусства воспѣвать цѣлыя пять лѣтъ малагу и «счастливое время» дерптскихъ попоекъ, даже болѣе чѣмъ совѣстно: непростительно!... Поэзія, самая высокая поэзія окружала поэта на каждомъ шагу: а онъ ея не видѣлъ!... онъ искалъ поэзіи въ нечистой гущѣ бутылокъ и кутежа!... искалъ не по нуждѣ, не для компаніи, а такъ — потѣхи ради — полагая, что для читателей стиховъ очень интересно слушать о томъ, какъ другіе пьютъ или пили, что — это отличныя поэтическія картины. Книга какъ-то раскрылась сама собою и я вижу на страницѣ двадцать осьмой описаніе примѣрно умѣреннаго и воздержнаго образа жизни автора: онъ говоритъ, что обѣдъ его *коротокъ*; что столъ его уставленъ *здоровой прелестью* сельскихъ произведеній, что на столѣ у него *винъ* ни какихъ нѣтъ. Такъ значитъ я сказалъ правду, что воспѣваніе разгулья, вина — только система, школа, только слѣдствіе ложнаго понятія о поэзіи. Виноватъ, конечно, не господинъ Языковъ, что у насъ пошло въ моду прославлять въ стихахъ разгулье и бутылку, до того что риѳмованная часть изящной нашей словесности похожа на собраніе счетовъ изъ виннаго погреба: другіе, еще прежде его, подали несчастный примѣръ. Но онъ, при помощи своего несомнѣннаго таланта, болѣе всѣхъ впослѣдствіи отличился на этомъ неблагодарномъ поприщѣ, и нынче онъ — глава школы, запѣвало цѣлаго хора. Критика обязана всѣмъ своимъ арсеналомъ вооружиться противъ дурнаго вкусу и дурнаго тону, распространяемыхъ въ русской поэзіи этими новаго роду Анакреонами, и мы надѣемся, что они, примѣтивъ наконецъ скуку, которую наводятъ,

не заставятъ критики еще разъ повторять имъ вполнѣ заслуженный упрекъ.

Чтò касается до «Новыхъ стихотвореній» господина Языкова, то мы думаемъ, что автору не слѣдовало печатать ихъ ни въ какомъ случаѣ. Хорошихъ стиховъ — тутъ много: но кто же нынче не пишетъ хорошихъ стиховъ!... поэзіи же нигдѣ ни слѣда нѣтъ. Самою счастливою страницею всего тома показалась намъ первая половина посланія къ графу В. А. Соллогубу, и мы приведемъ ее, съ условіемъ остановиться на томъ мѣстѣ, съ котораго хорошій вкусъ читателей далѣе одобрить не можетъ. Оно приведено до стиха:

Освѣтитъ мирный нашъ досугъ. (ч. II. с. 171—172).

Есть тутъ еще русскія сказки въ стихахъ. Къ чести ихъ должно сказать, что дѣйствующія лица не занимаются *ни бражничаніемъ, ни гульбою:* но онѣ не умножаютъ поэтической славы автора ни своимъ содержаніемъ, ни складомъ.

VIII. МОСКВИТЯНИНЪ НА 1846. № 12.

Воспоминанія о Н. М. Языковѣ.

И Языкова нашего не стало! 26-го Декабря, въ 6 часу вечера, испустилъ онъ послѣдній вздохъ свой, непримѣченный никѣмъ: окружавшіе думали, что онъ только уснулъ. Такъ тихо и мирно прекратилась эта простая, чистая, младенческая жизнь, изъ временъ патріархальныхъ случайно разцвѣтшая среди нашей тревоги, суеты и нестроенія. Мы знали, что онъ не жилецъ на землѣ, что жестокая, закоренѣлая болѣзнь всякую минуту грозитъ ему опасностію; но все намъ не хотѣлось вѣрить, что онъ разстался съ нами такъ

скоро! Блѣдный, согбенный, изнеможенный, съ тусклыми взорами, со впалыми щеками, съ поникшей головою, онъ все еще, казалось намъ, могъ прожить дольше....

А помните ли вы Языкова, въ блистательное его время, въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, когда онъ, бывало, среди дружеской бесѣды, возвеселившемуся сердцу, свѣжій и румяный, въ русыхъ кудряхъ, украшенный цвѣтами, поднявъ голубыя глаза къ верху, начиналъ произносить свои стихи, полные жизни и силы, пламенные, громозвучные; и вся шумная бесѣда умолкала около восторженнаго поэта, и, притаивъ дыханіе, слушала его вѣщую пѣснь; казалось, это юный Вакхъ въ лавровомъ вѣнцѣ, сіяющій и радостный, поетъ, возвращаясь изъ Индіи....

И все прошло, все миновалось! О, какъ кстати напомнилъ намъ недавно проповѣдникъ, одинъ изъ остающихся у насъ дорогихъ людей, слова Пророка: «Всякая плоть сѣно, и всякая слава человѣча, яко цвѣтъ травный. Изсше трава и цвѣтъ отпаде, глаголъ Бога нашего пребываетъ во вѣки». * — Къ этому-то глаголу, въ послѣдніе годы своей жизни, любилъ обращаться Языковъ, читалъ часто Библію, и передавалъ ея святыя истины въ стихахъ, напоминавшихъ его лучшее время.

Когда его упрекали, зачѣмъ онъ не пишетъ больше,—некогда, отвѣчалъ онъ, надо думать о смерти. За два дня до кончины, среди горячки, въ ясную минуту возвратившагося сознанья, вдругъ обратился онъ къ людямъ, стоявшимъ около его смертнаго одра и спросилъ твердымъ голосомъ, вѣруютъ ли они воскресенію

---

* Слово огласительное въ нед. Сыропустн. См. № 9 Москвитянина.

мертвыхъ. Ночью, въ бреду уже, поднимался онъ и рвался безпрестанно къ образу.

Одно только чувство оживляло его годы. Это любовь къ отечеству. Отечество, Святую Русь, любилъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душою своею и всею мыслію своею. Всякій трудъ, въ славу его совершенный, всякое открытіе, обѣщавшее какую-нибудь пользу, всякое извѣстіе, которое возбуждало надежду того или другаго рода, принималъ онъ къ сердцу, и радовался какъ ребенокъ. Характеръ Русскаго народа уважалъ онъ больше всего; Русскій умъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, Русскій толкъ, превосходство предъ другими народами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — составляли его единственную гордость. Ничѣмъ нельзя было принести ему столько удовольствія, даже во время его болѣзни, какъ разсказами о нашихъ крестьянахъ, солдатахъ, матросахъ. Онъ развеселялся, зажмуривалъ глаза, хохоталъ, и наконецъ махалъ руками въ знакъ того, чтобъ дали ему отдохнуть.

Съ такимъ духомъ ему, разумѣется, были противны нѣкоторые новые толки о Русской жизни, о Русской Исторіи, появившіеся въ Петербургскихъ журналахъ и нашедшіе нѣсколько отголосковъ въ Москвѣ. Чуть только болѣзнь ему отпускала нѣсколько, онъ хватался за свой грозный лукъ, натягивалъ тугую тетиву, налагалъ каленую стрѣлу, и пускалъ, но не прицѣливаясь. Нѣтъ — гнѣвъ его былъ отвлеченный, безличный, и напрасно сердились на него нѣкоторые.

Что̀ сказать о жизни Языкова? Біографія его вся сполна въ его стихотвореніяхъ. Родился онъ на Волгѣ, около Симбирска, въ восемьсотъ первыхъ годахъ. Учился сперва въ Горномъ Корпусѣ, а потомъ въ Дерптѣ

Тамъ собрался было онъ сдѣлаться камералистомъ, но музы увлекли его въ сторону совершенно противоположную.

Молодость его прошла шумно и радостно,—особенно любилъ онъ веселиться по вечерамъ, въ кругу друзей; но все прочее время велъ жизнь самую уединенную.

Недалеко отъ Дерпта, въ Псковской деревнѣ долженъ былъ тогда поселиться Пушкинъ. Поэты сошлись и провели вмѣстѣ много прекрасныхъ часовъ, подарили намъ много прекрасныхъ стиховъ.

Изъ Дерпта переѣхалъ онъ въ Москву, въ 30 годахъ, какъ я сказалъ выше, отложивъ уже всѣ житейскія попеченія; здѣсь занялся онъ Русской Исторіей и Русскимъ языкомъ, читалъ и пѣлъ, принимая впрочемъ живѣйшее участіе во всѣхъ литературныхъ происшествіяхъ.

Въ Москвѣ онъ занемогъ, и уѣхалъ къ себѣ въ деревню на родину наслаждаться *тишиною*, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. «Я теперь нахожусь»—такъ писалъ онъ однажды оттуда ко мнѣ—«въ Армидиныхъ садахъ: тишина возлюбленная, уединеніе сладостнѣйшее, приволье въ высочайшей, прекраснѣйшей степени—все есть у меня, и я дѣйствую. Жди отъ меня чего-нибудь большаго, если не великаго...»

Но болѣзнь не покидала его, и заставила наконецъ искать помощи на водахъ въ чужихъ краяхъ. Скрѣпя сердце, уступая совершенно необходимости и требованію родныхъ и друзей, оставилъ онъ отечество. Прожилъ лѣтъ пять въ Ганау, Ниццѣ, на озерѣ Комо, но душа его была въ Россіи, и онъ выражалъ свою грусть, свою скуку, свою тоску по отчизнѣ, въ прекрасныхъ элегіяхъ, печатанныхъ въ Москвитянинѣ. Наконецъ

терпѣнія его недостало: не съ исцѣленною, а съ задержанной болѣзнію воротился онъ въ Москву, и отдался попеченіямъ своего Дерптскаго товарища, Профессора Иноземцова, который поддерживалъ его въ продолженіи четырехъ лѣтъ, и онъ, по временамъ, чувствуя себя хорошо, писалъ еще стихи, стоившіе ему однакожь очень дорого, потрясавшіе весь организмъ его. Священное писаніе, Русская Исторія и старыя любезныя знакомства, были предметами этихъ лебединыхъ пѣсней, въ которыхъ надо удивляться иногда силѣ юношества, соединенной съ зрѣлостію мужества. Землятресеніе, Самсонъ, на открытіе памятника Карамзину, принадлежатъ къ лучшимъ его стихотвореніямъ.

Въ половинѣ Декабря къ постоянной болѣзни его присоединилась горячка. Первые признаки казались всѣмъ ничтожными, но Языковъ былъ увѣренъ, что умретъ, и съ самаго начала хотѣлъ исполнить христіанскій долгъ. Горячка усилилась, часто впадалъ онъ въ безпамятство, и на тринадцатый день скончался. Пришедъ однажды въ себя, дня за два до смерти, заказалъ онъ повару обѣдъ ко дню своихъ похоронъ, назначилъ самъ всѣ блюда и вина, приказалъ пригласить всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Отпѣваніе тѣла было 30-го Декабря въ церкви Благовѣщенія на Тверской. Приходскій священникъ, Магистръ Ефимьевскій, сказалъ слово, простое и приличное, мѣстами очень трогательное и назидательное.

Погребенъ Языковъ въ Даниловѣ Монастырѣ, подлѣ племянника своего, молодаго Валуева (котораго мы лишились въ прошломъ году), близъ Венелина.

Имя Языкова останется навсегда украшеніемъ Русской Словесности. Нелѣпые толки объ его стихотворе-

ніяхъ, распространенные въ послѣднее время людьми пристрастными и легкомысленными, позабудутся скоро, и *златокованный* стихъ его, которому завидовалъ Пушкинъ, который уважаетъ высоко Жуковскій, возгремитъ еще громче, заблистаетъ еще ярче, чѣмъ прежде, къ наслажденію и гордости всѣхъ истинныхъ друзей Русской Словесности.

31-го Декабря, 1846. *М. Погодинъ.*

Помянемъ покойнаго одною изъ лучшихъ его пѣсенъ, гдѣ изобразилъ онъ намъ русскаго *поэта*, и вмѣстѣ передалъ многія собственныя свои черты.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье и проч. (ч. II. с. 6).

IX. МОСКОВСКІЙ ГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ 1847 Г. № 6, 7.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ, и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями,
Онъ красоту боготворилъ душой.
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста....

Эти стихи оправдались уже о томъ, кто писалъ ихъ. Еще свѣжая могила на кладбищѣ русской поэзіи: она приняла Языкова. 26 Декабря, въ 5 часовъ пополудни, скончался онъ. ятнадцатилѣтняя болѣзнь истощила его силы; послѣдняя же, нервная горячка, прекратившая его дни, была кратковременна. 30 Декабря погребли его въ Даниловѣ монастырѣ, между Венелинымъ и

племянникомъ, его Валуевымъ, котораго въ прошломъ году, наканунѣ того же дня, мы проводили въ ту же могилу.

Н. М. Языковъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію поэтовъ, слѣдовавшихъ за Пушкинымъ, и вмѣстѣ съ немногими избранными владѣлъ тайною того русскаго стиха, который звучалъ по преданію отъ лиры Ломоносова. Ему открыта была, говоря его же словами, музыка мыслей и стиховъ. Муза его, «муза лиры», была «радостью» его многострадальной «жизни», «другомъ» его «свободы».

Симбирскъ, родина Карамзина, (??) Дмитріева и многихъ другихъ даровитыхъ умовъ и писателей нашихъ, былъ родиною Языкова. Тамъ, гдѣ

Волга, какъ море, волнами шумитъ,

провелъ онъ первое время своей жизни до 11 лѣтъ. Рѣка шумомъ волнъ своихъ, конечно много участвовала въ первыхъ впечатлѣніяхъ поэта, и отозвалась послѣ въ гармоніи стиховъ Ніагарскаго Водопада, двухъ пловцовъ, Пѣсни разбойниковъ, картины самой Волги, сравнительно съ Рейномъ, и той строфы, которую прочли выше. По царству и рѣка, сказалъ поэтъ; по родной рѣкѣ его было и широкое раздолье его громозвучнаго слова.

Одинадцати лѣтъ Языковъ былъ отданъ въ горный институтъ въ Петербургѣ, гдѣ воспитывались его братья. Одинъ изъ нихъ вынесъ богатые плоды изъ этой школы, и получилъ въ геологіи европейскую извѣстность. Но у поэта сердце не лежало къ такимъ занятіямъ. Его влекло другое. Русскую словесность преподавалъ въ горномъ институтѣ Алексѣй Дмитріевичъ Марковъ. Его надзору ввѣрено было первое воспита-

ніе Языкова. Марковъ заставлялъ его переписывать стихи Ломоносова и Державина: другихъ поэтовъ онъ незналъ. Вотъ гдѣ была первая школа Языкова; вотъ откуда вышелъ его мужественный стихъ. Благодарный поэтъ двумя стихотвореніями прославилъ память своего учителя. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ перваго:

О! мнѣ ль забыть тебя! какъ сына... (см. н. изд. стр. 123. ч. I.)

Заведеніе требовало математическихъ наукъ. Къ нимъ Языковъ не имѣлъ охоты. Но необыкновенная память и даръ соображенія изумляли всегда учителей Языкова, когда приходили экзамены. Кончивъ шестилѣтній курсъ ученія въ горномъ институтѣ, поэтъ провелъ еще годъ въ инженерномъ корпусѣ. Но эти занятія еще менѣе привлекали его. Года съ полтора жилъ онъ въ Петербургѣ на волѣ. Тогда обнаружился его поэтическій даръ. Изъ литераторовъ А. Ѳ. Воейковъ первый замѣтилъ Языкова, и пришелъ въ восторгъ отъ его стиховъ, которые и помѣстилъ въ «Соревнователѣ». Съ рекомендательными письмами Воейкова отправился Языковъ въ Дерптъ. На чужбину привезъ онъ горячую любовь къ родинѣ, которая тамъ вспыхнула еще сильнѣе. Отсюда, съ 1823 года, * начинаются стихи, признанные самимъ поэтомъ въ собраніи его стихотвореній. Первое вдохновеніе посвящено родинѣ, первые звуки о ней: (см. Чужбина).

Вы, холмы, лѣса, поляны,
Скаты злачныхъ береговъ
И старинные курганы,

* Не съ 1823, а съ 1822-го начинаются стихи Яз., признанные самимъ поэтомъ: піеса «Моя родина», помѣщенная въ кн. XXVI. с. 204 *Новостей Литературы*, 1822 г. съ подписью: Дерптъ, н. 23-го, 1822, перепечатана безъ перемѣны въ собраніи стихотвореній 1833 г. *Прим. Изд.*

Память смѣлыхъ праотцовъ....
. . . .
Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ,
И одинъ во цвѣтѣ дней,
Долго, долго не услышитъ
Пѣсенъ волжскихъ рыбарей.

Въ Дерптскомъ уединеніи поетъ онъ Ломоносова, Державина и Жуковскаго, которые питали его молодую музу. Здѣсь на чужбинѣ въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ чистой души своей, онъ написалъ молитву, въ которой, передъ новымъ поприщемъ, какъ русскій человѣкъ, помолился онъ вотъ о чемъ:

Пусть. неизмѣненъ. жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый,
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Два года жилъ онъ у того профессора Борга, который, первый, посредствомъ прекрасныхъ переводовъ, познакомилъ Нѣмцевъ съ лучшими произведеніями русской поэзіи. Домъ Протасовыхъ, Жуковскій, дружеское окруженіе, лекціи университета составляли тотъ несложный міръ, въ которомъ онъ прожилъ шесть лѣтъ. Благодарно воспѣлъ онъ свои Ливонскія Аѳины, въ которыхъ «подъ чуждымъ небомъ, гулялъ»

Студентъ и русскій человѣкъ....
Студентъ свободно бездипломной....

Изъ всѣхъ наставниковъ своихъ онъ воздалъ особенную хвалу и славу «мужу государственныхъ наукъ», профессору Дабелову, который въ Германіи принадлежалъ къ смѣлой оппозиціи противъ Наполеона. Вотъ стихи, которыми запечатлѣлъ онъ память своей дерптской жизни:

Тамъ быстро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣтла,
Лилась; тамъ дружба удалая,
Его уча и одобряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмѣлемъ убрала
Веселость гордаго чела.

Середи ученой молодежи Дерпта, полунѣмецкой, полурусской, Языковъ представлялъ русскую мысль и русское слово. Его пѣснями оглашались веселыя бесѣды товарищей, а первою мыслію этихъ пѣсенъ была родина:

Изъ страны, страны далекой .... (см. н. изд. II ч. стр. 276. Пѣсня).

Когда товарищи его отправлялись за границу искать науки для того, чтобы внести плоды ея въ нѣдра отечества, онъ изъявлялъ одному изъ нихъ желаніе:

Да тамъ, откуда съ давнихъ поръ....
(см. н. изд. ч. II. стр. 273. А. Н. Степанову).

Здѣсь-то на чужбинѣ раскрывалась вся сила его стиха. Лучшую часть вдохновеній своихъ посвящалъ онъ отечеству и его историческимъ воспоминаніямъ; но тогда же раздались и тѣ чудные стихи, которыми воспѣлъ онъ Ливонію.

Недоброхоты поэта ославили его дерптскую жизнь и удалое разгулье его юной, свободной музы. Недоброжелательствомъ ускоряя свои заключенія, они представляли публикѣ поэта Богъ знаетъ какимъ кутежникомъ. Дѣло въ томъ, что говорливая муза Языкова клепала на него многое. Русскій человѣкъ любитъ иногда прослыть удалымъ, хоть будетъ и очень смиренъ на дѣлѣ.

Фарисейство не въ характерѣ русскаго человѣка, скорѣе противное. Не отказывался Языковъ отъ дружеской чаши, но умѣренно было его веселье, цѣломудренна бесѣда. Всего болѣе радовался онъ тому, что его звучная пѣсня оглашала пиры его товарищей и жарче вина согрѣвала ихъ юныя души.

Въ это время Пушкинъ узналъ Языкова. Часто, проводя лѣто въ помѣстьѣ пріятеля своего А. Н. Вульфа, Языковъ оттуда навѣщалъ и Пушкина въ его Тригорскомъ уединеніи. Тогда старшій представитель новаго поколѣнія поэтовъ создавалъ Бориса Годунова и Полтаву. Языковъ живописными стихами нарисовалъ ландшафтъ Тригорскаго. Памятно мнѣ, какъ Пушкинъ въ 1826 году привезъ это стихотвореніе въ Москву, и съ восторгомъ читалъ его намъ. Чувства свои онъ выразилъ въ посланіи къ Языкому. Онъ сказалъ ему, что Ипокрена его

. . . . не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рому и вина,
Безъ примѣси воды негодной
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

Пушкинъ кланялся стиху Языкова. Въ Полтавѣ и другихъ произведеніяхъ можно замѣтить даже Языковское вліяніе, въ отношеніи къ силѣ слова и теченію разсказа. Вспоминая о бесѣдахъ двухъ поэтовъ, нельзя не припомнить и няни Пушкина, которая снаряжала имъ деревенскую трапезу, и угощала ихъ

Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ.

Языковъ почтилъ память Васильевны * двумя стихотвореніями.

Въ 1829 году поэтъ былъ уже въ своей любимой Москвѣ. Съ нею раздѣлилъ опасности холеры и въ торжественномъ хорѣ воспѣлъ избавленіе города отъ этого бѣдствія. Мысль объ отечествѣ, любимая мысль всей жизни его на чужой сторонѣ, олицетворилась передъ нимъ въ нашей столицѣ, и онъ такъ ее выразилъ:

Я здѣсь! Да здравствуетъ Москва!
. . . . Святымъ сіяніемъ горятъ!» (ч. II. стр. 39. «Ау»).

Москва своею религіозною мыслію, строгимъ характеромъ своей жизни и своихъ нравовъ дала другое направленіе мужавшей лирѣ поэта. Ужъ не дерптскій разгулъ слышится въ стихахъ его. Здѣсь подъ благовѣстъ московской святыни, раздаются подражанія псалмамъ.

Кому, о Господи! доступны . . . .
(см. н. изд. ч. II. стр. 7. «Подражаніе псалму XIV»).

Здѣсь такъ высоко и свято сознается поэтомъ назначеніе поэта:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
(см. н. изд. ч. II. стр. 6. «Поэту»).

Въ Москвѣ отозвалась и память Волги полнозвучными стихами Водопада и Пловца:

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена; (см. н. изд. ч. II. стр. 5. «Водопадъ»).
Воютъ волны, скачутъ волны!
До
Отшибаяся назадъ! (см. н. изд. ч. II. стр. 14. «Пловецъ»).

---

* Родіоновной, а не Васильевной звали няню Пушкина. *Прим. издат.*

Къ этому времени, къ 1831 году, относится вступленіе Языкова въ службу. Вотъ документъ, который содержитъ его недлинный послужной списокъ.

Записка о канцеляристѣ Языковѣ.

«Канцеляристъ Николай Языковъ поступилъ въ канцелярію Главнаго Директора Межевой Канцеляріи 1831 года Сентября 12-го; 1832 года Сентября 17-го за № 1,757 представлено бывшимъ главнымъ Директоромъ, г. Сенаторомъ Гермесомъ, г-ну Министру Юстиціи о награжденіи его, Языкова, чиномъ Коллежскаго Регистратора, а 18-го Ноября 1833 года, онъ, Языковъ, уволенъ по прошенію отъ службы.»

Тогда-то, по собственнымъ его словамъ, въ посланіи къ Князю П. А. Вяземскому,

Уже чиновникъ русской службы,
Онъ родину свою и пѣлъ, межевалъ. . . .

Въ это же время, а именно въ 1833 году, онъ сослужилъ настоящую службу своему отечеству томомъ изданныхъ имъ стихотвореній.

Въ Москвѣ началась болѣзнь Языкова. Но здѣсь онъ почти выздоровѣлъ и поѣхалъ на родину въ Симбирскъ, уже не больной, хотя и не совсѣмъ здоровый. Тамъ она усилилась и уже не покидала его до конца жизни. Въ свѣтлыя минуты отдыха отъ тяжкаго недуга онъ писалъ посланія къ друзьямъ и поэтамъ, изъ которыхъ особенно одно, къ Д. В. Давыдову, блещетъ всею роскошью стиха его. Тогда же онъ перелагалъ въ сцены народную Сказку о Жаръ-Птицѣ, которая вполнѣ не была никогда напечатана, а отрывками находится въ его новыхъ стихотвореніяхъ. Болѣзнь принудила поэта разстаться опять съ отечествомъ. Эта разлука была тяжела для его любящаго сердца. Ницца морскою волной оживила его силы: онъ первую ее и

прославилъ. Потомъ изъ чужбины началъ стихами перекликаться съ друзьями по сердцу и поэзіи. Пѣлъ онъ красоты горъ, но сыну степей и долинъ было душно въ ихъ области:

А горы да горы: онѣ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя: словно заставятъ
Онѣ мнѣ желанный на родину путь!

Въ драматическихъ сценахъ передавалъ онъ живыя бесѣды русской молодежи, кочующей за границею, но здѣсь обнаружилось, что онъ неспособенъ былъ къ драмѣ. Ница, Гастуна и Рейнъ всего болѣе отзываются въ его заграничныхъ напѣвахъ. Первыя двѣ содѣйствовали нѣсколько къ возстановленію его здоровья. Второй напомнилъ ему дерптское житье-бытье.

Лучшее его стихотвореніе къ Рейну; но воспѣвая Рейнъ, онъ переносится мыслію къ родной Волгѣ и ея данницамъ. Всѣ онѣ привѣтствуютъ князя многихъ рѣкъ. Волга начинаетъ:

А Волжанинъ, тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ!

За Волгою слѣдуютъ Ока, Сура, Свіяга, Кама, Самара, Черемшанъ, Иргизы и Сызранъ. Каждая изъ рѣкъ имѣетъ свой характеръ; каждая своимъ особливымъ теченіемъ разливается въ звучныхъ стихахъ его. Но главная мысль этой дивной гораціанской оды есть та, что здѣсь живое чувство любви къ родному сли-

лось съ прекраснымъ, благороднымъ, теплымъ сочувствіемъ къ образованной чужбинѣ. Заключивъ привѣты отъ родныхъ своихъ рѣкъ, Волжанинъ продолжаетъ:

Теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки!
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенной
Твои покоитъ берега!

Того русскаго великодушнаго чувства, которое дышитъ въ этихъ стихахъ, не замѣтило близорукое пристрастіе враговъ Языкова, придиравшихся къ его русскимъ поговоркамъ и шуткамъ о нѣмечинѣ, да еще о томъ

Какъ Нѣмецъ, скользкою дорогой,
Идетъ, съ подскокомъ, жидконогой —
И бацъ да бацъ на гололедь!
Краснорѣчивая картина
Для русскихъ глазъ! Люблю ее...

Другой возрастъ, другое время, страданія жизни отозвались иными думами, иными чувствами въ струнахъ поэта. Когда жилъ онъ въ Ницѣ, корабль привезъ свѣжую малагу съ ея настоящей родины. Струя густаго вина, которой онъ не пилъ по запрещенію доктора, внушила ему такіе стихи:

Остепеняютъ насъ и учатъ насъ замѣтно (см. н. изд. ч. II. стр. 158).

Но ни Гастейнъ, ни Ницца, ни Швальбахъ не могли возстановить разрушенныхъ силъ его. Желаніе влекло на родину. Душа, думая объ ней, забывала о тѣлѣ, которое въ чужбинѣ, тревогой духа, страдало еще болѣе. Поэтъ запѣлъ:

«Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался (см. н. изд. ч. II. стр. 213).

Послѣднее время жизни своей Языковъ оставался вѣренъ Москвѣ. Здѣсь боролся онъ еще съ болѣзнію, но эта борьба услаждаема была дружеской бесѣдою, искреннею радостью объ умственномъ развитіи въ Москвѣ, и мыслію, что если ужь умретъ онъ, такъ на родинѣ. Рука его растворялась щедро на все доброе; сердце его веселила всякая мысль на пользу науки, словесности, отечества. Въ свѣтлые отдыхи отъ недуга, онъ дарилъ стихами друзей своихъ. Особенно одушевлено его посланіе къ А. Д. Хрипкову, ландшафтному живописцу, котораго Языковъ особенно умѣлъ цѣнить въ Москвѣ. Въ его домѣ художникъ переводилъ на полотно природу Кавказа, а поэтъ переносилъ краски живописца въ свои стихи:

Созданія твои плѣнительны, блистая
Живымъ изяществомъ труда;
(см. н. изд. ч. II. стр. 251).

Всѣ коренныя убѣжденія его жизни, которыя постоянно повѣрялъ онъ своей музѣ отъ самыхъ первыхъ ея пѣсенъ, живѣе проснулись въ немъ середи умственнаго движенія московской атмосферы. Увлекаемый силою ихъ искренности, можетъ-быть, иногда онъ выражалъ ихъ съ излишнею горечью; но тѣ, которые благородно цѣнятъ человѣка выше какой бы то ни было умственной односторонности, уже помирились съ нимъ. Только односторонность, ограниченная и потому безъ границы пристрастная, не можетъ знать примиренія, и способна мстить памяти человѣка даже и за гробомъ.

Одно изъ послѣднихъ вдохновеній Языкова было посвящено Карамзину въ то время, когда на общей (??) ихъ родинѣ воздвигался памятникъ исторіографу. За годъ до кончины, не смотря на страданія, поэтъ какъ будто

собралъ всѣ прежнія живыя силы своего духа и стиха для такого торжественнаго случая. Это истинно монументальная ода, пиндарическое созданіе русской лиры, гдѣ мысль о воздаяніи за подвигъ гражданскій и литературный облечена въ спокойное величіе самаго яснаго сознанія.

Въ Москвѣ же въ послѣднее время, со струнъ лиры Языкова сильнѣе, чѣмъ когда нибудь раздались тѣ высокія пѣсни, которыхъ слабое начало сказалось еще въ дерптской Молитвѣ, но сильнѣе раскрылось въ первыхъ московскихъ стихотвореніяхъ. У всѣхъ истинныхъ поэтовъ Россіи въ глубинѣ души живетъ завѣтное, тайное чувство, которое связываетъ ихъ съ основою народной жизни. Какъ бы ни засорилось оно, какъ бы ни утаилось подъ спудомъ всякихъ вліяній и всякихъ наростовъ, живущее и сильное, рано или поздно, пробивается оно сквозь всѣ слои жизни. Еще свѣжее, принятое отъ древней наши Руси, настроило оно первыя пѣсни Ломоносова и Державина: отозвалось на лирѣ Жуковскаго, а въ прелюдіи къ Налю и Дамаянти обнаружилось яснѣе; благоговѣйно настроило предсмертные звуки незабвеннаго Пушкина. Оно же гремитъ громомъ и въ послѣднихъ произведеніяхъ Языкова, обѣщая какую-то чудную, новую поэзію. Таковы его Землетрясеніе и Самсонъ.

Есть священное преданіе въ нашей церкви, что во время страшнаго землетрясенія, колебавшаго Византію, когда царь, сенатъ, синклитъ и народъ молились передъ алтаремъ объ избавленіи, невидимая сила подняла отрока къ небесамъ, и онъ услышалъ горнюю пѣсню Святъ, Святъ, Святъ! — и принесъ ее на землю, и ею спасена была Византія. Поэтъ передалъ вдохновен-

ными стихами это преданіе — и такъ обратился къ самому себѣ:

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха. (См. н. изд. ч. II. стр. 248).

Здѣсь Языковъ возвращалъ поэзію къ истинному ея началу, къ первому ея источнику. Какую глубокую думу думалъ поэтъ, когда совершалось въ немъ послѣднее его вдохновеніе, когда онъ своимъ могучимъ стихомъ изваялъ Сампсона, утратившаго силу свою отъ того, что

Его соблазнили Далиды прекрасной (см. н. изд. ч. II. стр. 288.).

Въ послѣдніе дни, передъ самою смертію, дума вѣры много его занимала. Слегши въ постелю, онъ предчувствовалъ, что умретъ. По собственному желанію, совершилъ послѣдній долгъ Христіанина. За три дни до смерти, утромъ, созвавъ домашнихъ, говорилъ съ ними о воскресеніи мертвыхъ. Необыкновенная память не покидала его почти во все время. Искры ея замѣтны были въ самомъ бреду горячки. На одрѣ смертномъ онъ пѣлъ и читалъ стихи. Ему грезилось любимое занятіе жизни. Русское хлѣбосольство — также черта его характера — видно въ послѣднихъ его распоряженіяхъ. Онъ заказалъ всѣ блюда похороннаго своего обѣда, и поручилъ брату пригласить друзей его и знакомыхъ. За часъ до кончины бесѣдовалъ съ врачомъ своимъ, и уснулъ вѣчнымъ сномъ, незамѣтно для его окружавшихъ. Когда кончились страданія жизни, и предстало лицо Языкова во всемъ величавомъ спокойствіи смерти, тогда обозначились настоящія черты его, которыя искажала болѣзнь. Выпрямилось высокое чело — и особенно значительны были широкія, полныя уста его. Мысль, что эти уста, въ которыхъ создавался полнозвучный

его стихъ, смежились на вѣки безмолвіемъ, тяжело-грустна была не только для ближнихъ его, но и для всѣхъ, кто любилъ русское слово, поэзію, и дорожитъ славою отечества.

Душа чистая, безобидная, любящая, жила въ этомъ тѣлѣ. Мягкая кротость была главною чертою въ его характерѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые могутъ быть только жертвами другихъ. Какъ часто, страдая болѣзнію въ Ганау, онъ уменьшалъ ея признаки передъ своимъ престарѣлымъ врачомъ для того только, чтобы не огорчить его. Утромъ, пробужденный недугомъ, боялся потревожить сонъ слуги. Въ самыхъ сильныхъ припадкахъ болѣзни не зналъ хандры и сохранялъ ясное спокойствіе духа. Въ сношеніяхъ дружескихъ никогда не питалъ ни къ кому сомнѣнія. Чистоту собственной души всегда видѣлъ и въ другихъ. Всякій близкій могъ завладѣть и его добромъ и имъ всѣмъ, кромѣ его убѣжденій. Въ нихъ только сосредоточивалъ онъ всю крѣпость характера — и въ отношеніи къ нимъ

. . . . . . неизмѣненъ жизни новой
Пришелъ къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовой
Доходитъ цѣлый къ берегамъ.

Жизнь Языкова не богата внѣшними событіями, а между тѣмъ рѣдко найти другаго поэта, у котораго всякое стихотвореніе было бы плодомъ прожитой минуты, какъ у Языкова, въ которомъ человѣкъ и поэтъ такъ тѣсно были бы связаны. Біографія его, которую излагалъ я его же стихами, служитъ лучшимъ оправданіемъ этой мысли. Всякое стихотвореніе его было данью прекрасной души его, приношеніемъ его доброхотства

поэтамъ, добрымъ людямъ и друзьямъ за все прекрасное, святое и любовное, отечеству и его исторіи за все великое и славное, жизни за ея дары, любезные намъ и въ самыхъ страданіяхъ. Стихи свои подносилъ онъ всему, имъ любимому, какъ лучшій гостинецъ отъ щедрыхъ даровъ, которыми небо его надѣлило. Поэзія его была свѣтла и чиста: она не ссорилась съ жизнію и чуждалась разочарованія. Поэтъ самъ это выразилъ:

Я самъ постигнуть не могу, (См. н. изд. ч. I. стр. 74).

Главное и особенное достоинство поэзіи Языкова судьба сама какъ будто нарочно выразила въ его имени. Поэзія русскаго языка въ стихѣ была открыта ему до высшей степени совершенства. Это достоинство маловажно въ глазахъ тѣхъ недальновидныхъ, которые едва ли понимаютъ, что такое языкъ, этотъ таинственный образъ всего народа, и вмѣстѣ съ нимъ готовы отвергнуть и самый народъ. Не такъ думали два мастера русскаго языка, Пушкинъ и Дельвигъ: они единогласно утверждали, что искусство слагать стихотворный русскій періодъ постигнуто было въ совершенствѣ однимъ Языковымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни у кого изъ поэтовъ русскихъ стихи такъ свободно не льются, и слова такъ покорно не смыкаются въ одно согласное и великое цѣлое, какъ у Языкова. Онъ движетъ ими, и строитъ ряды ихъ, какъ искусный полководецъ обширное воинство. Славу другихъ достоинствъ стихотворной поэзіи Языковъ раздѣлитъ съ другими, во многихъ уступитъ имъ, но это остается за нимъ правомъ безсмертной его собственности. Это вѣчная заслуга его, которой не отниметъ у него ни чье близорукое пристрастіе. Стихи Язы-

кова будутъ славою и радостью каждаго истинно-русскаго, говоря его же словами:

Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ.

Ст. Шевыревъ.

X. ЯРОСЛАВСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ. 1850.

Нѣсколько словъ въ память Языкова.

Теперь, когда у насъ на берегу Волги затѣялось литературное дѣло, я вспомнилъ о тебѣ, незабвенный пѣвецъ Волги, давно уже почившій въ могилѣ, но бывшій нѣкогда славнымъ подвижникомъ поэтическаго труда! Я вспомнилъ, какъ ты любилъ все родное, какъ радовался успѣхамъ просвѣщенія русскаго, какъ любилъ добро... вспомнилъ — и мнѣ захотѣлось помѣстить имя твое на страницахъ, посвященныхъ благотворительности. Ты любилъ благотворить при жизни, пусть и по смерти твоей принесетъ какую нибудь пользу благородное воспоминаніе, которое ты оставилъ по себѣ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ.

Языковъ не оставилъ богатыхъ матеріаловъ для своей біографіи въ томъ смыслѣ, какъ нѣкоторые привыкли понимать ее. Онъ не дѣйствовалъ ни на какомъ поприщѣ положительно, не служилъ, не занималъ публичныхъ мѣстъ; наконецъ не былъ въ жизни какимъ нибудь искателемъ приключеній, повѣсть которыхъ могла бы весело занять праздные умы. Нѣтъ! внѣшняя жизнь его была очень проста и обыкновенна; дѣятельность его была на поприщѣ мысли и слова, — на поприщѣ, правда, обширномъ, но эта самая многозна-

чительность жизни литературной заслоняетъ собою интересы частной жизни, такъ что факты послѣдней любопытны единственно по отношеніямъ къ первой. Можно узнать многое изъ жизни поэта по стихамъ его. Это особенно справедливо въ отношеніи къ Языкову, который рѣдко упускалъ случаи нарисовать свой портретъ, и рисовалъ его всегда очень вѣрно. Любовь, дружба, знакомства, пріятное и скучное препровожденіе времени, занятія, впечатлѣнія — все было предметомъ его восторженныхъ пѣсенъ. Это поэтическій памятникъ его бытія. Намъ остается только разсказать въ порядкѣ прозаическій ходъ его жизни, которой поэтическія стороны и внутреннее развитіе онъ превосходно передалъ самъ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ 1806 г.,(??) въ Симбирской губерніи, бывшей также родиною Дмитріева и Карамзина (??). Волга — «властительница русскихъ водъ»—прежде всего дала поэту понятіе о красотѣ и о величіи его отчизны. Сколько разъ потомъ онъ воспѣвалъ родимую свою рѣку прекрасными стихами, то выражая въ нихъ или благородныя чувства пламенной любви ко всему отечественному, или воспоминанія лучшихъ лѣтъ, проведенныхъ на родинѣ, то описывая кистью художника роскошныя картины Волжской природы. Вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, какіе бы различные предметы ни занимали его душу, всегда въ ней оставалось довольно мѣста для воспоминанія о милой Волгѣ. Такъ, въ Дерптѣ написалъ онъ извѣстную пѣсню:

Изъ страны, страны далекой
Съ Волги матушки — широкой
Ради сладкаго труда
Собралися мы сюда .... и проч.

А въ 1840 году, находясь въ Ниццѣ, воспѣлъ онъ, съ удивительною вѣрностію въ описаніяхъ, первую рѣку Русскаго царства, въ стихотвореніи «къ Рейну».

Нѣтъ сомнѣнія, что роскошныя картины природы много дѣйствовали на душу отрока-поэта. Въ то время, вѣроятно, въ первый разъ запала въ грудь его искра поэтическаго огня. Этимъ обстоятельствомъ много объясняется та удивительная, рѣдкая любовь, которую поэтъ питалъ къ своей родинѣ до самой смерти. 12-ти лѣтъ отъ роду, Языкова привезли для образованія въ Петербургъ. Его опредѣлили въ Горный Корпусъ. Эстетическое чувство, волновавшее до сихъ поръ безсознательно свѣтлую душу юноши, получило теперь ясный, опредѣленный видъ, будучи образовано ученьемъ. Въ Петербургѣ Языковъ сталъ писать стихи, и предался поэзіи со всѣмъ жаромъ юности, отъ этого вовсе охладѣлъ къ математическимъ наукамъ, составлявшимъ главную часть корпуснаго образованія, и не могъ продолжать курса. Годъ провелъ онъ въ Петербургѣ почти безъ всякихъ регулярныхъ занятій, а потомъ съ рекомендательными письмами Воейкова, перваго изъ литераторовъ, замѣтившаго въ немъ талантъ, отправился въ Дерптъ, для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ. Это было въ 1823 году. Здѣсь начинается новая эпоха въ жизни Языкова. Шесть лѣтъ (1823—1829), проведенные имъ въ Дерптѣ пріятно и весело, пролетѣли, какъ одинъ весеній день. Въ продолженіи этого времени талантъ его достигъ полнаго развитія. Съ 1823 года (??) начинаются первыя его произведенія, появившіяся въ печати, и до 1829 года ихъ накопилось уже столько, что имя Языкова сдѣлалось тогда извѣстнымъ всякому, сколько нибудь занимавшемуся отечественной литературой.

Общество, въ которомъ жилъ поэтъ, безъ сомнѣнія много содѣйствовало такому быстрому развитію его таланта. Въ этомъ обществѣ было много хорошихъ молодыхъ людей, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи въ Дерптъ для образованія. Между всѣми ими существовала дружба, которою впрочемъ особенно отличался Языковъ. До конца жизни своей сохранилъ онъ свято это чувство, какъ первую драгоцѣнность сердца, какъ лучшее сокровище, которымъ украшается земное бытіе. Всегда исполненный братскимъ расположеніемъ къ ближнему, онъ былъ счастливъ на взаимность. Онъ всегда имѣлъ добрыхъ друзей, и преждевременная его кончина была для многихъ предметовъ искренней печали.

Въ Дерптѣ Языковъ дѣлилъ время между ученьемъ, веселостями и стихами. Все, что только трогало душу поэта, находило немедленно отголосокъ въ его роскошной лирѣ. Съ какимъ чувствомъ пріѣхалъ онъ въ Дерптъ, какъ ревностно предался труду и уединенію,— это можно видѣть изъ стихотворенія «Мои пенаты», въ концѣ котораго поэтъ говоритъ:

Я не ищу фортуны,
Ни почестей мірскихъ... (см. н. изд. ч. I. стр. 13).

Эти стихи вполнѣ выражаютъ лучшую, благороднѣйшую сторону характера Языкова. Любовь къ труду, къ поэзіи, къ уединенію была бы постояннымъ его благомъ, если бы онъ поболѣе заботился о сохраненіи ея. Но всего удивительнѣе то, что онъ начерталъ себѣ такія правила еще 17 лѣтнимъ юношею: стихотвореніе «Мои панаты» написано въ 1823 году.

Молодой человѣкъ съ талантомъ, подававшимъ такія блестящія надежды, обратилъ на себя вниманіе мно-

гихъ знаменитыхъ людей. Жуковскій, проводившій въ тѣ годы лѣтнее время на дачѣ, близъ Дерпта, привѣтилъ молодаго дерптскаго поэта со всею искренностью своей прекрасной души, для которой, говоритъ Плетневъ, «появленіе всякаго новаго таланта составляетъ праздникъ».

Въ скоромъ времени Языковъ удостоился дружбы другаго корифея русской поэзіи, Пушкина. Послѣдній жилъ тогда въ деревнѣ своей матери, въ Михайловскомъ (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда), и приглашалъ къ себѣ Языкова посланіемъ, начинающимся такъ:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ.
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ!

Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ, и два поэта, достойные другъ друга по талантамъ и характерамъ, пріятно провели вмѣстѣ лѣто 1826 года. Пушкинъ былъ тогда въ лучшей порѣ своей литературной дѣятельности. Въ уединеніи, неразвлекаемый докучнымъ свѣтомъ, онъ весь предавался творчеству своего разнообразнаго генія, посвящая свое время вдохновеннымъ трудамъ. Кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, нѣкоторыя главы Евгенія Онегина написаны въ Михайловскомъ; тамъ составленъ планъ и начертаны нѣкоторыя сцены Бориса Годунова. Все это дѣлало дружескія бесѣды поэтовъ очень интересными. Языковъ послѣ вспомнилъ о нихъ съ удовольствіемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы,
Неслися наши вечера!

Нерѣдко собесѣдницею поэтовъ являлась старая няня Пушкина, Васильевна (??), которую Языковъ въ послѣдствіи воспѣлъ въ двухъ стихотвореніяхъ. Послѣднее изъ нихъ написано имъ на кончину этой доброй старушки. Оно очень наивно и трогательно. Вотъ начало его:

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ . . . . (см. н. изд стр. 2. ч. II).

Лѣто, проведенное Языковымъ съ Пушкинымъ, прекрасно описано первымъ въ стихотвореніи «Тригорское». Кромѣ этихъ знакомствъ, Языковъ тогда сблизился еще съ барономъ Дельвигомъ и съ Баратынскимъ. Тотъ и другой постоянно сохраняли къ нему дружеское расположеніе, и нерѣдко выражали его въ звучныхъ стихахъ. Особенно извѣстенъ сонетъ Дельвига, исполненный предсказаній счастливой будущности юному поэту, предсказаній, которыя отчасти не сбылись.

Чтобы окончить краткое описаніе этого періода жизни Языкова, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о его дерптскихъ стихотвореніяхъ. Всѣ они носятъ на себѣ печать большаго таланта, главная сила котораго заключается не столько въ богатствѣ мыслей, сколько въ художественной обработкѣ языка. Какой бы предметъ ни послужилъ вдохновеньемъ поэту, онъ непремѣнно представитъ этотъ предметъ вѣрно, свѣжо, ярко, поэтически. То, что у другаго породило бы самые скучные стихи, у Языкова порождаетъ самые занимательные. Все, до чего онъ ни коснулся перомъ своимъ, отъ

лучшихъ подвиговъ древнихъ русскихъ героевъ до игры въ свайку, отъ тризны на могилѣ Олега до студенческой пирушки, все у него блещетъ изящными, гармоническими формами. Но такое богатство языка не могло замѣнить бѣдности содержанія. Здѣсь видно поразительное сходство жизни Языкова съ его поэзіей. Какъ самъ поэтъ, по своей молодости, по воспріимчивости юной, пылкой души, увлекался часто тѣмъ, что не стоило увлеченія: такъ и поэзія его воспѣвала иногда предметы, вовсе недостойные ея. Между первыми его стихотвореніями еще встрѣчаются нѣкоторыя замѣчательныя элегіи (на пр. «Скажи, воротишься ли ты?» «Не улетай, не улетай» и др.), въ которыхъ поэтъ, настроенный къ высокой грусти, высказываетъ свѣтлыя задушевныя мысли въ звучныхъ стихахъ. Но эти благородные начатки не имѣли продолженій. Чѣмъ болѣе поэтъ входилъ въ лѣта, тѣмъ болѣе вдавался въ окружавшую его жизнь. Положимъ, что эта жизнь была такъ хороша, такъ увлекательна для юности, ибо обстановками ея были всѣ роскошныя блага земли; но могла ли она доставить хорошіе матеріалы для поэзіи, при томъ взглядѣ на вещи, который имѣлъ тогда Языковъ? Вотъ вопросъ, на который отрицательный отвѣтъ даютъ почти всѣ тогдашнія его произведенія. Что въ нихъ? студенческія пирушки, гулянья, неясные порывы любви и тому подобные предметы, часто заставляющіе жалѣть о ихъ выборѣ. Только тогда поэтъ достигалъ нѣкоторой свойственной себѣ высоты, когда почерпалъ вдохновеніе въ страницахъ русской исторіи, или когда рисовалъ картины природы. Прочее же, написанное имъ въ это время первой молодости его, восхищало только силою таланта, умѣвшаго поэтизировать все.

Самъ Языковъ чувствовалъ иногда пустоту такой

жизни. Въ 1829 году, собираясь ѣхать на родину, онъ говорилъ:

Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой,
И гордо брошу свой лавровый,
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Но эти слова были сказаны не съ полнымъ еще убѣжденіемъ сердца. Въ другое время поэтъ, тревожимый грустью и, можетъ быть, тайнымъ предчувствіемъ грядущихъ страданій, краснорѣчивѣе выразилъ духовную потребность въ перемѣнѣ жизни:

Молю, святое Провидѣнье, (см. н. изд. ч. I. стр. 36).

Съ 1829 года Языковъ поселился въ Москвѣ. Онъ опредѣлился тамъ на службу въ Межевую Канцелярію. Москва всегда славилась своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ; стало быть, не трудно повѣрить, что молодаго поэта (ему было тогда только 23 года) принимали вездѣ ласково, и что ему въ Москвѣ было очень хорошо. Къ тому же тамъ въ то время жили друзья его, — Пушкинъ и Баратынскій. Но кромѣ общества, кромѣ друзей, которые дѣлали для Языкова столицу столь любезною, она была драгоцѣнна его сердцу еще по священнымъ остаткамъ старины, по славнымъ воспоминаніямъ, тѣсно связаннымъ съ именемъ ея и драгоцѣннымъ въ исторіи нашего отечества, которое онъ такъ пламенно любилъ. Самъ онъ радъ былъ Москвѣ, какъ мирной пристани, въ которой надѣялся найдти счастіе и покой. Онъ привѣтствовалъ ее стихами, достойными своего предмета:

Я здѣсь, — да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя;

Здѣсь наша матушка Россія
Семисотлѣтняя жива! и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ все вызывало поэта на духовную дѣятельность, согрѣвало сердце, вдохновляло умъ. Въ душѣ его родились новыя, болѣе возвышенныя мысли о назначеніи человѣка, о подвигѣ художника, о существенно-прекрасномъ на землѣ. Правда, иногда Языковъ измѣнялъ еще этимъ понятіямъ, и пѣвалъ подъ часъ на прежній ладъ; но все же плодомъ тогдашняго его образа мыслей осталось одно изъ его лучшихъ стихотвореній «Поэту», написанное въ 1831 году:

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье, (см. н. изд. стр. 6. ч. II.)

Въ Москвѣ начались черные дни для Языкова. Въ концѣ 1831 года съ нимъ приключилась тяжкая болѣзнь, для которой онъ долженъ былъ оставить службу и уѣхать въ деревню. Въ первые годы своего несчастія больной страдалъ не такъ сильно, какъ послѣ. Тишина деревенской жизни, хорошій воздухъ, — все это хотя немного, успокоило его. Онъ даже писалъ изрѣдка стихи. Но въ этихъ стихахъ не узнавали уже прежняго Языкова. Только въ посланіи къ Давыдову талантъ его явился въ прежнемъ блескѣ.

Что же утѣшало поэта въ такомъ грустномъ состояніи? то же, что и прежде, — любовь къ поэзіи, къ труду, къ природѣ.

Вотъ что говоритъ онъ о своемъ тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ въ Языковѣ (имя деревни):

Какъ хороша весна! какъ я люблю ее
Здѣсь, въ сторонѣ моей родимой,
Гдѣ льется мирно и незримо
Мое привольное житье,

Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Передъ свѣтильникомъ труда,—
Гдѣ окруженъ его сіяньемъ величавымъ,
Поникнувъ на руку безоблачнымъ челомъ,
Я міру чуждъ, и радостямъ лукавымъ,
И суетамъ, господствующимъ въ немъ!

Но несчастный поэтъ недолго наслаждался такою мирною жизнью. Болѣзнь его усиливалась постепенно, такъ что около 1839 года онъ принужденъ былъ расстаться съ послѣднимъ своимъ утѣшеніемъ, съ милой родиной, чтобы ѣхать къ минеральнымъ водамъ за границу.

Здѣсь-то наступила самая печальная пора въ жизни Языкова. Годы (1839—1844), проведенные имъ за границей, были годами мучительныхъ недуговъ, тяжелой скуки, томительной тоски по отчизнѣ. Въ 1840 году морскія купанья въ Ниццѣ много помогли больному; но болѣзнь его вскорѣ возвратилась опять. Въ бытность его въ Ганау, въ 1841 году, она достигла высшей степени. Престарѣлый врачъ, лѣчившій его тогда, не могъ найти средствъ для облегченія его. Тогда больной, видя безуспѣшность стараній медика, и не желая огорчить его объявленіемъ о томъ, сталъ скрывать свои страданія.

Послѣднимъ заграничнымъ пребываніемъ Языкова былъ Римъ, гдѣ жилъ тогда и Гоголь, замѣнившій для него умершихъ и оставленныхъ на родинѣ друзей. Въ Римѣ Языковъ пріобрѣлъ любовь въ то время жившихъ тамъ русскихъ художниковъ, которые, разставаясь съ нимъ, подарили ему на память дагерротипъ, представляющій на одной картинѣ портреты всѣхъ ихъ, каждаго за своей работой. Языковъ, всегда

любившій искусство и художниковъ, съ благодарностію принялъ подарокъ своихъ римскихъ друзей, и возилъ его вездѣ съ собою.

За границей Языковъ писалъ много стиховъ, но всѣ они однообразны по содержанію, хотя замѣчательны по языку. Состояніе души поэта всегда давало тему его произведеніямъ; а такъ какъ самъ онъ въ то время постоянно былъ скученъ, печаленъ, разстроенъ духомъ: то и въ стихахъ его описывается эта самая скука въ чужихъ городахъ. Между произведеніями этого рода особенно трогательна одна элегія:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался (см. н. изд. ч. II. стр. 213.)

По прошествіи пятилѣтняго, безполезнаго почти, пребыванія за границею, Языковъ пріѣхалъ въ 1844 году въ Москву. Тамъ ожидали его родные, друзья, старые знакомые, съ которыми онъ не видался нѣсколько лѣтъ.

Новое вдохновеніе озарило поэта въ отечественномъ городѣ, гдѣ онъ жилъ прежде такъ весело, гдѣ совершилось окончательное образованіе его благороднаго характера, его свѣтлаго, обширнаго ума. Одного только недоставало къ его счастію,—здоровья; но этотъ недостатокъ крѣпости въ тѣлѣ, хотя нѣсколько, вознагражденъ твердостію души.

Долговременная болѣзнь измѣнила во многомъ Языкова. Мы видѣли, какъ онъ въ юности, не смотря на свой прекрасный, благородный характеръ, иногда увлекался минутою; какъ онъ не дорожилъ своимъ даромъ, посвящая его иногда на недостойное служеніе.... Теперь онъ былъ уже не тотъ.

Устроившись на житье въ Москвѣ, онъ снова принялся за оставленную лиру, но съ другими цѣлями, съ

другими мыслями, нежели какъ прежде. Самъ онъ выразился такъ объ этомъ въ посланіи къ князю Вяземскому, — писанномъ въ 1844 году:

Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу... (см. н. изд. ч. II. стр. 254).

Конецъ этого посланія ясно показываетъ, какъ велики были страданія поэта, и какъ сильно онъ желалъ выздоровленья:

Желайте жь вы мнѣ, чтобъ я скоро (стр. 255).

Послѣднія стихотворенія Языкова: «Землетрясеніе», «Сампсонъ», «На объявленіе памятника Карамзину», принадлежатъ къ лучшимъ драгоцѣнностямъ русской поэзіи. Въ первомъ изъ нихъ онъ высказываетъ высокое назначеніе поэта слѣдующими стихами:

.... Поэтъ, въ годину страха (см. н. изд. ч. II. стр. 248).

а во второмъ, изображеніемъ Сампсона, представляетъ воскресеніе силы духа, обратившагося къ Богу. Къ сожалѣнію, здоровье Языкова не позволяло ему предаваться поэзіи такъ, какъ бы онъ желалъ. Много тогдашнихъ свѣтлыхъ его вдохновѣній не передано бумагѣ и невозвратно потеряно для насъ.

Лѣтомъ 1846 года Языковъ снова захотѣлъ попробовать своего счастія лѣченьемъ холодною водою, которое очень удалось. Онъ жилъ тогда на дачѣ въ Сокольникахъ. Безъ сомнѣнія, прекрасный свѣжій воздухъ сосновой рощи много поправилъ его. Ободренный благополучнымъ началомъ, Языковъ рѣшился продолжать лѣченье осенью и зимою, переѣхавъ въ городъ. Къ несчастію, ему очень далеко было ѣздить со своей квартиры въ водолѣчебное заведеніе, что на Тверскомъ бульварѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, больной простудился. Немедленно съ нимъ сдѣ-

лалась нервная горячка, противъ которой всѣ пособія медицины оказались вскорѣ тщетными. Самъ больной предчувствовалъ близкую свою кончину, какъ только слегъ въ постель. Незадолго до своей смерти онъ исповѣдался, причастился св. Таинъ, долго разговаривалъ съ окружающими о будущемъ воскресеніи мертвыхъ, и потомъ распорядился всѣмъ касательно своего погребенія. 26 декабря 1846 года, въ 6 часовъ пополудни, не стало добраго Языкова. Тѣло его погребено въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

Литературная дѣятельность Языкова продолжалась 23 года (1823—1846). Онъ началъ писать въ то время, въ которое дѣйствовали почти всѣ наши первостепенные таланты, и которое многіе называютъ золотымъ вѣкомъ Русской поэзіи, если надобно, чтобы въ литературѣ всякаго народа былъ непремѣнно свой золотой вѣкъ. Безъ сомнѣнія, надобно было имѣть много таланта, чтобы при такихъ соперникахъ привлечь къ себѣ такое вниманіе современниковъ, какимъ пользовался Языковъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ Пушкина и, можетъ быть, первоначально заимствовалъ у него мѣру и стихъ. Потомъ онъ такъ усовершенствовался въ этихъ качествахъ, что нерѣдко даже превосходилъ своего учителя, — но, къ сожалѣнію, остался только при нихъ. Тогда болѣе всего значила гармонія стиха, и вообще на поэзію смотрѣли еще не болѣе, какъ на духовную нѣгу, какъ на игру ума. Отъ нея требовали только изящнаго представленія образовъ, сценъ и положеній, при строжайшемъ соблюденіи художественности формъ. Идеи отдавались совершенно на произволъ поэта; мало заботились, симпатизировали ли онѣ съ понятіями, потребностями, однимъ словомъ съ жизнію такъ называемой толпы. Самъ Пушкинъ нѣкоторымъ образомъ по-

давалъ поводъ къ такому направленію, не разъ говоря о немъ прямо въ нѣкоторыхъ стихахъ. Но Пушкинъ былъ геній; условія его поэзіи, его путь были отличны отъ таланта. При томъ же, говоря одно, Пушкинъ дѣлалъ другое; онъ не только не презиралъ, но напротивъ того глубоко изучалъ современную жизнь. Онъ умѣлъ находить поэзію въ дѣйствительности, а не оставался только въ области лиризма. Оттого, когда прошло уже невозвратно то время, прошла та жизнь, Пушкинъ все еще, если не болѣе, пользуется удивленіемъ и славой. Но, кромѣ его, былъ еще одинъ поэтъ, изъ его же школы, товарищъ Языкова, понявшій лучше послѣдняго сущность поэзіи и прямую цѣль ея. Это — Баратынскій. Какъ поэтъ преимущественно мысли, онъ былъ холодно принятъ современниками, изъ которыхъ немногіе могли сочувствовать ему; но за то Баратынскій высоко былъ оцѣненъ послѣ, уважается теперь, и никогда поэзія его не утратитъ существенныхъ своихъ достоинствъ. Не такъ было съ Языковымъ. Его поэзія безъ содержанія, но полная увлекательной силы и гармоніи стиха, была встрѣчена съ восторгомъ. Но вскорѣ этотъ восторгъ сталъ уменьшаться, ибо ожидали отъ поэта болѣе, а онъ оставался все при одномъ.

Потомъ явилось другое поколѣніе, съ новыми взглядами, съ новыми вопросами, — поколѣніе, которому Языковъ сдѣлался вовсе чужимъ. Самъ онъ, можетъ быть, чувствовалъ свои недостатки, и въ послѣдній годъ его жизни, въ поэзіи его замѣтна нѣкоторая перемѣна, которой впрочемъ смерть его помѣшала развиться окончательно. Между тѣмъ недовольные поэзіей Языкова старались совсѣмъ помрачить его славу и давали худшій толкъ его стихамъ. Много излилось противъ него неодобреній (правда, иногда очень нелѣпыхъ) въ по-

слѣдніе годы. Съ своей стороны мы сознаемъ, что Языковъ писалъ многое не для насъ — дѣтей другаго поколѣнія, но отдаемъ ему благодарность и честь за то, чѣмъ онъ былъ для прежняго времени, и за то высокое наслажденіе, которое онъ и намъ часто доставлялъ своими поэтическими возвышенными мыслями и, если можно такъ выразиться, золотокованнымъ стихомъ.

С. Николаевскій.

XI. ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность? Сочин. Гоголя изд. 1855—1856 т. VI. стр. 246—252. Новое изд. Кулиша т. III. стр. 456—459.

Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодаго восторга и языкъ, который, въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину, еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришлось ему не даромъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ Арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Вотъ его купанье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя,
И — бухъ!

Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая наяда!

Вотъ у него игра въ свайку, которую онъ назвалъ прямо-Русскою игрою. Юноши-молодцы стали въ кружокъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо; кольцо бренчитъ.
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ.

Все, что вызываетъ въ юношѣ отвагу — море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣла, твердая, какъ кремень, вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну — выражается у него съ силою неестественною. Когда появились его стихи отдѣльною книгою, Пушкинъ сказалъ съ досадою: «зачѣмъ онъ назвалъ ихъ: стихотворенія Языкова; ихъ «бы слѣдовало назвать просто: хмѣль! Человѣкъ съ «обыкновенными силами ничего не сдѣлаетъ подобнаго; «тутъ потребно буйство силъ». Живо помню восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ о себѣ сказалъ въ посланіи къ Овидію: суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ); я помню тѣ строфы, которыя произвели у него слезы. Первая, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Россіи, которую уже было — признали безсильною и немощною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! Тебѣ надменный зовъ!

Вспомяни жь, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

И потомъ строфа, гдѣ описывается неслыханное самопожертвованіе — предать огню собственную столицу, со всѣмъ, что ни есть въ ней священнаго для всей земли:

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ,
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламя очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

У кого не брызнутъ слезы послѣ такихъ строфъ? Стихи его точно разымчивой хмѣль; въ хмѣлѣ слышна сила высшая, заставляющая его подыматься къ верху. У него студентскія пирушки не изъ бражничества и пьянства, но отъ радости, что есть мочь въ рукѣ и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Въ славу чести и добра.

Бѣда только, что хмѣль перешелъ мѣру, и что самъ поэтъ загулялся через-чуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ.

Всѣхъ глаза устремились на Языкова. Всѣ ждали

чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже и не поэтъ. Все пришло противу него въ ропотъ. Отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда. Языковъ не сказалъ же, говоря о поэтѣ, словами Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ;
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

У него, напротивъ, вотъ что говоритъ поэтъ:

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный виденъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово —
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта.

Положимъ, это говорится объ идеальномъ поэтѣ; но идеалъ свой онъ взялъ изъ своей же природы. Если бы

въ немъ самомъ уже не было началъ тому, не могъ бы и представить онъ себѣ такого поэта. Нѣтъ, не силы его оставили, не бѣдность таланта и мыслей виною пустоты содержанія послѣднихъ стиховъ его, какъ самоувѣренно возгласили критики, и даже не болѣзнь (болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея) — нѣтъ, другое его обезсилило: свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его — вотъ почему примеркнулъ и свѣтъ поэзіи. Полюби потребное и нужное душѣ съ такою силою, какъ полюбилъ ты прежде хмѣль юности своей — и вдругъ подымутся твои мысли на равнѣ со стихомъ, раздастся огнедышущее слово. Изобразишь намъ ту же пошлость болѣзненной жизни своей, но изобразишь такъ, что содрогнется человѣкъ отъ проснувшихся желѣзныхъ силъ своихъ и возблагодарить Бога за недугъ, давшій ему это почувствовать. Не по стопамъ Пушкина надлежало Языкову обработывать и округлять стихъ свой; не для элегіи и антологическихъ стихотвореній, но для диѳирамба и гимна родился онъ; это услышали всѣ. И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой. Стихъ его только тогда и входитъ въ душу, когда онъ весь въ лирическомъ свѣту: предметъ у него только тогда живъ, когда онъ или движется, или звучитъ, или сіяетъ, а не тогда, когда пребываетъ въ покоѣ. Удѣлы поэтовъ не равны. Одному опредѣлено быть вѣрнымъ зеркаломъ и отголоскомъ жизни — на то и данъ ему многосторонній, описательный талантъ. Другому повелѣно быть передовою, возбуждающею силою общества во всѣхъ его благородныхъ и высшихъ движеніяхъ — и на то данъ ему лирическій талантъ. Не попадаетъ талантъ на свою дорогу потому, что не устремляетъ глазъ высшихъ на

самаго себя. Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему онъ не пришелъ бы самъ. Уже и въ лирѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него услышали недавно стихотвореніе «Землетрясеніе», которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Н. Гоголь.

XII. САНКТПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ. 1847. № 91.

Кто только не совершенно чуждъ событіямъ русскаго литературнаго міра, тотъ могъ встрѣтить здѣсь наступившій годъ съ двумя впечатлѣніями разнородными, но равно рѣзко и глубоко означившимися. Одно изъ нихъ порождало въ насъ печальное и безнадежное сочувствіе, которымъ потрясается и изнемогаетъ душа при утратѣ, на которую смерть положила свою печать несокрушимую. Другое отзывалось въ насъ звучнымъ выраженіемъ жизни и открывало предъ нами въ области мышленія свѣтлыя просѣки, пробуждало въ насъ новые вопросы, новыя ожиданія. Въ первый день 1847 года пронеслась въ С. Петербургѣ скорбная вѣсть о кончинѣ поэта Языкова, и появилась новая книга Гоголя. По крайней мѣрѣ я, въ этотъ день, узналъ, что не стало Языкова и прочелъ нѣсколько страницъ изъ *Переписки съ друзьями*, гдѣ между прочимъ начертана вѣрная оцѣнка дарованію Языкова. Эти скорби обратились какъ бы въ надгробное слово о немъ, въ свѣтлыя и умилительныя о немъ поминки. Это извѣстіе, это чтеніе, эти два событія слились во мнѣ въ одно нераздѣльное чувство. Здѣсь настоящее открываетъ предъ нами новое будущее: тамъ оно навсегда замы-

каетъ прошедшее намъ милое и родное. Тамъ событіе совершившееся и высказавшее намъ свое послѣднее слово, поприще опустѣвшее и внезапно заглохшее непробуднымъ молчаніемъ. Здѣсь событіе возникающее, поприще озаренное неожиданнымъ разсвѣтомъ. На немъ пробуждается новое движеніе, новая жизнь: слышатся новые глаголы еще смутные, отрывчивые; но уже сознаемъ, что, когда настанетъ время, симъ глаголамъ суждено слиться въ стройное и выразительное согласіе созрѣвшаго и полнаго убѣжденія.

Смертью Языкова Русская поэзія понесла чувствительный и незабвенный уронъ. Въ немъ угасла послѣдняя звѣзда пушкинскаго созвѣздія, съ нимъ навсегда умолкли послѣдніе отголоски пушкинской лиры: Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ не только современностью, но и поэтическимъ соотношеніемъ, какимъ-то семейнымъ общимъ выраженіемъ образуютъ у насъ нераздѣльное явленіе. Ими олицетворяется послѣдній періодъ поэзіи нашей; ими по крайней мѣрѣ до нынѣ замыкается постепенное развитіе ея, означенное первоначально именами: Ломоносова, Петрова, Державина, послѣ — Карамзина и Дмитріева, позднѣе — Жуковскаго и Батюшкова. Въ сихъ именахъ сосредоточивается отличительное выраженіе поэзіи Русской; это ея краеугольныя, заглавныя, родоначальныя имена. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе. Нельзя сравнивать одно съ другимъ ни по степени дарованія, ни по сочувствію и одушевленію, которымъ общество отозвалось на голосъ каждаго. Отблески славы, которые отсвѣчиваются на каждомъ изъ нихъ, имѣютъ также свою отличительную игру и яркость. Многія другія дарованія проявлялись съ успѣхомъ на поприщѣ поэзіи и запечатлѣли на немъ слѣды, драго-

цѣнные памяти народной. Многія и нынѣ пробуждают благодарное вниманіе наше, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ насъ, которые въ нашъ положительный вѣкъ вѣрятъ еще въ баснословную музу и не охладѣли въ служеніи ея. Но повторяемъ, внѣ именъ исчисленныхъ нами, нѣтъ именъ олицетворяющихъ, характеризирующихъ эпоху. Крыловъ напримѣръ, какъ ни многозначительно имя это, не подходитъ ни подъ одно изъ выведенныхъ нами подраздѣленій. Онъ не принадлежитъ школѣ Дмитріева, хотя и началъ писать басни послѣ него. Еще менѣе участвовалъ онъ въ направленіи, которое далъ Жуковскій. Крыловъ явленіе совершенно отдѣльное. Онъ ничего не продолжалъ и ничего не začалъ. Онъ ни чей не преемникъ и никому не родоначальникъ. Онъ совершилъ свое и только, но это только образуетъ отдѣльный и цѣльный міръ поэзіи. Опредѣливъ такимъ образомъ мѣсто Языкова, мы достаточно оцѣнили значеніе, которое, по мнѣнію нашему, принадлежитъ ему, и важность утраты, понесенной нами преждевременною кончиною его. Эта потеря тѣмъ для насъ чувствительнѣе, что мы должны оплакивать въ Языковѣ не только поэта, котораго уже имѣли, но еще болѣе поэта, котораго онъ намъ обѣщалъ. Дарованіе его въ послѣднее время замѣчательно созрѣло, прояснилось, уравновѣсилось и возмужало. Первые и довольно долго, можетъ-быть слишкомъ долго продолжавшіеся опыты студенческой музы его выказывали только самобытность поэтической природы, которая выражалась необыкновенно бойкимъ и звучнымъ стихомъ. Виденъ былъ смѣлый художникъ, мастеръ въ рѣзьбѣ стиха, обильнаго красками и звуками, но поэтъ въ полномъ значеніи, но творческая, но духовная сила развѣ изрѣдка и то мелькомъ проявлялись въ немъ. Опасно было за-

стояться на мѣстѣ: нужно было движеніе впередъ. Движеніе это могло бы совершиться спокойно и постепеннымъ развитіемъ внутреннихъ силъ, но Провидѣніе судило ему воспрянуть изъ недуга и страданія, внезапно постигнувшихъ юношу. Муза его на нѣсколько лѣтъ умолкла и вышла изъ этого искуса молчальнаго, перерожденная и окрѣпшая. Однообразіе, которымъ нѣкоторые, и можетъ-быть, не безъ основанія упрекали талантъ его, имѣло впрочемъ естественную причину. Языковъ и по характеру своему и по обстоятельствамъ жилъ болѣе внутреннею, нежели внѣшнею жизнью. За исключеніемъ нѣкоторыхъ пріятелей, онъ мало водился съ людьми, былъ не разговорчивъ и не общежителенъ. Слова «свѣткость, общественность» не имѣли для него полнаго и живаго значенія. Долго жилъ онъ въ Дерптѣ. веселымъ отшельникомъ, то есть студентомъ. Изъ Дерпта переѣхалъ въ Симбирскую деревню, и только изрѣдка, и то на короткое время, являлся въ Москву. Въ подобной жизни мало разнообразія въ впечатлѣніяхъ, мало побужденій и вызововъ на дѣятельность. Понятія, ощущенія переработываются, измѣняются въ частомъ и тѣсномъ столкновеніи съ людьми и событіями. Геній можетъ созрѣвать и рости въ созерцаніи одиночества; способностямъ и дарованію нужны движеніе и зрѣлище болѣе разнообразное. Конечно, врожденная лѣнь была одна изъ преобладательныхъ стихій духовнаго образованія поэта нашего, но надобно признаться, что и судьба его была лѣнива. Поэтическое дарованіе его, особенно въ первую половину, не являетъ признаковъ этой разнообразной и роскошной произрастительности, которою обличается почва болѣе согрѣтая, болѣе благорастворенная вліяніемъ живительной силы, ее окружающей. Но за то все, что взростила муза его въ тѣ-

*

ной лощинѣ своей, имѣетъ необыкновенную силу, свѣжесть и сочность. Не въ дарованіи его мало было гибкости и разносторонности, а въ умѣ его и въ привычкахъ жизни. Разнообразныя явленія дѣйствительности не могли отражаться въ его вымыслахъ, потому что поэтическое зеркало его обращено было ясною и восприимчивою стороною своею къ внутреннему и личному міру поэта, а тусклою и непроницаемою ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Ему лѣнь было переворачивать это зеркало. Поэтому стихъ его мало вызывалъ любопытство, не возбуждалъ и не ласкалъ современныхъ вѣрованій и легкораздражительныхъ сочувствій. Стихъ его не кидался въ боевую жизнь, не кипѣлъ общими страстями, не отвѣчалъ на всѣ упованія и сѣтованія современнаго человѣка, какъ стихъ Байрона, или Пушкина. Поэзія его не имѣла драматическихъ свойствъ вѣчно измѣняющейся жизни человѣка и общества съ ея противорѣчіями, междоусобными враждующими силами, битвами и нечаянностями. Поэзія его была лично и внутренно лирическая. Въ ней отзывались первобытные и вѣковѣчные глаголы природы, всегда единой и неизмѣнной, но всегда новой и глубоко вамъ сочувственной въ проявленіяхъ своей однообразной и неистощимой расточительности, и за то стихъ его часто западалъ глубоко въ душу многозначительнымъ и огненнымъ выраженіемъ. Чувства его не прорывались на поверхность, а сосредоточивались въ глубину. Поэзія его подземный темный родникъ, изъ коего онъ въ минуту волненія и жажды высѣкалъ сильно біющую и свѣжую струю. Дальные горизонты, широкое теченіе рѣки, орошающей красивые и живописные берега, не были даны ему въ удѣлъ. И въ жизни своей и въ талантѣ онъ почти заперся въ заколдованномъ кругѣ, который поэ-

тически обвелъ около себя. Такъ прошли многіе годы въ нѣгѣ мирныхъ и созерцательныхъ досуговъ. Но нельзя же цѣлой жизни выразиться въ одномъ свѣтломъ и безмятежномъ сновидѣніи. Рано или поздно дѣйствительность отмѣтитъ его своимъ жесткимъ словомъ. Языковъ, не вмѣшавшійся въ толпу и сѣчу, не могъ опасаться нападеній отъ людей и событій. Но за неимѣніемъ внѣшнихъ противодѣйствій, Провидѣніе наслало на него внутренняго и неотвратимаго врага. Многосложная, неуступчивая, изнурительная болѣзнь вдругъ вызываетъ жизнь его на подвигъ долготерпѣнія и страданія. Прости поэзія и тихія радости лѣни и самозабвенія! Черствая язвительная проза не даетъ поэту забыться, напоминая ему, что и онъ сынъ земли, то есть труженикъ. Всѣ средства исцѣленія истощаются безуспѣшно. Наконецъ врачи прибѣгаютъ къ обыкновенному крайнему средству, когда, не съумѣвъ избавить больнаго отъ болѣзни, избавляются они по крайней мѣрѣ отъ больнаго. Языкова отправляютъ за границу. И бѣдный нашъ поэтъ покидаетъ домашній кровъ и вступаетъ въ обширный Божій міръ не Чайльдъ-Гарольдомъ, съ лирою въ рукахъ, за ловлею новыхъ впечатлѣній, не съ тѣмъ, чтобы благорастворить душу свою свѣжими и плодоносными вдохновеніями: нѣтъ, его просто отправляютъ за границу, какъ въ общественную лѣчебницу, за неимѣніемъ средствъ вылѣчить дома. Въ 1838 году встрѣтился я съ Языковымъ въ Ганау. Я зналъ его въ Москвѣ полнымъ, румянымъ, что называется кровь съ молокомъ. Тутъ я ужаснулся перемѣнѣ, которую въ немъ нашелъ. Передо мною былъ старикъ, согбенный, изсохшій: съ трудомъ передвигалъ онъ ноги, съ трудомъ переводилъ дыханіе. Тѣло изнемогало подъ бременемъ страданій, но духомъ былъ онъ покоренъ и

бодръ, хотя скучалъ. Чистая кровная, славянская порода его не могла ужиться въ Нѣмечинѣ. Мало прислушиваясь къ движенію нѣмецкой и западной умственной дѣятельности, онъ въ Германіи окруженъ былъ русскими книгами, жилъ русскою жизнью, которую носилъ въ груди своей, въ чувствахъ, привычкахъ и помышленіяхъ. Позднѣе, когда отлегло ему, и въ промежуткахъ страданій пытался онъ извлекать звуки изъ лиры своей, долго молчавшей; въ виду новой, гостепріимной природы, радушно привѣтствовавшей оживающаго страдальца, онъ все тосковалъ по матушкѣ Волгѣ и бесѣдовалъ о ней съ зелеными волнами Рейна и съ голубыми разливами Средиземнаго моря. Тоска по отчизнѣ пробудила вдохновеніе его: съ нею сквозь слезы снова улыбнулась ему его задушевная муза. Россія, любовь къ родинѣ, русское чувство сильно и почти исключительно отразились съ того времени въ его послѣдовавшихъ пѣснопѣніяхъ. Здѣсь опять преобладательное вдохновеніе, направленіе одностороннее. Здѣсь также недостатокъ вымысла, мало воображенія: творческая игра и прихоть поэта сжаты въ означенныхъ предѣлахъ, но за то здѣсь же сила, вѣрность, глубокій отголосокъ въ выраженіи страсти, которая не развлекается, не дробится радужными отблесками, но сосредоточивается въ одинъ чистый и сіяющій пламенникъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи Языковъ сближается съ Державинымъ. Въ томъ и въ другомъ—мысли, чувства, звуки, краски преимущественно, если не исключительно, русскіе. Налетные отголоски, чужеземные образы не отражаются, не отзываются въ ихъ родовой поэзіи. Не столько предубѣжденія, ненависть къ чужбинѣ оградили ихъ отъ соприкосновенія съ иноземными началами, сколько равнодушіе ко всему, что не русское, самобытное врожден-

ное чувство и сознаніе собственной силы. Не знаю, вѣрно ли передамъ мою мысль, но я назвалъ бы ихъ жителями не общаго всѣмъ поэтамъ поэтическаго материка, а поэтами какого-то неприступнаго острова, отдѣленнаго отъ остальнаго міра океаномъ собственной, имъ однимъ принадлежащей поэзіи. Большая часть поэтовъ, какъ и племенъ твердой земли, болѣе или менѣе сбиваются другъ на друга. Они соединены общественными и международными сношеніями и условіями, породнились взаимными, порубежными переселеніями. Но другіе—самобытные островитяне, поэтическіе самородки. Въ нихъ, въ ихъ поэзіи нѣтъ ни капли иноплеменной крови. Спѣшу прибавить, что не говорю того ни въ похвалу имъ, ни въ осужденіе, а просто такимъ очеркомъ опредѣляю ихъ характеристику. Въ наше время такъ много толкуютъ о народности въ литературѣ, такъ во зло употребляютъ это выраженіе, что я остерегаюсь его, какъ слова, которое имѣетъ произвольное и сбивчивое значеніе. Во всякомъ случаѣ есть много неопредѣленности въ изложеніи настоящаго вопроса, въ требованіяхъ на разрѣшеніе онаго. Оно по моему мнѣнію темно и безсознательно вездѣ, а особенно у насъ. Прежде нежели внести это требованіе, это правило въ литературное уложеніе, нужно бы ясно и положительно опредѣлить: что признается народностью въ литературѣ? Изъ какихъ стихій должна она образоваться? На какихъ эпохахъ нашей народной жизни должны утвердиться начала и основанія ея? Нельзя не спросить учителей и законодателей новой школы: куда и до какихъ граней намъ возвратиться, или по крайней мѣрѣ куда и какими путями намъ идти? Разрѣшенія этихъ вопросовъ не найдемъ нигдѣ. Наши нео — и староучители отвлеченнымъ языкомъ, общими мѣстоиме-

ніями намекаютъ о томъ, что должно бы выразить существительными собственными, личными именами такъ, чтобы не было ни недоумѣнія, ни сбивчивости. У иныхъ по странному противорѣчію притязанія на русскую народность облекаются въ зыбкіе призраки туманной нѣмецкой философіи, такъ что добрый Русакъ, непосвященный въ таинство гегелевскаго ученія, и въ толкъ не возметъ, какъ ему надлежитъ окончательно обрусѣть. У другихъ эти притязанія выказываются въ напряженной и пошлой восторженности. У третьихъ въ неумѣстной поддѣлкѣ простонароднаго языка, въ прибауткахъ, въ поговоркахъ, которыя очень живы и метки, когда онѣ срываются съ языка; но когда онѣ на досугѣ нанизываются въ тишинѣ кабинета, а оттуда переходятъ въ офиціальную область печатной гласности, онѣ притупляются и становятся приторными. Вообще же эти притязанія болѣе всего безсознательный отголосокъ современнаго европейскаго лозунга. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ толковали у насъ о романтизмѣ: это также были наносные толки. Мы очень любимъ вмѣшиваться въ чужія рѣчи, чтобы показать, что и мы что-нибудь да смыслимъ по этой части и по прочимъ частямъ. Позвольте же, милостивые государи, спросить васъ: чѣмъ же были мы донынѣ, если не были Русскими, и если ими не были, то гдѣ взять персть и духъ, чтобы создать русскаго писателя? Выдумать народность трудно. Между тѣмъ то, что есть существеннаго и живаго въ нашей народности, то есть въ духовной и нравственной личности народа, то само собою пробивалась въ общественныхъ явленіяхъ и въ поэтическихъ созданіяхъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ которыхъ вы не признаете началъ народности. По мнѣ, все, что хорошо сказано по-Русски, есть чисто народное.

Каждое теплое чувство, каждая свѣтлая мысль, облеченныя живымъ и стройнымъ Русскимъ словомъ, есть выраженіе и достояніе народности, будь это стихъ Дмитріева, котораго отлучаютъ отъ народности, будь стихъ Крылова, въ которомъ она олицетворилась, будь передо мною любая страница Карамзина, будь одна изъ хорошихъ страницъ Гоголя. Неужели Жуковскій, который передаетъ намъ Гомера, и еще греческимъ гекзаметромъ, а не размѣромъ пѣсней Кирши Даниловича, долженъ по части народности уступить ему въ отношеніи къ формѣ, а напримѣръ Хераскову, творцу Россіады, въ отношеніи къ содержанію. Въ такомъ случаѣ первымъ изъ нашихъ поэтовъ былъ бы стихотворецъ Грамматинъ, который и по формѣ и по содержанію не уклонялся строгой и непогрѣшительной народности, ибо воспѣвая событія 1812 года онъ заставлялъ Наполеона держать такую рѣчь: «ой, ты гой, еси добрый маршалъ Ней!» и такъ далѣе. Тотъ же Жуковскій и Пушкинъ подарили насъ нѣсколькими чисто народными сказками; онѣ прекрасны. Но если бы намъ суждено было отказаться отъ части написаннаго ими, на этихъ ли сказкахъ остановился бы выборъ нашъ, или даже вашъ, господа поборники народности въ поэзіи? Развѣ Шекспиръ не тотъ же народный поэтъ въ Англіи, не таже литературная плоть и кровь ея въ Оттелло и въ Ромео, какъ и въ другихъ драмахъ своихъ, чисто народныхъ и туземныхъ? Сомнѣнія по этимъ вопросамъ не могутъ быть приняты къ дѣлу. Отъ нихъ отказались бы навѣрно и ревностнѣйшіе провозглашатели новаго ученія. Но не къ такимъ же заключеніямъ ведетъ послѣдовательная и логическая связь примѣненій теоріи нѣсколько произвольной и заносчивой? Что въ каждомъ народѣ есть ему свойственныя стихіи народности, это неоспо-

римо: что должно ими пользоваться, это также неоспоримо, какъ и то, что нельзя отказаться отъ нихъ. хотя бы, паче чаянія, кому нибудь и хотѣлось переродиться, или даже хоть просто совершенно перерядиться въ иностранца. Но дѣло въ томъ, что не должно и, слава Богу, невозможно отдѣлить, отрубить чисто-народное отъ обще-человѣческаго. Первоначально мы люди. а потомъ уже земляки, то есть, областные жители. Что ни дѣлай, а въ каждомъ землякѣ отыскивается человѣкъ, какъ въ каждомъ человѣкѣ пробивается землякъ. Всѣ люди созданы по одному образцу, а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ своя особенная физіономія, физическая и нравственная. Всѣ писатели одного народа пишутъ однимъ языкомъ, тѣже слова служатъ имъ орудіями; а у каждаго писателя, то есть, не пошлаго и не дюжиннаго, есть свой особенный слогъ. Какъ же литературѣ, которая тоже духовная физіономія и слогъ народа, не имѣть только у насъ своей личности, своего характера? Люблю народность, какъ чувство, но не признаю ея, какъ систему. Ненавижу исключительность не только безпрекословную и повелительную, но и условную и двусмысленную. Можетъ быть эту ненавижу еще болѣе. Христіанское ученіе, эта высшая образованность предвѣчная, и земное просвѣщеніе, эта образованность временная и мимоидущая, породнили народы между собою, и все и всѣхъ соединили взаимною любовью и пользою. Мнѣ не входитъ ни въ голову, ни въ сердце, что можно положить себѣ за правило и обязанность предпочитать Русскую Волгу Нѣмецкому Рейну. Но понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувствомъ его, когда вижу, что онъ остается Волжаниномъ въ виду красиваго Рейна, или грознаго водопада. Языковъ былъ влюбленъ въ Россію.

Онъ воспѣвалъ ее, какъ пламенный любовникъ воспѣваетъ свою красавицу ненаглядную, несравненную. Когда онъ говоритъ о ней, слово его возгарается, становится огнедышущимъ, и потому глубоко и горячо отзывается оно въ душѣ каждаго изъ насъ. Тѣже, которые не сочувствуютъ искреннему выраженію страсти его, изъ опасенія уронить тѣмъ свою независимость и возвышенность умозрѣнія, доказываютъ, что они уклоняются отъ народнаго потому, что превратно и ограниченно понимаютъ обще-человѣческое.

Кн. П. А. Вяземскій.

XIII. ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПОЛНОЙ РУССКОЙ ХРЕСТОМАТІИ, А. ГАЛАХОВА. СТР. 168.

По общеупотребительности этой книги, мы не выписываемъ статьи Галахова, но ограничиваемся только указаніемъ ея.

XIV. СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВУ.

I.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы единыхъ музъ;
Единый пламень ихъ волнуетъ,
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,

Языковъ: близокъ я тебѣ!
Давно бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ непогода:
Уснувъ, не знаю гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньи,
Влачу томительные дни.
Услышь, поэтъ, мое признанье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, Арапъ,
Гдѣ позабывъ Елисаветы
И дворъ и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя . . . .

1824 г. с. Михайловское. *А. Пушкинъ.*

II.

Языковъ, кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?

Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не Кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородной,
Слiянье рому и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

1827 г. *А. Пушкинъ.*

III.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ немѣцкiй градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужь зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ;
И что жь? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.

О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ убѣгая,
Готовъ былъ всюду я летѣть.
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись, проклинаю
Я тяжесть денегъ и годовъ.
Прости, пѣвецъ, играй, пируй,
Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
Не знай сіятельнаго чванства,
Не знай любезныхъ должниковъ,
И не плати своихъ долговъ,
По праву русскаго дворянства!

1829 г. *А. Пушкинъ.*

IV.

Сонетъ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ Парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ (повѣрь моимъ словамъ,)
Плететъ амуръ съ Каменой сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасной
Храню въ душѣ, благодаря Богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье,

И за себя боговъ благословилъ.
Пѣвца пировъ я съ музой подружилъ,
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

Баронъ Дельвигъ.

V.

Пѣвецъ вина и нѣжной страсти,
Языковъ! другъ ночныхъ пировъ,
Я рабски покоряюсь власти
Твоихъ заманчивыхъ стиховъ.

Ихъ сила, блескъ и переливы,
Восторгъ ихъ истинный, живой,
Меня свѣжатъ, какъ токъ игривый
Вина, воспѣтаго тобой.

И какъ за пѣнистою чашей,
Такъ и за лирою твоей
Все веселѣй, свѣтлѣй и краше
Мнѣ въ жизни кажется моей!

1851. Сергіевское. *Арбузовъ.*

ПОСЛАНІЕ КЪ А. Н. ОЧКИНУ.

О ты, съ которымъ я отъ юношескихъ лѣтъ
Привыкъ позабывать непостоянный свѣтъ,
Привыкъ дѣлить мечты, надежды, наслажденья,
И Музы дѣвственной простыя пѣснопѣнья,
И тихіе часы досуговъ золотыхъ!
Другъ сердца моего и другъ стиховъ моихъ!
Завидую тебѣ: умѣреннымъ счастливой,
Твой духъ не возмущенъ мечтой славолюбивой:
Ты, гордо позабывъ мятежный свѣта шумъ,
Въ уединеніи, жилищѣ смѣлыхъ думъ,
Ведешь съ науками невидимые годы,
И жизнь твоя, какъ ходъ торжественный природы,
Покорна мудрости законамъ вѣковымъ.
Ты счастья не искалъ за рубежомъ роднымъ:
Но вѣрный самъ себѣ и отъ страстей свободной,
Нашелъ его въ душѣ, простой и благородной.
А я, повѣрившій надеждѣ молодой,
Обманутъ счастіемъ, одинъ, въ странѣ чужой,
Пою мою печаль — пѣвецъ, душою сирый —
Какъ струны хладныя Арминіевой лиры,
И въ тишинѣ учусь душою тосковать.
Но я еще люблю былое вспоминать:

Люблю въ страну отцовъ въ мечтахъ переселяться
И всѣмъ утраченнымъ, всѣмъ милымъ наслаждаться.
И съ вами быть душой, родимые друзья!
О незабвенный край, о родина моя!
Страна, гдѣ я любилъ лишь прелести природы;
Гдѣ юности моей плѣнительные годы
Катились весело незримою струей;
Гдѣ вѣчно царствуютъ съ отрадной тишиной
Миролюбивыхъ душъ живыя наслажденья;
Страна, гдѣ въ первый разъ богиня пѣснопѣнья
Стыдливою рукой цѣвницу мнѣ дала,
Огонь поэзіи въ душѣ моей зажгла —
И я, божественнымъ восторгомъ оживленный,
Воспѣлъ мои мечты и мой удѣлъ смиренный,
И непритворною, свободною душой
Благодарилъ боговъ за пѣсни и покой!
Тогда, не знавъ людей, застѣнчивый мой геній
Не зналъ и зависти коварныхъ оскорбленій.
Судъ вѣтренной толпы его не занималъ:
Онъ пѣлъ для дружества, и славы не искалъ.
Но вы сокрылись, дни счастливаго незнанья!
И чувства новыя и новыя желанья
Смѣнили навсегда покой души моей.
Отдайте мнѣ, Судьбы, блаженство прошлыхъ дней,
Отдайте мирныя отеческія сѣни
И сердце безъ любви и умъ безъ заблужденій!
Не тщетно ль радости минувшія зову?
Ужъ бремя суеты тягчитъ мою главу;
Унылая душа невольно холодѣетъ
И на грядущее надѣяться не смѣетъ;
И гаснетъ жизнь моя! — Лишь ты, хранитель мой,
Одна отрада мнѣ, забытому судьбой!
Ты можешь, вѣрный жрецъ богини вдохновенья,

Родить въ моей душѣ и жажду просвѣщенья
И твердость на пути спасительныхъ трудовъ,
И оживить мой умъ и жаръ моихъ стиховъ.
Когда жь, отъ бремени суетъ освобожденный,
Съ собою помирясь и дружбой ободренный,
Я полечу въ страну, гдѣ молодость моя
Узнаетъ миръ души и цѣну бытія?
О! сбудутся ль мои послѣднія желанья?
Клянусь, собравъ умомъ плоды образованья,
Провесть въ кругу родныхъ, на родинѣ моей,
Остатокъ счастливый тобой спасенныхъ дней.
Тогда души моей воскреснутъ наслажденья.
Забывъ коварный свѣтъ, въ тиши уединенья,
Я буду воспѣвать мой радостный удѣлъ,
Родимыя поля, простые нравы селъ
И прадѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы —
И посвящать тебѣ дары моей цѣвницы!

КЪ А. М. ЯЗЫКОВУ

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕМУ СТИХОВЪ МОИХЪ. *

Faciam, ut mei memineris.

Тебѣ, который съ юныхъ дней
Меня хранилъ отъ бури свѣта,
Тебѣ усердный даръ безпечнаго поэта —
Пѣвца забавы и друзей.

* Сердечно благодаримъ молодаго поэта за сей прекрасный подарокъ отечественной публикѣ. Предсказываемъ ему блистателные успѣхи на поприщѣ словесности. *Издат. Нов. Лит*

Тобою жизни обученный,
Младый питомецъ тишины,
Я пѣлъ на лирѣ вдохновенной
Мои пророческіе сны, —
И дружба кроткая съ улыбкою внимала
Струнамъ, настроеннымъ свободною мечтой:
Умомъ разборчивымъ ихъ звуки повѣряла
И просвѣщала геній мой.
Она мнѣ міръ очарованья
Въ живыхъ восторгахъ создала,
Любовь къ изящному въ душѣ моей зажгла,
Облагородила желанья;
Учила презирать завистный судъ невѣждъ
И лести судъ несправедливый;
Смиряла пылкій жаръ надеждъ
И сердца ранніе порывы.
И я душой не измѣнилъ
Ея спасительнымъ стараньямъ:
Мой геній чести вѣренъ былъ
И цѣну зналъ благодѣяньямъ.

Быть-можетъ, нѣкогда твой счастливый поэтъ,
Бесѣдуя мечтой съ протекшими вѣками,
Разскажетъ стройными стихами
Златыя были давнихъ лѣтъ;
И вольный другъ воспоминаній,
Онъ станетъ пѣть дѣла отцовъ:
Неутомимыя ихъ брани
И гибель греческихъ полковъ. *
Святыя битвы за свободу
И первый родины ударъ

* При Олегѣ и Владимірѣ Великомъ. *Прим. Издат. Нов. Лит*

Ее громившему народу,
И казнь ужасную Татаръ. *
И оживитъ онъ — въ пѣсняхъ славы —
Славянъ плѣнительные нравы,
Ихъ доблесть на поляхъ войны,
Ихъ добродушныя забавы
И геній русской старины
Торжественный и величавый!

А нынѣ — пѣсни юныхъ лѣтъ,
Богини скромной и веселой,
Тебѣ даритъ рукой несмѣлой
Тобой воспитанный поэтъ.
Пускай сіи листы въ часы уединенья
Представятъ памяти твоей
Живую радость прошлыхъ дней,
Невѣрной жизни обольщенья
И страсти вѣтренныхъ друзей;
Здѣсь все, чѣмъ занятъ былъ счастливый даръ поэта,
Когда онъ тишину боготворилъ душой,
Не рабствовалъ молвѣ обманчиваго свѣта
И пѣлъ для дружбы молодой!

МОЯ РОДИНА.

«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?
Тамъ ли, гдѣ льется лазурная Рона;

---

* При Димитріи Донскомъ и двухъ Іоаннахъ, Великомъ и Грозномъ. *Прим. Издат. Нов. Лит.*

Тамъ ли, гдѣ пѣли пѣвцы Альбіона;
Тамъ ли, гдѣ бился Арминій — герой?»
— Не тамъ, гдѣ сражался герой Туискона
За честь и свободу отчизны драгой;
Не тамъ, гдѣ носился гласъ барда живой;
Не тамъ, гдѣ струится лазурная Рона. —

«Гдѣ твоя родина, пѣвецъ молодой?» —
— Гдѣ берегъ уставленъ рядами кургановъ;
Гдѣ бились Славяне при пѣсняхъ баяновъ;
Гдѣ Волга, какъ море, волнами шумитъ...
Тамъ память героевъ, тамъ край вдохновеній,
Тамъ все, что мнѣ мило, чѣмъ сердце горитъ;
Туда горделивый пѣвецъ полетитъ,
И струны пробудятъ минувшаго геній! —

«Кого же прославитъ пѣвецъ молодой?»
— Пѣвца восхищаютъ могучіе дѣды;
Онъ любитъ славянскихъ героевъ побѣды,
Ихъ нравы простые, ихъ жаръ боевой;
Онъ любитъ долины, гдѣ бились народы,
Пылая къ отчизнѣ любовью святой;
Гдѣ падали силы Орды Золотой;
Гдѣ пѣлися пѣсни войны и свободы. —

«Кого же прославитъ пѣвецъ молодой?»
— Отъ звука роднаго, съ ихъ бранною славой,
Какъ звѣзды, блистая красой величавой,
Возстанутъ герои изъ мрака тѣней:
Вы, страшные Грекамъ, и ты, нашъ Арминій,
Младый, но ужасный средь вражьихъ мечей,
И ты, сокрушитель татарскихъ цѣпей,
И ты, побѣдившій враговъ и пустыни! —

«Но кто жь молодаго пѣвца наградитъ?»
— Пылаетъ онъ жаждой награды высокой,
Онъ борется смѣло съ судьбою жестокой,
И, гордый, всесильной судьбы не винитъ...
Такъ бурей гонимый, средь мрака ночнаго,
Пловецъ по ревущимъ пучинамъ летитъ,
На грозное небо спокойно глядитъ
И взорами ищетъ свѣтила роднаго! —

«Но кто жь молодаго пѣвца наградитъ?»
— Потомокъ героевъ, какъ предки, свободной,
Пѣвецъ не унизитъ души благородной
Отъ почестей свѣта и пышныхъ даровъ.
Онъ славитъ отчизну — и въ гордости смѣлой
Не занятъ молвою, не терпитъ оковъ:
Онъ ждетъ себѣ славы ... за далью вѣковъ,
И взоры сверкаютъ надеждой веселой! —

МОЕ УЕДИНЕНІЕ.

Отъ свѣта вдалекѣ,
Я моему Пенату
Нашелъ простую хату
Въ пустынномъ чердакѣ;
Здѣсь лѣстница крутая,
Со входа по стѣнѣ
Улиткой завитая,
Въ потьмахъ ведетъ ко мнѣ.
Годовъ угрюмый геній
Съ нея перилы снялъ,

И тяжкія ступени
Избилъ и раскачалъ;
Но зная путь парнасской
Отъ колыбельныхъ лѣтъ,
Съ ея вершины тряской
Не падаетъ поэтъ.
Подъ нимъ дрожатъ ступени.
И тьма со всѣхъ сторонъ;
Но вѣрно ходитъ онъ
Къ своей любимой сѣни.
 Благодарю боговъ!
Въ моемъ уединеньѣ
Свобода — рай пѣвцовъ,
Живое размышленье
И тишина трудовъ.
Умѣренность благая
Пріютъ мой убрала,
Здѣсь роскошь выписная
Приема не нашла.
Завѣсою богатой
Не занавѣшенъ свѣтъ;
Полъ шаткой и покатой
Коврами не одѣтъ;
Ни бронзы драгоцѣнной,
Ни зеркалъ, ни картинъ:
Все бѣдно и смиренно,
Какъ сирый ѳебовъ сынъ.
У стѣнки некрасивой
Стоитъ мой столъ простой,
Хранитель молчаливой
Всего, что геній мой,
Мечтатель говорливой,
Досужною порой,

Пѣвцу-анахорету
Наединѣ внушилъ
И строго запретилъ
Казать слѣпому свѣту;
Предъ нимъ моя рука,
Широкими рядами,
Изъ полокъ, межъ стѣнами
И вверхъ до потолка,
Пріютъ уединенный
Соорудила вамъ,
О русскія Камены,
Священныя вѣкамъ!
Ты здѣсь, во славѣ зримый,
Снѣговъ полярныхъ сынъ,
Пѣвецъ непобѣдимый
И геній — исполинъ,
Отважный, какъ свобода,
И быстрый, какъ перунъ,
Ты строенъ, какъ природа,
Какъ небо, вѣчно юнъ!
И ты, кумиръ поэта,
Съ высокою душой,
Какъ яркая комета,
Горящей полосой
На русскомъ небосклонѣ
Возникшій въ дни побѣдъ
И мудрую на тронѣ
Прославившій поэтъ!
Твой голосъ величавый
Гремитъ изъ рода въ родъ,
И вѣчно не замретъ
Въ устахъ полночной славы.
И ты, любимый сынъ

Фантазіи чудесной,
Пѣвецъ любви небесной
И сѣверныхъ дружинъ,
То нѣжный и прекрасный,
Какъ сердца первый жаръ,
То смѣлый и ужасный,
Какъ мщенія ударъ!
Твой гласъ душѣ унылой,
Какъ Ангела привѣтъ,
Внушаетъ тайной силой
Надежду въ морѣ бѣдъ;
Въ страдальцѣ оживляетъ
Покорность небесамъ, —
И грустный забываетъ,
Что онъ еще не тамъ!
  Питомцы вдохновенья!
Вы здѣсь, — и геній мой
Мірскія наслажденья
Съ мірскою суетой
Презрительно бросаетъ
Предъ Музою во прахъ,
И зря, какъ васъ вѣнчаетъ
Безсмертіе въ вѣкахъ,
Приподнимаетъ крылы,
И чувствуетъ въ крылахъ
Торжественныя силы.
  Счастливъ, кто жребій свой
Изъ урны роковой
Самъ избиралъ и вынулъ,
И шумный свѣтъ покинулъ
Для неизмѣнныхъ благъ!
Умѣреннымъ богатый,
Въ тиши укромной хаты,

Въ спасительныхъ трудахъ
Онъ дни свои проводитъ
Съ волшебницей-мечтой;
За славою не ходитъ
И не знакомъ съ молвой.
Безвѣстность золотая
Хранитъ его отъ бѣдъ,
И ласковая стая
Докучливыхъ суетъ
Ненужнаго для свѣта
Не вызоветъ на свѣтъ.
О боги! кровь поэта
Да будетъ вѣчно тихъ!
Я не ищу фортуны,
Ни почестей мірскихъ:
Труды, безвѣстность, струны —
Блаженство дней моихъ!
А ты, моя свобода,
Храни души покой!
Мнѣ Музы и природа
Прекраснѣе съ тобой;
Съ тобой мечты живѣе,
Отважнѣй думъ полетъ,
И пѣснь моя звучнѣе;
Съ тобою — я поэтъ!

ПѢСНЯ КОРОЛЯ РЕГНЕРА.

(Въ альбомъ А. А. Воейковой.)

—

Мы бились мечами на чуждыхъ поляхъ.
Когда, горделивый и смѣлый, какъ дѣды,
Съ дружиной героевъ искалъ я побѣды
И чести жить славой въ грядущихъ вѣкахъ.
Мы бились жестоко: враги передъ нами,
Какъ нива предъ бурей, ложилися въ прахъ:
Мы грады и села губили огнями,
И скальды насъ пѣли на чуждыхъ поляхъ.

Мы бились мечами въ тотъ день роковой,
Когда, побѣдивши морскія пучины,
Мы вышли на берегъ Гензинской долины,
И встрѣчены грозной, нежданой войной.
Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
Враги насъ тѣснили толпа за толпой;
Ихъ кровью намокли поля боевыя, —
И мы побѣдили въ тотъ день роковой.

Мы бились мечами, полночи сыны,
Когда я, отважный потомокъ Одина,
Принесъ ему въ жертву врага-исполина,
При громѣ оружіи, при свѣтѣ луны.
Мы бились жестоко: сѣкирой стальною
Разилъ меня дикій питомецъ войны;
Но я разрубилъ ему шлемъ съ головою, —
И мы побѣдили, полночи сыны!

Мы бились мечами. На память сынамъ
Оставилъ я броцю и щитъ мой широкій,
И бранное знамя, и шлемъ мой высокій,
И мечъ мой, ужасный далекимъ странамъ.
Мы бились жестоко — и гордые нами
Потомки, отвагой подобные намъ,
Развѣсятъ кольчуги съ щитами, съ мечами,
Въ чертогахъ отцовскихъ на память сынамъ.

P. S.

Прошу стихи мои простить!
Я на Парнассѣ школьникъ юный:
Васъ не умѣли похвалить
Мои застѣнчивыя струны.
Но если праведнымъ судьбамъ
Убогій сердца даръ пріятенъ,
Какъ драгоцѣнный оиміамъ;
То голосъ мой Вамъ будетъ внятенъ.
И сей листокъ чрезъ много дней
Напомнитъ вамъ пѣвца младаго,
Который не жилъ для связей,
Въ странѣ чужой не пѣлъ чужаго,
Не звалъ и славы въ свой пріютъ
И за фортуной быстроногой,
Мірскою пыльною дорогой,
Не побѣжалъ, хоть всѣ бѣгутъ.
За то въ душѣ его смиренной
Огнь чистой славы пламенѣлъ;
Онъ кое-что не худо пѣлъ,
Но Музою не вдохновенной,
Передъ высокимъ онъ нѣмѣлъ.

ЧУЖБИНА.

Тамъ, гдѣ въ блескѣ горделивомъ
Межъ зеленыхъ береговъ
Волга вторитъ ихъ отзывомъ
Пѣсни радостныхъ пловцовъ.
И какъ Нилъ-благотворитель
На поля богатство льётъ, —
Тамъ отцовъ моихъ обитель,
Тамъ любовь моя живетъ!

Я давно простился съ вами,
Незабвенные края!
Подъ чужими небесами
Отцвѣтетъ весна моя;
Но ни въ громкомъ шумѣ свѣта,
Ни подъ бурей роковой,
Не слетитъ со струнъ поэта
Голосъ родинѣ чужой.

Радость жизни, другъ свободы,
Муза любитъ мой пріютъ.
Здѣсь, когда брега и воды
Подъ туманами заснутъ,
И какъ щитъ передъ сраженьемъ,
Свѣтелъ мѣсяцъ золотой, —
Съ благотворнымъ вдохновеньемъ,
Легкокрылою толпой,

Изъ страны очарованья,
Въ ихъ эѳирной тишинѣ,

Утѣшители-мечтанья
        Ниспускаются ко мнѣ;
Предъ очами оживаетъ
        Красота минувшихъ дней,
Сладко грудь моя вздыхаетъ,
        Сердце бьется, взоръ яснѣй!

Это ты, страна родная,
        Гдѣ весенніе цвѣты
Мнѣ дарила жизнь младая!
        Край прелестный — это ты,
Гдѣ видѣніемъ игривымъ
        Каждый день мой пролеталъ,
Каждый день меня счастливымъ
        Находилъ и оставлялъ!

Вы, холмы, лѣса, поляны,
        Скаты злачныхъ береговъ
И старинные курганы —
        Память смѣлыхъ праотцовъ —
Сохраненные вѣками,
        Какъ свидѣтели побѣдъ,
Непритворными струнами
        Васъ привѣтствуетъ поэтъ!

Вашъ пѣвецъ въ чужбинѣ дышитъ
        И одинъ, во цвѣтѣ дней,
Долго, долго не услышитъ
        Пѣсенъ волжскихъ рыбарей.
Долго грустный проблуждаетъ
        Онъ по дальнымъ сторонамъ:
Долго арфа не сыграетъ
        Пѣсни радостнымъ друзьямъ.

Ты, которая вливаешь
 Огнь божественный въ сердца,
И цвѣтами убираешь
 Кудри юнаго пѣвца,
Радость жизни, другъ свободы,
 Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
 Мнѣ въ мечтахъ напоминай!

Муза лиры! ты прекрасна,
 Ты мила душѣ моей;
Мнѣ съ тобою не ужасна
 Буря свѣта и страстей.
Я горжусь твоимъ участьемъ;
 Ты чаруешь жизнь мою, —
И забытый рано счастьемъ,
 Я утѣшенъ: я пою!

ПѢСНЬ БАЯНА

ПРИ НАЧАТІИ ВОЙНЫ.

Война, война! прощай Сіана!
Бойцы шумятъ, бойцы идутъ;
Они товарища баяна
Въ страну далекую зовутъ, —
 Туда, гдѣ бранные пожары,
Дунайски волны озарятъ,
Гдѣ смертоносные удары
О шлемы Грековъ зазвенятъ.
 Съ врагомъ сражаяся, какъ дѣды,

Рукой и сердцемъ Славянинъ,
Я наши стану пѣть побѣды
И смѣлость князя и дружинъ.
И твой баянъ, пируя славу,
Подъ мѣдью латъ дыша тобой,
Самъ повторю я Святославу,
Что пѣлъ Сіанѣ молодой.
Промчится буря боевая,
Войдетъ въ ножны булатъ бойца —
И дѣва, сердцемъ оживая,
Обниметъ вѣрнаго пѣвца.

ПѢСНЬ БАРДА

ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАРЪ ВЪ РОССІИ.

О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ Князей.

Слово о полку Игоревѣ.

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
Баяновъ струны золотыя,
Пѣвицы вольности и славы и побѣдъ,
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней
По брегу свѣтлаго Дуная,
Когда тревога боевая
Молчитъ до утреннихъ лучей.
Вдали — туманомъ покровенный
Станъ Грековъ, и надъ нимъ грозна,

Какъ щитъ въ бою окровавленный,
Восходитъ полная луна!

И тихій сонъ во вражьемъ станѣ;
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
Тамъ, вдохновенный, на курганѣ,
Поетъ дѣянья праотцовъ —
И персты вѣщіе летаютъ
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,
И взоры воиновъ сверкаютъ,
И рвутся длани ихъ къ мечамъ!

На утро солнце лишь возстало —
Проснулся дерзостный булатъ:
Валятся Греки — рядъ на рядъ,
И ихъ полковъ — какъ не бывало!

И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.
Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтья * протекутъ — и русской мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья **

* Татарское иго бременило Россію почти три столѣтія: отъ несчастнаго сраженія при рѣкѣ Калкѣ до сраженія при рѣкѣ Непрядвѣ, гдѣ храбрый Димитрій Донскій разбилъ Мамая.

** Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея Восточныхъ предѣловъ до

Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
Теперь вотще младый баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы,
Съ неисцѣлимою тоской!

Усладъ.

Не стонетъ долъ отъ топота коней,
Не брызжетъ кровь отъ русскаго удара:
По берегу Дуная, близъ огней
Лежатъ бойцы — смирители Болгара;
Тамъ юноша, соратникъ ихъ мечей,
Исполненный божественнаго дара,
Плѣняетъ слухъ дружины удалой
Военныхъ струнъ волшебною игрой.

Баянъ поетъ могучихъ праотцовъ,
Ихъ смѣлый нравъ, ихъ бурныя сраженья,
И силу рукъ, не знающихъ оковъ,
И быстроту ихъ пламеннаго мщенья.

Западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ. *Ист. Гос. Росс., Т. IV, стр. 16.* Отъ временъ Василія Ярославича (періодъ самый ужаснѣйшій) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство. *Тамъ же, Т. V, стр. 370.*

Какъ звукъ щита, и ратнымъ и вождямъ
Отрадна пѣснь любимца вдохновенья:
Ихъ взоръ горитъ, ихъ мысль блуждаетъ тамъ,
Гдѣ билась рать отважнаго Олега,
Гдѣ игоревъ булатъ торжествовалъ —
И гордый Грекъ блѣднѣлъ и трепеталъ,
Послыша громъ славянскаго набѣга.

Баянъ воспѣлъ минувшихъ лѣтъ дѣла;
Баянъ умолкъ; — но рать еще внимаетъ.
Такъ плаватель, когда ночная мгла
Лазурь небесъ и море застилаетъ,
Еще глядитъ на сумрачный закатъ,
Гдѣ скрылося великое свѣтило;
Такъ сладостно разставшемуся съ милой
Издалека еще взирать назадъ!
Луна плыветъ въ спокойныхъ небесахъ;
Молчитъ Дунай, чернѣетъ лѣсъ дремучій,
И тѣнь его, какъ тѣнь широкой тучи,
Мрачна лежитъ на стихнувшихъ водахъ.

ПѢСНЬ БАЯНА.

О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу:
Онъ жаждетъ битвы роковой.
О ночь, о ночь! лети стрѣлой!
Несносенъ отдыхъ Святославу!

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?
Нашъ князь убійственно разитъ.

Цимискій! крѣпокъ ли твой щитъ?
Не тонки ль кованыя латы?

Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то — мечи ее нагонятъ,
И не ускачетъ отъ мечей.
Дружинѣ борзыхъ дай коней;
Не то — мечи ее нагонятъ.

Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне:
Ударъ нашъ мѣтокъ и тяжёлъ.
Ты рать обширную привелъ;
Не много насъ, но мы Славяне!

О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды,
Проснися, ужасъ боевой!
О ночь, о ночь, лети стрѣлой!
Поля откройтесь для побѣды!

Но кто пѣвецъ любви не воспѣвалъ?
Какой баянъ, плѣненный красотою,
Мечты бойца съ прекрасною мечтою
О родинѣ и милой не сливалъ?
Двойной огонь въ душѣ пѣвца младаго,
Когда поетъ онъ дѣву и войну;
Такъ двѣ струи Дуная голубаго
Блестятъ живѣй, сливаяся въ одну.

ПѢСНЬ БАЯНА.

Бойцы садятся на коней,
Баяна дѣва обнимаетъ:
Она молчитъ, она вздыхаетъ,
И слезы градомъ изъ очей.

Прощай, прощай! иду на битву.
«Люби меня, моя краса!
«Молись — услышатъ Небеса
«Твою невинную молитву!

«Щита, врученнаго тобой,
«Булатъ врага не перерубитъ;
«Тебя пѣвецъ твой не разлюбитъ
«И не измѣнится душой.»

Они разстались. Пыль густая
Поля покрыла, какъ туманъ.
Враги! вамъ полно ждать Славянъ!
Вамъ полно спать, брега Дуная!

Взошла денница; вспыхнулъ бой;
Дрожитъ широкая долина.
О Грекъ! страшна твоя судьбина:
Ты не воротишься домой!

Валятся всадники и кони,
Булатъ дробится о булатъ —
И палъ ужасный сопостатъ
При шумѣ яростной погони!

Баянъ отцамъ не измѣнилъ
На полѣ гибели и чести:
Могучій врагъ ударомъ мести
Его щита не сокрушилъ.

Гордыня сильнаго смирилась;
Ему не праздновать войны....
И сталь побѣдная въ ножны
По вражьей крови опустилась!

И рать на родину пришла;
Баяна дѣва обнимаетъ,
Отрадно грудь ея вздыхаетъ,
И дѣвы радость ожила.

Не сталь въ груди Услада трепетала,
Не дикій огнь сверкалъ въ его очахъ:
Онъ зналъ любовь; душа его питала
Ея восторгъ, ея безвѣстный страхъ.
Онъ твой, онъ твой, красавица Сіана!
Ты помнишь ли его златые дни,
Когда лѣсовъ отеческихъ въ тѣни
Ласкала ты влюбленнаго баяна?
Ты помнишь ли, какъ бросивъ мечъ и щитъ,
Презрѣвъ войны высокія награды,
Онъ пѣлъ твои божественные взгляды
И красоту застѣнчивыхъ ланитъ?
Ты помнишь ли, какъ пѣснь его внимая,
Молчала ты? Но... какъ любовь молчитъ?
То свѣжъ и чистъ, какъ роза молодая,
Твое лицо румянецъ оживлялъ;
То вспыхивалъ твой взоръ, — то угасалъ,

Какъ въ облакѣ зарница золотая.
Баянъ Усладъ любви не измѣнялъ:
Съ чужихъ полей, гдѣ рыщетъ ужасъ битвы.
Къ тебѣ его надежды и мечты,
И за тебя сердечныя молитвы;
Онъ всюду твой! А ты .... вѣрна ли ты?

БАЯНЪ КЪ РУССКОМУ ВОИНУ

ПРИ ДИМИТРІИ ДОНСКОМЪ, ПРЕЖДЕ ЗНАМЕНИТАГО СРАЖЕНІЯ ПРИ НЕПРЯДВѢ.

(Посвящено А. А. Воейковой.)

Стоитъ за алтари Святые,
За богомъ вѣнчанныхъ Царей.
За гробы праотцовъ родные
За женъ, отцовъ и за дѣтей.
Лобановъ.

О бранный витязь! Ты печаленъ,
Одинъ, съ поникшею главой,
Ты бродишь, мрачный и нѣмой,
Среди могилъ, среди развалинъ:
Ты видишь въ родинѣ своей
Слѣды пожаровъ и мечей.

И неужель трава забвенья
Успѣетъ вырость на гробахъ,
Пока не вспыхнетъ въ сихъ поляхъ
Война рѣшительнаго мщенья?
Или замолкла навсегда
Твоя за родину вражда?
Твои отцы Славяне были,

Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи — злато приносили.
И не свобода ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?

Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто сильный сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухаго скрежета цѣпей!

Не гордый духъ завоеваній
Зоветъ булатъ твой изъ ножонъ:
За честь, за Вѣру грянетъ онъ
Въ твоей опомнившейся длани —
И передъ челами Татаръ
Не промахнется твой ударъ!

На бой, на бой! — И жаръ баяновъ
Съ народной славой оживетъ
И арфа смѣлыхъ пропоетъ:
«Конецъ владычеству тирановъ:
Ужасенъ Ханъ Татарскій былъ,
Но русскій мечъ его убилъ!»

Элегія.

О деньги, деньги! для чего
Вы не всегда въ моемъ карманѣ?
Теперь Христово Рождество
И веселятся христіяне;
А я одинъ, я чуждъ всего,
Что мнѣ надежды обѣщали:
Мои мечты — мечты печали,
Мои финансы — ничего!

Туда, туда, къ Петрову граду
Я полетѣлъ бы: мнѣ мила
Страна, гдѣ первую награду
Мнѣ муза пылкая дала;
Но что не можно, то не можно!
Безъ денегъ — радости людей,
Здѣсь не дадутъ мнѣ подорожной,
А на дорогѣ лошадей.

Такъ ратникъ въ полѣ боевомъ
Свою судьбину проклинаетъ,
Когда разбитое врагомъ
Копье послѣднее бросаетъ:
Его рукѣ не взять вѣнца
Ему не славиться войною,
Онъ смотритъ вдаль — и взоръ бойца
Сверкаетъ первою слезою.

ЭЛЕГІЯ.

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай —
Минувшихъ дней воспоминанье.

Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
Но все душа за нимъ стремится
И ждетъ: быть-можетъ, снова онъ
Хотя однажды ей приснится....

Такъ путникъ въ ранніе часы,
Застигнутъ ужасами бури,
Съ надеждой смотритъ на красы
Гдѣ-гдѣ свѣтлѣющей лазури!

ЕВПАТІЙ.

(Посвящено А. И. Тютчеву).

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную вѣсть? —
Въ рязанскія стѣны вломились Татары;
Тамъ сильные долго сшибались удары,
Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь,
Но все побѣдили батыевы рати:
Нашъ градъ — пепелище и Князь нашъ убитъ!»
Евпатію блѣдный гонецъ говоритъ,
И страшно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

«О витязь! я видѣлъ сей день роковой:
Багровое пламя весь градъ обхватило,
Какъ башня, спрямилось, — какъ буря, завыло;
На стогнахъ смертельный свирѣпствовалъ бой,
И крики послѣднихъ молитвъ и проклятій
Въ дыму заглушали звенящій булатъ —
Все пало . . . . и небо стерпѣло сей адъ!»
Ужасно блѣднѣя, внимаетъ Евпатій.

Гдѣ-гдѣ по широкой долинѣ огонь
Сверкаетъ во мракѣ ночнаго тумана:
То грозная рать побѣдителя-Хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изрѣдка, черной тревожимый грезой,
Татаринъ въ просонкахъ съ собой говоритъ,
Иль вздрогнувъ, безмолвный, подниметъ свой щитъ
Иль схватитъ свое боевое желѣзо.

Вдругъ . . . . что тамъ за топотъ въ ночной тишинѣ?
«На битву, на битву!» взываютъ Татары.
Откуда жь свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло въ крови и въ огнѣ?
Отчизна, отчизна! подъ латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно . . . .
Полмертваго руку подъемлетъ оно
Съ послѣднимъ ударомъ рѣшительной мести.

Не синее море кипитъ и шумитъ,
Почуя незапный набѣгъ урагана:
Шумятъ и волнуются ратники хана;
Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ,
Толпы за толпами, какъ тучи густыя,
Дружину отважныхъ стѣсняютъ кругомъ;

Сто копій сражаются съ русскимъ копьемъ ....
И пало геройство подъ силой Батыя.

Рѣдѣетъ ночнаго тумана покровъ,
Утихла долина убійства и славы.
Кто сей на долинѣ убійства и славы
Лежитъ, окруженный тѣлами враговъ?
Уста ужь не кличутъ безтрепетныхъ братій,
Ужь кровь запеклася въ отверстіяхъ латъ.
А длань еще держитъ кровавый булатъ:
Сей падшій воитель свободы — Евпатій! —

МУЗА.

Богиня струнъ пережила
Боговъ и грома и булата:
Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
Вѣкамъ тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань.
Въ вѣнцѣ раскованная сила,
Ея безсовѣстная длань
Алтарь изящнаго разбила;
Но съ праха рушенныхъ громадъ,
Изъ тишины опустошенья,
Возсталъ, величественъ и младъ,
Безсмертный Ангелъ вдохновенья.

КЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Забуду ль васъ когда-нибудь
Я, вами созданный? Не вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили?
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ,
Для васъ любилъ богиню пѣнья;
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ;
И ярко — вами пробужденный,
Прекрасный, сильный и священный —
Во мнѣ огонь его пылалъ.
Какъ волны, высились, мѣшались,
Играли быстрыя мечты;
Какъ образъ волнъ, ихъ красоты,
Ихъ ростъ и силы измѣнялись —
И былъ я полонъ божества,
Могучъ возстать до идеала,
И сладкозвучныя слова,
Какъ перлы, память набирала.
Тогда я ждалъ .... но гдѣ жь они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила
И жажда славнаго труда?
Изчезло все, — меня забыла

Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;
Пускай пробудится мой геній,
Пускай почувствую, кто я!

РОДИНА.

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихія непогоды,
Твои лѣса, твои луга,
И Волги пышные брега,
И Волги радостныя воды —
Все мило мнѣ, какъ жаръ стиховъ,
Какъ жажда пламенная славы,
Какъ шумъ прибережной дубравы
И разыгравшихся валовъ!

Всегда люблю я, вѣчно живы
На крѣпкой памяти моей
Предметы юношескихъ дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Краснорѣчивыя мѣста
Мнѣ оживляетъ и рисуетъ:
Она свѣжа, она чиста,
Она блеститъ, она ликуетъ.

Но тамъ, гдѣ русская природа,
Какъ нашихъ дѣдовъ времена,
И величава и грозна
И благодатна, какъ свобода, —
Тамъ вяло дни мои лились,
Тамъ не внимаютъ вдохновенью,
И люди мирно обреклись
Непринужденному забвенью.

Цѣлуй меня, моя Лилета,
Цѣлуй, цѣлуй! опять съ тобой
Восторги вольнаго поэта
И сила страсти молодой,
И голосъ лиры вдохновенной!
Покинувъ край непросвѣщенной,
Душой высокое любя,
Опять тобой воспламененный,
Я стану пѣть и шумъ военный,
И Меченосцевъ, и тебя!

ЭЛЕГІЯ.

Зачѣмъ божественной Хариты
Въ ней разцвѣтаетъ красота?
Зачѣмъ такъ пурпурны ланиты?
Зачѣмъ такъ сладостны уста?
Она въ душѣ не пробуждаетъ
Святыхъ желаній, свѣтлыхъ думъ;
При ней безумье не скучаетъ,
И пламенный хладѣетъ умъ.
Стиховъ гармонія живая

Невнятно, дико ей звучитъ;
Она, очами не сверкая,
Поэта имя говоритъ.
Кто хочетъ, жди ея награды....
Но гордый славою своей,
Поэтъ ли склонитъ передъ ней
Свои возвышенные взгляды!
Такъ слѣдъ убогаго челна
Струя безсильная лобзаетъ,
Когда могучая волна
Черезъ него перелетаетъ.

КАТЕНЬКѢ МОІЕРЪ.

Какъ очаровываетъ взоры
Востока чистая краса,
Сіяя розами авроры!
Быть-можетъ, эти небеса
Не цѣлый день проторжествуютъ;
Быть-можетъ, мракъ застигнетъ ихъ,
И ураганы добушуютъ
До сводовъ вѣчно голубыхъ!
Но любитъ тихое мечтанье
Въ цвѣты надежду убирать,
И неба въ утреннемъ сіяньѣ
Прекрасный день предузнавать.

Твои младенческіе годы
Полетомъ ангела летятъ:
Твои мечты — мечты свободы,

Твоя свобода — міръ отрадъ;
Въ твоихъ понятіяхъ нѣтъ рока ....
Несильной жертвы не губя,
Еще завистливаго ока
Не обратилъ онъ на тебя;
Но будетъ часъ, онъ неизбѣженъ,
Твоимъ очамъ откроетъ онъ
Сей міръ, гдѣ разумъ безнадеженъ,
Гдѣ счастье — сонъ, бѣда — не сонъ.

Пусть вѣры кроткое сіянье
Тебѣ освѣтитъ жизни путь;
Ея даровъ очарованье
Покоитъ страждующую грудь;
Она съ надеждою отрадной
Велитъ безъ ропота сносить
Удары силы непощадной,
Терпѣть, смиряться и любить.

ЭЛЕГІЯ.

Она меня очаровала,
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.

Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ,
И миръ души и сердца волю,
Какъ драгоцѣнности, хранилъ.

Любви чарующая сила,
Какъ искра зевсова огня,
Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.

Пускай не мнѣ ея награды;
Она мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.

Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И восхищаюсь и любуюсь
Непобѣдимою красой.

ВИДѢНІЕ.

Вчера, какъ сумраки по небу
Туманный вечеръ разстилалъ,
Я въ тишинѣ молился Ѳебу,
Я вдохновенье призывалъ;
Уже душой, ему покорной,
Неукротимый, животворной
Его огонь овладѣвалъ;
Мечты кипѣли, разгорались,
Росли, блистали и сливались,
И видѣлъ я — мой идеалъ:
Чело и очи, и ланиты,
Уста, и локоны, и грудь,
И станъ божественной Хариты

Непринужденно, какъ-нибудь
Одеждой легкой перевитый.
Какъ милъ и живъ мой идеалъ!
Я млѣлъ, я таялъ, я стыдился,
Я задыхался и дрожалъ,
И утомленный — пробудился!

МОЛИТВА.

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени;
Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

А Л А.

(отрывокъ.)

Въ странѣ, любимой небесами,
Гдѣ величавая рѣка
Между цвѣтущими брегами
Играетъ ясными струями, —
Тамъ, гдѣ въ минувшіе вѣка
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы, —

Гдѣ нашъ свирѣпый Іоаннъ,
Пылая местью кровожадной,
Казнилъ за Магнуса гражданъ
Неутомимо, безпощадно, —
Гдѣ добрый геній старины,
Надъ чистымъ зеркаломъ Двины
Хранитъ доселѣ, какъ святыню,
Остатки каменной стѣны
И кавалерскую твердыню —
Въ дому отцовскомъ, въ тишинѣ,
Какъ цвѣтъ Эдема разцвѣтала
Очаровательная Ала.
Межъ-тѣмъ въ сосѣдней сторонѣ,
Устами Паткуля къ войнѣ
Свобода смѣлыхъ вызывала,
И удалаго короля
Имъ угнетенная земля
Съ валовъ балтійскихъ принимала,
Когда, прославившись мечомъ,
Онъ шелъ съ полуночнымъ Царемъ
Извѣдать силы боевыя,
Не зная, дерзкій, какъ бодра,
Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія!
    Родитель Алы доходилъ
Къ предѣлу жизненной дороги.
Онъ долго родинѣ служилъ,
Видалъ кровавыя тревоги,
Бывалъ рѣшителемъ побѣдъ;
Потомъ покинулъ шумный свѣтъ,
И, безмятежно догорая,
Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ мая,
Закатъ его почтенныхъ лѣтъ.

Но вдругъ .... и кто не молодѣетъ,
Своимъ годамъ кто помнитъ счетъ,
Чей духъ не крѣпнетъ, не смѣлѣетъ,
Чья длань желѣза не беретъ,
И взоръ отвагой не сверкаетъ,
И грудь восторгомъ не полна,
Когда знамена развиваетъ
За честь и родину война?
Онъ вновь надѣлъ одежду брани,
Стальную саблю наточилъ;
Казалось, старца оживилъ
Священный жаръ его желаній.
Онъ призвалъ дочь, и говорилъ:
«Уже лишенъ я прежнихъ силъ
Неумолимыми годами;
Прошла пора, какъ твой отецъ
Былъ знаменитѣйшій боецъ
Между ливонскими бойцами,
Свершалъ геройскія дѣла, —
Все старость жадная взяла ....
Не все взяла! ... еще волнуетъ
Мою хладѣющую кровь
Къ добру и вольности любовь;
Еще отрадно сердце чуетъ
Ихъ благодѣтельный призывъ;
Ему, какъ юноша, внимаю,
И снова смѣлъ, и снова живъ
Служить отеческому краю.
Гремите жь, бранныя поля!
Пируйте, мужество и мщенье!
Что намъ судьбы опредѣленье?
Опять ли силы короля
Подавятъ милую свободу,

Или торжественно она
Отдастъ ливонскому народу
Ея златыя времена, —
Побѣда, смерть ли? будь, что будетъ,
Лишь бы не стыдъ! Пускай же насъ
Къ мечамъ хотя въ послѣдній разъ
Гласъ родины, какъ неба гласъ,
Отъ сна позорнаго пробудитъ!»
Сказалъ — и взоры старика
Мятежнымъ пламенемъ сверкали,
И быстро падала рука
На рукоять военной стали....
Такъ въ тучѣ рѣется огонь,
Когда съ готовыми громами
Она плыветъ подъ небесами;
Такъ, слыша битву, ярый конь
Кипитъ и топаетъ ногами.

ЭЛЕГІЯ.

Счастливъ, кто съ юношескихъ дней,
Живыми чувствами убогой,
Идетъ проселочной дорогой
Къ мѣтѣ таинственной своей!
Кто разсудительной душою
Безъ горькихъ опытовъ узналъ
Всю бѣдность жизни подъ луною,
И ничему не довѣрялъ!
Зачѣмъ не мнѣ такую долю
Опредѣлили небеса?

Идя по жизненному полю
Твержу: мой рай, моя краса,
А вижу лишь мою неволю!

ТРИ ЭЛЕГІИ.

1.

Свободенъ я; уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За милый взглядъ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ на удачу
Въ часы бездушныхъ вечеровъ;
Мои свѣтлѣютъ упованья,
Печаль отъ сердца отошла,
И съ ней любовь: такъ паръ дыханья
Слетаетъ съ чистаго стекла!

2.

Я зналъ живое заблужденье,
Любовь пѣвалъ я; были дни —
Теперь умчалися они,
Теперь кляну ея волненье,
Ея блудящіе огни.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной
И не кружится голова:
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему;

Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я молюся — не ему!

3.

Моя Камена ей пѣвала;
Но сила взоровъ красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты,
Но чувства пылкаго, живаго —
Любви, не зналъ я: такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блеститъ, кипитъ, но .... холодна!

ПРОЩАНІЕ СЪ ЭЛЕГІЯМИ.

Прощайте, миленькія бредни
И мой почтенный идеалъ!
Не первый я, не я послѣдній
Васъ и творилъ и прославлялъ;
Но первый я васъ разгадалъ.
Мнѣ будетъ сладко и утѣшно
Въ другіе годы васъ читать.
Мой жаръ безумный и безгрѣшной —
Мою любовь воспоминать;
Тогда съ улыбкою унылой
На ваши строки посмотрю
И молвлю: Господи помилуй!
И тихо книгу затворю. —

Ливонія.

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ креста,
Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой,
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла . . . .
Они живутъ для музы пѣснопѣнья,
Для гордости поэтова чела! —

Рукою лѣтъ разбитыя громады,
Гдѣ бранная воспитывалась честь,
Гдѣ торжество не вѣдало пощады,
И грозную разгорячало месть, —
Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
Глядитъ на вашъ краснорѣчивый прахъ . . . .
И нѣтъ въ груди волненія живаго,
И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ!

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья,
Въ душѣ его такая ль тишина,
Когда ему, подъ рубищемъ забвенья,
Является святая старина?

Исполненный божественной отрады,
Онъ зритъ въ мечтахъ минувшіе вѣка;
Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды....
И падаетъ къ струнамъ его рука.

ЭЛЕГІЯ.

Прощай, красавица моя!
Извѣстенъ мнѣ любимецъ нѣги,
Съ кѣмъ на дорогѣ бытія
Ты дѣлишь тайные ночлеги.
Я вѣрилъ нѣжностямъ пустымъ;
Я ждалъ любви и наслажденій;
Я много свѣтлыхъ вдохновеній
Означилъ именемъ твоимъ;
Обманутъ я: иную долю
Мнѣ Провидѣніе даетъ.
Но.... путникъ свищетъ и поетъ,
Идя по сумрачному полю....
И я разсѣю грусть мою,
Мою сердечную неволю:
Я веселъ снова и пою!

ЭЛЕГІЯ.

Меня любовь преобразила:
Я сталъ задумчивъ и унылъ;

Я ночи блѣдныя свѣтила,
Я сумракъ ночи полюбилъ.
Когда веселая зарница
Горитъ за дальнею горой,
И паръ густѣетъ надъ водой,
И смолкла вечера пѣвица:
По скату сонныхъ береговъ
Брожу тоскуя и мечтая,
И жду, когда между кустовъ
Мелькнетъ условленный покровъ,
Или тропинка потайная
Зашепчетъ шорохомъ шаговъ.
Гори, прелестное свѣтило,
Помедли мракъ на лонѣ водъ:
Она придетъ, мой ангелъ милой,
Любовь моя, — она придетъ!

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я не забуду никогда
Мои студенческіе годы,
Раздолье Вакха и свободы
И благодатнаго труда!
Въ странѣ, умѣреннымъ блаженной,
Вдали блистательныхъ невѣждъ,
Они питали жаръ священный
Моихъ желаній и надеждъ.
Здѣсь Муза пѣсенъ полюбила
Мои словесныя дѣла;
Здѣсь духа творческая сила

Во мнѣ мужала и росла....
И слава ей! Не ласки свѣта,
Не взоръ любви, не блескъ наградъ,
Какими свѣтскаго поэта
Вельможи гордые дарятъ, —
Мечты могучія живили
Пѣвца чувствительную грудь,
И мнѣ яснѣлъ высокій путь
Для поэтическихъ усилій.
Но помню я: была пора,
Я обожалъ уста и очи,
Чего-то ждалъ съ утра до ночи,
О чемъ-то бредилъ до утра,
И страсти вѣруя залетной,
Впервые лакомъ до похвалъ,
Я мой талантъ словоохотной
Чужимъ причудамъ посвящалъ.
Стиховъ гармонія и сила
Плѣняла душу красоты;
Казалось мнѣ... она любила
Мои весенніе цвѣты.
Разнообразныя надежды
Я расточительно питалъ,
Я ихъ въ мишурныя одежды
И позаморски одѣвалъ.
Она улыбкой награждала
Благовоспитанный мой бредъ,
Гдѣ громкимъ словомъ идеала
Знаменовалъ ее поэтъ.
Любовь возвышенная! ты ли
Давала жизнь моимъ стихамъ,
Когда мечты мои служили
Обыкновеннымъ божествамъ?

Твоя ли дѣйствовала воля,
Тобой ли полонъ былъ пѣвецъ,
Когда съ общественнаго поля
Онъ набиралъ себѣ вѣнецъ?
  Теперь не то — я славлю Бога!
Она прошла и не придетъ,
Пора томительныхъ заботъ,
Моя сердечная тревога.
Какъ нѣчто странное, объ ней
Хранится въ памяти моей
Нравоучительная повѣсть, —
Она въ стихахъ и не мала;
Но поэтическая совѣсть
Ее безумствомъ назвала.
И правда, вѣрю, я не кстатѣ
Дары-таланты расточалъ;
Да впрочемъ ea tempestate
Я былъ влюбленъ — итакъ не зналъ,
Что бредилъ я, когда писалъ....
И говорю: любви обѣты,
Любви надежды и мечты
Или живые пустоцвѣты,
Или поддѣльные цвѣты!

ВЪ АЛЬБОМЪ Ш. К.

Не часто ль тягостною мукой
За откровенныя слова
Души простой и близорукой
Платилъ мнѣ слѣпокъ божества;

Не часто ль послѣ вдохновенья
Отрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
Заранѣ чуялъ наслажденья,
Заранѣ сердцемъ ликовалъ —
И только знаки отверженья
Въ глазахъ красавицы читалъ?
Любовь, любовь! я помню живо
Счастливый день, какъ въ первый разъ
Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
Въ моей груди самолюбивой!
Тогда всѣ чувства бытія
Въ одно прекрасное сливались;
Они свѣтлѣли, возвышались,
И гордо радовался я.

ВЪ АЛЬБОМЪ Ш. К.

Довѣрчивый, простосердечный,
Безумно слѣдуя мечтѣ,
Дается юноша безпечно
Въ неволю хитрой красотѣ;
Кипитъ, ликуетъ, возвышается
Его надежда; передъ нимъ
Міръ очарованный является
Безбрежнымъ, яснымъ и святымъ.
Онъ долго рабствуетъ прекрасной,
Онъ богомъ идола зоветъ;
Но сонъ проходитъ сладострастной
И въ тоже сердце не придетъ.
Счастливъ, когда любви волненіе

Онъ своевольно усмирилъ,
И стыдъ, и гордость, и презрѣніе
Для ней во нравѣ сохранилъ.

КЪ П. Н. ДИРИНУ.

Еще ты рокомъ не замѣченъ,
Тебѣ прекрасенъ Божій свѣтъ;
Не зная мукъ, не зная бѣдъ
Ты всѣмъ доволенъ и безпеченъ;
Твои безоблачные дни,
Какъ милый сонъ, мелькаютъ живо; —
Да не закатятся они
Съ порою младости счастливой!
Она пройдетъ, — но пусть она
Не мрачный путь тебѣ укажетъ,
Пробудитъ силы ото сна
И умъ для доблести развяжетъ,
Научитъ родину любить,
Добро и честь любить душою,
За нихъ бѣды переносить,
И не блѣднѣть передъ судьбою. —

Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя
Чѣмъ врачеваться мнѣ отъ скуки?

Любя нѣмецкія науки,
И нѣмцевъ вовсе не любя,
Кому, собою не довольный,
Повѣрю я свои стихи?

. . . .

. . . .

Въ странѣ, ...

. . . .

Гдѣ жизнь идетъ, а не летитъ
Гдѣ ѣздятъ вдолгъ, дарятъ не даромъ, —
Гдѣ рѣдки русскіе умы,
Гдѣ рѣдки искры вдохновенья, —

. . . .

. . . .

Любили вмѣстѣ мы дѣлить
Веселой младости досуги

. . . .

. . . .

Мелькали быстро дни мои:
Я зналъ не купленное счастье
Въ раю мечтательной любви
И въ идеальномъ сладострастьѣ;
Но я предвижу, милый мой,
Что скоро сбудется со мной.
Живя однимъ воспоминаньемъ,
Я лучшихъ дней не призову, —
И отягчитъ мою главу
Тоска съ несбыточнымъ желаньемъ.
Мои свободныя мечты
И пѣсни музы горделивой
Замѣнитъ мнѣ покой сонливой;
И жизни глупой суеты
Меня прельстятъ утѣхой льстивой, —

И прочь прекрасное! Но ты
Свидѣтель милой наготы
Моей поэзіи шутливой....
Пускай тебѣ сіи мечты,
Въ веселый часъ, представятъ живо
Лихія шалости любви....
О! вспомни вольнаго собрата
И важной дланью дипломата
Моихъ стиховъ не изорви!

М. Н. ДИРИНОЙ.

Не въ первый разъ мой добрый геній
Кидаетъ суетную лѣнь,
Словами дара пѣснопѣній
Спѣша привѣтствовать вашъ день;
Не въ первый разъ восторгомъ блещетъ
Сей даръ, покорствующій вамъ,
И сердце сладостно трепещетъ,
Кипучимъ тѣсное мечтамъ:
Всегда вы мило принимали
Мои привѣты — и живѣй,
Смѣлѣе, краше ликовали
Надежды юности моей!
И нынѣ вами пробужденный,
Я вамъ по прежнему несу
Мою любовь, мою красу —
Стихи Камены откровенной.
Но что же пѣть моимъ стихамъ
На праздникъ вашего рожденья?

Молить ли руку Провидѣнья,
Да покровительствуетъ вамъ?....
И возсылаю къ небесамъ
Благочестивыя моленья.
Желать ли, да украситъ васъ
И умъ, и прелесть, и наука;
Да васъ плѣняетъ сладость звука
И стихотворческій Парнасъ;
Да процвѣтаютъ ваши годы
Подъ кровомъ милой тишины,
Какъ міръ божественной свободы,
Какъ поле радостной весны?....
И я желаю — но едва ли
Я не наскучу небесамъ,
Моля, чтобъ вамъ они послали
Уже дарованное вамъ?

ПѢСНЯ.

Кто за покаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада:
Богъ пѣсенъ богу винограда
Восторги новые даетъ.

Слова святыя: пей и пой!
Необходимы для пирушки.
Друзья! гдѣ арфа подлѣ кружки,
Тамъ бога два — и пиръ двойной!

Такъ ночью краше небеса
При яркомъ мѣсяца сіяньи;

Такъ въ миловидномъ одѣяньи
Очаровательнѣй краса.

Кто за покаломъ не поетъ,
Тому не полная отрада:
Богъ пѣсенъ богу винограда
Восторги новые даетъ! —

МЕЧЕНОСЕЦЪ АРАНЪ.

(отрывокъ.)

Не разъ, не два Ливонія видала,
Какъ, ратуя за вѣру Христіянъ,
Могучая рука твоя, Аранъ!
Изъ вражьихъ рукъ побѣду вырывала;
Не разъ, не два тебя благословлялъ
Привѣтный крикъ воинственнаго схода,
Когда тобой хвалился воевода
И смѣлаго, какъ сына, обнималъ.
. . . .
Но мнилося — любовь и наслажденье,
А не войну и славу на войнѣ
Арановой плѣнительной веснѣ
Назначило удѣломъ Провидѣнье.
Аранъ! твои ланиты и уста,
Румяныя, какъ пурпуры денницы,
Твоихъ очей лазурь и быстрота,
Ихъ милый взоръ, ихъ длинныя рѣсницы,
Твой гибкій станъ и черные власы —
Какъ сладостно, и пламенно, и живо

Мечталися въ полночные часы
Красавицѣ надменной и стыдливой
Въ странѣ, гдѣ ты какъ радость разцвѣталъ,
Гдѣ Везеръ льетъ серебряныя воды, —
Въ странѣ, гдѣ сынъ отчизны и свободы,
Возвышенный Арминій побѣждалъ!
    Какъ яркій лучъ божественнаго свѣта,
Какъ мощнаго воителя стрѣла,
Какъ творческій и смѣлый духъ поэта
И горній летъ побѣднаго орла, —
Дни юноши легки и быстротечны,
Когда плѣненъ высокимъ и благимъ,
Мечтательный, живой, простосердечный,
Онъ весь дался надеждамъ золотымъ —
И новый міръ яснѣетъ передъ нимъ,
Для подвиговъ прекрасныхъ безконечный!...
Такъ молодость Аранова текла;
Ужь полонъ чувствъ и бодрыхъ упованій,
Онъ былъ готовъ десницею для брани,
Готовъ душой на славныя дѣла.
Его мечта туда переносила,
Гдѣ Божій свѣтъ крестомъ преображенъ;
Гдѣ Іорданъ, Голгоѳа и Кедронъ;
Гдѣ высоты Ермона и Кармила:
Тамъ юноша, при ратныхъ знаменахъ,
Намѣстникомъ Петра благословенныхъ,
Горѣлъ, алкалъ прославиться въ бояхъ
Красою дѣлъ отважныхъ и священныхъ.
Не то ему на подвигъ бытія
Назначило отцовское желанье:
Онъ полетѣлъ въ ливонскіе края
Свершить одно и страшное дѣянье!
    На синевѣ безоблачнаго свода

Свѣтило дня прекрасное горитъ;
Труба на сборъ воителей манитъ;
Надѣлъ броню ихъ старецъ-воевода....
Они стеклись — наточенный булатъ
Звучитъ, блеститъ; геройскія воззванья,
Веселыя текутъ изъ ряда въ рядъ;
У всѣхъ однѣ надежды и желанья,
Всѣ бранными восторгами кипятъ! —
Закрывъ лицо рѣшоткою забральной,
На рукоять поникнувъ головой,
Одинъ Аранъ, безмолвный и печальной,
Не веселѣлъ, не ликовалъ душой....
Когда Магистръ, готовяся на битву,
Сложивъ шеломъ пернатый и стальной,
Произносилъ сердечную молитву
Спасителю и Дѣвѣ Пресвятой;
Когда поднявъ трепещущія длани
И слезный взоръ къ безсмертнымъ небесамъ,
Онъ призывалъ внимающимъ полкамъ
Великую защиту бога брани;
Когда клялся не холодѣть въ бояхъ,
Блюсти мечомъ Апостоловъ державу
И возвѣщать въ языческихъ странахъ
Всевышняго трисолнечную славу: —
Что чувствовалъ ты, воинъ молодой,
Вождя побѣдъ глазами озирая,
То яркими, какъ пламень громовой,
То мрачными, какъ туча громовая?
. . . .
. . . .

Простертые на бархатѣ полянъ,
Въ безмолвіи окрестность наблюдая,
Ливонцы ждутъ прихода Христіянъ;

Они безъ латъ: мечъ, стрѣлы и чеканъ,
Копье и щитъ — ихъ сбруя боевая....
Блеснула рать знакомая въ дали;
Трескучій зыкъ сзывающаго рога
Ихъ взволновалъ: столпились, потекли —
И началась кровавая тревога!
Не облака ль сверкаютъ и гремятъ?
Не озеро ль Чудское разшумѣлось?
Не облака сверкаютъ и гремятъ,
Не озеро Чудское разшумѣлось! —
Враги Христа съ Винандовымъ полкомъ
Сшибаются . . . .
. . . .
Тамъ общій бой: толпа толпу тѣснитъ;
Пируетъ смерть, кровь брызжетъ, сталь звенитъ;
Тотъ мечъ занесъ и, не свершивъ удара,
Оцѣпенѣлъ, разрубленный мечомъ;
Тотъ въ ярости губительнаго жара
Не слышитъ ранъ и рубится съ врагомъ;
Иной копье изъ тѣла вырываетъ,
И въ судоргахъ влачится по землѣ;
Тотъ навзничъ палъ — и язва на челѣ;
Тотъ, жалостно стоная, издыхаетъ,
Подавленный израненнымъ конемъ;
Кто смерть зоветъ, кто битву проклинаетъ:
Обширный адъ на полѣ боевомъ! —
Ужь мѣсяцъ всталъ блестящій и багряный
Надъ зеркаломъ балтійской глубины;
Ужь потекли росистые туманы
По берегамъ лазоревой Двины....
. . . .
. . . .
Бой пересталъ; огни въ долинѣ стана;

Воители на рыцарскихъ щитахъ
Несутъ въ шатеръ полмертваго Арана:
Онъ весь въ крови; мерцаніе въ очахъ,
И широка запекшаяся рана.

РАЗБОЙНИКИ.

(отрывокъ.)

Синѣе влажнаго вѣтрила
Надъ Волгой туча проходила;
Ревѣла буря; ночь была
Въ пучинѣ зыбкаго стекла;
Порой огонь воспламенялся
Во тмѣ потопленныхъ небесъ;
Шумѣлъ, трещалъ прибрежный лѣсъ
И, словно Волга, волновался.

Гремятъ и блещутъ небеса;
Кипитъ отвага въ сердцѣ нашемъ!
Расправимъ, други, паруса
И бодро веслами замашемъ!
Не чуя страха средь зыбей,
Душой не слушаясь природы,
Мы бьемся какъ-то веселѣй
При дикомъ воѣ непогоды!
Въ лѣсахъ, въ ущельяхъ наши дни
Всегда свободны, беззаботны;
Какъ туча, сумрачны они,
За то, какъ туча, быстролетны!
Гремятъ и блещутъ небеса;

Кипитъ отвага въ сердцѣ нашемъ!
Расправимъ други паруса
И бодро веслами замашемъ!

Такая пѣсня раздавалась
На скатѣ волжскихъ береговъ,
Гдѣ своевольныхъ удальцовъ
Станица буйная скрывалась.
Заранѣ радуясь душой,
Они сбирались на разбой;
Какъ пчелы, шумно окружали
Продолговатыя ладьи,
И на ревущія струи
Ихъ дружно съ берега сдвигали.

Могучи духомъ и рукой,
Законъ и казни презирая,
Они плѣнительнаго края
Давнишній рушили покой:
Не разъ пожары зажигала
Въ сосѣднихъ селахъ ихъ рука;
Не разъ бурливая рѣка
Погонь за ними не пускала,
И жертвы мести роковой
Непобѣдимою волной
На дно песчаное бросала.

Многорѣчивая молва
Объ нихъ далеко говорила;
Уму несмѣлому ихъ сила
Казалась даромъ волшебства;
Ихъ злочестивыя слова,
Ихъ непонятныя дѣянья,

Угрозы, битвы, предсказанья,
Пугали старцевъ и младыхъ;
Имъ жены съ трепетомъ дивились,
И прослезались, и крестились,
Разсказы слушая о нихъ.

ЭЛЕГІЯ.

Любовь, любовь! веселымъ днемъ
И мнѣ, я помню, ты свѣтила;
Ты мнѣ восторги окрилила,
Ты назвала меня пѣвцомъ.

Волшебна ты, когда впервые
Въ груди ликуешь молодой;
Стихи, внушенные тобой,
Звучатъ и блещутъ золотые!

Свѣтлѣе зеркальныхъ зыбей,
Звѣзды прелестнѣе разсвѣтной,
Пышнѣе ленты огнецвѣтной,
Повязки сладостныхъ дождей,

Твои надежды; но умчится
Очаровательный ихъ сонъ;
Зови его — не внемлетъ онъ,
И сердцу снова не приснится.

СЛАВА БОГУ.

О слава Богу, слава Богу!
Я не влюбленъ, свободенъ я.
Я выбралъ лучшую дорогу
На скучной степи бытія;
Не занятъ свѣтомъ и молвою,
Я знаю тихія мечты
И не поклонникъ красоты,
И не обманутъ красотою!

ЭЛЕГІЯ.

Скажи, воротишься ли ты,
Моя плѣнительная радость?
Уже ль моя погаснетъ младость,
Мои не сбудутся мечты?

Еще не вѣдалъ я страданій,
Еще я жизнь не разлюбилъ;—
Былъ чистъ огонь моихъ желаній . . . .
И онъ ли небо оскорбилъ?!

Не укорялъ бы я судьбины,
Я ждалъ бы смерти въ тишинѣ;
Но трепещу . . . . ужасны мнѣ
Забвенья черныя пучины.

Дары Поэзіи святой!
Уже ль вы были сновидѣнье?
Ты. жажда чести вѣковой,
И ты, къ высокому стремленье?

ПОЭТЪ.

Искать ли славнаго вѣнца
На полѣ рабскихъ состязаній,
Тревожа слабыя сердца,
Сбирая нищенскія дани?
Сія народная хвала,
Сей говоръ близкаго забвенья,
Вознаградитъ ли музѣ пѣнья
Ея священныя дѣла?
Кто ихъ постигнетъ? Геній вспыхнетъ —
Толпа любуется на свѣтъ,
Шумитъ, шумитъ, шумитъ — затихнетъ:
И это слава нашихъ лѣтъ!
Такъ мыслитъ юноша-поэтъ,
Пока въ душѣ его желанья
Мелькаютъ, темныя, какъ сонъ,
И твердый гласъ самосознанья
Не возвѣстилъ ему, кто онъ.
И вдругъ, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Безпечный — право иль не право
Его привѣтствуетъ молва —
За независимою славой
Пойдетъ любимецъ божества;

Въ немъ гордость смѣлая проснется:
Свободенъ, веселъ, полонъ силъ,
Орелъ великій встрепенется,
Расширитъ крылья и взовьется
Къ безсмертной области свѣтилъ!

ДВѢ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ,
Едва колышутся лѣса,
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая,
Разносится по глади водъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристалѣ голубомъ:
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ
И кое-гдѣ огонь пловучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ;
Безмолвна синяя пучина,
Въ дубровахъ мракъ и тишина,
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или — путемъ дугообразнымъ —
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ,
И въ отдаленьи пропадетъ.

ГЕНІЙ.

Когда гремя и пламенѣя
Пророкъ на небо улеталъ —
Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея:
Святыми чувствами полна,

Мужала, крѣпла, возвышалась,
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она! —

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ....
И міру новыя свѣтила —
Дѣла избранника небесъ!

КЪ ШЕПЕЛЕВУ.

Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
Въ дѣлахъ амура мой Орестъ,
Прощай! защитѣ Провидѣнья
Я поручаю твой отъѣздъ.
Въ Россіи, ради Аполлона,
Поэта-друга вспомяни.
Туда съ тобою два поклона
Я посылаю, вотъ они:
Одинъ Москвѣ перводержавной, —
Она поэзіи мила;
Въ ней слава Руси благонравной
И прозябала, и цвѣла;
Другой поклонъ инаго рода —
Куда?... ты можешь угадать,
Кому работала полгода

Моей Камены благодать;
Кѣмъ, незлопамятный, доселѣ
Я восхищаюсь и горжусь;
О комъ три раза на недѣлѣ
Святому образу молюсь;
Чья побѣдительная сила,
Давно, и въ явѣ и во снѣ,
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мнѣ.
Ты помнишь, другъ, ее пѣвали
Мои элегіи: она
Мила какъ ангелъ, но едва ли
Такъ непритворна и скромна.
Ея чело, ея ланиты,
Ея власы, ея уста
И очи — словно у Хариты,
Все хорошо, все красота . . . .
Ей поклонись, скажи два слова,
И мнѣ въ усладу напиши,
Какъ поживаетъ, какъ здорова
Сія звѣзда моей души?

КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Скажу ль тебѣ — кого люблю я,
Куда летятъ мои мечты
То занывая, то ликуя
Среди полночной темноты?
Она — души моей царица —
И своенравна и горда;

Но, при очахъ ея, денница
Обыкновенная звѣзда.
На взоры страстные, на слезы
Она безчувственно глядитъ;
Но пламенны младыя розы
Ея застѣнчивыхъ ланитъ.
Ее жестоко осуждаютъ:
Она проста, она пуста;
Но эти перси и уста,
Чего жь они не замѣняютъ? —

АДЕЛАИДѢ.

Ланитъ и персей жаръ и нѣга
И томный блескъ твоихъ очей....
О другъ! ты альфа и омега
Любви возвышенной моей.
Ты вся полна очарованья!
Я твой! мои живые сны,
Мои кипучія желанья
Всѣ на тебя устремлены.
Предайся жь мнѣ: любви забавы
Я сладкозвучно воспою,
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

ВОЕННАЯ НОВГОРОДСКАЯ ПѢСНЯ

1170 года.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

Не такъ ли, о други! къ отчизнѣ любовь,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышенъ раждается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Виднѣе сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцовъ Ярослава!
Не выдадимъ чести народной —
Свободы наслѣднаго права.

Что вольнымъ сосѣдей завистныхъ вражда,
И темныя рати Андрея?

Къ отчизнѣ святая любовь
Смѣла, и сильна, и побѣдна.

Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

КЪ Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

(ОТЧЕТЪ О ЛЮБВИ).

Я знаю, другъ, и въ шумѣ свѣта
Ты помнишь первыя дѣла
И пѣсни русскаго поэта
При звонѣ дерптскаго стекла.
Пора безцѣнная, святая!
Тогда свобода удалая,
Восторги Музы и вина
Меня живили, услаждали;
Дни безмятежные мелькали;
Душа не слушалась печали
И не бывала холодна!
Пускай извѣстности прекрасной
И думъ высокихъ я не зналъ;
За то учился безопасно,
За то себя не забывалъ.
Бывало кожаной монетой
Куплю таинственныхъ отрадъ —
И романтически съ Лилетой
Часы ночные пролетятъ.

Теперь, какъ прежде своенравно,
Я жизнь студентскую веду;
Но было время и недавно,
Любви немѣткой и неславной
Я былъ въ удушливомъ чаду;
Я рабствовалъ; я все оставилъ
Для безотвѣтной красоты;
Простосердечно къ ней направилъ
Мои надежды и мечты;
Я ждалъ прилежнаго участья;
Я пѣлъ ланиты и уста,
И станъ, и все, что красота
Въ моей богинѣ сладострастья;
Мнѣ соблазнительна была
Ея дѣвическая скромность,
Очей загадочная томность,
И ясность бѣлаго чела, —
Все нѣжило, все волновало
Мою неопытную кровь,
Все въ юномъ сердцѣ зажигало
Живую первую любовь.
Ахъ! сколько грустныхъ сновидѣній,
Тяжелыхъ вздоховъ, даже слезъ,
Алкая полныхъ наслажденій,
Въ часы полуночныхъ явленій,
Я для надменной перенесъ!
Я думалъ страстными стихами
Ее принудить угадать,
Куда горячими мечтами
Пріятно мнѣ перелетать.
И что жь? Она не разумѣла,
Кого любилъ, кому я пѣлъ.
Я мучился; вся кровь кипѣла,

А объяснить не захотѣлъ,
Чего душа моя хотѣла.
Такъ пронеслися дни поста,
И, вольнодушна и свята,
Она усердно помолилась,
Межъ-тѣмъ узналъ я, кто она;
Межъ-тѣмъ сердечная война
Во мнѣ помалу усмирилась,
И Муза юная моя
Непринужденно отучилась
Мечтать о счастьѣ бытія.
Опять съ надеждой горделивой
Гляжу на шиллеровъ полетъ,
Опять и радостно и живо
Въ моей груди славолюбивой
Огонь поэзіи растетъ.
А признаюся откровенно,
Я самъ постигнуть не могу,
Какъ жаръ любви ненагражденной
Не превратилъ меня въ брюзгу!
Мои тѣлесныя затѣи
Отвергла гордая краса,—
А не сержусь на небеса,
А мнѣ всѣ люди — не злодѣи;
А романтической тоской
Я не стѣснилъ живую душу,
И въ честь зазорному Картушу
Не началъ пѣсни удалой!
Сія особенность поэта
Не кстати нынѣшнимъ годамъ,
Когда питомцы бога свѣта
Такъ мило воспѣваютъ намъ
Свое невинное мученье,

Такъ помыкаютъ вдохновенье,
И такъ презрительны къ тому,
Что не доступно ихъ уму.
Но какъ мнѣ быть? На полѣ славы
Смѣшаю ль звукъ моихъ стиховъ
Съ лихими пѣснями аравы
Всегда отчаянныхъ пѣвцовъ?
Мнѣ нестерпимы ихъ жеманства,
Ихъ голосъ буйный и чужой....
Нѣтъ, Муза вольная со мной!
Прочь жажда славы мелочной
И легкій демонъ обезьянства!
Спокоенъ я: мои стихи
Живитъ неложная свобода,
Имъ не законъ — чужая мода,
Въ нихъ нѣтъ заемной чепухи
И перевода съ перевода;
Въ нихъ неподдѣльная природа,
Свое добро, свои грѣхи!

Теперь довольно, до свиданья!
Тогда, подробнѣй и яснѣй
Сего нестройнаго посланья,
Я разскажу тебѣ дѣянья
Любви неконченной моей!

ЭЛЕГІЯ.

Поэту радости и хмѣля,
И мнѣ судилъ могучій рокъ

Нравоучительнаго Леля
Полезный вытвердить урокъ:
Я испыталъ любви желанье,
Ее я пѣлъ, ее я ждалъ;
Безумно было ожиданье,
Бездушенъ былъ мой идеалъ.
Моей тоски, моихъ привѣтовъ
Не понялъ слѣпокъ божества —
И всѣ пропали безъ отвѣтовъ
Мои влюбленныя слова.
Но былъ во мнѣ — и славу Богу! —
Избытокъ мужественныхъ силъ:
Я на прекрасную дорогу
Опять свой умъ поворотилъ;
Я разгулялся понемногу —
И глупость страсти роковой
Въ душѣ изчезла молодой ....
Такъ съ пробудившейся поляны
Слетаютъ темные туманы;
Такъ, слыша выстрѣлъ, кулики
На воздухъ мечутся съ рѣки.

КЪ МУЗѢ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,

Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава....
И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли;
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда торжественно мирна,
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ.

ТРИГОРСКОЕ.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

Въ странѣ, гдѣ вольные живали
Сыны воинственныхъ Славянъ;
Гдѣ гордо именемъ гражданъ
Они другъ друга называли;
Куда великая Ганза

Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала вѣча;
Въ странѣ, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Гдѣ побѣждающій Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сдвигалъ толпы густыя,
Да уничтожитъ Псковитянъ,
Да низпровергнется Россія! —
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась .... кровь за кровь ....
И онъ не праздновалъ побѣды! —
Въ странѣ, гдѣ славной старины
Не всѣ слѣды истреблены,
Гдѣ сердцу русскому донынѣ
Краснорѣчиво говорятъ:
То стѣнъ полуразбитыхъ рядъ
И валъ на каменной вершинѣ,
То одинокій древній храмъ
Среди безпажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленѣющимъ брегамъ;
Въ странѣ, гдѣ Сороть голубая,
Подруга зеркальныхъ озеръ,
Разнообразно между горъ
Свои изгибы разстилая,
Водами ясными поитъ
Поля, украшенныя нивой; —
Тамъ, у раздолья, горделиво

Гора трехолмная стоитъ, —
На той горѣ, среди лощины,
Передъ лазоревымъ прудомъ,
Бѣлѣется веселый домъ
И сада темныя картины,
Село и пажити кругомъ.

Пріютъ свободнаго поэта,
Непобѣжденнаго судьбой!
Благоговѣю предъ тобой —
И даръ божественнаго свѣта,
Краса и радость лучшихъ лѣтъ,
Моя надежда и забава,
Моя любовь и честь и слава —
Мои стихи тебѣ привѣтъ!

Какъ сна отрадныя видѣнья,
Какъ утро пышное весны,
Волшебны, свѣжи наслажденья
На вѣрномъ лонѣ тишины:
Когда душѣ, неутомленной
Житейскихъ бременемъ трудовъ,
Доступенъ жертвенникъ священный
Богинь кастальскихъ береговъ;
Когда родимая природа
Ее лелѣетъ и хранитъ,
И ей, роскошная, даритъ
Все, чѣмъ возвышенна свобода.

Душѣ плѣнительна моей
Такая райская година;
Камены пламеннаго сына
Она утѣшила; объ ней

Воспоминаніе живое
И нынѣ радуетъ меня.
Бывало, въ царственномъ покоѣ,
Великое свѣтило дня,
Во слѣдъ за раннею денницей,
Шаромъ восходитъ огневымъ,
И небеса, какъ багряницей,
Окинетъ заревомъ своимъ;
Его лучами заиграютъ
Озеръ живыя зеркала;
Поля, холмы благоухаютъ;
Съ нихъ бѣлой скатертью слетаютъ
И сонъ и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Деревъ одежда убрана;
Пернатыхъ пѣснью голосистой
Звучитъ лѣсная глубина.

Тогда, одинъ, восторга полный,
Горы прибережной съ высотъ,
Я озиралъ сей неба сводъ
Великолѣпный и безмолвный,
Сіи круги и ленты водъ,
Сіи ликующія нивы,
Гдѣ серпъ мелькалъ трудолюбивый
По золотистымъ полосамъ,
Скирды желтѣлись, тамъ и тамъ
Жнецы къ товарищамъ взывали,
И на дорогѣ, вдалекѣ,
Съ холмовъ бѣгущія къ рѣкѣ
Стада пылили и блѣяли.
Бывало, солнце безъ лучей
Стоитъ и рдѣетъ въ безднѣ пара,

Тяжелый воздухъ полонъ жара;
Вода чуть движется; надъ ней
Склонилась томными вѣтвями
Деревъ безжизненная тѣнь;
На полѣ жатвы, межъ скирдами,
Невольная почіетъ лѣнь,
И кони спутанные бродятъ,
И псы валяются; молчатъ
Село и холмы; душенъ садъ
И птицы пѣсень не заводятъ....
Туда, туда, друзья мои!
На скатъ горы, на брегъ зеленой,
Гдѣ дремлютъ Сороти студеной
Гостепріимныя струи, —
Гдѣ подъ кустарникомъ тѣнистымъ
Дугою выдалась она
По глади вогнутаго дна,
Пескомъ усыпанной сребристымъ.
Одежду прочь! передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя
И бухъ! — блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяныя.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнѣе, свѣтелъ взоръ,
Въ холодной нѣгѣ оживаю,
И бодръ и веселъ выбѣгаю
Травы на бархатный коверъ.

Что восхитительнѣе, краше
Свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ,

Когда за пѣнистою чашей
Съ поэтомъ говоритъ поэтъ?
Жрецы высокаго искусства,
Пророки воли божества!
Какъ независимы ихъ чувства,
Какъ полновѣсны ихъ слова!
Какъ быстро, мыслью вдохновенной,
Мечты на радужныхъ крылахъ,
Они летаютъ по вселенной
Въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смѣлыя кипятъ
И грудь трепещетъ молодая,
И гордый вспыхиваетъ взглядъ!
Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ;
Или въ тиши благословенной
Жилища Грацій, гдѣ цвѣтутъ
Каменами хранимый трудъ
И умъ изящно просвѣщенный;
Въ часы, какъ сладостные тамъ
Дары Эвтерпы насъ плѣняли,
Какъ персты легкіе мелькали
По очарованнымъ ладамъ:
Съ нихъ звуки стройно подымались,
И въ треляхъ чистыхъ и густыхъ

Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало ихъ!

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день
Отъ сѣней лѣса надъ водами,
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телегъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій;
И вдругъ отрывной и глухой
Промчится грохотъ надъ рѣкой
Уже спокойной и дремучей —
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія, облачныя волны;
Вонъ разступились — вонъ сошлись —
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.

Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже немирно и темно
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцомъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумныя струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.

Тма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ.
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ, по тучамъ бурнымъ,
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ;
Все видно: цѣпь далекихъ горъ,
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озёръ,
Села и брега и долины!
Вдругъ тма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.

Но завтра въ пышной тишинѣ,
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,

Возставитъ утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Придутъ ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священныхъ памятниковъ Пскова?
Твои родныя красоты
Во имя музъ благословляю,
И вѣрнымъ счастьемъ называю
Все, чѣмъ меня ласкала ты.

Какъ сладко узнику младому,
Покинувъ тму и грузъ цѣпей,
Взглянуть на день, на блескъ зыбей,
Пройти по брегу луговому,
Упиться воздухомъ полей!
Какъ утѣшительно поэту
Отъ міра хладной суеты, —
Гдѣ многочисленныя въ Лету
Бѣгутъ надежды и мечты,
Гдѣ въ сердцѣ, Музою любимомъ,
Порой, какъ пламени струя
Густымъ задавленная дымомъ,
Страстей при шумѣ нестерпимомъ
Слабѣютъ силы бытія, —
Въ прекрасный міръ, въ сады природы
Себя свободнаго укрыть,
И вдругъ и гордо позабыть
Свои потерянные годы!

ВЕЧЕРЪ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

ОЛЕГЪ.

Не лѣсъ завываетъ, не волны кипятъ
Подъ сильнымъ крыломъ непогоды;
То люди выходятъ изъ кіевскихъ вратъ:
Князь Игорь, его воеводы.
Дружина, свои и чужіе народы
На берегъ днѣпровскій, въ долину спѣшатъ.
Могильнымъ общественнымъ пиромъ
Отправить Олегу почетный обрядъ,
Великому бранью и миромъ.

Пришли — и широко бойцовъ и гражданъ
  Толпы обступили густыя
То мѣсто, гдѣ черный возстанетъ курганъ,
  Да вѣщаго помнитъ Россія;
Гдѣ князь бездыханный, въ доспѣхахъ златыхъ
  Лежалъ средь зеленаго луга,
И бурный товарищъ трудовъ боевыхъ —
  Конь бѣлый стоялъ изукрашенъ и тихъ
У ногъ своего господина и друга.

Всѣ, малый и старый, отрадой своей,
  Отцомъ опочившаго звали;
Горючія слезы текли изъ очей,
  Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопилъ и стеналъ
  Народъ, покрывавшій долину:
Но вотъ на срединѣ булатъ засверкалъ,
  И бранному въ честь властелину
Конь бѣлый, булатомъ сраженный, упалъ
  Безъ жизни къ ногамъ своему господину.
Все стихло .... руками бойцовъ и гражданъ
  Подвигнулись глыбы земныя ....
И вонъ на долинѣ огромный курганъ,
  Да вѣщаго помнитъ Россія.

Волнуясь, могилу народъ окружалъ,
  Какъ волны морскія, несмѣтный;
Тамъ праздникъ надгробный самъ князь начиналъ:
  Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
  Онъ въ память Олегу его выпивалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
  Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,

Съ конца до конца, межъ народомъ
  Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Тогда торопливо, по данному знаку,
  Откинувъ доспѣхъ боевой,
Свершить на могилѣ потѣшную драку
  Воители строятся въ строй;
Могучи, отваги исполнены жаромъ,
  Отѣ разныхъ выходятъ сторонъ,
Сошлися и бьются .... ударъ за ударомъ,
  Ударомъ ударъ отражёнъ!
Сверкаютъ ихъ очи; десницы высокой
  И ловокъ и мѣтокъ размахъ;
Увертливы станомъ и грудью широкой,
  И тверды бойцы на ногахъ!
Расходятся, сходятся .... сшибка другая ....
  И пала одна сторона!
И громко народъ зашумѣлъ, повторяя
  Счастливыхъ бойцовъ имена.

Тутъ съ поприща боя, ихъ рѣчью привѣтной
  Князь Игорь къ себѣ подзывалъ;
Въ стаканъ золотой и завѣтной
  Онъ медъ наливалъ искрометной,
Онъ самъ его бодрымъ бойцамъ подавалъ;
  И вновь наполняемый медомъ,
Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
  Съ конца до конца, межъ народомъ
Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

Вдругъ, — словно мятежъ усмиряется шумный
  И чинно дорогу даётъ,
Когда посѣдѣлый въ добрѣ и разумный

*

Бояринъ на вѣче идётъ —
Толпы разступились .... и сталъ среди схода
Съ гуслями въ рукахъ славянинъ.
Кто онъ? онъ не князь и не княжескій сынъ,
Не старецъ, совѣтникъ народа,
Не славный дружинъ воевода,
Не славный соратникъ дружинъ;
Но всѣ его знаютъ, онъ людямъ знакомъ
Красой вдохновеннаго гласа ....
Онъ сталъ среди схода — молчанье кругомъ,
И звучная пѣснь раздалася!

Онъ пѣлъ, какъ премудръ и какъ мужественъ былъ
Правитель полночной державы;
Какъ первый онъ громомъ войны огласилъ
Древлянъ вѣковыя дубравы;
Какъ дружно сбирались въ далекій походъ
Народы по слову Олега;
Какъ шли чрезъ пороги подъ грохотомъ водъ
По высямъ днѣпровскаго брега;
Какъ по морю бурному вѣтеръ носилъ
Проворные русскіе челны;
Летѣла, шумѣла станица вѣтрилъ
И прыгали чёлны чрезъ волны;
Какъ послѣ водима любимымъ вождемъ
Сражалась, гуляла дружина
По градамъ и селамъ, съ мечомъ и съ огнемъ
До града царя Константина;
Какъ тамъ побѣдитель къ воротамъ прибилъ
Свой щитъ, знаменитый во брани,
И какъ онъ дружину свою одѣлилъ
Богатствами греческой дани.

Умолкъ онъ — и радостнымъ крикомъ похвалъ,
  Народъ отзывался несмѣтный,
И братски баяна самъ князь обнималъ;
  Въ стаканъ золотой и завѣтный
Онъ медъ наливалъ искрометный,
  И съ ласковымъ словомъ ему подавалъ;
И вновь наполняемый медомъ,
  Изъ рукъ молодаго владыки Славянъ,
Съ конца до конца, межъ народомъ
  Ходилъ золотой и завѣтный стаканъ.

КЪ ВУЛЬФУ, ТЮТЧЕВУ И ШЕПЕЛЕВУ.

Намъ было весело, друзья,
Когда мы лихо пировали
Свободу нашего житья
И цѣлый міръ позабывали!
Тѣ дни летѣли, какъ стрѣла,
Могучимъ кинутая лукомъ;
Они звучали яркимъ звукомъ
Разгульныхъ пѣсенъ и стекла;
Какъ искры брызжущія стали
На поединкѣ роковомъ,
Какъ очи, свѣтлыя виномъ,
Они плѣнительно блистали.
Въ тѣ дни, мила, явилась мнѣ
Надежда творческая славы,
Манила думы величавы
Къ браннолюбивой старинѣ:
На вѣчи Новграда и Пскова,

На шумъ народныхъ мятежей,
Въ походы воинства Христова
Противу сѣверныхъ князей;
Въ тѣ дни, мечтательно-счастливый,
Искалъ я взглядовъ красоты,
Ей посвящалъ я горделиво
Моей поэзіи цвѣты. —
Вы помните бесѣды наши,
Какъ мы бывало, за столомъ
Роскошно нѣжимся втроемъ,
И быстро чокаются чаши,
И пьемъ, и споримъ, и поемъ;
Тогда восторженъ передъ вами,
Чью душу я боготворилъ,
Чье имя я произносилъ
Благоуханными устами?
Она мой ангелъ. Гдѣ жь она? —
Теперь, друзья, иное время:
Не пьяной сладостью вина
Мы услаждаемъ жизни бремя;
Теперь не праздничаемъ мы;
Богаты важными трудами,
Не долго спимъ, порою тмы
Встаемъ по утру съ пѣтухами;
Минувшихъ лѣтъ во глубинѣ
Слѣдимъ великія державы,
Дѣла ихъ въ мирѣ и воінѣ,
Ихъ образованность, ихъ нравы,
Ихъ управленіе, уставы,
Волненья бурныя умовъ,
Торговлю, силу и боговъ,
Причины бѣдъ, причины славы;
Мы по наукѣ мудрецовъ

Свободно хвалимъ, порицаемъ,
Не любимъ, любимъ, и порой
Скрижали древности сѣдой
О настоящемъ вопрошаемъ.
Работа здравая! на ней
Душа прямится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.
Такъ мы готовимся, о други!
На достохвальныя заслуги
Великой родинѣ своей;
Намъ поле свѣтлое открыто
Для думъ и подвиговъ благихъ:
Желаній полны мы живыхъ,
Въ странѣ мы дышемъ знаменитой,
Мы ей гордимся. Покажи
Въ листахъ чужихъ бытописаній
Рядъ благороднѣйшихъ дѣяній!
Жестоки наши мятежи,
Кровавы, долги наши брани;
Но въ нихъ является вездѣ
Народъ и смѣлый и могучій,
Неукротимый во враждѣ,
Въ любви и твердый и кипучій.
Такъ съ той годины, какъ царямъ
Покорна сѣверная сила,
Вѣковъ по льдянымъ степенямъ
Россія бодро восходила;
И днесь красуется она
Добромъ и честію военной:
Давно ли наши знамена
Освободили полвселенной?
О, разучись моя рука

Владѣть струнами вдохновеній!
Не удостоїся я вѣнка
Въ алмазномъ храмѣ пѣснопѣній!
Холодный вѣтеръ суеты
Надуй и мчи мои вѣтрила
Подъ океаномъ темноты
По ходу блѣднаго свѣтила,
Когда умалится во мнѣ
Сей неба даръ благословенный,
Сей пламень чистый и священный —
Любовь къ родимой сторонѣ!
　　Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя
Дѣлами чести и добра!
Что имъ обычная тревога
Въ извѣстномъ морѣ бытія?
Во имя родины и Бога
Онѣ исполнятся, друзья!
Ладьи, гонимыя вѣтрами,
Безвѣстны гибнутъ средь зыбей,
Когда станица кораблей,
Шумя обширными крылами,
Ряды бушующихъ валовъ
Высокой грудью раздвигаетъ
И въ край родимый прилетаетъ
Съ богатствомъ дальнихъ береговъ!

КЪ НЯНѢ А. С. ПУШКИНА.

Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?
Въ тѣ дни, какъ сельскую свободу возлюбя,
Я покидалъ для ней и славу, и науки,
И нѣмцевъ, и сей градъ профессоровъ и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сѣни той,
Гдѣ Пушкинъ, не сраженъ суровою судьбой,
Презрѣвъ людей, молву, ихъ ласки, ихъ измѣны,
Священнодѣйствовалъ при алтарѣ Камены, —
Всегда привѣтами сердечной доброты,
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты;
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта,
И мнѣ сопутствовалъ пріятель давній твой,
Ареевыхъ наукъ питомецъ молодой.
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство!
Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола!
Ты занимала насъ — добра и весела —
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной —
И легкіе часы летали беззаботно!

СОМНѢНІЕ.

Когда зовутъ меня поэтомъ
Уста ровесницы Харитъ,
И соблазнительнымъ привѣтомъ
Она мечты мои живитъ;
Когда душѣ моей опасенъ
Любви могущественный жаръ:
Я молчаливъ, я не согласенъ,
Я берегу небесный даръ....
Избранникъ бога пѣснопѣнья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль свѣтомъ вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навыкъ бытія?
Сей міръ поэзіи обычной —
Онъ тѣсенъ славѣ: міръ иной,
Свободный, свѣтлый, безграничной,
Какъ рай, лежитъ передо мной! —

КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Мой другъ, учи меня рубиться:
Быть-можетъ, нѣкогда и мнѣ,
Во славу Руси, пригодится
Рука привычная къ войнѣ.
Питомецъ скромныхъ наслажденій,
Доселѣ въ мірѣ вѣдалъ я

Однѣ бездѣлки бытія:
Приволье Бахуса и лѣни,
Утѣхи вялой тишины,
Амура приторную сладость,
Да усыпительную радость,
Да незаманчивые сны.
Теперь служу иному чувству,
Пылаю жаждою иной:
Учи жь меня, товарищъ мой,
Головоломному искусству.

КЪ ПЕЛЬЦЕРУ.

Свободны, млады, въ цвѣтѣ силъ,
Мы весело, мы шумно жили;
Насъ Бахусъ пламенный любилъ,
Насъ дѣвы хищныя любили;
Въ обгонъ летѣли наши дни,
Свѣтились ярко наши ночи....
Такъ въ тучѣ рѣются огни,
Такъ блещутъ радостныя очи!
И гдѣ жь она, товарищъ мой,
Сія волшебная година?
Гдѣ наши пѣсни, наши вина
И праздникъ жизни удалой?
Все миновалось!... на разлуку,
Задумчивъ, тихъ, твоей рукѣ
Мою протягиваю руку;
Предвижу сонъ, предвижу скуку
Въ моемъ пустынномъ уголкѣ,

Гдѣ мы, надеждъ могучихъ полны,
Пивали сладость бытія,
И гдѣ вчера еще, какъ волны,
Шумѣли бурные друзья.
Но, милый мой, пройдетъ ненастье;
Когда-нибудь и гдѣ-нибудь,
Хотя на мигъ, земное счастье
Украситъ жизненный нашъ путь;
Я обниму тебя, какъ брата;
Подъ кровомъ добраго Пената
Съ твоимъ сольется мой досугъ.
Тогда, мой другъ, тогда, мой другъ!
Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Упьюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей!

КЪ В. Ю.

Невольный гость Петрова града,
Несчастный другъ веселыхъ мѣстъ,
Гдѣ мы кистями винограда
Разукрашаемъ жизни крестъ,—
Гдѣ такъ роскошно, такъ свободно,
Надеждой сладостной горя,
Мы веселились всенародно
Во здравье новаго Царя,—
И праздникъ нашъ страннопріимный
Шумя, по городу гулялъ;
Стекло звенѣло; пѣлись гимны;

Тимпанъ торжественный бряцалъ —
Прощай! Когда рука судьбины
Благоволитъ передъ тобой
Стаканъ поставить пуншевой
Иль утѣшительныя вины,
И вспомнишь юности лихой
Краснорѣчивыя картины:
Какъ мы пивали, пей до дна;
Пируй по нашему на диво....
И вновь плѣнительно и живо
Тебѣ привидится она!

Ужь я не то, что былъ.

Ужь я не то, что былъ я встарь:
Брожу по свѣту, какъ разстрига;
Мнѣ жизнь, какъ старый календарь,
Какъ сто разъ читанная книга.
Судьба каленою стрѣлой
Пробила сердце мнѣ на вылетъ....
Она десницей удалой
Мнѣ голову и бьетъ и мылитъ.
Какъ змѣй, язвитъ меня тоска,
Грызетъ печаль, какъ звѣрь пустынный.
И чаша дней моихъ горька,
Какъ чаша съ водкою полынной.

Минута кажется мнѣ часомъ,
Терновникомъ — постельный пухъ,
Вино и медъ — прокислымъ квасомъ.

И музыка — жужжаньемъ мухъ:
Такъ мысли мнѣ перемѣнила
Сердецъ піявица — любовь;
Она мнѣ два вонзила жала,
И оба въ око, а не въ бровь.
Изъ ніхъ мнѣ ядъ стремится въ душу:
Одно пилитъ ей жизни вервь,
Другое ѣстъ ее, какъ грушу
Иль яблоко голодный червь.
Мнѣ свѣтъ, какъ дикая пустыня;
Я гибну жизни на зарѣ,
Какъ на морозѣ въ пустырѣ
Забытый огурецъ иль дыня.

ЭЛЕГІЯ.

Моя Камена ей пѣвала;
Но сила взора красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкаго, живаго,
Любви не зналъ я: такъ волна
Въ лучахъ свѣтила золотаго
Блеститъ, кипитъ, но холодна

ЭЛЕГІЯ.

Свободенъ я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стиховъ
За милыйі взглядъ, за пару словъ,
Мнѣ подаренныхъ на удачу
Въ часы бездушныхъ вечеровъ.
Мои свѣтлѣютъ упованья,
Печаль отъ сердца отошла,
И съ ней любовь: такъ паръ дыханья
Слетаетъ съ чистаго стекла.

ЭЛЕГІЯ.

Я зналъ живое заблужденье;
Любовь пѣвалъ я — были дни! —
Теперь умчалися они;
Теперь кляну ея волненье,
Ея блудящіе огни
Я понялъ вѣтреность прекрасной,
Пустые взгляды и слова,
И въ сердцѣ стихнулъ жаръ опасной.
И не кружится голова.
Гляжу съ улыбкою, какъ прежде,
Въ глаза кумиру моему;
Но я не вѣрую надеждѣ,
Но я молюся не ему.

КЪ Т—ВУ.

Хвалю тебя, мой спутникъ новый
На чистомъ поприщѣ наукъ:
Славянъ могущественныхъ внукъ,
Нѣмецкой вольности въ оковы
Ты не отдашь свободныхъ рукъ.
Не нашъ удѣлъ ея порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнію мы живы,
Мы славой славимся иной;
Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
Не вѣрь же чуждому уму,
Не призывай чужаго бога,
Живи и пей по своему!

РУЧЕЙ.

Подъ склономъ сѣтчатыхъ вѣтвей
Чрезъ груды камней и корней
Играютъ, скачутъ, силы полны,
Твои серебряныя волны;
Свѣтло и пышно лучъ дневной,
Скользя на грани водяныя,
На быстринѣ твоей живой
Дробится въ искры огневыя.

Лежу — деревъ нагорныхъ тѣнь
Мою задумчивую лѣнь

Своей прохладой осѣняетъ;
Въ вершинахъ лѣса, тамъ и тамъ,
По шепотливымъ ихъ листамъ
Мгновенный шорохъ пробѣгаетъ —
И смолкнетъ вдругъ, и вдругъ сильнѣй
Зашевелится мракъ вѣтвей,
И лѣсъ пробудится дремучій,
И въ чащѣ ходитъ шумъ глухой —
Здѣсь и тогда, ручей гремучій,
Твой говоръ слышенъ волновой!

Люблю его; ему внимая,
Я наслаждаюсь — и во мнѣ
Мечта яснѣетъ золотая
О незабвенной сторонѣ....
Бѣгите, дни, какъ эти воды,
Бѣгите, дни быстрѣй, быстрѣй,
Да вновь священный лучъ свободы
Въ душѣ заискрится моей!

НОЧЬ.

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Тамъ подъ горой, едва, едва
Бѣжитъ, журчитъ ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивныхъ сновидѣній!
Какъ сладостно ласкаешь ты

Уединенныя мечты
И нѣгу вольныхъ вдохновеній!

Онъ отдыхаетъ, грѣшный свѣтъ:
Главу страдальца утомило
Однообразіе суетъ,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй видѣнья золотыя,
Да улелѣянный тобой
Забудетъ онъ и шумъ дневной,
И страхи, и надежды злыя.

Но ты лампады не туши,
Не водворяй успокоенья
Тамъ, гдѣ поэтъ своей души
Свершаетъ стройныя творенья;
Пускай торжественный восходъ
Великолѣпнаго свѣтила
Его безсоннаго найдетъ,
И снова думъ его полетъ
Подыметъ божеская сила!

КУДЕСНИКЪ.

На мѣстѣ священномъ, гдѣ съ дѣдовскихъ дней,
Счастливый дарами природы,
Народъ Ярославовъ, на волѣ своей,
Себѣ избираетъ и ставитъ князей,
Полкамъ назначаетъ походы
И жалуетъ миромъ сосѣдей-враговъ —

Толпятся: Кудесникъ явился изъ Чуди....
Къ нему-то съ далекихъ и ближнихъ концовъ
Стеклись любопытные люди.

И старецъ Кудесникъ, съ соблазномъ въ устахъ,
Въ толпу изъ толпы переходитъ;
Народу о черныхъ крылатыхъ духахъ,
О многихъ и страшныхъ своихъ чудесахъ
Твердитъ и руками разводитъ;
Святителей, церьковь и святость мощей,
Христа и Пречистую Дѣву поноситъ;
Онъ сдѣлаетъ чудо — и добрыхъ людей
На чудо пожаловать проситъ.

Онъ сладко, хитро празднословитъ и лжетъ,
Смущаетъ умы и морочитъ:
Ужь онъ-то потѣшитъ великій народъ,
Ужь онъ-то Кудесникъ чрезъ Волховъ пойдетъ
Водой — и ноги не замочитъ.
Вотъ вышелъ епископъ Ѳеодоръ съ крестомъ
Къ народу — народъ отъ него отступился;
Лишь Князь со своимъ правовѣрнымъ полкомъ
Ко святому кресту приложился.

И вдругъ къ соблазнителю твердой стопой
Подходитъ онъ, грозенъ и пылокъ;
«Кудесникъ! скажи мнѣ, что будетъ съ тобой?»
Замялся Кудесникъ и... самъ онъ не свой,
И жмется, и чешетъ затылокъ.
— Я сдѣлаю чудо. — «Безумный старикъ,
Солгалъ ты!» и княжеской дланью своею
Онъ поднялъ топоръ свой тяжелый — и въ мигъ
Чело раздвоилъ чародѣю.

КЪ ПРАСКОВЬѢ А. ОСИПОВОЙ.

Тѣ дни мнѣ милы и священны,
Когда по Сороти брегамъ,
То своенравный, то смиренный,
Бродилъ я вольно тамъ и тамъ;
Когда вся живость наслажденій
Во славу Грацій и вина,
Свѣжа, роскошна, какъ весна,
Чиста, какъ звуки вдохновеній,
Какъ лента радуги ясна,
Во мнѣ могучая кипѣла, —
И я счастливецъ забывалъ
Рѣку, гдѣ Разинъ воевалъ,
Поля родимаго предѣла,
Симбирскъ и кровныхъ, и друзей,
И все, что нравилось когда-то
Моей фантазіи крылатой,
Душѣ неопытной моей.
И та, кого моимъ свѣтиломъ
И божествомъ я называлъ,
Кому въ восторгѣ нѣжно-миломъ
Стихи и сердце отдавалъ, —
Та красота, едва земная,
Та знаменитая жена,
Многоученая, святая,
Которой наши времена
Сіяютъ радостнѣе рая, —
Та, для кого не разъ, не два
Моя порочилась молва, —
Та красота, которой много

Россійскій жертвовалъ Парнасъ,

. . . .

. . . .

Та благосклонная .... вотъ чудо!
Подъ вашимъ небомъ и во снѣ
Она не грезилася мнѣ,
И вообще я помнилъ худо
О достопамятной веснѣ ....
Такъ лучъ денницы прогоняетъ
Пары съ проснувшихся полянъ;
Такъ возмутительный стаканъ
Мечты и мысли возвышаетъ.
Благословенная пора!
Она жива мнѣ, какъ вчера.
Бывало, звѣзды тихой ночи
Глядятся въ зеркалѣ пруда ....
Какъ чаровались мнѣ тогда
Душа и сердце, слухъ и очи!
Самодовольныя, во мнѣ
Надежды пылкія вставали,
Играли весело онѣ,
И въ даль ни разу не летали
Надежды лучшія мои!
А домъ, а садъ густозеленой,
Пруды и Сороти студёной
Гостепріимныя струи!
А видъ на долы и на горы
И сѣнь прибережной горы!
А мостъ и пышные дары
Помоны, Бахуса и Флоры!

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .
Все это радуетъ меня,
Все мнѣ плѣнительно донынѣ
Здѣсь, гдѣ на жизненной пучинѣ
Нѣтъ ни вѣтрила, ни огня.
О! я молюсь, мой добрый геній!
Да вновь увижу тѣ края,
Гдѣ все достойно пѣснопѣній,
Гдѣ вѣчный праздникъ бытія!

КЪ ****.

Во имя Руси, милый братъ,
Твою главу благословляю;
Изъ края нѣмцевъ, горъ и стадъ,
Ты возвращенъ родному краю.
Позоръ событій нашихъ лѣтъ,
Великихъ сплетней и суетъ,
Тебя не долго позабавилъ;
Ты ихъ презрѣлъ, ты ихъ оставилъ,
И на добро, на Божій свѣтъ
Живые помыслы направилъ.
Любезный гражданинъ Москвы,
Теперь ни славы заграничной,
Ни росказней молвы столичной,
Ни государственной молвы
Не слушаешь; отцовскимъ Ларамъ
Твои часы поручены;
Ты пьешь приволье тишины,
Подобно счастливымъ боярамъ

Веселонравной старины;
На свѣжихъ розахъ Гименея,
Въ чело, и очи, и уста,
То замирая, то краснѣя,
Тебя лобзаетъ красота....
Кипятъ, пылаютъ наслажденья,
Ихъ нѣгу вѣрность бережетъ,
И быстро вѣчный скороходъ
Уноситъ легкія мгновенья.
А я, гуляющій поэтъ
У вратъ святилища науки,
Брожу и жду, пройдутъ иль нѣтъ
Мои томительныя скуки?
Блеснетъ ли вновь передо мной
Звѣзда любви и вдохновеній,
И жажда славы пѣснопѣній,
Въ груди забьется молодой,
И благозвучными стихами
Означу сладостные дни?
Напрасно: дни бѣгутъ за днями
И въ Лету падаютъ они.
Она прошла, пора златая,
Восторговъ пламенныхъ пора;
Владѣютъ мной тщета мірская
И лѣнь, и грусть, и мишура.
Теперь святому Провидѣнью
Я говорю одну мольбу:
Да не предастъ оно забвенью
Мою грядущую судьбу;
Да возвратитъ мнѣ міръ свободы,
Мечты и пѣсни прошлыхъ дней,
Поля, холмы и непогоды,
И небо родины моей.

Тогда, надеждами богатый,
Спѣша отъ лѣни и заботъ,
Я посѣщу твои палаты
На брегѣ москворѣцкихъ водъ;
Краснорѣчивые разсказы
Про жизнь альпійскихъ пастуховъ,
Про горы выше облаковъ
И про любовныя проказы
Въ виду потоковъ, скалъ и льдовъ,
Часы летучаго досуга
Намъ очаруютъ въ тишинѣ;
Моя веселая подруга,
Камена, улыбнется мнѣ,
И пѣснью лиры вдохновенной
Тебѣ радушно воспою
Утѣхи жизни просвѣщенной
И долю мирную твою.

КЪ ВУЛЬФУ.

Теперь я въ Камби, милый мой!
Для поэтическихъ занятій,
Для жизни дѣльной и простой
Покинулъ я хмѣльныхъ собратій
И цѣпь неволи городской.
Брожу, задумчивости полный,
И лѣсъ шумитъ надъ головой,
И свѣтлыя играютъ волны
И жатвы блещутъ предо мной.
Здѣсь Муза, нѣжная подруга

Уединеннаго досуга,
Подъ мой отшельническій кровъ
Въ прохладѣ вечера приходитъ:
Легко потоки думъ и словъ
Струятся въ образы стиховъ;
Неслышенъ скорый бѣгъ часовъ —
И лучъ востока насъ находитъ
Въ раздольѣ сладостныхъ трудовъ.
Здѣсь, миловидная, какъ роза,
Моя поэзія цвѣтетъ:
Ей не мѣшаетъ міръ заботъ,
Ни лѣнь друзей, ни жизни проза,
И ревностно готовлюсь я
Въ тиши безпечнаго житья,
Самостоятельно и смѣло
Свершить возвышенное дѣло,
Хотя нерѣдко, милый мой,
Раздумья гордаго порой,
Мнѣ говоритъ богиня слово:
«Себя извѣдай и смирись!
Взгляни, какъ Ѳ. . . . . Борисъ
Срамитъ Бориса Годунова!»
Но что? Кипитъ душа моя
И жаждетъ чести Геликона
И «жребій брошенъ» молвлю я —
И бухъ на воды Рубикона!

КЪ ВУЛЬФУ.

Повѣрь, товарищъ, сладко мнѣ
О мирной думать сторонѣ,

Гдѣ я, разгульный и свободной,
Завѣтнымъ преданный мечтамъ,
Бродилъ рѣки голубоводной
По величавымъ берегамъ.....
Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ.
Все свято: Пушкинъ, ты, да я —
Тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ
Мы пили нѣгу бытія!....
Туда, туда, туда! но свѣту
Въ цари поставленъ гнѣвный рокъ,
Равно досаденъ и жестокъ
И непоэту, и поэту —
И онъ-то шутитъ надо мной.
Но будь утѣшенъ ты, герой,
Питайся медомъ ожиданій:
Придетъ пора моихъ желаній,
Осуществится милый сонъ,
Покину дерптскаго Пената,
Возвеселюся, какъ Сіонъ,
И обниму тебя, какъ брата.

ПѢСНЯ.

Изъ страны, страны далекой,
Съ Волги-матушки широкой,
Ради сладкаго труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помнимъ холмы, помнимъ долы,
Наши храмы, наши селы,

И въ краю, краю чужомъ,
Мы пируемъ пиръ веселый
И за родину мы пьемъ.
Благодѣтельною силой
Съ нами Нѣмцевъ подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляемъ заодно.
Но съ надеждою чудесной
Мы стаканъ и полновѣсной
Нашей Руси — будь она
Первымъ царствомъ въ поднебесной,
И счастлива и славна!

КАТЕНЬКѢ МОІЕРЪ.

Благословенны тѣ мгновенья,
Когда въ виду грядущихъ лѣтъ,
Предъ опміамомъ вдохновенья
Священнодѣйствуетъ поэтъ.
Какъ мысль о небѣ, величавы,
Торжественны его слова;
Ихъ принимаютъ крылья славы,
Имъ изумляется молва!
Но и тогда, какъ онъ играетъ
Своимъ возвышеннымъ умомъ,
Онъ преисполненъ, онъ сіяетъ
Его хранящимъ божествомъ,
И часто даромъ прорицанья,
Творящей прихоти сыны,

Его небрежныя созданья,
Его мечты одарены.

Быстрѣе, легче сновидѣнья
Пройдутъ твои младые дни,
Но благодѣтельно: они,
Служа богинѣ просвѣщенья,
Игривый умъ твой разовьютъ,
И сердца съ чувствомъ безмятежнымъ,
Какъ яркій звукъ со звукомъ нѣжнымъ,
Въ одну гармонію сольютъ.

Тебя полюбятъ миръ и счастье;
Не возмутятъ груди твоей
Порывы буйные страстей,
Не охладитъ ее безстрастье;
Прекрасна будетъ жизнь твоя;
Свѣтла, свободна и спокойна,
Души божественной достойна,
Достойна чести бытія.

Нравоучительныя четверостишія *.

1. Равновѣсіе.

О мирный селянинъ! въ твоемъ жилищѣ нѣтъ
Ни злата, ни сребра; но ты счастливъ стократно:
Съ любовью, съ дружбой ты проводишь дни пріятно
А въ городѣ и шумъ, и пыль, и стукъ каретъ!

* Это — пародіи на извѣстныя четверостишія И. И. Дмитріе

2. Удѣлъ генія.

Змѣя увидѣла подснѣжникъ, ранній цвѣтъ,
И ядомъ облила прелестное растенье.
акъ геній, наглости завистника предметъ,
Страдаетъ безъ вины и терпитъ угнетенье.

3. Вѣрное предсказаніе.

Пройдетъ ли мой недугъ? — Левъ у осла спросилъ;
Оселъ отвѣтствовалъ: о царь, сильнѣйшій въ мірѣ!
Когда ты не умрешь, то будешь живъ, какъ былъ:
Два раза два — четыре.

4. Справедливость пословицы.

Одна свѣча избу лишь слабо освѣщала;
Зажгли другую — что жь? изба свѣтлѣе стала.
Правдивы древняго рѣченія слова:
Умъ хорошо, а лучше два.

5. Мстительность.

Пчела ужалила медвѣдя въ лобъ.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удѣлъ того, кто жаждетъ мести? — гробъ.

6. Непоколебимость.

Познай, свѣтлѣйшій левъ, смятенія вину,
Рекъ слонъ: въ народѣ бунтъ! повсюду шумъ и клики!

Смирятся, левъ сказалъ, лишь гривой я тряхну!
Опасность не страшна для мощнаго владыки.

7. Сила и Слабость.

Орелъ бьетъ сокола, а соколъ бьетъ гусей;
Страшатся щуки крокодила;
Отъ тигра гибнетъ волкъ, а кошка ѣстъ мышей.
Всегда имѣетъ верхъ надъ Слабостію Сила.

8. Лебедь и Гусь.

Надъ Лебедемъ желая посмѣяться,
Гусь тиною его однажды замаралъ;
Но Лебедь вымылся и снова бѣлымъ сталъ. —
Что дѣлать, если кто замаранъ? .... Умываться.

9. Мартышка.

Мартышка, съ юныхъ лѣтъ прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что жь вышло изъ того? — лишь ноги изломала.
Поэтъ! на старости побереги себя!

Элегія.

Вы не сбылись, надежды милой
Благословенныя мечты:
Моя краса, мое свѣтило,
Моя желанная, гдѣ ты? —

Давно ль очей твоихъ лазурныхъ
Я любовался тишиной,
И волны думъ крутыхъ и бурныхъ
Въ душѣ смирялись молодой?

Далеко ты, но терпѣливо
Моей покорствую судьбѣ;
Во мнѣ божественное живо
Воспоминанье о тебѣ....
Такъ пробужденье сохраняетъ
Черты плѣнительнаго сна;
Такъ землю блескомъ осыпаетъ
Небесъ красавица, луна.

РАЗВАЛИНЫ.

Ночь; тихи небеса; съ восточнаго ихъ края
Луна, красивый блескъ на землю разсыпая,
Въ пучинѣ воздуха лазурной возстаетъ;
Безмолвенъ горный лѣсъ; чуть льются зыби водъ;
Вонъ тамъ, господствуя надъ брегомъ и холмами,
Двѣ башни и стѣна съ высокими зубцами —
Остатки подвиговъ могучей старины —
Какъ снѣгъ, бѣлѣются, луной озарены;
Далеко, голыхъ скалъ чрезъ каменны ступени
Сошли на свѣжій лугъ пробитыя ихъ тѣни,
И темны, какъ молва давно минувшихъ дней,
Лежатъ предъ новыми жилищами людей.
Вонъ рядъ обломковъ! Тамъ на вышины крутыя
Отчаянно толпы взбѣгали боевыя,

И гибли!.... Радостный пріютъ моей мечты,
Чернокудрявая красавица, гдѣ ты?
Приди; на этотъ холмъ, вѣтвями осѣненный,
Возсядемъ; твой пѣвецъ, младый и вдохновенный,
Повѣдаю тебѣ сказанья старины
Про гордыхъ витязей свободы и войны;
И сладостны, какъ шумъ таинственный дубравы,
Звучны, какъ говоръ волнъ пустынныхъ, пѣсни славы
Польются.... ясная улыбка оживитъ
Твои уста и жаръ на пурпурѣ ланитъ,
Свѣтло заискрятся божественныя очи;
Приди!.... но я одинъ; спокойно царство ночи;
Высоко шаръ луны серебряной встаетъ;
Безмолвенъ горный лѣсъ; чуть льются зыби водъ.

А. Н. СТЕПАНОВУ.

Прощай надолго, милой мой;
Да Провидѣніемъ хранимый,
Ты возвратишься невредимый
На пользу родинѣ святой!
Да жаръ возвышенныхъ желаній
Въ тебѣ мужаетъ и ростетъ
Среди классическихъ работъ
На свѣтломъ поприщѣ познаній!
Да тамъ, откуда съ давнихъ поръ
Надеждъ питомцы дорогіе,
Россіи книжники младые,
Вывозятъ ей лишь тлѣнъ и вздоръ,
Туманъ шальнаго мудрованья,

Глухую спѣсь, немилость къ намъ
И знаменитыя прозванья
Своихъ учителей, — да тамъ
Въ странѣ наукъ правдиво-гордой,
Служа Каменамъ и добру,
Не окрестится въ нѣмчуру
Твой духъ дѣятельный и твердой, —
Но жадный творческихъ трудовъ,
Но полный силы своенравной,
Сберетъ сокровища вѣковъ,
И посвятитъ ихъ православно
Богамъ родимыхъ береговъ!
Прощай! Когда-то наша младость
Цвѣла роскошно, милый мой;
Гуляли мы рука съ рукой,
Учились вмѣстѣ, жизни сладость
Мы пили чашею одной.
И что жь? Какъ призракъ сладострастья,
Пора безоблачнаго счастья,
Всегда любимая душой,
Изчезла вмигъ; но ты съ собой
Возмешь подъ небеса чужія
Воспоминанья золотыя
Про міръ возвышенныхъ суетъ,
Про наслажденья удалыя,
Про шумъ и пѣсни прошлыхъ лѣтъ.
И въ часъ раздумья и досуга
Мечта волшебною рукой,
Какъ наяву, передъ тобой
Въ картинѣ пестрой и живой
Поставитъ недруга и друга;
Тебя восторги обоймутъ,
И взоръ филолога угрюмой

Развеселится ясной думой —
И закипитъ ученый трудъ!

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Почтенный старецъ Аполлона!
Какъ счастливъ ты: давнымъ давно
Въ тѣнистыхъ рощахъ Геликона
Тебѣ гулять позволено.
Еще теперь, когда лѣтами
Твоя бѣлѣетъ голова,
Красноречивыми хвалами
Тебя привѣтствуетъ молва,
И позднiй гласъ твоей цѣвницы
Восторгомъ юнымъ оживленъ....
Такъ блескомъ утренней зарницы
Вечернiй блещетъ небосклонъ.
Слуга отечественной славы,
Ты пѣлъ побѣды и забавы
Благословеннаго царя,
Кубры серебряныя воды,
И ужасъ невской непогоды,
И юга бурныя моря.
Ты украшалъ, разнообразилъ
Страннопрiимный нашъ Парнасъ,
И зависти коварный глазъ
Твоей поэзiи не сглазилъ.
А я.... какая мнѣ дорога
Въ гурьбѣ поэтовъ-удальцовъ?
Дарами вѣтреныхъ стиховъ

Честимъ блистательнаго бога;
Бездѣлья вольнаго сыны,
Томимы грустью безутѣшной,
Поемъ задумчивые сны
И грезы молодости грѣшной;
Бранимъ людей и свѣта шумъ,
И съ чувствомъ гордости лѣнивой
Питаемъ, лакомимъ свой умъ
Самодовольный и брюзгливой.
Что слава? Суета суетъ!
Душой высокой и свободной
Мы презираемъ благородно
Ея докучливый привѣтъ;
Но соблазнительныя дѣвы
За наши милые напѣвы
Дарятъ намъ пару тайныхъ словъ,
Иль кошелекъ хитросплетенный,
Иль скляночку воды безцѣнной,
Отрады ноющихъ зубовъ.
Вотъ нашъ вѣнецъ и вся награда
Текучимъ, сладостнымъ стихамъ!
Но, люди .... горькая досада
На свѣтѣ вѣдома и намъ!
Насъ гонитъ зависть, намъ злодѣи —
Всѣ записные грамотѣи;
И часто за невинный вздоръ,
За выраженье удалое,
Насъ выставляетъ на позоръ
Ихъ остроуміе тупое!
О, научи меня, Хвостовъ!
Отрѣчься буйнаго союза
Тѣхъ утомительныхъ пѣвцовъ,
Чья — недостойная боговъ —

У касталійскихъ береговъ
Шальная вольничаетъ Муза.
Дай мнѣ классическій совѣтъ
Свой умъ настроить величаво:
Да увѣнчаюсь доброй славой
Я на Парнасѣ нашихъ лѣтъ. —

КЪ А. Н. ВУЛЬФУ.

Помнишь ли, мой другъ застольный,
Какъ въ лѣсу, порою тмы,
Праздникъ молодости вольной
Вмѣстѣ праздновали мы?
Мы лежали, хмѣля полны;
Возлѣ насъ горѣлъ костеръ;
Выли огненныя волны
И кипѣли; братскій хоръ
Пѣсни пѣлъ; мы любовались
На товарищей: они
Веселые разбѣгались
И скакали чрезъ огни.
Въ насъ торжественно бурлила
Чародѣйственная сила
Первой, дѣвственной любви;
Мы другъ-другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки,
Въ честь Воейковой, потомъ
Пили, били мы бутылки

У пруда, передъ костромъ?
Такъ я жилъ во время-оно
Здѣсь, въ нѣмецкой сторонѣ,
Разсудительной, ученой
И когда-то милой мнѣ;
А теперь тоскѣ да лѣни
Хладнокровно предаю
Утро свѣтлыхъ вдохновеній,
Юность добрую мою:
Не шумятъ мои досуги,
Не торопится мой трудъ....
И порой, какъ въ мой пріютъ
Загулявшіеся други
Ненарокомъ забредутъ —
Молодцовъ любезныхъ шайка
Станетъ въ кругъ, середь двора;
Нашу праздность тѣшитъ свайка....
Право, славная игра!
Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо; кольцо бренчитъ;
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ....
Поздно.... Молча, кругъ удалый
Разойдется ради сна....
Помнишь ты? Ну, то ль бывало
Прежде, въ наши времена?!

А. Н. ВУЛЬФУ.

Прощай! — неси на поле чести
Отваги юношеской жаръ,

Сердечный гласъ вражды и мести
И неизбѣжный твой ударъ;
За Русь, товарищъ, за свободу
Геллады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду
Пойдешь ты, силенъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенной
Гулялъ на праздникѣ мечей,
И вырвалъ дланью вдохновенной
Побѣду родинѣ своей.
Свѣтла кончина боевая;
Блаженъ, кто очи затворилъ,
Послѣднимъ взоромъ провожая
Побѣгъ и казнь противныхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
Высокихъ подвиговъ заря;
Шумятъ суворовскою славой
Знамена русскаго царя,
Да вновь страшилищу Стамбула
Напомнятъ наши торжества
Пожаръ Чесмы, чугунъ Кагула,
И Руси грозныя права!

Дай руку мнѣ; во дни былые,
Въ кругу внимательныхъ друзей,
Я воспѣвалъ пиры лихіе
Кипучей младости твоей:
Я стану пѣть твои побѣды,
Восторгомъ веселъ огневымъ;
И бурной юности бесѣды
Наполню именемъ твоимъ!

КЪ А. Н. ОЧКИНУ.

Было время, мой пріятель,
Какъ прельщенный суетой,
Музъ невѣрныхъ обожатель,
Имъ я жертвовалъ собой;
Часто рѣзвыя мечтанья
И младыхъ восторговъ сны,
На усердныя призванья,
Изъ эѳирной стороны
Ниспускалися къ поэту
Легкокрылою толпой;
Но теперь ихъ нѣтъ со мной,
Мой челнокъ несется въ Лету
Лѣни сонною волной,
И ничтожество нѣмое
На кормѣ его сидитъ!
Ты, которому въ покоѣ
Дни свобода золотитъ,
Пой, пѣвецъ уединенный,
Радость юношескихъ лѣтъ,
А товарищъ твой забвенный
Пусть молчитъ: — онъ не поэтъ!

ДѢВА НОЧИ.

Какъ эта ночь, стыдливъ и томенъ
Очаровательный твой взоръ;

Какъ эта ночь, прелестно теменъ
Съ тобою нѣжный разговоръ;
Ты вся мила, ты вся прекрасна!
Какъ пламенны твои уста!
Какъ безгранично сладострастна
Твоихъ объятій полнота!

Но успокойся, дѣва ночи!
Спусти завистливый покровъ,
Сокрой твои уста и очи
И злато вьющихся власовъ:
Не на твоей груди перловой
Моя воздремлетъ голова;
Не ты внушишь мнѣ жизни новой
Родныя чувства и слова.

Тамъ, тамъ, гдѣ пышный токъ Родана,
Въ виду заоблачныхъ вершинъ,
Сребромъ выходитъ изъ Лемана
На гладь шелковую долинъ....
Туда — сердечной жажды полны,
Мои возвышенные сны;
Туда — надеждъ и мыслей волны,
Игривы, чисты и звучны.

Смотри! стою передъ тобою;
Вдругъ освѣжилась грудь моя;
Торжественъ, радостенъ душою,
И смѣлъ, и гордъ, и свѣтелъ я.
Прекрасна ты, о дѣва ночи!
Покинь меня и не зови
Лобзать твои уста и очи,
Истаевать въ твоей любви!

ПЛОВЕЦЪ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!....
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

ЭЛЕГІЯ.

Ты восхитительна! ты пышно разцвѣтаешь —
И это чувствуешь — и гордо щеголяешь
Сапфирами твоихъ возвышенныхъ очей,
И пурпуромъ ланитъ, и золотомъ кудрей,
И перлами зубовъ, и грудью лебединой,
И стана полнотой, и поступью павлиной.
Отчаянье подругъ и чудо красоты!
Скажи, кого зовешь, чего желаешь ты
Порой, какъ въ тишинѣ благословеньемъ ночи
Смежаются твои лазоревыя очи,
Какъ тайныя мечты не дремлютъ — и любовь
Воспламеняетъ ихъ и гаситъ вновь и вновь?
Я знаю: это онъ, младый и чернобровый,
Прекрасный дѣвственникъ, надменный и суровый;
Имъ соблазнилась ты. Онъ маніемъ руки
Смиряетъ конскіе разбѣги и прыжки;
Онъ мѣтко боевымъ булатомъ управляетъ,
въ часъ, какъ хладными лучами осыпаетъ
Полночная луна недвижимый заливъ,
Онъ, смѣлыя стопы желѣзомъ окриливъ,
Одинъ, на звонкомъ льду, межъ сонными брегами,
Летаетъ съ края въ край проворными кругами.
О немъ мечтаешь ты; твой небезгрѣшный сонъ
То нѣжно скрашенъ имъ, то жарко возмущенъ:
Чело твое горитъ, и вздохи грудь волнуютъ,
И воздухъ ... медленно уста твои цѣлуютъ!

ПАМЯТИ А. Д. МАРКОВА.

Кипятъ и блещутъ фински волны
Передъ могилою твоей;
Широкимъ пологомъ надъ ней
Склонили сосны, мрака полны,
Печальный шумъ своихъ вѣтвей:

Такъ жизнь плѣнительнымъ волненьемъ
Въ тебѣ кипѣла молодомъ;
Такъ ты блисталъ своимъ умомъ,
И самобытнымъ просвѣщеньемъ,
И поэтическимъ огнёмъ.

Но рано, рано годы злые
Тебя настигнули толпой,
И темны стали надъ тобой,
Какъ эти сосны гробовыя,
Угрюмой движимы грозой.

Цѣпями нуждъ обремененный,
Безъ друга въ горѣ и слезахъ
Погибъ ты . . . . При чужихъ водахъ
Лежитъ, безгласный и забвенный,
Многострадальческій твой прахъ.

О! мнѣ ль забыть тебя! какъ сына,
Любилъ ты отрока меня;
Ты предузналъ, кто буду я,
И что прекраснаго судьбина
Мнѣ дастъ на подвигъ бытія.

Твои радушныя заботы
Живое чувство красоты
Во мнѣ питали; нѣжно ты
Лелѣялъ первые полёты
Едва проснувшейся мечты.

Лѣта прошли. Не камню предалъ
Ты сѣмена благихъ трудовъ:
Для свѣтлой жизни я готовъ,
Я сердцемъ пламеннымъ увѣдалъ
Музыку мыслей и стиховъ.

Прими жь привѣтъ мой благодарный
За много, много красныхъ дней,
Блестящихъ въ памяти моей,
Какъ образъ мѣсяца янтарный
Въ стеклѣ играющихъ зыбей!

Алексѣю Вас. Тихвинскому *.

Какъ знать, куда моя дорога
На тайномъ поприщѣ земли?
Навѣчно ль душу мнѣ зажгли
Огни дельфическаго бога?
Пройдутъ ли съ младостью пѣвца
И сила чувствъ и жажда славы,
Иль покорятъ меня уставы
Жены хромаго кузнеца?

* Алексѣй Васильевичъ Тихвинскій былъ лекторомъ русс..
..го языка въ дерптскомъ университетѣ.

Иль рокъ дѣла мои прославитъ,
Меня спокойно переправитъ
Чрезъ волны жизненныхъ заботъ,
И въ искушенье не введетъ,
И отъ лукаваго избавитъ? —
Что будетъ — будетъ! но клянусь
Тѣмъ вѣчнымъ Промысломъ, тѣмъ Богомъ,
Который правитъ нашу Русь
И помогаетъ ей во многомъ:
Въ странѣ, гдѣ нравственно добра,
Всему покорна, всѣмъ довольна,
Живетъ, мила и безкрамольна,
И процвѣтаетъ нѣмчура;
Въ странѣ, гдѣ богу просвѣщенья
Благословенный государь
Для православнаго служенья
Поставилъ пламенный алтарь, —
Здѣсь благодѣтельные годы
Сіяли юности моей,
Здѣсь я нашелъ дары свободы,
Богиню пѣсенъ и друзей;
Здѣсь поэтическое пьянство,
Да міръ могущественныхъ думъ
Мнѣ замѣняли свѣта шумъ,
Любви восторги и жеманство! —
Найду ль боговъ моихъ, когда
Сію страну и васъ покину,
И незнакомая звѣзда
Опредѣлитъ мою судьбину?
Но я душой не измѣнюсь:
Священны мнѣ всегда и всюду
Науки, слава, умъ и Русь —
Итакъ я васъ не позабуду!

КАРОЛИНѢ К—Ъ ЯНИШЪ.

Въ былые дни, отъ музы пѣснопѣній,
Въ кругу друзей я смѣло принималъ
Игривыхъ сновъ, веселыхъ вдохновеній
Живительный и сладостный фіалъ.
Тогда, не знавъ боязни осужденій
И прелести взыскательныхъ похвалъ,
Сынъ вольныхъ думъ и ясныхъ впечатлѣній,
Мой гордый стихъ торжественно стоялъ.
Здѣсь, окруженъ великихъ именами,
Онъ трепетенъ, падущій передъ вами.
Такъ, съ торжища суетъ возведена
Предъ клиросы молебнаго чертога,
Душа дрожитъ, таинственно полна
Присутствіемъ созвавшаго ихъ Бога!

ОТЪѢЗДЪ.

Не долго мнѣ подъ этимъ небомъ,
По здѣшнимъ доламъ и горамъ
Скитаться, брошенному Фебомъ
Тоскѣ и скукѣ и друзьямъ!
Теперь священныя желанья
Законно царствуютъ во мнѣ;
Но я, въ сердечной глубинѣ,
Возьму съ собой воспоминанья
О сей нѣмецкой сторонѣ.

Здѣсь я когда-то жизни сладость
И вдохновенье находилъ,
Игралъ избыткомъ юныхъ силъ
И воспѣвалъ любовь и радость.
Какъ сновидѣнье день за днемъ
И ночь за ночью пролетали....
. . . .
. . . .
Вонъ лѣсъ и дремлющія воды,
И лугъ прибрежный, и кругомъ
Старинныхъ липъ густые своды,
И яркій мѣсяцъ надъ прудомъ,
Туда, веселыя, бывало,
Ватаги вольницы удалой
Сходились, дружнымъ торжествомъ
Знаменовать свой день великой:
Кипѣли звуки пѣсни дикой.
Стекло сшибалось со стекломъ.
Костеръ бурлилъ и разливался
И лѣсъ угрюмый пробуждался,
Хмѣльнымъ испуганный огнемъ.
Вонъ площадь: тамъ, пышна, явилась
Ученыхъ юношей гульба,
Когда въ порфиру облачилась
Россіи новая судьба.
Бренчали бубны боевые,
Свисталъ пронзительный гобой;
Подъ ладъ ихъ бурный и живой.
На удивленной мостовой
Вертѣлись пляски круговыя;
Подобно лону гнѣвныхъ водъ
Пиръ волновался громогласной,
И любознательный народъ

Смотрѣлъ съ улыбкой сладострастной,
Какъ Бахусъ потчивалъ прекрасной
Свой разгулявшійся приходъ.
    О юность, юность, сонъ летучій,
Роскошно свѣтлая пора,
Приволье радости могучей,
Свободы, шума и добра!...
Мои товарищи и други!
Гдѣ вы, мнѣ милые всегда?
Какъ наслаждаетесь? Куда
Перенесли свои досуги?
    Я помню васъ. Тебя, герой
Любви, рапиры и бутылки,
Самонадѣянный и пылкій
Въ потѣхахъ нѣги молодой!
Съ твоимъ прекраснымъ идеаломъ
Тебя Киприда не свела:
Полна любви, чиста была
Твоя душа, но въ тѣлѣ маломъ
Она, великая, жила!
Теперь волшебницу иную
Боготворишь безпечно ты,
На жизнь рѣшительно-пустую
Ты промѣнялъ свои мечты
Про славу, Русь и дѣвъ Ирана!
И гдѣ жь? въ Козельскѣ наконецъ
Блуждаешь, дружбы и стакана
И сладкой вольности бѣглецъ!...
. . . .
. . . .
И ты!... тебя благословляю,
Мой добрый другъ, воспѣтый мной.
Лихой гусаръ, родному краю

Слуга мечомъ и головой.
Христолюбиваго поэта
Надежду грудью оправдай,
Рубись — и царство Магомета
Неумолимо добивай!

А ты, страдалецъ скуки томной,
Невольникъ здѣшняго житья,
Ты, излѣнившійся, какъ я,
Какъ я свободно бездипломной!
Люблю тебя, проказникъ мой,
Въ тиши поющаго ночной;
Люблю на праздникѣ за ромомъ,
Въ раздумьи, въ пламенныхъ мечтахъ,
Въ ученыхъ спорахъ и трудахъ,
Съ мечомъ, цѣвницею и ломомъ.
Что медлишь ты? Спасайся, братъ!
Не здѣсь твое предназначенье;
Уже намъ вреденъ чуждый градъ,
И задушаетъ вдохновенье.
Покинь стакановъ хмѣль и стукъ!
Бѣги, ищи иной судьбины!
Но да цвѣтутъ они, мой другъ,
Сіи ливонскія Аѳины!
Не здѣсь ли нѣкогда, мила,
Насъ юность рѣзвая ласкала,
И наша дружба возросла,
И грудь живая возмужала
На правовѣрныя дѣла?
О! будь же вамъ благодаренье,
Вамъ, коихъ знанья, вкусъ и умъ
Блюли порядокъ нашихъ думъ,
Въ насъ водворяли просвѣщенье!

Всѣмъ вамъ! Тебѣ жь, κατ' ἐξοχην,
Наставникъ нашъ, хвала и слава,
Душой воспитанникъ Каменъ,
А тѣломъ ровня Болеслава,
Мужъ государственныхъ наукъ!
Не удалося мнѣ съ тобою
Прощальный праздновать досугъ
Виномъ и пѣснью круговою!
Тамъ, тамъ, гдѣ шумно облегли
Эстонскій градъ морскія волны,
Въ песчаномъ берегѣ, вдали
Твоей отеческой земли,
Твой прахъ покоится безмолвный;
Но я, какъ благо лучшихъ дней,
Тебя донынѣ вспоминаю,
И здѣсь, съ богинею моей,
Тебѣ, учитель, воздвигаю
Нерукотворный мавзолей!
. . . .
. . . .
Такъ, вотъ мои воспоминанья,
Безъ торгу купленныя мной!
Святаго полный упованья,
Съ преобразившеюся душой,
Бѣгу надолго въ край родной,
Спасаю Божьи дарованья.
Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой,
И гордо брошу мой лавровый
Виномъ обрызганный вѣнецъ!

БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ.

Иные дни — иное дѣло!
Бывало, помнишь ты, баронъ,
Самонадѣянно и смѣло
Я посѣщалъ нашъ Геликонъ;
Молва стихи мои хвалила,
Я непритворно вѣрилъ ей,
И поэтическая сила
Огнемъ могущественнымъ била
Изъ глубины души моей:
А нынѣ? міру вдохновеній
Далеко недоступенъ я;
На лонѣ скуки, сна и лѣни
Томится молодость моя;
Моей Камены сынъ ослушной,
Я чуждъ возвышенныхъ трудовъ,
Пугаюсь ихъ — и равнодушно
Гляжу на поприще стиховъ.
Блаженъ, кто имъ не соблазнялся!
Блаженъ, кто отъ его суетъ,
Его опасностей и бѣдъ
Ушелъ въ себя — и тамъ остался!...
Завидна славы благодать,
Привѣтъ завиденъ многолюдной;
Но часто ль сей наградой чудной
Ласкаютъ насъ? И то сказать,
Непроходимо-безпокойно
Служенье Фебу въ наши дни:
Въ раздольи буйной толкотни,
Кричатъ, бранятся непристойно

Жрецы поэзіи святой....
Такъ точно праздничной порой
Кипитъ торговля площадная;
Такъ говорливо вторитъ ей
Разноголосица живая
Старухъ, индѣекъ и гусей.
Туда ль душѣ честолюбивой
Нести плоды священныхъ думъ,
Да увлекутъ они счастливо
Простонародный крикъ и шумъ?
А ты, прихвостница талантовъ
И повивальница стиховъ,
Толпа словесныхъ дуръ и франтовъ,
Не цензурованныхъ глупцовъ: —
Не ты ль на подвигъ православной
Поэта-юношу зовешь
И вдругъ рукой самоуправной
Его же ставишь на правежъ? —
Не ты ль въ судью и господина
Даешь Парнасу кой-кого,
И долго долго твой дѣтина,
Прищурясь, смотритъ на него? —

Вотъ такъ-то нынѣ область Феба
Мнѣ представляется, баронъ.
Ты мирно скажешь: «Это сонъ,
Даръ испытующаго неба;
Онъ легкимъ лётомъ пролетитъ:
Такъ иногда въ жару недуга,
Страдалецъ сердится на друга
И задушевнаго бранитъ!»
Ну такъ, баронъ! Поэтовъ богу
Поставь усердную свѣчу,

Да вновь на прежнюю дорогу
Мои труды поворочу,
Да снова пѣснью сладкогласно
Я возвѣщу, что я поэтъ —
И оправдается прекрасно
Мнѣ вдохновенный твой привѣтъ!

ЭЛЕГІЯ.

Языкъ души краснорѣчивый,
Восторга пламенный полетъ,
Стиховъ и мыслей переливы
И силу ихъ, — она пойметъ;
Но велика ль ея награда
За вдохновеніе любви?...
Порой два, три небесныхъ взгляда,
И то при васъ, друзья мои!

ПѢСНЯ.

Когда умру, смиренно совершите
По мнѣ обрядъ печальной и святой,
И мнѣ стиховъ надгробныхъ не пишите,
И мрамора не ставьте надо мной.

Но здѣсь, друзья, гдѣ нынѣ сходка наша
Бесѣдуетъ, разгульна и вольна,

Гдѣ весела, какъ праздничная чаша,
Душа кипитъ студенчески-шумна, —

Во славу мнѣ, вы чашу круговую
Наполните блистательнымъ виномъ,
Торжественно пропойте пѣснь родную,
И пьянствуйте о имени моемъ.

Все тлѣнъ и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видитъ міръ туманными глазами,
И любитъ жизнь за пѣсни и вино!...

КЪ А. Н. ТЮТЧЕВУ.

Не вспоминай мнѣ, Бога ради,
Веселыхъ юности годовъ,
И не развертывай тетради
Моихъ студенческихъ стиховъ!
Ну, да! судьбою благосклонной
Во здравье было мнѣ дано
Той жизни мило-забубенной
Извѣдать крѣпкое вино!
Успѣхъ трудовъ и пѣснопѣнье
Младое, полное огня,
На знаменитое служенье
Тогда готовили меня;
Тогда мои плѣняла взгляды,
Мои тревожила мечты
Душа, одѣтая въ черты

Богинь божественной Геллады.
Какъ гордо радовался я!
Какъ вдохновенно сердце билось!
А нынѣ?... Все перемѣнилось,
Жизнь и поэзія моя! —
Гляжу печальными глазами
На вялый ходъ мнѣ новыхъ дней,
И славлю смертными стихами
Красавицъ родины моей:
Не такъ ли сынъ богатырей,
Имъ измѣнившій богохульно,
Недуженъ тѣломъ и душой,
Изъ чаши прадѣда разгульной
Пьетъ охладительный настой?

ПѢСНЯ.

Разгульна, свѣтла и любовна
Душа веселится моя;
Да здравствуетъ Марья Петровна,
И ножка, и ручка ея!
    Какъ розы денницы живыя,
    Какъ ранніе снѣги полей —
    Ланиты ея молодыя
    И дѣвственный бархатъ грудей.
Какъ звѣзды задумчивой ночи,
Какъ вешняя пѣснь соловья —
Ея восхитительны очи
И сладостенъ голосъ ея.
    Блаженъ, кто, роскошно мечтая,

Зоветъ ее дѣвой своей;
Блаженнѣй избранниковъ рая
Студентъ, полюбившійся ей!

Элегія.

Тотъ не поэтъ, въ комъ не пробудитъ
Восторговъ нѣжныхъ, сновъ и мукъ
Твоихъ рѣчей волшебный звукъ;
Тотъ не поэтъ, кто не забудетъ
Судьбы и вольности своей,
Всѣхъ думъ и смѣлыхъ и надменныхъ,
Постигнутъ искрой сихъ очей
Побѣдоносныхъ, вдохновенныхъ!
Блаженъ, кто грудью молодой,
Кто сладострастными устами ....
Но ты смѣешься надъ мольбами,
Воспламененными тобой;
Ты прерываешь грознымъ взглядомъ
Сердечный юноши привѣтъ, —
И полонъ мужествомъ и хладомъ
Ему нежданый твой отвѣтъ.

А — Ѣ.

Какъ мысли творческой созданья,
Какъ сладострастная мечта,

Свѣтла, полна очарованья
Твоя дѣвичья красота;
Ланитъ и персей жаръ и нѣга,
Живыя груди, блескъ очей
И волны вѣтреныхъ кудрей....
О другъ! ты альфа и омега
Любви возвышенной моей!
Съ минуты нашего свиданья
Мои пророческіе сны,
Мои кипучія желанья
Всѣ на тебя устремлены!
Предайся мнѣ: любви забавы
Я пѣснью звучной воспою
И окружу лучами славы
Младую голову твою!

РОМАНСЪ.

Конрадъ одѣвается въ латы,
Беретъ онъ сѣкиру и щитъ.
«О рыцарь! о милый! куда ты?»
Дѣвица ему говоритъ.

— Мнѣ время на битву! Назадъ
Я скоро со славой пріѣду:
Сосѣдомъ обиженъ Конрадъ,
Но грозно отмститъ онъ сосѣду!

Вотъ гибельный бой закипѣлъ,
Сшибаются, блещутъ булаты,

И кто-то сразилъ — и надѣлъ
Противника мертваго латы.

Спустилась вечерняя мгла.
Милѣе задумчивой ночи,
Красавица друга ждала,
Потупивъ лазурныя очи.

Вдругъ сердце забилося въ ней —
Предъ нею знакомый воитель:
«О рыцарь! о милый! скорѣй
Меня обними, побѣдитель!»

Но рыцарь стоитъ и молчитъ.
«О милый! утѣшься любовью!
Ты страшенъ, твой панцырь покрытъ
Противника дерзкаго кровью!»

«Но сердцемъ, какъ прежде, ты мой!
Оно ли меня разлюбило?
Скинь латы и шлемъ боевой;
Скорѣе въ объятія милой!»

Но рыцарь суровый молчитъ,
Онъ поднялъ рѣшетку забрала:
«О Боже! Конрадъ мой убитъ!»
И дѣва безъ жизни упала.

ЗИМА ПРИШЛА.

Какъ рада дѣвица-краса
Зимы веселому приходу,
Какъ ей любезны небеса
За ихъ замерзнувшую воду! —
Съ какою радостью она,
Сквозь потемнѣвшаго окна,
Глядитъ на снѣжную погоду!
И вдругъ жива и весела
Бѣжитъ къ своей подругѣ бальной
И говоритъ ей тріумфально:
Зима пришла! зима пришла!

Воспитанникъ лѣсной Діаны,
Душою радуясь, глядитъ,
Какъ помертвѣлыя поляны
Зима роскошно серебритъ;
Порою осени унылой
Ходить съ ружьемъ совсѣмъ не мило:
И льется дождь и вѣтръ шумитъ,
Но выпалъ снѣгъ, прощай терпѣньѣ!
Его охота ожила
И говоритъ онъ въ восхищенье:
Зима пришла! Зима пришла!

Казны служитель не безвинной,
Какъ рая зимней ждетъ поры:
Плохой барышъ съ продажи винной
Весной и въ лѣтніе жары:
Крьстьяне заняты работой,

Онъ зритъ съ печальною зѣвотой
Цереры добрые дары;
Но вотъ зима — и непрестанно
Торговля ѣздить начала —
И онъ кричитъ, восторгомъ пьяной:
Зима пришла! Зима пришла!

Питомцу музы не отрада
И пылкой музѣ не сладка
Зимы суровая прохлада:
Въ лѣсу морозъ, стоитъ рѣка,
Повсюду мрачное молчанье
И гдѣ жь пѣвцу очарованье,
Восторгъ и мирты для вѣнца?
Онъ взглянетъ на землю — пустыня,
На небо взглянетъ — небо спитъ;
Но если юношѣ велитъ
Душой и разумомъ богиня
Прославить зимнія дѣла:
Въ поэтѣ радость оживаетъ
И вдохновенный восклицаетъ:
Зима пришла! Зима пришла!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской,
Друзья мои, вкушаю среди васъ;
Сей говоръ чашъ, свободный дружбы гласъ,
Сей крикъ и шумъ, разливъ души бурсацкой,
Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.

Заутро день засвѣтится мнѣ новый;
Свѣжо вздохнетъ младая грудь моя;
Веселыми очами встрѣчу я
Родимыя долины и дубровы....
Гдѣ жь вы, мои разгульные друзья?

Могучій Богъ ведетъ меня далече
Отъ васъ, моихъ сограждамъ-бурсаковъ:
Найду ли гдѣ поэзію трудовъ,
Нашъ дивный бытъ и пламенное вѣче,
Живую жизнь и мысли безъ оковъ?

О, будь же вамъ звѣздою путеводной,
Друзья мои, свобода юныхъ лѣтъ!
Да радостно, средь удалыхъ бесѣдъ,
Она хранитъ вашъ духъ своенародной
И сумрачный вамъ озаряетъ свѣтъ.

А мнѣ, друзья, отрадою священной
Останется счастливая мечта
Про васъ и Дерптъ, про милыя мѣста,
Гдѣ я гулялъ, младой и вдохновенной,
И съ вами пѣлъ: всё мигъ и суета!

АННѢ ИВАНОВНѢ.

Влюбленъ я, дѣва-красота,
Въ твой разговоръ живый и страстный,
Въ твой голосъ ангельски-прекрасный,
Въ твои румяныя уста!

Дай мнѣ тобой налюбоваться,
Твоихъ наслушаться рѣчей,
Упиться пѣснію твоей,
Твоимъ дыханьемъ надышаться.

ГРАФУ Д. И. ХВОСТОВУ.

Итакъ — мнѣ новая награда
Отъ Музы доблестной твоей,
Младыхъ поэтовъ Петрограда
Серебровласый корифей!
Ее съ поклономъ принимаю,
Умѣю чувствовать ее;
Но заслужилъ ли я — не знаю —
Неоставленіе твое?
Какими подвигами славы
На свѣтѣ выказался я?
Ужь не стихами ль про забавы,
Про удаль братскаго житья,
Про нѣгу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Гдѣ пролетѣла шумно, шумно,
Лихая молодость моя? —
Нѣтъ. Но за то, главою трезвой,
На послѣдяхъ моей весны,
Отъ жизни праздничной и рѣзвой
Поникшій въ лоно тишины,
Теперь, какъ сердца не тревожитъ
Мнѣ красота великихъ дней,
Достоинъ буду — Богъ поможетъ —

Я благосклонности твоей.
    Вѣдь я не даромъ же оставилъ
Потѣхи лѣни и гульбу,
На свой обычай переправилъ
Свою грядущую судьбу,
И посвятилъ уединенью
Мой возрастъ силы и трудовъ!
Отъ первыхъ смысленныхъ годовъ
Знакомъ и вѣренъ вдохновенью,
Лишь всемогуществу его
Обязанъ вольностью и счастьемъ,
И чистымъ, свѣтлымъ сладострастьемъ
Ума и сердца моего:
Его забуду ли я нынѣ?
Я ль, живо сознанный собой,
Въ моей любви, въ моей святынѣ
Раскаюсь зрѣлою душой?
    Но признаюсь, я робкимъ взоромъ
Смотрю на будущность мою,
Хотя не вмѣстѣ съ буйнымъ хоромъ
Безкнижной сволочи пою.
Кого талантъ мой разобидѣлъ?
Кого мой стихъ оклеветалъ?
Какой невѣжда иль нахалъ
Меня торгующимся видѣлъ
На рынкѣ браней и похвалъ?
Почто же страхомъ ожиданій
Грудь возмущается моя?
Уберегусь ли мирно я
Отъ криводушныхъ порицаній,
Отъ пошлыхъ козней и обидъ?
Мнѣ ль предузнать, какимъ возгласомъ
Мои труды передъ Парнасомъ

Его кричальщикъ возвѣститъ?
Онъ чуденъ: карлу великаномъ,
Гетеру Музой, хмѣль дурманомъ
Во всеуслышанье зоветъ,
Немилосердо-самовластный!
И кто противу, кто несчастный?
Ну, право, дрожь меня беретъ!
    Ты, Феба ревностный поклонникъ,
Его классическій законникъ!
Къ тебѣ съ надеждою моей,
Съ моей неопытною лирой,
Къ тебѣ, ужасному сатирой
Главамъ парнасскихъ бобылей,
Прибѣгну я: грозою правой
Ты знамените ихъ пугнешь....
И пощадитъ меня ихъ ложь,
Твоей заступленнаго славой.

А. Н. ТЮТЧЕВУ.

Здорово, братъ! Поставь сюда двѣ чаши;
Наполнимъ ихъ и вмѣстѣ вознесемъ
За Дерптъ, и музъ, и наслажденья наши,
Свободныя, кипѣвшія виномъ!
Въ моей груди есть сердце молодое
Воспоминать и чувствовать былое.
Мнѣ ль разлюбить безоблачные дни
Отважныхъ думъ, разгульныхъ вдохновеній,
Живыхъ трудовъ и просвѣщенной лѣни?
Волшебные, зачѣмъ прошли они?

Такъ — за него, за этотъ міръ прекрасный!
Все, чѣмъ судьба возвышенна моя,
Что въ ней земнымъ оковамъ не подвластно,
Все чистое, святое бытія,
Чѣмъ радостно пылаютъ мысли юны,
Чѣмъ движутся божественныя струны,
Все, чѣмъ живетъ и дѣйствуетъ поэтъ —
Моей душѣ явилъ онъ, свѣтозарный....
И здѣсь, его питомецъ благодарный,
Творю ему заздравный мой привѣтъ!
Да никогда его очарованье,
Счастливое, не оставляетъ насъ;
Будь радостенъ, ему въ воспоминанье,
Меня съ тобой соединившій часъ —
И яркими увѣнчана мечтами,
Та райская надежда передъ нами
Заблещетъ вновь — и вновь повѣримъ ей,
Что для всего земнаго перехода
Намъ станетъ чувствъ, которыя свобода
Въ насъ развила по милости своей.
Таковъ булатъ въ браннолюбивой длани,
Несокрушимъ, однажды закаленъ!
Свершилися плоды моихъ желаній,
Сбылся души благословенный сонъ!
И вотъ они, мѣста мои родныя....
Кругомъ лѣса и горы мѣловыя;
По скатамъ ихъ разбросано село;
Вонъ Божій храмъ, и барскій домъ, и нивы,
Луга, рѣки подгорные извивы,
И двухъ прудовъ спокойное стекло.
Гдѣ жь вы, мои товарищи и други?
По прежнему ль увеселяютъ васъ
И тихій трудъ, и шумные досуги,

И родины краснорѣчивый гласъ?
Нашъ лучшій другъ, пируетъ ли онъ съ вами,
Онъ, видѣвшій учеными глазами
Златой Иранъ и патріарха горъ,
И надъ его священной головою,
Ночныхъ свѣтилъ блистающій красою,
Торжественный, лазоревый шатеръ?
Дай руку, братъ! въ виду страны родимой
Мы повторимъ отрадный свой обѣтъ
Еще узрѣть тотъ край, всегда любимой,
Привольное гульбище юныхъ лѣтъ,
Разсадникъ чувствъ и помысловъ высокихъ!
Обнимемъ вновь своихъ друзей далекихъ,
Ихъ въ бурную бесѣду соберемъ —
И чокнутся привѣтственныя чаши
За Дерптъ, и музъ, и наслажденья наши,
Свободныя, кипѣвшія виномъ! —

ВАРІАНТЫ ПѢСЕНЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Пѣсня Короля Регнера. стр. 12.

Стх. 10. «Когда, побѣдивши морскія пучины»,
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Когда, побѣдивши и хладъ и пучины»,

Пѣснь Баяна, при началѣ войны, стр. 16.

Стх. 17: «Промчится буря боевая.
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Умолкнетъ буря боевая.»

Евпатій. стр. 27 — 29.

Стх. 4. «Тамъ долго сражалась съ насиліемъ честь»
читаемъ въ Нов. Лит.
«Тамъ яростно билась съ насиліемъ честь».

Стх. 12 — 16. «И встрѣчены грозной нежданной войной.
Мы бились жестоко: какъ мы, удалые,
Враги насъ тѣснили толпа за толпой;
Ихъ кровью намокли поля боевыя.»

читаемъ: «И вызвали сильныхъ на споръ боевой.
Мы бились жестоко — и жадные мщенья
Враги къ намъ летали, толпа за толпой.
Ихъ кровью намокла равнина сраженья».

Стх. 25. «Отчизна, отчизна! подъ латами чести»
читаемъ: «О родина, родина! подъ латами чести»
Стх. 33. «Не синее море кипитъ и шумитъ,
читаемъ: Какъ море вздымается, какъ море шумитъ.»
Стх. 36. «Оружіе блещетъ, труба дребезжитъ»
читаемъ: «Подъ топотомъ конскимъ долина дрожитъ».

Музы стр. 29.

Стх. 4. «Она прекрасныхъ рукъ въ оковы не дала
«Вѣкамъ тиранства и разврата»
читаемъ въ Соревнователѣ:
«Она прекрасныхъ рукъ въ желѣзы не дала
«Вѣкамъ убійства и разврата.
Стх. 6. «Въ вѣнцѣ раскованная сила»
читаемъ: «Все рушитъ дерзостная сила»
Стх. 9. «Но съ праха рушенныхъ громадъ»
читаемъ: «Но съ праха тлѣющихъ громадъ»
Стх. 12. «Безсмертный Ангелъ вдохновенья»
читаемъ: «Безсмертный геній вдохновенья».

Элегія стр. 32.

Стх. 19 и 10. «Стиховъ гармонія живая
Невнятно, дико ей звучитъ»
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Какъ дочь невѣжества простая
Она не любитъ Піеридъ»

Элегія. Стр. 34 — 35.

Стх. 9. «Любви чарующая сила»
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Любви торжественная сила.»

Молитва. Стр. 36.

Стх. 4. «Но сердце мнѣ окамени».
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Противъ страстей и бури свѣта.»

Ала. Стр. 36 — 39.

Стх. 5 — 9: «Тамъ, гдѣ въ минувшіе вѣка
Сражались воины Христовы,
Отважны, буйны и суровы;
Гдѣ нашъ свирѣпый Іоаннъ,»
читаемъ въ Сѣв. Цвѣтахъ:
«Тамъ, гдѣ Альбертовы руки
Лишила княжескаго права

Неосторожнаго Всеслава,
Гдѣ послѣ грозный Іоаннъ.»

Стх. 37: «Потомъ покинувъ шумный свѣтъ»
читаемъ: «Потомъ покинулъ шумный свѣтъ.»

М. Н. Дирицой, стр. 50.

Стх. 9 — 17 замѣнены въ Нов. Лит. слѣдующими:
«Всегда съ улыбкой благосклонной
Ты слушала привѣтный гласъ
Моей души, нерѣдко сонной,
Но вѣчно ревностной для васъ;
Теперь по прежнему съ поклономъ
Веселый Вами, Вамъ несу
Мой фиміамъ предъ Аполлономъ.»

Геній, стр. 62.

Стх. 3 и 4: «Огонь могучій проникалъ
Живую душу Елисея.»
читаемъ въ Нов. Лит.:
«Огонь отрадный проникалъ,
Тревожилъ душу Елисея.»

Къ Шепелеву, стр. 63.

Стх. 1 — 2: «Въ дѣлахъ вина и просвѣщенья,
Въ дѣлахъ Амура, мой Орестъ,»
читаемъ въ Невскомъ Альманахѣ:
«Въ трудахъ на жатвѣ просвѣщенья
За чарой Вакха, мой Орестъ.»
Стх. 21 и 24: «Давно, и въ явѣ и во снѣ
Меня мертвила и живила
И воцарилася во мнѣ.»
читаемъ: «Меня и въ явѣ и во снѣ
Порой мертвила и живила
И нынѣ царствуетъ во мнѣ.»
Стх. 27 — 32. «Мила, какъ Ангелъ, но едва ли
Такъ непритворна и скромна.
Ея чело, ея ланиты,
Ея власы, ея уста,
И очи — словно у Хариты,

читаемъ: «Жива, какъ муза, но едва ли
Такъ непритворна и вѣрна.
Ея чело, ея ланиты,
И грудь, и очи, и уста
И кудри, словно у Хариты, —»
За послѣдн. стх. «Сія звѣзда души моей?»
читаемъ: «Вотъ все, товарищъ! дай же руку;
Не позабудь — скорѣе къ намъ.
Да снова мы стихи, науку,
Вино и горе по-поламъ.»

Къ Вульфу, Тютчеву и Шепелеву, стр. 85 — 89.

Вмѣсто стх. 21 — 25 читаемъ въ Альманахѣ:
«Во мнѣ раждалось вдохновенье,
Возвышенъ имъ, я воспиталъ
Мое спокойное презрѣнье
Къ гласу вѣтреныхъ похвалъ,
Я поклялся: молвы привѣтовъ
Не слушать въ подвигѣ святомъ,
И по ристалищу поэтовъ
Промчаться съ громомъ и огнемъ.»

Къ нянѣ А. Пушкина, стр. 89.

Стх. 1, въ изд. 1833:
«Васильевна, мой свѣтъ, забуду ли тебя?»
читаемъ: «Свѣтъ Родіоновна, забуду ли тебя?»
Стх. 16: «Намъ баловало вкусъ и жажды своевольство
читаемъ: «Нашъ баловало вкусъ и жажды своевольство.

Развалины, стр. 111.

Стх. 4: «Безмолвенъ горній лѣсъ и пр.»
читаемъ: «Чуть дышетъ вѣтерокъ.»
Стх. 15: «И гибли! — Радостный пріютъ моей мечты»
читаемъ: «И гибли! — Божество и рай моей мечты!»

А. Н. Степанову, стр. 112.

Стх. 36 и 37: «Воспоминанья золотыя про міръ возвышенныхъ суетъ»
читаемъ: «Воспоминанія благія про міръ плѣнительныхъ суетъ».

Къ А. П. Вульфу, стр. 116.

Стх. 5 — 16 замѣнены слѣдующими:
«Хмѣля сладостнаго полны,
Мы лежали, а вдали
Двухъ костровъ живыя волны
Разливались и расли;
Мы смотрѣли яркимъ окомъ
На товарищей, они въ состязаніи высокомъ
Буйно смѣлы, легкимъ скокомъ
Пролетали чрезъ огни!
Въ насъ кипѣла, въ насъ бурлила
Чародѣйственная сила
Думъ разгульныхъ, удалыхъ,
Чистыхъ, чудныхъ и святыхъ!»
Стх. 25: Разсудительной, ученой»
читаемъ: «Романтической, ученой»
Стх. 34: «Загулявшіеся други»
читаемъ: «Праздномыслящіе други»
Вмѣсто 40 и проч.
читаемъ: «Разговоръ небрежно сонный:
Хохотъ, споръ и крикъ — но вотъ
На лазурный неба сводъ
Свѣточь мрака благосклонный
Мѣсяцъ пышно возстаетъ.
Всѣ уйдутъ — а я на ложе
Повергаюсь въ тишинѣ —
И надежда — завтра тоже
Усладительна ли мнѣ?

Элегія, стр. 122.

Стх. 1 и 2: «Ты восхитительна! ты пышно разцвѣтаешь»
«И это чувствуешь — и гордо щеголяешь»
читаемъ: «Ты восхитительна, ты всѣхъ обворожаешь,
«Какъ величаво ты и гордо щеголяешь».
Стх. 15: «Имъ соблазнилась ты»
читаемъ: «Онъ милъ твоей душѣ»
Стх. 20: «Онъ смѣлыя стопы желѣзомъ окриливъ»
читаемъ: «Онъ легкія стопы желѣзомъ окриливъ»

Стх. 23 и 24:	«О немъ мечтаешь ты, твой небезгрѣшный сонъ То нѣжно скрашенъ имъ, то жарко возмущенъ».
читаемъ:	«О немъ мечтаешь ты, твой одинокій сонъ Неотразимо имъ украшенъ и смущенъ».

Памяти Маркова, стр. 123.

Стх. 18:	«Погибъ ты . . . . при чужихъ водахъ»
читаемъ:	«Угасъ ты — при чужихъ водахъ»
Стх. 26—29:	Твои радушныя заботы Живое чувство красоты Во мнѣ питали; нѣжно ты —
читаемъ:	«Какъ сладко мнѣ твои заботы «Питали чувство красоты! «Съ какою нѣжностію ты».

Прощальная пѣсня, стр. 140.

Стх. 8:	«Веселыми очами встрѣчу я»
читаемъ:	«Восторга полнъ, увижу снова я»
Стх. 23:	«Про васъ и Дерптъ, про милыя мѣста»
читаемъ:	«Про васъ, друзья, про милыя мѣста».

ПОГРѢШНОСТИ.

	Напечатано:	***Должно быть:***
Стран. 27, строка 13	ствѣтлѣющей	свѣтлѣющей
» 47, » 28	вольненіе	волненіе

[illegible] на [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] ~~[illegible]~~ и [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

~~[illegible]~~ +

~~[illegible]~~ [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] = [illegible] [illegible]:

~~[illegible]~~ [illegible] [illegible], [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

+

[illegible], [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

Его [illegible] 1 [illegible] [illegible]

~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ [illegible]

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

Göthe.

1830 — 1847.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

ПРИ НИХЪ ПРИЛОЖЕНЫ ЕГО ПОРТРЕТЪ, FAC-SIMILE, СВѢДѢНІЯ
О ЕГО ЖИЗНИ И ЗНАЧЕНІИ И НАПИСАННОЕ О НЕМЪ ВЪ РАЗНЫХЪ
ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1858.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 мая, 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

[1]) Всѣ піесы съ 1830 написаны въ Москвѣ. [2]) Въ Языковѣ.

[3]) Обѣ піесы—въ селѣ Языковѣ. [4]) Въ Елани. [5]) Въ Языковѣ а три слѣдующія—въ Елани. [6]) Піесы 1836 г. написаны въ Языковѣ.

[7] Означенныя піесы 1839 г. писаны въ Ницѣ, въ предмѣстіи Мраморнаго Креста. [8] Въ Теодорсгалле. [9] Въ Теодорсгалле. [10] Въ Ницѣ, тамъ же и слѣд. піеса. [11] Въ Теодорсгалле. [12] Въ Ницѣ. [13] Въ Ганау. Золотой Сарай. [14] Въ Ницѣ, и слѣд.— тамъ же. [15] Въ Вильдбадъ-Гаштейнѣ. [16] Въ Ганау.

---

[17]) Въ Швальбахѣ — тамъ же — А. Д. Елагину, а остальныя — въ Ганау. [18]) Піесы 1842 и 43 — въ Вильдбадъ-Гаштейнѣ. [19]) Піесы 1844 и проч. годовъ — въ Москвѣ.

ПІЕСЫ БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ ГОДОВЪ. *

* Піесы безъ означенія годовъ принадлежатъ періоду дерптской жизни поэта, и первыя четыре пѣсни, по замѣткамъ А. М. Языкова, относятся къ 1823 году.

РАЗСВѢТЪ.

Не полонъ нашъ разгулъ, не конченъ пиръ ночной;
Не всѣхъ насъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
Не всѣмъ поднесены привѣтственныя чаши;
Смѣлѣй и радостнѣй заблещутъ взоры наши,
Смѣлѣй и радостнѣй воспламенится умъ;
Шумнѣе закипятъ избыткомъ чувствъ и думъ
И разбушуются живыя наши рѣчи. —
Но вотъ, златаго дня воздушные предтечи,
Краснѣютъ облаковъ прозрачныя струи:
Покинемъ шумъ суетъ, товарищи мои,
Прервемъ брянчанье чашъ и пѣсни удалыя!
Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя,
И солнечный восходъ пышнѣе изъ-за горъ
Надъ скатами лѣсовъ и купами озеръ,
Туда, на высь холма! Тамъ, утренней прохлады
Въ живительныхъ волнахъ омоемъ наши взгляды;
Горячія уста и груди освѣжимъ.
Пойдемъ, товарищи! Оттолѣ мы узримъ,
Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
Передъ широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и нѣгой убрана,
Красуется земля, возставшая отъ сна.

ХОРЪ

ПѢТЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНІИ, ПО СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНІЯ ХОЛЕРЫ ВЪ МОСКВѢ.

Великъ Господь! Земля и неба своды
Свершители судебъ Его святыхъ!
Благословенъ, когда казнитъ народы,
Благословенъ, когда спасаетъ ихъ

Пославшій намъ годину искушенья
Не до конца рабовъ своихъ каралъ;
Намъ возсіялъ желанный день спасенья,
День милости Господней возсіялъ.

Великъ Господь! Къ Нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звонъ!
Ему хвалу играйте пѣсенъ звуки!
Великъ Господь! и святъ Его законъ!

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моей,

И въ поучительныхъ преданьяхъ
Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
Гдѣ древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, памятникъ почтенный
Елисаветиныхъ временъ, —

Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
Тамъ было трое: два пѣвца,
И онъ, краса ночей застольныхъ,
Кипѣвшій силами бойца,
Онъ, послѣ кинувшій забавы,
Себѣ избравшій ратный путь,
И освятившій въ полѣ славы
Свою студенческую грудь.

Вонъ тамъ — обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними;
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
И ты, пришедшая къ столу, —

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
Къ своей веснѣ переносилась

Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана объ стаканъ.

Ужь гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила —
Напрасно! взялъ свое Токай,
Шумнѣй удалая пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай! —

Ты разскажи намъ: въ дни былые.
Не правда ль? не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы .... Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтіе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

5

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Предъ нимъ печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнѣжится моя!

ВОДОПАДЪ.

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена,
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! Его отъ брега
Быстриною унесло;
Въ синій сумракъ водобѣга
Упираетъ онъ весло....
Тщетно! бурную стремнину
Онъ не силенъ оттолкнуть;
Далеко его въ пучину
Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
Убралъ онъ свое весло;

Онъ потупилъ равнодушно
Безнадежное чело;
Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ . . . .
И къ пучинѣ волнъ и скалъ
Роковымъ своимъ потокомъ
Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стѣна
О скалы раздроблена,
То бѣгутъ чрезъ крутояры
Многоводной Ніагары
Ширина и глубина!

ПОЭТУ.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ

Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
    Невиненъ будь, какъ голубица,
    Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь — и будетъ вѣкъ свѣтло
    Твое открытое чело
    И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
    Размечутъ ихъ — и жрецъ отпрянетъ,
    Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты;
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,

Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ;
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Но сердцемъ чистымъ и живымъ
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.
И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
Мечомъ ли руку ополчитъ:
Велѣній Господа посланникъ,
Онъ исполина сокрушитъ!
Въ вѣнцѣ ли онъ: Его народы
Возлюбятъ правду; весь и градъ
Взыграютъ радостью свободы
И нивы златомъ закипятъ!
Возьметъ ли арфу: дивной силой
Духъ преисполнится его,
И, какъ орелъ ширококрылый,
Взлетитъ до неба Твоего!

И. В. КИРѢЕВСКОМУ.

Щеки нѣжно пурпуровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкія кудрей;
Взоръ привѣтливо сіяетъ,
Разговорчивы уста;
Въ ней красуется, играетъ
Юной жизни полнота!
Но ея, на ложе ночи,

Мой товарищъ, не зови,
Не цѣлуй въ лазурны очи
Поцѣлуями любви:
Въ нихъ огонь очарованій
Носитъ дѣва-красота;
Упоительныхъ лобзаній
Не впивай въ свои уста:
Ими нѣгу въ сердцѣ вдуетъ,
Мглу на разумъ наведетъ,
Зацѣлуетъ, околдуетъ
И далеко унесетъ!

КУБОКЪ.

Восхитительно играетъ
Драгоцѣнное вино!
Снѣжной пѣною вскипаетъ,
Златомъ искрится оно!
Услаждающая влага
Оживитъ тебя всего:
Вспыхнутъ радость и отвага
Блескомъ взора твоего;
Самобытными мечтами
Загуляетъ голова,
И, какъ волны за волнами,
Изъ души польются сами
Вдохновенныя слова;
Строенъ, пышенъ, міръ житейской
Развернется предъ тобой....
Много силы чародѣйской

Въ этой влагѣ золотой!
И любовь развеселяетъ
Человѣка, и она
Животворно въ немъ играетъ,
Столь же сладостно-сильна:
Въ дни прекраснаго разцвѣта
Поэтическихъ заботъ,
Ей дѣятельность поэта
Дани дивныя несетъ;
Молодое сердце бьется,
То притихнетъ и дрожитъ,
То проснется, встрепенется,
Словно выпорхнетъ, взовьется,
И куда-то улетитъ!
И, послушно, имя дѣвы
Станетъ въ лики звучныхъ словъ,
И сроднятся съ нимъ напѣвы
Вѣчно — памятныхъ стиховъ!
Дѣва-радость, величайся
Рѣдкой славою любви,
Настоящему ввѣряйся,
И мгновенія лови!
Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ: душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой;
Съ разу кубокъ выпиваетъ
И высоко подымаетъ,
И надъ буйной головой
Держитъ. Рѣчь его струится
Безмятежно-весела,

А въ рукѣ еще таится
Жребій бреннаго стекла!

КАМБИ.

Тамъ, гдѣ внизу горы, извивистый ручей
Бѣжитъ и пѣнится межъ грудами корней,
Гдѣ горныхъ береговъ съ песчанаго уступа
Склонилася къ нему березъ и елей купа,
И зыбкимъ пологомъ, широкимъ и густымъ,
Многовѣтвистая раскинулась надъ нимъ,—
Тамъ, въ тѣ часы, когда притихнутъ лѣсъ и воды,
Когда на ясные, лазоревые своды
Серебрянымъ шаромъ покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нѣжна,
Одѣнетъ берега въ свой сумракъ сладострастный,
И юноша пойдетъ къ любовницѣ прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья мигъ,
Неся ей бурный жаръ объятій молодыхъ,
Горячія уста и огненныя очи,—
Тамъ, въ безмятежное, святое царство ночи,
Похитившій себя у множества суетъ,
У братій и вина, у праздничныхъ бесѣдъ,
У шума вольницы и лѣни просвѣщенной,
Я, полонъ сладкихъ думъ, бродилъ уединенный;
Тамъ часто я ввѣрялъ безмолвію лѣсовъ
Гармонію тобой настроенныхъ стиховъ,
Тобой, красавица, хранительный мой геній,
Свѣтило ясныхъ дней, приволье вдохновеній!
Ты первая меня поэтомъ назвала:

Какъ сильно грудь моя сей голосъ поняла,
Твой голосъ творческій; — младыя силы встали,
Преобразился я, и очи засверкали!...
Но юныя лѣта — прелестный, дивный сонъ,
Мой быстрый сонъ — прошли. Предъ новый небосклонъ
Я перенесъ права студентскаге досуга;
Могу, сжимая длань товарища и друга,
Восторгомъ оживить безпечное чело —
И разомъ свѣтлую надежду на голо!
Могу возобновлять пиры мои ночные....
Придутъ, усядутся гуляки удалые,
Вино заискрится въ стаканѣ круговомъ,
Бесѣда запоетъ, веселая виномъ....
Но та минувшихъ лѣтъ божественная доля,
Та радость и печаль, та вольность и неволя,
Чѣмъ сердце и кипитъ и стынетъ вновь и вновь,
Ликуетъ, нѣжится, бѣснуется — любовь
Не дастъ мнѣ прежнихъ думъ и чистыхъ наслажденій.
Благословляю жь васъ, развѣсистыя тѣни,
Васъ, мирны берега подгорнаго ручья,
Гдѣ подъ звѣздой любви, поэзія моя
Въ уединеніи счастливомъ развивалась,
Дышала свѣжестью, цвѣла и красовалась, —
Тебя, кѣмъ полонъ сей признательный мой гласъ;
Вы, добрые мои, — благословляю васъ!

ПОЖАРЪ.

А. П.

Ты помнишь ли, какъ мы на праздникѣ ночномъ,
Уже веселые и шумные виномъ,

Уже пѣвучіе и свѣтлые, кругами
Сидѣли у стола, построеннаго нами?
Уже въ торжественный и дружескій нашъ хоръ
Порой заносчивый врывался разговоръ;
Уже осушены за Русь и сходки наши,
Высоко надъ столомъ состукивались чаши,
И разомъ кинуты всей силою плеча,
Скакали по полу, дробяся и бренча;
Восторгъ, привѣты, споръ, и крикъ, и рукожатья!
Разгуливались мы, товарищи и братья!
Вдругъ — освѣтило насъ; тревожные встаемъ;
Такъ, это не заря. Востокъ не тамъ! Идемъ.
Картина пышная и грозная предъ нами:
Подъ громоносными ночными облаками,
Полнеба заревомъ багровымъ обхвативъ,
Шумѣлъ и вылъ огня блистательный разливъ.
Въ тотъ часъ, дрожащая на рѣзкомъ вѣтрѣ ночи,
Она, красавица — лазоревыя очи —
Чье имя ужь давно по стогнамъ и садамъ
Въ припѣвахъ удалыхъ сопутствовало намъ, —
Глядѣла, какъ ея свѣтлицу охраняя,
Другъ другу хладную волну передавая,
Усердно юноши работали. Въ тотъ часъ
Могущество любви позналъ я въ первый разъ.
Какъ быстро всѣ мои надежды закипѣли!
Какъ весело мечты взвилисъ и полетѣли,
Младыя, вольныя, Богъ вѣдаетъ куда!
 О! будь плѣнительна и радостна всегда
Та, чей небесный взоръ меня во дни былые
Соблазнами любви очаровалъ впервые!
Какъ прежде, будь ясна лазурь ея очей!
Какъ прежде, бѣлизну возвышенныхъ грудей
Струями локоны златыми осыпайте!

Ланиты и уста, цвѣтите и пылайте!
Пусть дѣвственникъ ее полюбитъ молодой.
Цвѣтущій здравіемъ, и силой, и красой —
И нѣжная падетъ могучему въ объятья,
И всѣхъ забудетъ насъ, товарищи и братья!...

ПЛОВЕЦЪ.

Воютъ волны, скачутъ волны!
Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный.
Быстро мчится легкій челнъ
И расталкиваетъ волны,
И скользитъ по склонамъ волнъ!

Ихъ, порывами вздувая,
Буря гонитъ рядъ на рядъ;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумятъ,
Другъ на друга набѣгая,
Отшибаяся назадъ!

Но глядите: передъ нами,
Вдоль по темнымъ облакамъ,
Разноцвѣтными зарями
Отливаясь тамъ и тамъ,
Золотыми полосами
День и небо свѣтятъ намъ.

Пронесся мракъ ненастный!
Возсіяй лазурный сводъ!

Разверни свой день прекрасный
Надо всѣмъ просторомъ водъ!
Смолкнутъ бездны громогласны,
Ихъ волненіе падетъ.

Блещутъ волны, плещутъ волны!
Подъ стеклянnымъ брызгомъ волнъ
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій челнъ,
Раздвигая сини волны
И скользя по склонамъ волнъ!

УТРО.

Пурпурово-золотое
На лазурный неба сводъ
Солнце въ царственномъ покоѣ
Лучезарно возстаетъ;
Ночь сняла свои туманы
Съ пробудившейся земли;
Блескомъ утреннимъ поляны,
Лѣсъ и холмы разцвѣли.
Чу! какъ ярко и проворно,
Вонъ за этою рѣкой,
Повторяетъ отзывъ горной
Звукъ волынки полевой!
Чу! скрыпятъ ужь воротами,
Выѣзжая изъ села,
И дробится надъ водами
Плескъ рыбачьяго весла.

Ранній свѣтъ луча дневнаго
Озарилъ мой тайный путь;
Сладко воздуха лѣснаго
Холодъ мнѣ струится въ грудь:
Молодая трепетала,
Новымъ пламенемъ полна
Нѣжно, быстро замирала —
Утомилася она!
Скоро ль въ царственномъ покоѣ
За далекіи синіи лѣсъ,
Пурпурово-золотое
Солнце скатится съ небесъ?
Серебристыми лучами
Изукраситъ ихъ луна,
И въ селѣ, и надъ водами
Снова тѣнь и тишина!

МЕЧТАНІЯ.

Поэта пламенныхъ созданій
Не бойся, дѣва; сила ихъ
Не отучнитъ твоихъ желаній
И не понизитъ думъ твоихъ.
Когда въ воздушные соблазны
И безграничныя мечты,
Въ тотъ міръ всегда разнообразный
И полный свѣжей красоты —
Тебя, изъ тягостнаго міра
Тѣлесныхъ мыслей и заботъ,
Его пророческая лира

На крыльяхъ звуковъ унесетъ;
Ты беззаботно предавайся
Очарованью твоему,
Имъ сладострастно упивайся
И гордо радуйся ему:
Въ тотъ часъ, какъ ты вполнѣ забылась
Симъ творческимъ, высокимъ сномъ,
Ты въ божество преобразилась,
Живешь небеснымъ бытіемъ!

ИМЪ.

Много вашими устами
Пилъ я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пѣлъ я ваши имена!
И въ разгульномъ хорѣ звуковъ
Цѣлы, счастливы, они
Будутъ жить у дальнихъ внуковъ,
Прославляя наши дни:
Тамъ на юношескомъ пирѣ
Слово молвится подъ часъ
Въ похвалу и гордой лирѣ,
Веселившейся о васъ, —
И при громѣ восклицаній
Въ честь увѣнчанныхъ именъ,
Сбереженныхъ безъ прозваній
Умной людскостью временъ,
Кстати вмѣстѣ возгласится
Имя доброе мое,

И поэту наградится
Все подлунное житье!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ CXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали
На Вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашъ Ерусалимъ.»
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И пѣснь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А Ты, среди огней и грома
Намъ даровавшій свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,

Убійства шумные виномъ,
Насъ оглушали грознымъ крикомъ:
«Все истребимъ, всѣхъ поженемъ!»
Блаженъ, кто смѣлою десницей
Оковы плѣна сокрушитъ,
Кто плачъ Израиля сторицей
На притѣснителяхъ отмститъ!
Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
И смерть ужасную внесетъ,
И съ яркимъ хохотомъ о камень
Его младенцевъ разобьетъ!

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

Т—Ѣ. Д—Ѣ.

Въ прозрачной мглѣ безмолвствуетъ столица;
Лишь изрѣдка на шумъ и гласъ ночной
Откликнется дремавшій часовой,
Иль топнетъ конь, и быстро колесница
Продребезжитъ по звонкой мостовой.

Какъ я люблю пріютъ мой одинокій!
Какъ здѣсь мила весенняя луна!
Сребристыми узорами она
Разсыпалась на полъ его широкій
Во весь объемъ трехърамнаго окна.

Сей лунный свѣтъ таинственный и нѣжный,
Сей полумракъ, лелѣющій мечты,
Исполнены соблазновъ.... Гдѣ же ты,

Какъ поцѣлуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мнѣ душа трепещетъ и пылаетъ,
Когда, къ тебѣ склоняясь головой,
Я слушаю, какъ дивный голосъ твой,
Томительный, журчитъ и замираетъ,
Какъ онъ кипитъ, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовутъ — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятьями восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучшій сонъ, мой ангелъ сладкопѣвный,
Поэзія московскаго житья!

Приди, утѣшь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви.

ПЕРСТЕНЬ.

Т . . . Ѣ. Д . . . Ѣ.

Да, какъ святыню, берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой
За жаръ и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшаго со мной.
Въ тотъ часъ, (забудь меня Камена,
Когда его забуду я!)
Какъ на твои склонясь колѣна,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо въ очи мнѣ глядѣла
Очами, полными огня.
Но что жь? такъ пылко, такъ глубоко,
Такъ вдохновенно полюбя
Тебя, мой ангелъ черноокой,
Одну тебя, одну тебя . . .
Одинъ ли я твой взоръ умильный
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ ль одномъ
Твои объятія такъ сильно
Живымъ свиваются кольцомъ?
Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
Воспоминанье поцѣлуя,
Тебя сливавшаго со мной!

ПОЭТЪ.

Радушно рабствуетъ поэту
Животворящая мечта;
Его любовному привѣту
Не вѣруй, дѣва-красота!
Раздумье лѣни или скуки,
Пустую смѣсь обычныхъ сновъ,
Онъ рядитъ въ сладостные звуки,
Въ музыку мыслей и стиховъ;
А ты, мой чистый ангелъ рая,
Ты примешь, очи потупляя,
Ихъ гармоническую ложь;
Повѣришь слѣпо чувствамъ яснымъ,
И сердца трепетомъ прекраснымъ
Сердечный голосъ ты поймешь.
Какъ мило взоръ его смиренный
Дичится взора твоего:
Кипятъ, тобою вдохновенны,
Восторги нѣжные его.

Уже давно подъ небесами
Ночная тѣнь и тишина;
Не спишь, красавица?—Мечтами
Ты безпокойными полна!
Чуть видны блестки огневыя
Твоихъ лазоревыхъ очей,
Блуждаютъ кудри золотыя
По скатамъ дѣвственныхъ грудей;
Ланиты рдѣютъ пурпуровы,
Упали жаркіе покровы

Съ младаго стана и колѣнъ....
Вотъ день — и блѣдная ты встала,
Ты не спала, ты все мечтала....
А онъ, таинственникъ Каменъ? —
Имъ не играли грезы ночи;
И бодръ и свѣжъ проснулся онъ,
И про любовь и черны очи
Уже выдумываетъ сонъ.

К-Ѣ К-Ѣ ЯНИШЪ.

Вы, чьей душѣ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ
Небесныя знакомы откровенья,
Все, чѣмъ высокъ полетъ воображенья,
Чѣмъ гордъ и пламененъ поэтъ, —

И два вѣнка, одинъ другаго краше,
На головѣ свилися молодой,
Зеленый лавръ поэзіи чужой
И бриліанты музы вашей! —

Вы силою волшебной думъ своихъ
Прекрасную торжественность мнѣ дали,
Вы на златыхъ струнахъ переиграли
Простые звуки струнъ моихъ.

И снова мнѣ и ярче возсіяла
Минувшихъ дней счастливая звѣзда,
И жаждою священною труда
Живѣе грудь затрепетала.

Я чувствую: завиденъ жребій мой,
Есть и во мнѣ благословенье Бога,
И праведна житейская дорога,
Безпечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску міра,
Не слушаю слѣпой его молвы:
Я выше ихъ .... Да здравствуйте же вы
И ваша творческая лира!

С. С. ТЕПЛОВОЙ.

Я знаю васъ: младыя ваши лѣта
Счастливою звѣздой озарены;
Вы любите великій міръ поэта
И гармоническіе сны;
Вамъ весело имъ вовсе предаваться,
Ихъ обновлять роскошнѣй и полнѣй,
И медленно и долго забываться
Въ обманахъ памяти своей;
Вы знаете, какъ въ хоры сладкогласны
Созвучныя сливаются слова,
И чѣмъ они могучи и прекрасны
И чѣмъ поэзія жива;
Умѣете вы мыслію своею
Чужую мысль далеко увлекать
И, праведно господствуя надъ нею.
Ее смирять и возвышать.
Я знаю васъ: но этими стихами
Приносится вамъ жертва не моя;

Я чувствую, смутился бъ я предъ вами:
Душой и сердцемъ робокъ я;
Но пламенно я Музу обожаю,
Доступенъ мнѣ возвышенный Парнасъ,
И наизустъ лишь то вамъ повторяю,
Что говорится тамъ про васъ.

КОНЬ.

Жадно, весело онъ дышетъ
Свѣжимъ воздухомъ полей:
Сизый паръ кипитъ и пышетъ
Изъ пылающихъ ноздрей;
Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
Громкимъ голосомъ заржалъ,
Встрепенулся конь — и въ поле
Бурноногій поскакалъ!
Скачетъ, блещущіи глазами,
Дико голову склонилъ;
Вдоль по вѣтру онъ волнами
Черну гриву распустилъ.
Самъ какъ вѣтеръ: круть ли встанетъ
На пути? отважный прянетъ —
И на ней ужь! Ляжетъ ровъ
И потокъ клубится? — мигомъ,
Онъ широкимъ перепрыгомъ
Черезъ нихъ — и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
Щеголяй избыткомъ силъ!

Не надолго волны гривы
Вдоль по вѣтру ты пустилъ!
Не надолго жизнь и воля
Разомъ бурному даны,
И холодный воздухъ поля,
И отважны крутизны,
И стремнины роковыя....
Скоро, скоро подъ замокъ!
Тѣшь копыта удалыя,
Свой могучій бѣгъ и скокъ!

Снова въ дѣло, конь ретивой!
Въ збруѣ легкой и красивой,
И блистающій сѣдломъ,
И бренчащій поводами,
Стройно-вѣрными шагами
Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

ПѢСНЯ.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
Онъ красоту боготворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто съ музами дѣлилъ свое бездѣлье,

Кому любви прохладныя уста
Свѣвали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ — его довольная мечта!

И въ честь ему, на будущія лѣта
Не худо бы сей учредить обрядъ:
Порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта
Мы сходимся въ благоуханный садъ,
И тамъ поемъ любимый гимнъ поэта,
И до утра фіалы прозвенятъ.

Пусть видитъ міръ, какъ нашихъ поминаютъ,
Какъ иногда свирѣли звукъ простый
Да скромный хмѣль и миртъ переживаютъ
Побѣдный громъ и памятникъ златый,
И многіе, ужь за-одно, познаютъ,
Что называть мірскою суетой.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Ея ужь нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.
Вонъ чуждый брегъ и мирный храмъ познаній,
Каменами любимая страна;
Тамъ смѣлый гость свободы просвѣщенной,
Пѣвецъ вина и дружбы и прохладъ,
Настроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ —

И вторились напѣвы удалые
При говорѣ фіаловъ круговыхъ!
Тамъ грудь моя наполнилась впервые
Волненьемъ чувствъ завѣтныхъ и живыхъ,
И трепетомъ, томительнымъ и страстнымъ,
Божественной и сладостной любви.
Я счастливъ былъ: мелькали дни мои
Летучимъ сномъ, заманчивымъ и яснымъ.

А вы, пѣвца внимательные други,
Товарищи, какъ думаете вы?
Для васъ я пѣлъ нѣмецкіе досуги,
Спѣсивый хмѣль ученой головы,
И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводной
Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?
Луна взошла, древа благоухали,
Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
Костеръ пылалъ — мы долго пировали
И бурные привѣтствовали день!
Товарищи! не правда ли? на пирѣ
Не рознилъ вамъ лирическій поэтъ?
А этотъ пиръ не наобумъ воспѣтъ,
И вы моей порадовались лирѣ! —
Нѣтъ, не для васъ! — Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радушная, преслѣдовала ихъ;
Когда она, веселыми устами,
Мой счастливый произносила стихъ:

Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа, и гдѣ была душа моя!
О! прочь мои грядущія созданья,
О! горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ ліющемся кристалѣ разговора.

Ея ужь нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремило самовластно
На видный путь и чистыя дѣла;
Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
Есть на землѣ! — есть цѣлый міръ труда
И въ немъ — надеждъ и помысловъ отвага,
И бытіе привольное всегда!
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ....
Она всего поэта понимала —
И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье;
И радостно во имя божества
Сбирались въ хоръ созвучныя слова,
Какъ фиміамъ, горѣло вдохновенье.

ЭЛЕГІЯ.

Ночь безлунная звѣздами
Убирала синій сводъ;

Тихи были зыби водъ;
Подъ зелеными кустами
Сладко, дѣва-красота,
Я сжималъ тебя руками;
Я горячими устами
Цѣловалъ тебя въ уста;
Страстнымъ жаромъ подымались
Перси полныя твои;
Разлетаясь, развивались
Черныхъ локоновъ струи;
Закрывала, открывала
Ты лазурь своихъ очей;
Трепетала и вздыхала
Грудь, прижатая къ моей.

Подъ ночными небесами
Сладко, дѣва-красота,
Я горячими устами
Цѣловалъ тебя въ уста....
Небесамъ благодаренье!
Здравствуй, дѣва-красота!
То играло сновидѣнье,
Безтѣлесная мечта!

СТАНСЫ.

Въ часъ, какъ дѣву молодую
Я зову на ложе сна,
И ночному поцѣлую
Не противится она,

Грусть нежданаго сомнѣнья
Вдругъ находитъ на меня —
И боюсь я пробужденья
И божественнаго дня.

Онъ сіяетъ, день прекрасный,
Въ блескѣ розовыхъ лучей;
Въ сѣняхъ лѣса сладкогласный
Свищетъ пѣсню соловей;
Рѣзвымъ плескомъ льются воды,
И цвѣтутъ ковры долинъ . . . .
То любовница природы,
То красавица годинъ.

О! счастливъ, чья грудь младая
Силой чувствъ еще полна;
Жизнь ведетъ его, играя,
Какъ влюбленная, нѣжна;
И веселая ласкаетъ,
И, пристрастная къ нему,
И даритъ и обѣщаетъ
Все красавцу своему! —

Есть любовь и наслажденья,
Небо есть и на землѣ;
Но могущество мгновенья,
Но грядущее во мглѣ.
О друзья, что наша младость?
Чарка славнаго вина;
А забывчивая радость
Съ разу пьетъ ее до дна!

ВИНО.

Голосистая, живая
Чародѣйка молодая,
Удалая красота,
Какъ вино, вольнолюбива,
Какъ вино, она игрива
И блистательно чиста;
Какъ вино, ее люблю я,
Прославляемое мной:
Умиляя и волнуя
Душу, полную тоской,
Всю тоску она отгонитъ,
И меня на ложе склонитъ
Беззаботной головой;
Сладки пѣсни распѣваетъ
О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
И стихи мои читаетъ
И блеститъ въ моихъ очахъ!

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

Тамъ, гдѣ картинно огибая
Брега, одѣтые въ гранитъ,
Нева, какъ небо голубая,
Широководная шумитъ,
Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира

Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстямъ земнымъ,
Звуча наитіемъ святымъ.

Любовь онъ пѣлъ: его напѣвы
Блистали стройностью живой,
Какъ рѣзвый станъ и перси дѣвы,
Олимпа чашницы младой.
Онъ пѣлъ вино: простый и ясной
Стихи восторгъ одушевлялъ;
Они звенѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіалъ, цѣлующій фіалъ;
И дѣвы русскія пристрастно
Ихъ повторяютъ — и поэтъ
Счастливъ на много, много лѣтъ.

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душой и лирой древній грекъ —
Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Студентъ и русскій человѣкъ;
Тамъ быстро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣтла,
Лилась; тамъ дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмѣлемъ убрала
Веселость гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царственной Невы

Не разъ, не два ихъ приносили
Уста кочующей молвы.
И тамъ поэтъ чистосердечно
Ихъ гимномъ здравствовалъ своимъ.
Ужь нѣтъ его. Главой безпечной
Отъ шума жизни скоротечной,
Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
Онъ перелегъ; но лиры звонъ
Намъ навсегда оставилъ онъ.

Внемли же нынѣ, тѣнь поэта,
Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
Кому щедроты Бога свѣта
Онъ въ добрый часъ предвозвѣстилъ.
Я счастливъ ими! Вдохновенья
Ужь стали жизнію моей!
Прими сей гласъ благодаренья!
О! пусть мои стихотворенья
Изъ милой памяти людей
Уйдутъ въ несносный мракъ забвенья
Всѣ, всѣ! . . . . Но лучшее, одно
Да не погибнетъ: вотъ оно!

ЭЛЕГІЯ.

Т. Д.

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть:
Челомъ въ чело, очами въ очи,

Уста въ уста и грудь на грудь!
Кто соблазнительный твой лепетъ
Лобзаньемъ пылкимъ прерывалъ,
И смуглыхъ персей дикій трепетъ
То усыплялъ, то пробуждалъ!...
Но тотъ блаженнѣй, дѣва ночи,
Кто въ упоеніи любви
Глядитъ на огненныя очи,
На брови дивныя твои,
На свѣжесть устъ твоихъ пурпурныхъ,
На черноту младыхъ кудрей,
Забывъ и жаръ восторговъ бурныхъ,
И силы юности своей!

НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА.

Огнемъ и силой думъ прекрасныхъ
Сверкалъ возвышенный твой взоръ;
Избыткомъ чувствъ живыхъ и ясныхъ
Твой волновался разговоръ;
Грудь вдохновенно трепетала,
Надеждой славы горяча,
И смѣлость гордо поднимала
Твои могучія плеча:
Потухли огненныя очи,
Умолкли вѣщія уста,
Недвижно сердце; вѣчной ночи
Тебя закрыла темнота.
Прощай, товарищъ! Были годы,
Ты чашу сладкую пивалъ;

Въ садахъ науки и свободы
Ты поэтически гулялъ;
Тамъ создалъ ты, славолюбивый,
Тамъ воспиталъ, направилъ ты
Свои кипучіе порывы,
Свои широкія мечты.
И въ дальній шумъ инаго міра
Тебя на громкія дѣла
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ея привѣтственному звуку
Какъ суевѣрно ты внималъ,
Какъ жарко дружескую руку
Своею схватывалъ и жалъ!
Подъ сѣнью сладостнаго свѣта,
Красуясь дивною красой,
Въ твоихъ очахъ грядущи лѣта
Веселой мчались чередой;
Въ ихъ утомительномъ обманѣ
Ты ясно жребій свой читалъ,
Имъ надмевался — и заранѣ
Торжествовалъ и ликовалъ.
Пришли — и вотъ твоя могила!
Крылатыхъ мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Все тлѣнъ, и мигъ, и суета!

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Мысль неразгульнаго поэта
Является божественно-стройна,

Въ живые образы одѣта,
Святымъ огнемъ озарена.
Счастливъ, кто силенъ ей предаться,
Тотъ, чья душа спокойна и чиста,
Да въ ней вполнѣ изобразятся
Ея гармонія, и свѣтъ, и чистота.
Такъ вы блистательно-прекрасны ....
А что мой стихъ? Питомецъ буйныхъ лѣтъ
И проповѣдникъ разногласный
Мірскихъ соблазновъ и суетъ!
Донынѣ пьяными мечтами
Студентъ кипѣть не пересталъ —
И странны были бы предъ вами
Вакхическій напѣвъ и хмѣль его похвалъ.
Но, чуждъ святому вдохновенью,
Онъ вѣдаетъ, гдѣ небо на землѣ;
Но мѣсто есть благоговѣнью
На удаломъ его челѣ,
И, полнъ таинственной отрады,
Усердно вамъ приноситъ онъ
Свои потупленные взгляды,
Смутившуюся рѣчь и робкій свой поклонъ.

БЕЗСОННИЦА.

Что мечты мои волнуетъ
На привычномъ ложѣ сна?
На лицо и грудь мнѣ дуетъ
Свѣжимъ воздухомъ весна;
Тихо очи мнѣ цѣлуетъ
Полуночная луна.

Ты ль, пріютъ восторгамъ нѣжнымъ,
Радость юности моей,
Ангелъ взоромъ безмятежнымъ,
Ангелъ прелестью очей,
Персей блескомъ бѣлоснѣжнымъ,
Мягкихъ золотомъ кудрей?

Ты ли мнѣ любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свѣжими устами
Навѣваешь свѣтъ луны,
Скрыта легкими тѣнями
Соблазнительной весны?

Благодатное видѣнье,
Тихій ангелъ! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркія напой
И даруй мнѣ утомленье,
Освященное тобой!

АУ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангелъ рая!
Ты, мной воспѣтая давно,
Еще въ тѣ дни, какъ пѣлъ я радость
И жизни праздничную сладость,
Искрокипучее вино, —
Тебѣ привѣтъ мой издалеча,
Отъ москворѣцкихъ береговъ

Туда, гдѣ звонкихъ звономъ вѣча
Моихъ пугалась ты стиховъ, —
Гдѣ странно юность мной играла, —
Гдѣ въ одинокій мой пріютъ
То заходилъ безсонный трудъ,
То ночь съ гремушкой забѣгала!

Пестро, неправильно я жилъ!
Тамъ все, чѣмъ богъ добра и свѣта
Благословляетъ многи лѣта
Тотъ край, все — бодрость чувствъ и силъ,
Ученье, дружбу, вольность нашу,
Гульбу, шумъ, праздность, лѣнь — я слилъ
Въ одну торжественную чашу,
И пилъ да пѣлъ .... я долго пилъ!

Голубоокая, младая,
Мой чернобровый ангелъ рая!
Тебя, звѣзду мою, найдетъ
Поэта вѣстникъ расторопный,
Мой бойкій ямбъ четверостопный,
Мой говорливый скороходъ;
Тебѣ онъ скажетъ вѣсть благую.
Да, я покинулъ наконецъ
Пиры, безпечность кочевую,
Я, голосистый ихъ пѣвецъ!
Святыхъ восторговъ проситъ лира;
Она чужда тѣхъ буйныхъ лѣтъ,
И вновь изъ прелести суетъ
Не сотворитъ себѣ кумира.

Я здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя!

Здѣсь наша матушка-Россія
Семисотълѣтняя жива!
Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда, и Польша, и Литва,
Французы, лавръ и хмѣль народа,
Все, все!... Да здравствуетъ Москва!

Какими думами украшенъ
Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
Бойницъ, соборовъ и палатъ!
Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
Хранится повѣсть! Эти главы
Святымъ сіяніемъ горятъ!
О! проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины!
Кто на нее печать наложитъ
Мимоходящей новизны!
Сюда! на дѣло пѣснопѣній,
Поэты наши! Для стиховъ
Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
Своенародныхъ вдохновеній!

Какъ много мнѣ судьба дала!
Денницей ярко-пурпуровой
Какъ ясно, тихо жизни новой
Она востокъ мнѣ убрала!
Не пьянъ полетъ моихъ желаній;
Свобода сердца весела;
И стихотворческія длани
Къ струнамъ — и лира ожила!

Мой чернобровый ангелъ рая!
Моли судьбу, да всеблагая

Не отнимаетъ у меня
Ни одиночества дневнаго,
Ни одиночества ночнаго,
Ни думъ дѣятельнаго дня,
Ни тихихъ сновъ лѣнивой ночи! —
И скромной пѣснію любви
Я воспою лазурны́ очи,
Ланиты свѣжія твои,
Уста сахарны, груди полны,
И бѣлизну твоихъ грудей,
И черныхъ, дѣвственныхъ кудрей
На ней блистающія волны.

Твоя мольба всегда вѣрна;
И мой обѣтъ — онъ совершится!
Мечта любовью раскипится,
И въ звуки выльется она!
И будутъ звуки тѣ прекрасны,
И будетъ сладость ихъ нѣжна,
Какъ сонъ плѣнительный и ясный,
Тебя поднявшій съ ложа сна.

ВАСИЛІЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Свѣтло блеститъ на глади неба ясной
Живая ткань лазури и огня,
Символъ души проснувшейся прекрасно,
Заря безоблачнаго дня;
Такъ ты мечту мнѣ сладкую внушаешь;
Плѣнителенъ, завиденъ твой удѣлъ:

Среди наукъ ты гордо возмужаешь
Для стройныхъ думъ и свѣтлыхъ дѣлъ:
Отъ раннихъ лѣтъ полюбишь наслажденья
Привольныя и добрыя всегда:
Дѣятельный покой уединенья
И независимость труда:
Младая грудь надежно укрѣпится
Волненьемъ чувствъ свободныхъ и святыхъ.
И весело, высоко разгорится
Отвага помысловъ твоихъ.
И, гражданинъ торжественнаго міра,
Гдѣ не слышна земная суета,
Гдѣ ни оковъ, ни злата, ни кумира,
Душа открыта и чиста,—
Гдѣ въ тишинѣ растутъ ея созданья,
Которымъ нѣтъ простора межъ людей,—
Ты совершишь завѣтныя желанья
Счастливой юности твоей.
О! вспомни ты въ тѣ сладостныя лѣта,
Что я твою судьбу предъугадалъ,
И слѣпо вѣрь въ пророчества поэта
И въ правоту его похвалъ!

КЪ АН. К-У.

Не часто ли поверхность моря
Волнуетъ грозныхъ бурь приходъ,
И съ валомъ валъ ужасный споря,
Кремнистые брега трясетъ?
Не часто ль день прелестный, ясный

Скрываетъ мракъ суетой;
Не часто ль человѣкъ, среди весны прекрасной,
Смущается тоской,
И радость быстро отлетаетъ?
Страшись печали, милый другъ!
Да счастье всюду провождаетъ
Тебя чрезъ жизни лугъ!
Люби, но укрощай въ душѣ любви стремленья:
Ея опасенъ ядъ,
И часто средь цвѣтовъ прелестныхъ наслажденья
Змѣи ужасныя шипятъ;
Будь вѣренъ, но страшись обмана,
Страшись, чтобы коварный богъ
Не превратился вдругъ въ тирана,
И тщетныя въ тебѣ любови не возжёгъ.
Быть можетъ, тамъ, мой другъ любезной,
Гдѣ мѣдяный Рифей
Чело къ странѣ возноситъ звѣздной,
крѣпостью гордясь своей,
Полетъ Сатурна презираетъ,
Гдѣ хладъ свирѣпый обитаетъ,—
Ты, другъ мой, въ тотъ ужасный часъ,
Какъ вѣтромъ мчится прахъ летучій,
Когда лучъ солнечный погасъ,
Покрытый мрачной тучей,
Когда лѣса дубовъ скрыпятъ,
Предъ бурей страшной преклоненны,
Когда по челамъ горъ скользятъ
Перуны разъяренны,
Быть можетъ, другъ любезный мой,
Въ сей бури часъ ужасный,
Красу застигнуту грозой
Увидишь ты . . . . и взоръ прекрасный

Въ плѣненномъ сердцѣ нѣжну страсть
    Воспламенитъ мгновенно,
И милая твоя . . . любови власть
    Въ душѣ познаетъ восхищенной,
    И для тебя лишь будетъ жить.
    Тогда, подъ сѣнью мирной
Ты станешь радости съ подругою дѣлить,
    Тогда твой голосъ лирной
    Любовь благую воспоетъ,
И пѣснь твоя молвой къ друзьямъ домчится;
Тогда во мнѣ, о милый мой поэтъ,
Воспоминаніе протекшаго родится;
    Тогда я полечу душой
    Къ днямъ рѣзвымъ юности безпечной,
    Когда я, увлеченъ мечтой,
Почувствовалъ огонь поэзіи сердечной,
    Тебѣ ввѣрять восторги приходилъ
    И слышалъ судъ твой справедливый.
    О̀ сколь тогда пріятенъ былъ
    Мнѣ дружескій совѣтъ нельстивый!
    Съ какимъ весельемъ я съ тобой
    Поэтовъ красотой плѣнялся!
И, зря въ мечтахъ ихъ тѣни предъ собой,
    Восторгамъ пылкимъ предавался;
    Какой огонь тогда блисталъ
    Въ душѣ моей обвороженной,
    Когда я звучный гласъ внималъ,
    Твой гласъ, о бардъ священный,
    Краса пѣвцовъ, великій Оссіанъ!
    И мысль моя тогда летала
    По холмамъ тѣхъ счастливыхъ странъ,
Гдѣ арфа стройная героевъ воспѣвала;
    Тогда я предъ собою зрѣлъ

Тебя, Фингалъ непобѣдимый,
Въ тотъ часъ, какъ небосклонъ горѣлъ,
Зарею утренней златимый,
Какъ вѣтерки игривые кругомъ
Героя тихо пролетали,
И солнце блещущимъ лучомъ
Сверкало на ужасной стали.
Я зрѣлъ его: онъ, на копье склонясь,
Стоялъ въ очахъ своихъ съ грозою —
И вдругъ, на воинство противныхъ устремясь,
Все повергалъ своей рукою;
Я зрѣлъ, какъ подвигъ свой свершивъ,
Онъ восходилъ на холмъ зеленый,
И на равнину взоръ печальный обративъ,
Гдѣ врагъ упалъ, имъ низложенный,
Стоялъ съ поникшею главой,
Въ доспѣхахъ, кровію омытыхъ.
Я шлемы зрѣлъ, его разсѣченны рукой,
Зрѣлъ горы имъ щитовъ разбитыхъ!...
Но другъ, позволь мнѣ удержать
Мечты волшебной обольщенья:
Ты надѣленъ талантомъ пѣснопѣнья,
Тебѣ героевъ воспѣвать!
Въ восторгѣ устреми къ превыспреннему міру
Быстротекущій свой полетъ,
А мнѣ позволь, мой другъ, поэтъ,
Теперь на время бросить лиру!

КЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

На петербургскую дорогу
Съ надеждой милою смотрю
И путешественниковъ Богу
Свои молитвы говорю:
Пускай отъ холода и вора
Онъ днемъ и ночью васъ хранитъ;
Пускай плѣнительнаго взора
Лихая вьюга не гнѣвитъ;
Пускай зима круты овраги
Засыплетъ бисеромъ своимъ —
И кони, полные отваги,
По гладкимъ доламъ снѣговымъ,
Подъ голубыми небесами,
Быстрѣй поэтовой мечты,
Служа богинѣ красоты,
Летятъ съ уютными санями....

Клянусь моими божествами:
Я непритворно васъ зову!
Ужь долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы!
Я только трубадуръ безъ васъ!

Е. А. ТИМАШЕВОЙ.

Молодая ученица
Беззаботнаго житья,
Буйныхъ праздниковъ пѣвица,
Муза рѣзвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вамъ:
Это даръ ея заздравный
Вашей музѣ благонравной,
Вашимъ сладостнымъ стихамъ!

Прелесть вашихъ пѣснопѣній
Въ неземное бытіе,
Въ рай чистѣйшихъ вдохновеній
Заманила вновь ее.
Этотъ міръ восторговъ дивныхъ,
Тихихъ, тайныхъ, заунывныхъ,
Независимо живой,
Міръ, гдѣ нѣжатся поэты
Недовольные землей —

И она его знавала
Тамъ, подъ небомъ прошлыхъ дней, —
И она его пѣвала
Ради братіи и друзей,
Громко ей рукоплескавшихъ,
Ей радушно повѣрявшихъ
Чувства юныя свои,
Томны сны и сладки муки

Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этотъ міръ полнѣй и краше,
Чѣмъ житейскій; но его
Утопилъ я въ шумной чашѣ
Просвѣщенья моего! —
И въ раздольи нашихъ оргій,
Молодецкіе восторги
Муза рѣзвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братскаго житья!

Съ той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобумъ,
Словно прежде не знавала
Скромныхъ чувствъ и лучшихъ думъ....
Прелесть вашихъ пѣснопѣній
Жажду чистыхъ вдохновеній
Пробудила снова въ ней —
И красавицѣ удалой
На гульбищѣ грустно стало:
Жаль невинности своей!

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВУЛЬФУ.

Прошли младые наши годы!
Ты, проповѣдникъ и герой
Академической свободы,

И я — давно мы жребій свой,
Нѣмецки шумный и живой,
Перемѣнили на иной:
Тебя звала надежда славы
Подъ громъ войны, въ поля кровавы;
И вдругъ оставилъ ты меня,
Ученый бытъ, бесѣды наши,
Застольны пѣсни, пѣнны чаши,
И вспрянулъ гордо на коня!
А я — студенческому міру
Сказавъ задумчиво: прощай,
Я перенесъ разгульну лиру
На Русь, въ отечественный край —
И тамъ въ Москвѣ первопрестольной,
Питомецъ жизни своевольной,
Безпечно-вѣтренный поэтъ,
Терялся я въ толпѣ суетъ,
Чуждъ вдохновенныхъ наслажденій
И поэтическихъ заботъ,
Да пилъ бездѣйствія и лѣни
Снотворно дѣйствующій мёдъ.
Но вотъ — хвала и слава Богу!
Я вышелъ снова на дорогу,
И снова милъ мнѣ Божій свѣтъ!
Прими-жь привѣтъ, страна родная,
Моя прекрасная, святая,
Глубокій, полный мой привѣтъ!
Отнынѣ вся моя судьбина
Тебѣ! Люби же и ласкай
И береги меня, какъ сына;
Даруй пѣвцу пріютъ смиренной
Въ виду отеческихъ лѣсовъ,
Жить самобытно, неизмѣнно

Для думъ завѣтныхъ и стиховъ!
Крѣпка несكованная дума,
Блестящъ и звонокъ вольный стихъ!
Здѣсь не слыхать градскаго шума,
Здѣсь не видать суетъ градскихъ;
И въ сей глуши всегда спокойной
Къ большимъ трудамъ и къ жизни стройной
Легко мнѣ душу приучить;
Легко навѣчно разлюбить
Уста и очи дѣвъ-красавицъ,
Привѣты гордыхъ молодицъ,
И пѣсни пламенныхъ пѣвицъ,
И пляски пламенныхъ плясавицъ!
Поклонъ вамъ, прежнія мои....
Пляшите, пойте, процвѣтайте,
Великолѣпно оживляйте
Пиры и шалости любви!
Довольно чувствъ и вдохновеній
Я прогулялъ, и мнѣ пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуйныхъ, трезвыхъ наслажденій!
Мой другъ! поздравь же ты меня
Съ восходомъ счастливаго дня,
Съ давно желанной, мирной долей,
Съ веселымъ сердцемъ, съ вольной волей,
Съ живымъ трудомъ наединѣ!
Я руки въ боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ!....
Вотъ такъ-то мы остепенились!
Но сладко вспомнить намъ подъ часъ
Почтенный градъ, гдѣ мы учились,
Гдѣ мы привольно веселились,

Гдѣ мы любили въ первый разъ....
Возьми-жь, ему въ воспоминанье,
Вотъ это пестрое собранье
Моихъ риѳмованныхъ проказъ:
Тутъ, какъ вино въ хрустальной чашѣ,
Знатокъ, насквозь увидишь ты
Всѣ думы, чувства и мечты,
Игру и блескъ свободы нашей,
Красу минувшаго житья!
Храни стихи мои, какъ я
Храню фуражку удалую
Съ моей студентской головы,
Да кудрю темно-золотую
Одной красавицы, увы!
Когда-то милой мнѣ, когда-то
На вешнемъ воздухѣ полей
Въ тѣни ракитовыхъ вѣтвей....
Храню торжественно и свято
Трофеи младости моей!!

КОРЧМА.

Предъ нами черная корчма;
И мы вошли въ сію корчму —
Она похожа на тюрьму,
Въ которой ужь давно, давно
Не мыто и не метено.
Порогъ возвышенный въ дверяхъ;
На потолкѣ и на стѣнахъ
Буграми сажа, пыль и мохъ, —

А старый полъ — бѣда для ногъ.
    Таковъ дороги вѣшней видъ,
Когда потоками бѣжитъ
    Снѣговъ растаявшихъ вода;
Такъ, мостовая гдѣ худа....
    По ней печальный пѣшеходъ
Сердито, медленно идетъ....
    И, глядя на негодный путь,
Въ мечтахъ бранитъ кого-нибудь.
    Двѣ комнаты: одна съ другой
Могли бы спорить духотой;
    Вдоль неочищенной стѣны,
Свидѣтель мрачной старины
    Поставленъ долговязый столъ,
И вдоль стола того — скамья.
    Но чернота и пыль ея
На ней не позволяютъ лечь.
    Налѣво сумрачная печь
Съ широкимъ чернымъ очагомъ.
    Окно съ замараннымъ стекломъ —
Замараннымъ, какъ бы за тѣмъ,
    Чтобъ даже сумрачнымъ лучомъ
Не освѣщалася корчма,
    И путнику-бъ густая тьма
Не позволяла разглядѣть,
    Что негдѣ будетъ посидѣть,
И тѣлу въ тишинѣ ночной
    Дать укрѣпительный покой.
Еще корчма — объ ней ни слова!
    Она, какъ прежняя худа.
Мы въ корчмѣ — въ ней мрачность таже,
    Пыль и мохъ,
Полъ избитъ, а стѣны въ сажѣ,

Воздухъ плохъ,
Слишкомъ душенъ, для дыханья
Нездоровъ;
Сверхътого, здѣсь домъ собранья
Комаровъ.
Для насъ царица сей корчмы
Разстлала по полу солому —
И тихо улеглися мы.
Сія чухонская Бавкида —
Простите этотъ эпизодъ,
Не привлекательнаго вида,
Какъ весь Ливоніи народъ:
Лицо, котораго Гогарту
Не удалось нарисовать....
Вамъ не случалось ли видать
Унылой Корсики ландкарту? —
Такъ некрасива и черна
Была лицомъ сія жена:
Живые, сумрачные взгляды
Изъ-подъ нависнувшихъ бровей;
Волосъ не перечесть у ней:
Въ красѣ природной безъ помады,
Отъ головы до самыхъ пятъ
Они растрепаны лежатъ.
Ея угрюмая осанка,
Морщины древняго чела....
И, словомъ, всѣмъ она была
Страшна, какъ вѣдьма кіевлянка.

Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ.

Завиденъ жребій вашъ: отъ обольщеній свѣта,
Отъ суетныхъ забавъ, бездушныхъ дѣлъ и словъ
На волю вы ушли, въ священный міръ поэта,
Въ міръ гармоническихъ трудовъ.

Божественнымъ огнемъ краснорѣчивъ и ясенъ
Плѣнительный вашъ взоръ, трепещетъ ваша грудь,
И вдохновенными заботами прекрасенъ
Открытый жизненный вашъ путь!

Всегда цвѣтущія мечты и наслажденья,
Свободу и покой даруетъ вамъ Парнасъ.
Примите жь мой привѣтъ: я ваши пѣснопѣнья
Люблю: я понимаю васъ.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
Волненіе надеждъ и помысловъ живыхъ,
И страстные стихи, и говоръ ихъ унылый,
И бога движущаго ихъ!

Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкиной.

Въ младой груди моей о васъ воспоминанья
Сохранно буду я беречь;
Навѣчно милы мнѣ: живая ваша рѣчь
И ваши томныя мечтанья,

Вашъ благосклонный взоръ, сверкающій умомъ,
И ваше пѣнье. Что за звуки!
То тихи и нѣжны, какъ жалкій вздохъ разлуки
И мысль о счастіи быломъ,
То упоительны, торжественны, игривы,
Какъ мёдъ любви, — сладчайшій мёдъ! —
Какъ юношескихъ думъ возвышенный полетъ
И дѣтской радости порывы!
Могучи звуки тѣ волшебные! Они
Меня отрадно чаровали,
И умиленнаго, разнѣженнаго мчали
Въ иную жизнь, въ иные дни,
Въ тѣ дни, когда еще душой и сердцемъ юный,
Довѣрчивъ, пылокъ и поэтъ,
Я пѣлъ любовь и шумъ студенческихъ бесѣдъ,
И стройны, громки были струны!
Давно прошли тѣ дни восторговъ и потѣхъ;
Но помню живо ихъ донынѣ,
Какъ странникъ молодой, застигнутый пустыней
И бурей, помнитъ свой ночлегъ
Въ гостинницѣ, гдѣ онъ негаданно-нежданно
Нашелъ красавицъ и друзей,
И съ ними пировалъ до утреннихъ лучей
Привольно, весело и пьяно!
Я не забуду васъ, я благодаренъ вамъ;
Красуйтесь, пойте и блистайте,
И будьте счастливы, и много пробуждайте
Сердецъ къ плѣнительнымъ мечтамъ.

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

Жизни баловень счастливой,
Два вѣнка ты заслужилъ;
Знать Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ;
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты — и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.

Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ;
Воинъ смлада знаменитый,
Ты еще подъ Шведомъ былъ
И на финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ — и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни жь, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далёкихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ пріемъ!
Упилися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы

Вамъ отеческой земли!
Много въ этотъ годъ кровавый,
Въ эту смертную борьбу,
У враговъ ты отнялъ славы,
Ты боецъ чернокудрявый,
Съ бѣлымъ локономъ на лбу!

Удальцовъ твоихъ налётомъ
Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь —
По лѣсамъ и по болотамъ,
Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
Сквозь огни и дымъ пожара,
Мчалъ врагамъ, съ твоей толпой
Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
Страхъ нежданнаго удара
И нещадный, дикій бой!

Лучезарна слава эта
И конца не будетъ ей;
Но такія жь многи лѣта
И поэзіи твоей:
Не умретъ твой стихъ могучій,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучій,
И воинственно-летучій,
И разгульно-удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира:
И любовь и тишину
Намъ поетъ златая лира,
Гордо пѣвшая войну —
И какъ прежде громогласенъ
Былъ ея воинскій ладъ:

Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
Полный нѣги и прохладъ.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КИРѢЕВСКОМУ.

Гдѣ бъ ни былъ ты, мой Петръ, ты долженъ знать, гдѣ я
Живу и движусь? Какъ поэзія моя,
Моя любезная, скучаетъ иль играетъ,
Бездѣйствуетъ иль нѣтъ, молчитъ иль распѣваетъ?
Ты долженъ знать, каковъ теперешній мой день:
По прежнему ль его одолѣваетъ лѣнь,
И вялъ онъ и сердитъ, влачащійся уныло?
Иль радостенъ и свѣжъ, блистаетъ бодрой силой,
Подобно жениху, идущему на бракъ?

Отпѣлъ я молодость и бросилъ кое-какъ
Потѣхи жизни той шумливой, беззаботной,
Удалой, вѣтренной, хмѣльной и быстролетной;
Богъ съ ними! Лучшаго теперь добился я:
Уединеннаго и мирнаго житья!
Передо мной моя наслѣдная картина:
Вотъ горы, подлѣ нихъ широкая долина
И рѣчка, садъ, пруды, поля, дорога, лѣсъ
И блѣдная лазурь отеческихъ небесъ!
Здѣсь благодатное убѣжище поэта
Отъ пошлости градской и треволненій свѣта!!

Моя поэзія — хвала и слава ей!
Когда-то гордая свободою своей,

Когда-то рѣзвая, гулявшая небрежно,
И загулявшаясь едва не безнадежно,
Теперь уже не та, теперь она тиха:
Не буйная мечта, не рѣзкій звонъ стиха
И незаносчивость и удаль выраженья
Ей нравятся, о нѣтъ! пиры и пѣснопѣнья,
Какія нѣкогда любила всей душой,
Теперь несносны ей, степенно-молодой,
И, жизнь спокойную гульбѣ предпочитая,
Смиренно-мудрая и дѣльно занятая,
Она готовится явить въ ученый свѣтъ
Не сотни двѣ стиховъ во славу юныхъ лѣтъ,
Произведеніе таланта мгновое,
Элегію, сонетъ, — а что-нибудь большое!
И то сказать: ужель судьбой присуждено
Ей весь свой вѣкъ хвалить и прославлять вино
И шалости любви нескромной? Два предмета,
Не спорю, милые; — да что въ нихъ?
Солнце лѣта,
Лучами ранними гоня ночную тѣнь,
Находитъ весело проснувшимся мой день,
Живу, со мною міръ великій, чуждый скуки,
Неистощимыя сокровища науки,
Запасы чистаго, привольнаго труда
И мыслей творческихъ, нетяжкихъ никогда!
Какъ сладостно душѣ свободно-одинокой
Героя своего обдумывать! Глубоко,
Рѣшительно въ него влюбленная, она
Цвѣтетъ, гордится имъ, имъ дышетъ, имъ полна;
Вездѣ ему черты родныя собираетъ;
Какъ нѣжно, пламенно, какъ искренно желаетъ,
Да выйдетъ онъ, ея любимецъ, предъ людей
Въ достоинствѣ своемъ и въ красотѣ своей,

Таковъ, какъ долженъ быть, онъ весь душой и тѣломъ
И ростомъ и лицомъ, — тотъ самый словомъ, дѣломъ,
Осанкой, поступью, и съ тѣмъ копьемъ въ рукѣ,
И въ томъже панцырѣ, и въ томъже шишакѣ!
Коротокъ мой обѣдъ; нехитрыхъ, сельскихъ брашенъ,
Здоровой прелестью мой скромный столъ украшенъ
И не качается отъ пьянаго вина;
Не долгъ, не спѣсивъ мой отдыхъ, тѣнь одна,
И тѣнь Стигійская, бывалой крѣпкой лѣни;
Я просыпаюся для тѣхъже упражненій,
Иль преданъ легкому раздумью и мечтамъ,
Гуляю наобумъ по доламъ и горамъ.
Но гдѣ же ты, мой Петръ, скажи? Уже ли снова
Оставилъ тишину родительскаго крова,
И снова на чужихъ, далекихъ берегахъ
Одинъ, у мыслящей Германіи въ гостяхъ,
Сидишь, препогруженъ своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спѣшишь въ Карлсбадъ здоровье освѣжать
Бездѣльемъ, воздухомъ, движеньемъ? Иль опять,
Своенародности подвижникъ просвѣщенный,
Съ ученымъ фонаремъ исторіи, смиренно
Ты древлерусскіе обходишь города,
Дѣятеленъ и милъ и одинакъ всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
Въ мои края и въ мой пріютъ благословенный?
Со мною ждутъ тебя свобода и покой,
Двѣ добродѣтели судьбы моей простой,
Уединеніе, лѣнивки пуховыя,
Халатъ, рабочій столъ и книги выписныя.
Ты здѣсь найдешь пруды, болота и лѣса,
Ружье и умнаго охотничьяго пса.

Здѣсь благодатное убѣжище поэта
Отъ пошлости градской и треволненій свѣта:
Мы будемъ чувствовать и мыслить и мечтать,
Былыя, свѣтлыя надежды пробуждать
И, обновленныя еще живѣй и краше,
Онѣ воспламенятъ воображенье наше,
И снова будетъ міръ плѣнительный готовъ
Для розысковъ твоихъ и для моихъ стиховъ.

МОЛИТВА.

Моей лампады одинокой
Не потушай свѣтило дня!
Пускай продлится сонъ глубокой
И ночь глухая вкругъ меня! —
Моей молитвенной лампады
При догорающемъ огнѣ,
Позволь еще забыться мнѣ,
Позволь еще вкусить отрады
Молиться Богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшеніе мое!

Да жизни мирной и надежной
Онъ дастъ ей счастье на землѣ:
И въ сердцѣ пламень безмятежный,
И ясность мысли на челѣ!
И дастъ ей вѣрнаго супруга,
Младаго, чистаго душой,

И съ нимъ семейственный покой
И въ немъ привѣтливаго друга;
И дастъ почтительныхъ дѣтей,
Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
И дочерей благочестивыхъ,
И веледушныхъ сыновей!

Но ты взошло. Сіяньемъ чистымъ
Ты озарило небеса,
И блещетъ пурпуромъ златистымъ
Ихъ величавая краса;
И воды пышно заструились,
Играя отблескомъ небесъ,
И свѣжихъ звуковъ полонъ лѣсъ;
Поля и холмы пробудились!
О! будь вся жизнь ея свѣтла
Какъ этотъ сводъ лазури ясной,
Высокій, тихій и прекрасной
Живая Господу хвала!

ДМИТРІЮ ПЕТРОВИЧУ ОЗНОБИШИНУ.

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ
Мой поэтъ и полиглотъ
Повѣряешь длинный счотъ?
Чать въ какой-нибудь пустынѣ,
На брегу безславныхъ водъ,
Гдѣ растительно живётъ
Человѣкъ, гдѣ и въ поминѣ
Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!

Или кони рѣзвоноги
Мчатъ тебя съ твоей судьбой,
Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной
По извилинамъ дороги
Нелюдимой и лѣсной?
Иль на отдыхъ миговой
Входишь ты подъ кровъ убогій
И гражданственность съ тобой?

Вотъ салфеткой иностранной
Столъ накрытъ. Блестятъ на немъ
Яркимъ златомъ и сребромъ
Чашки. Чай благоуханной
Льется свѣтлымъ янтарёмъ,
И сидишь ты за столомъ,
Утомленный и туманный,
Въ забытьи глухонѣмомъ!

Ночь прошла. Смотри: алѣетъ
Озарившійся востокъ!
Ты проснулся, путь далёкъ!
На лицо тебѣ ужь вѣетъ
Ранній утра холодокъ;
Скоро скачешь ты, и въ срокъ
На почтовый дворъ поспѣетъ
Мой дѣятельный ѣздокъ!

О! когда на жизнь иную
Промѣняешь ты, поэтъ,
Эту порчу юныхъ лѣтъ,
Эту сволочь дѣловую
Прозаическихъ суетъ?
Бога нашего тутъ нѣтъ!

Брось ее! Да золотую
Лиру вновь услышит свѣтъ!

КЪ ....

Вами нѣкогда плѣненный,
Въ упоеніи любви,
Приносилъ я вамъ смиренно
Пѣсни скромныя мои.
Я поэтъ вашъ неизмѣнный,
Я доселѣ помню васъ,
Ваши перси молодыя,
Ваши кудри шелковыя,
Помню прелесть вашихъ глазъ
Черныхъ, огненныхъ и жгучихъ,
И на розовыхъ устахъ
Стройность помысловъ могучихъ
Въ гармоническихъ стихахъ.
Вы тогда владѣли нами,
Пылкихъ юношей толпой;
Вы живыми ихъ сердцами,
Ихъ послушною судьбой,
Словно вѣрными рабами
Забавлялись наобумъ.
Сколько вамъ надеждъ прекрасныхъ,
Чистыхъ, свѣжихъ, сладострастныхъ,
Сколько смѣлыхъ, гордыхъ думъ
Непоэтомъ и поэтомъ
Посвящалось! Ихъ тогда
Всѣ равно холоднымъ свѣтомъ

Осыпала ихъ звѣзда!
О! примите-жь ненадменно
Мой теперешній привѣтъ,
Даръ души уединенной,
Пережившей свой разцвѣтъ,
Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольнаго житья
Полюбилъ я миръ широкой,
Гдѣ мой ангелъ свѣтлоокой
Дѣва-муза вся моя.
Неземныя наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будетъ мнѣ спасенья
Внѣ его и безъ нея!
Мы поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезъчуръ своей свободы
Упиваяся виномъ;
Таковы ужь отъ природы
Всѣ поэты. — Но куда
Намъ главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей
Чистой, ясной? Будь всегда
Вамъ хранима небесами
Эта жизни красота:
Передъ вами и за вами
Все иное суета!

СКАЗКА

О ПАСТУХѢ И ДИКОМЪ ВЕПРѢ.

(ДМ. НИК. СВЕРБЕЕВУ).

Дай напишу я сказку! Нынче мода
На этотъ родъ поэзіи у насъ.
И грѣхъ ли взять у своего народа
Полузабытый, небольшой разсказъ?
Не льзя ль его немного поисправить
И сдѣлать ловкимъ, милымъ, какъ-нибудь
Обстричь, переодѣть, переобуть
И на Парнасъ торжественно поставить?
Грѣхъ не великъ, да не великъ и трудъ!
Но вѣдь поэтъ быть долженъ человѣкомъ
Несвоенравнымъ, чтобъ не рознить съ вѣкомъ:
Онъ такъ же пой, какъ прочіе поютъ!
Не то его накажутъ справедливо:
Подобно сфинксу вѣкъ пожретъ его;
Зачѣмъ, дискать, безпутникъ горделивый,
Не разгадалъ онъ духа моего! —
И вѣчное, тяжелое забвенье....
Уфъ! не хочу! скорѣе соглашусь
Не пить вина, въ которомъ вдохновенье,
И не влюбляться, — я хочу, чтобъ Русь,
Святая Русь мои стихи читала
И сберегла на много, много лѣтъ;
Чтобы сама исторія сказала,
Что я презнаменитѣйшій поэтъ.

Какую жь сказку? Выберу смиренно
Не изъ такихъ, гдѣ грозная вражда

Царей и царствъ и громъ и крикъ военный,
И рушатся престолы, города·
Возьму попроще, гдѣ бъ я беззаботно
Предаться могъ фантазіи моей,
И было бъ намъ спокойно и вольготно,
Какъ соловью въ тѣни густыхъ вѣтвей. —
Ну, милая! гуляй же, будь какъ дома,
Свободна будь, не бойся никого;
Отъ критики не будетъ намъ погрома:
Народность ей пріятнѣе всего! —
Когда-то мы недурно воспѣвали
Прелестницъ, дружбу, молодость; давно
Тѣ дни прошли; но въ этомъ нѣтъ печали,
И это насъ тревожить не должно.
Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія: не такъ ли?
Таковъ законъ природы. Мы найдемъ
Чтò пѣть намъ: силы наши не изсякли,
И право мы едва-ли упадемъ,
Какую бы ни выбрали дорогу; —
Робѣть не надо — главное не въ томъ,
Чтобъ знать себя — и бодро понѐмногу
Впередъ, впередъ! — Теперь же и начать.

Жилъ былъ король; преданіе забыло
Объ имени и прозвищѣ его;
Имѣлъ онъ дочь. Владѣніе же было
Лѣсистое у короля того.
Король былъ человѣкъ миролюбивый,
И долго жилъ въ своей глуши лѣсной
И весело, и тихо, и счастливо,
И былъ доволенъ этакой судьбой;
Но вотъ бѣда: невѣдомо откуда
Вдругъ проявился дикій вепрь, и сталъ

Шалить въ лѣсахъ и много дѣлалъ худа;
Проѣзжихъ и прохожихъ пожиралъ,
Безлюдѣли торговыя дороги;
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принялъ мѣры строги;
Но не было въ нихъ пользы ничего:
Вотще въ лѣсахъ зыкъ рога раздавался
И лаялъ песъ и бухало ружье:
Свирѣпый звѣрь, казалось, посмѣвался,
Придворнымъ ловчимъ, продолжалъ свое,
И наконецъ встревожилъ онъ ужасно
Все королевство; даже въ городахъ,
На площадяхъ, на улицахъ опасно;
Повсюду плачъ, уныніе и страхъ.
Вотъ, чтобъ окончить вепревы проказы,
И чтобъ людей осмѣлить на него,
Король послалъ окружные указы
Во всѣ мѣста владѣнья своего,
И объявилъ: что кто вепря погубитъ,
Тому счастливцу дастъ онъ дочь свою
Въ замужество — королевну Илію,
Кто-бъ ни былъ онъ, а зятя самъ полюбитъ,
Какъ сына. Королевна же была,
Какъ говорятъ поэты, диво міра:
Кровь съ молокомъ, румяна и бѣла,
У ней глаза — два свѣтлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело, какъ радость, груди молодыя
И полныя, и кудри золотыя,
И, сверхъ того, красавица умна,
Въ нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали, кто своей звѣздой,
Кто идеаломъ, дѣвой неземной,

Всѣ вообще прекрасной королевной.
Отецъ ее лелѣялъ и хранилъ,
И жениха ей выжидалъ такого
Царевича, красавца молодаго,
Чтобъ онъ ея вполнѣ достоинъ былъ.
Но королевству гибелью грозилъ
Ужасный вепрь, и мы уже читали
Указъ, какимъ въ своей большой печали
Король судьбу дочернину рѣшилъ.

Указъ его усердно принятъ былъ:
Со всѣхъ сторонъ стрѣлки и собачеи
Пустилися на дикаго вепря;
Яснѣетъ ли, темнѣетъ ли заря,
И днемъ и ночью хлопаютъ фузеи,
Собаки лаютъ, и рога ревутъ;
Ловцы кричатъ и свищутъ и храбрятся,
Крутятъ усы, атукаютъ, бранятся
И хвастаютъ и ерофеичъ пьютъ;
А нѣтъ имъ счастья. — Мѣсяцъ гарцовали
Въ отъѣзжемъ полѣ, здѣсь и тутъ и тамъ,
Луговъ и нивъ довольно потоптали
И разошлись угрюмо по домамъ . . .
Опохмѣляться. Вепрь не унимался.
Но вотъ судьба: шелъ по лѣсу пастухъ,
И невзначай съ тѣмъ звѣремъ повстрѣчался:
Сначала онъ весьма перепугался,
И побѣжалъ отъ звѣря во весь духъ;
Но вѣдь мой бѣгъ не то, что бѣгъ звѣриной.
Подумалъ онъ, и поскорѣе взлѣзъ
На дерево, которое вершиной
Кудрявою касалося небесъ —
И виноградъ пурпурными кистями

Зелены вѣтви пышно обвивалъ.
Озлился вепрь — и дерево клыками
Ну подрывать, и крѣпкій стволъ дрожалъ.
Пастухъ смутился: ежели подроетъ
Онъ дерево, что дѣлать мнѣ тогда? —
И пастуха мысль эта безпокоитъ:
Съ нимъ лишь топоръ, а съ топоромъ куда
Противъ вепря? Постой же. Ухитрился
Пастухъ, и началъ спѣлы вѣтви рвать,
И съ дерева на звѣря ихъ бросать,
И ждалъ, что будетъ? Что же? Соблазнился
Свирѣпый звѣрь — сталъ кушать виноградъ,
И столько онъ покушалъ винограду,
Что съ ногъ свалился, пьяный до упаду,
Да и заснулъ. — Пастухъ сердечно радъ,
И мигомъ онъ оправился отъ страха,
И съ дерева на землю соскочилъ,
Занесъ топоръ, и съ одного размаха
Онъ шеищу вепрю перерубилъ. —
И въ тотъже день онъ во дворецъ явился,
И притащилъ убитаго вепря
Съ собой. Король побѣдѣ удивился,
И пастуха ласкалъ, благодаря
За подвигъ. Съ нимъ раздѣлался правдиво,
Не отперся отъ слова своего,
И дочь свою онъ выдалъ за него;
И молодые зажили счастливо,
Старикъ былъ нѣженъ къ зятю своему
И королевство отказалъ ему.

Готова сказка! веселъ я, спокоенъ.
Иди же въ свѣтъ, любезная моя!
Я чувствую, что я теперь достоинъ

Его похвалъ, и что безсмертенъ я.
Я совершилъ не шуточное дѣло,
Покуда и довольно. Я могу
Поотдохнуть и полѣниться смѣло,
И на Парнасѣ долго ни гу-гу!

ЖАРЪ-ПТИЦА.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА).

I.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ И МИНИСТРЪ ЕГО.

(*Министръ держитъ блюдо съ яблоками*).

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Вотъ яблоки, такъ яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшіе плоды
На всей землѣ, единственные. Чудо!
Цвѣтъ, какъ янтарь иль золото. Какъ чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляетъ въ нихъ
Свои лучи. А вкусъ! не то что сахаръ,
Иль медъ, — гораздо тоньше, выше: онъ
Похожъ на ту разымчивую сладость,
Которая струится въ душу, если,
Прильнувъ устами къ розовымъ устамъ
Любовницы прелестно-молодой,
Закроешь взоръ — и тихо, тихо, тихо,
Изъ милыхъ устъ, въ себя впиваешь нѣгу:
То пламенный и звонкій поцѣлуй,
То медленный и томный вздохъ. Такъ точно.
(*Кушаетъ яблоко*).

Повѣришь ли? Что иногда бываетъ
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдругъ и позабудусь,
И полетятъ и полетятъ мечты!
И кровь во мнѣ играетъ: цѣлый часъ
Сижу недвижно съ яблокомъ въ рукѣ
И на него смотрю неравнодушно;
А самъ не ѣмъ вкуснѣйшаго плода!
Прекрасный плодъ! И мнѣ какая слава,
Какая слава подданнымъ моимъ,
Что у меня въ саду такая сладость
Ростетъ и зрѣетъ! Только у меня!
За то ужь, какъ я радуюсь, когда
Приходитъ лѣто и пора .... Однакожь
Мнѣ кажется — и вотъ уже дня съ два,
Какъ замѣчаю тоже, — прежде больше
Ты приносилъ мнѣ яблоковъ. Не такъ ли?
Вѣдь такъ?

МИНИСТРЪ.

Ихъ было больше, Государь!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ихъ было больше! Отъ чего жь теперь?...
Куда жь они дѣваются? Послушай:
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кромѣ царя, во всей моей державѣ
Не долженъ ѣсть ихъ, что никто никакъ
Не долженъ смѣть подумать, что онъ можетъ
Ихъ ѣсть. Такъ я постановилъ закономъ:
Куда жь ты ихъ дѣваешь? Говори ....

МИНИСТРЪ.

Прости меня, великій государь!
Я виноватъ ....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какой же ты министръ! ..
И хорошо ты служишь мнѣ, когда
Ты не радѣешь именно о томъ,
Что мнѣ всего милѣе!

МИНИСТРЪ.

Государь!
Сыздѣтства я привыкъ служить царю.
Всегда, вездѣ: подъ черной ризой ночи
И при дневномъ сіяніи небесъ,
Въ блистательныхъ чертогахъ богача
И въ сумрачной лачугѣ селянина,
На сходбищѣ народномъ и въ глуши,
Всегда, вездѣ умѣлъ я царску волю
Рѣшительно и грозно совершать
Во всѣхъ ея оттѣнкахъ и видахъ;
И службою моею не гнушались
Мои цари великіе. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудрый Зензивей,
Дѣдъ твоего величества, всегда
Мнѣ жаловалъ знатнѣйшіе чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андронъ
Не отвергалъ совѣтовъ . . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Знаю, знаю!
Да не объ томъ я спрашивалъ тебя:
Я не люблю рѣчей окольныхъ, длинныхъ;
Мнѣ говори и коротко и прямо,
А въ сторону отъ дѣла не виляй.

МИНИСТРЪ.

Я виноватъ, что не дерзнулъ доселѣ
Открыть тебѣ великую бѣду,
Тяжелое общественное горе:
Въ твой царскій садъ повадилась Жаръ-Птица,
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ кажду ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Поймать Жаръ-Птицу! Что это за птица?

МИНИСТРЪ.

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталю
Восточному, а перья золотыя,
И блещутъ ярко....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Все-таки поймать!

МИНИСТРЪ.

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на дѣлѣ.
Твои рабы усердные, Жаръ-Птицу
Ужь мы давнымъ давно подстерегаемъ!
Устроены засады, караулы
И оклики; отрядъ дружины царской
Дозоромъ ходитъ; наконецъ я самъ
Не разъ уже ходилъ ее ловить,
И все напрасно!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Стало-быть она
Огромная, изъ рода рѣдкихъ птицъ
Временъ предъисторическихъ.

МИНИСТРЪ.

Она
Величиной съ большаго пѣтуха,
Иль много что съ павлина. Но у ней
Глаза и перья блещутъ и горятъ
Невыносимо-ярко. Лишь она
Усядется на яблони, и вдругъ
Раскинетъ свой великолѣпный хвостъ:
Онъ закипитъ лучами, словно солнце;
Тогда въ саду не ночь, а чудный день.
И такъ свѣтло, что ничего не видно!
А между-тѣмъ все это отъ нея жь,
И тишина, такая тишина
И нѣжная и сладкая, что самый
Крѣпчайшій сторожъ соблазнится: ляжетъ.
На дернъ, кулакъ подложитъ подъ високъ.
Заснетъ и спитъ до поздняго обѣда!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Такъ какъ же быть? Диковинная птица!
Зови сюда Царевичей! Они
Помогутъ мнѣ подумать, разсудить,
Что дѣлать намъ. (*Министръ уходитъ*).

II.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (*одинъ*).

Что дѣлать съ этой птицей?
Таковъ вопросъ! (*ходитъ по комнатѣ*) ужасно я встревоженъ!

А говорятъ, что царствовать легко!
Согласенъ я: оно легко, покуда
Нѣтъ важныхъ дѣлъ, но лишь пришли они,
Такъ не легко, а нестерпимо-трудно!
Вотъ, напримѣръ, теперешнее наше!
Хоть самаго Сократа посади
На мой престолъ; по случаю Жаръ-Птицы
И самъ Сократъ задумается: какъ
Поймать ее, когда ни какъ нельзя
Поймать ее? Да надобно признаться:
Есть на землѣ пречудныя дѣла,
Столь хитрыя, мудреныя, что въ нихъ
Разумнѣйшій, великій человѣкъ,
Ну человѣкъ такой, чтобы природа
Могла сказать объ немъ: вотъ человѣкъ! —
И глупъ и малъ, какъ мой послѣдній рабъ.

III.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ЦАРЕВИЧИ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Любезные царевичи мои!
Въ нашъ царскій садъ повадилась Жаръ-Птица
И яблоки завѣтныя воруетъ
И прилетаетъ кажду ночь. Такъ я
Хочу теперь подумать вмѣстѣ съ вами,
Что дѣлать съ ней? А такъ ее оставить
Нельзя: она дотла опустошитъ
Нашъ садъ. Да мнѣ царю и неприлично
Давать себя въ обиду всякой дряни!
Скажите же, царевичи мои,
Какъ поступить мнѣ съ нею? Ты сначала
Подай совѣтъ, мой старшій сынъ Димитрій!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что надобно сперва
Навѣрное развѣдать, чья она;
Потомъ посла къ тому царю отправить
Сказать ему, что ваша-де Жаръ-Птица
Повадилась летать въ нашъ царскій садъ,
И яблоки воруетъ дорогія:
Такъ мы по дружбѣ съ вами просимъ васъ
Унять ту птицу; мы-де не желаемъ,
Чтобъ вѣчный миръ, который ....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты, Василій?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю такъ точно, слово въ слово,
Какъ говоритъ мой старшій братъ: сперва
Навѣрное развѣдать, чья она,
Потомъ посла ....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А ты, Иванъ Царевичъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что нечего тутъ думать!
Поймать ее — и въ шляпѣ дѣло!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какъ же
Поймать ее? Вотъ въ томъ-то и задача!
Давно объ ней хлопочутъ: караулъ,
Засада, часть дружины, вообще
Противъ нея ловительныя мѣры
Ужь приняты, но всѣ напрасно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что же,
Намъ прикажи: мы, сыновья твои,
Тебя мы любимъ больше, чѣмъ твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочія ловительныя мѣры,
Авось поймаемъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Да и въ самомъ дѣлѣ!
Совѣтъ разумный! Я съ тобой согласенъ,
Иванъ Царевичь! Знаю это слово:
Авось! авось! О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто въ немъ одномъ
Заключены великія дѣла
И вѣчная блистательная слава!
Такъ точно ель, что крѣпкими корнями
Ухватится за землю, и подъ тѣнь
Раскидистыхъ, густыхъ своихъ вѣтвей
Укроетъ долъ, и гордою вершиной
Уйдетъ въ лазурь небесную, таится
Въ одномъ летучемъ сѣмячкѣ!... Авось
Удастся вамъ, царевичи мои!
Поймать Жаръ-Птицу. Безполезно мѣшкать
Въ такихъ дѣлахъ. Я вамъ повелѣваю,
Вамъ всѣмъ троимъ, царевичи, ходите
Въ нашъ царскій садъ, по брату кажду ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрій,
Потомъ Василій, наконецъ Иванъ..
Иванъ царевичъ, подойди ко мнѣ,
Дай мнѣ тебя разцѣловать, мой милый,
Любимый сынъ: ты освѣжилъ меня
Своимъ совѣтомъ. Весело мнѣ видѣть,

Что у тебя отважная душа.
Рости, мой сынъ, ты будешь богатырь!

IV.

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРІЙ и ВАСИЛІЙ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты правду мнѣ сказалъ, любезный братъ,
Намъ не видать ее. Не нашимъ силамъ
Устаивать противъ такого сна,
Къ которому во время караула
Такъ и влечетъ и клонитъ человѣка,
Шелковый лугъ, весенняя прохлада
И тишина заповѣднаго сада,
И сладкая, безмѣсячная ночь.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Волшебный сонъ! лишь только я усѣлся
Подъ яблонью и бодро началъ думать,
Какъ не заснуть мнѣ въ эту ночь: меня
Вдругъ обняла, откуда ни возмись,
Такая лѣнь, рѣшительно и сладко,
Какъ рѣзвая прелестница, что я
Почти упалъ, и право ужь не помню,
Какъ я заснулъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это ничего!
Вѣдь батюшка увѣренъ, что Жаръ-Птица
Не прилетала обѣ эти ночи;
Но вотъ загадка: какъ намъ быть, когда
Иванъ Царевичъ....

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты мнѣ страненъ, братъ;
Куда ему! и онъ проспитъ, какъ мы!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ очень счастливъ. И теперь уже
Его зовутъ любимымъ сыномъ. Мы же . . . .

V.

ТѢЖЕ и ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мнѣ право жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Васъ не вппю, да какъ васъ и винить?
Не прилетала: нечего и дѣлать!
Гдѣ взять ее? Посмотримъ что-то скажетъ
Иванъ Царевичъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Можетъ-быть ему
И удалось ее увидѣть . . . .

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да,
Оно не трудно, если прилетала.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И близъ него свѣтилася, какъ солнце.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Что пользы въ этомъ, ежели она
И прилетала? Онъ еще такъ молодъ;
Онъ не съумѣетъ справиться съ такой
Чудесной птицей. Вѣрно оробѣетъ
И ничего не сдѣлаетъ . . . . Да вотъ онъ!

А, здравствуй, мой Иванъ Царевичъ! какъ
Ты ночь провелъ? Что это у тебя?

VI.

ТѢЖЕ и ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Перо Жаръ-Птицы.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Что ты, въ самомъ дѣлѣ?
Возможно ли!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не поймалъ ея!
Пресильная, пребѣшанная птица!
Одно перо осталось у меня.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А какъ его досталъ ты?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Очень просто:
Я взлѣзъ на яблонь, и въ густыхъ вѣтвяхъ
Подъ самою верхушкой притаился,
Сижу и жду, что будетъ? Ночь тиха,
Безмѣсячна, во всемъ саду ни листикъ
Не шевельнется; я на яблонѣ сижу.
Вдругъ вижу, что-то на краю небесъ,
Какъ звѣздочки, заискрилось; гляжу
Въ ту сторону; оно ростетъ и будто
Летитъ, и въ самомъ дѣлѣ вѣдь летитъ! —
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И къ яблонѣ — и листья зашумѣли;

Однакожь я ничуть не оробѣлъ.
Сидитъ Жаръ-Птица, — знаю .... да какъ гаркну —
И хвать ее обѣими руками!
Она рванулась, вырвалась и мигомъ
Ушла изъ глазъ — въ далекій небосклонъ;
А у меня въ рукѣ перо осталось.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (*разсматривая перо*).

Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Какъ тяжело! знать цѣльно-золотое!
Какъ тонко, нѣжно, гибко, что за цвѣтъ!
Прекрасное, рѣдчайшее перо!
Хоть на шеломъ Рогеру! Слава Богу!
Любезные царевичи, я радъ,
Сердечно радъ жаръ-птицыну перу!
Теперь я ожилъ: я почти увѣренъ,
Что не уйдетъ она отъ нашихъ рукъ.
По прежнему ходите караулить,
И съ нынѣшней же ночи. Я надѣюсь,
Что ты Димитрій .... Ну, Иванъ Царевичъ!
А я грѣшилъ: я думалъ ты .... анъ нѣтъ!
Ты, какъ герой, ничуть не испугался —
И дѣйствовалъ благоразумно. Славно!
(*Цѣлуетъ Ивана Царевича*).
Мой милый сынъ! Поди, мой другъ, къ себѣ
И отдохни! А ты, Димитрій, снова
Приготовляйся къ караулу. Я
Хочу подумать, какъ мнѣ самый лучшій,
Приличный ящикъ сдѣлать, иль ковчегъ
Для этого чудеснаго пера,
Изящно-драгоцѣнный! Позови (*Василью*)
Сюда ко мнѣ дворцовыхъ столяровъ
И рѣзчиковъ: я дожидаюсь ихъ!

VII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ЦАРЕВИЧИ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

И такъ Жаръ-Птица вовсе перестала
Летать къ намъ въ садъ, и все у насъ въ порядкѣ,
Спокойно, тихо, яблоки ростутъ,
Красуются и зрѣютъ безобидно,
И вообще судьба ко мнѣ добра,
Мила со мной, любезна: все какъ было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мнѣ хочется? Вчера
Послѣ обѣда сдѣлалась со мной
Безсонница . . . и не спалъ я, и думалъ
О томъ, о семъ, и кое-что обдумалъ;
Потомъ я сталъ мечтать, мои мечты, —
Въ безсонницу онѣ празднолюбивы, —
Мои мечты пестрѣлись и кипѣли,
Какъ ярмарка — и вдругъ одна изъ нихъ,
Какъ юношу красавица, нежданно
Блеснувшая въ народной толкотнѣ,
Одна изъ нихъ меня очаровала,
И ей одной я предался вполнѣ,
Какъ юноша довѣрчиво и страстно:
Мнѣ хочется, царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу непремѣнно. Ею
Умножу блескъ престола моего,
И на землѣ далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вамъ,
Что награжу весьма великодушно
Того изъ васъ, кто мнѣ ее доставитъ:
Отдамъ ему полцарства моего.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не нужно мнѣ полцарства твоего! —
А просто, такъ, изъ удали . . . я радъ
Хоть сей же часъ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Молчи, Иванъ Царевичъ!
Съ тобой я буду послѣ говорить.
Вы старшіе царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
Съ которыми, какъ съ лучшими друзьями,
Такъ счастливо привыкъ я раздѣлять
И сладкіе и горькіе плоды
Верховной власти! Я васъ знаю: вы
Для подвиговъ блестящихъ и высокихъ
Созрѣли; вы учились языкамъ,
Всемірную исторію читали;
Вы бойки нравомъ, тверды, какъ желѣзо,
И вспыльчивы, какъ порохъ, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоимъ вамъ, Димитрій и Василій,
Я предлагаю чрезвычайный трудъ,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Гдѣ бъ ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мнѣ. Я спрашиваю васъ,
Согласны ли вы ѣхать въ дальній путь,
Богъ вѣсть куда и въ чьи края?

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Мы рады,
Хоть сей же часъ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я это зналъ, друзья;
Предвидѣлъ я, что будетъ вашъ отвѣтъ
Рѣшителенъ, спартански смѣлъ и кратокъ.
Вы рады, вы готовы сей же часъ,
Богъ вѣсть куда! Такъ человѣкъ, въ которомъ
И мудрая природа и наука
Окончили свое святое дѣло
Развитія божественной души,
Радошенъ, бодръ и свѣтелъ, онъ идетъ
Въ безвѣстный путь на подвигъ многотрудный.
Благодарю васъ, милые мои
Царевичи, сберитесь поскорѣе,
Порыцарски — да тотчасъ и въ дорогу
Подъ утреннимъ сіяніемъ небесъ,
При вѣяньи прохладнаго зефира.
Теперь же вы примите мой совѣтъ,
Отеческій, напутный. Ахъ, друзья,
Что наша жизнь? Она всегда виситъ
На волоскѣ, чуть держится, — тѣмъ паче,
Когда опасность . . . . будьте осторожны.
Друзья мои, старайтесь невездѣ
Храбриться иль отважничать. Берите
Терпѣніемъ, снаровкою, гдѣ можно.
И хитростью. Обдумывайте строго
Свой каждый шагъ заранѣ, а потомъ
И дѣйствуйте, надѣясь на судьбу;
Не мѣшкайте въ дорогѣ, особливо
Въ гостинницахъ, въ трактирахъ. Нѣжныхъ связей
Съ гулливыми красавицами, братства
Съ фиглярами, съ бродяжными жидами,
Съ цыганами, гудочниками — бойтесь;

Игорныхъ же бесѣдъ и академій,
И сволочи распивочныхъ домовъ,
Пожалуйста, бѣгите, какъ чумы;
Велите ваши сабли наточить,
Какъ можно лучше. Я же вамъ даю,
На всякой случай, пару самострѣловъ
Новѣйшаго устройства: въ три минуты
Бьютъ 52 раза прямо въ цѣль,
Прехитрые!.. возмите по коню
Съ моей конюшни, ты Кизляръ-Агу,
Ты Мустафу, а ты, Василій, — Негра!
(*Димитрій и Василій Царевичи уходятъ*).

VIII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой другъ, Иванъ Царевичъ! Ты со мной
Останься, мой милый сынъ, отцу
Единственной утѣхой и отрадой.
Ты молодъ: ты не силенъ перенесть
Опасности и всякія невзгоды
Далекаго и труднаго пути.
Тебѣ со мной не будетъ скучно. Я
Отдамъ тебѣ особенную часть
Правленія, которая полегче...
Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь....
Да что же ты задумался и плачешь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! Прости мнѣ эти слезы!
Могу ли я не плакать? Мнѣ досадно,
Что ты меня оставилъ одного

Въ презрѣніи. Я чѣмъ же хуже братьевъ?
За что же имъ широкая дорога
Добыть себѣ геройскихъ, свѣтлыхъ дѣлъ?
А я сиди прикованный къ столу....
Позволь и мнѣ отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Никакъ нельзя, мой милый сынъ: ты молодъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, молодъ я — вотъ вся моя вина!
Я младшій братъ, но развѣ у меня
Глаза не блещутъ, сердце не играетъ.
И кровь кипитъ не бурно, и рука
Не пламенно хватается за мечъ,
При имени опасности и славы?
Нѣтъ! Душно мнѣ въ чертогахъ безопасныхъ,
Невыносимо-горько: я хочу,
Не этой жизни медленной, не этой
Работы вялой, смирной, я хочу
Душѣ разгулу, сердцу впечатлѣній,
Необычайныхъ, рѣзкихъ, роковыхъ!
О! понимаю, страстно понимаю,
Что говоритъ мнѣ кровь моя!....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Помилуй!
Что ты, мой сынъ! ты вышелъ изъ себя!
Ты весь дрожишь, пылаешь; вижу я.
Самъ вижу я, куда тебя влечетъ
Младой души лирическій порывъ.
Но выслушай, что я тебѣ скажу:
Не хочешь ты заняться, такъ сказать,
Словесностью, бумагами; не любишь

Смиреннаго, сидячаго труда
И письменныхъ обдумываній; я
Найду тебѣ работу поживѣе:
Вотъ хочешь ли, я поручу тебѣ
Верховное смотрѣніе за всѣмъ;
Ты будешь ѣздить, будешь замѣчать.
Гдѣ что и какъ; ты будешь въ хлопотахъ,
Въ движеніи, ты станешь мнѣ изустно
Докладывать . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это не по мнѣ!
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А я одинъ останусь, милый сынъ!
Самъ посуди, я человѣкъ и смертенъ.
И я же старъ, и немощенъ, и хилъ:
Что ежели скончаюся въ то время,
Какъ нѣтъ изъ васъ ниодного при мнѣ?
Кто сбережетъ общественный порядокъ,
Нашъ царскій тронъ, казну? Ты знаешь чернь!
Она всегда глупа и легковѣрна,
Особенно въ рѣшительные дни:
Какой-нибудь отважный пустозвонъ
Разскажетъ ей безсмысленную сказку.
Въ набатъ ударитъ, кликнетъ кличъ: толпа
Взволнуется кровавой суматохой,
И дикая, неистовая хлынетъ
Мятежничать. Несчастная страна
Наполнится усобицей, враждой
И всякою республикой, бѣдами
И гибелью. Тогда сосѣды наши,
Какъ воронъ крови, ждущіе раздора

Въ чужомъ народѣ, ото всѣхъ сторонъ,
Голодные и хищные, сберутся
Терзать мое наслѣдіе. Тогда
Что будетъ съ вами, сыновья мои?
Гдѣ вы себѣ пристанище найдете?
Такъ, я страшусь грядущаго! Предвижу
Несчастія . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вольно тебѣ страшиться,
Царь-батюшка! Еще ты, слава Богу,
Не дряхлый старецъ; немощи твои
Не велики и часто не замѣтны;
Ты свѣжъ и бодръ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣтъ, то ли я былъ прежде!
Ахъ, молодость, зачѣмъ она прошла!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нельзя, мой сынъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не я ль тебѣ досталъ
Ея перо? а братья что поймали?
За что же я останусь? Сдѣлай милость,
Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
Пусти меня: я знаю, что достану
И привезу тебѣ Жаръ-Птицу; знаю
И чувствую, что привезу навѣрно . . . .
Я очень счастливъ, я ее поймаю.
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣтъ, не могу....

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ я умру съ тоски,
Сойду съ ума! Въ мечту объ ней такъ сильно,
Такъ пламенно влюбился я! Объ ней
Всегда, вездѣ, во снѣ и на яву
И думаю и брежу день и ночь.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Вотъ то-то же, любезный сынъ, ты слишкомъ
Горячъ, способенъ чрезвычайно скоро
Въ мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нерѣдко видимъ....

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ хорошо, какъ весело намъ будетъ!
Мы для нея на самомъ видномъ мѣстѣ
Построимъ домъ, какихъ не много въ мірѣ:
Пространныя, высокія палаты,
Съ зеркальными окошками, съ крыльцомъ,
Украшеннымъ столбами въ два ряда;
А въ высотѣ, надъ пышною столбницей
Заблещутъ въ яркихъ, золотыхъ лучахъ,
Огромные, сочинены прекрасно,
Щиты: большая, бронзовая повѣсть
Чудеснаго ловленія Жаръ-Птицы,
И съ надписью: да знаетъ несомнѣнно
Всемірная исторія, что ты,
Въ такой-то годъ правленья твоего
Соорудилъ такія-то палаты;
Когда жь онѣ совсѣмъ готовы будутъ....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я думаю, что можно ихъ поставить
Въ саду, среди лужайки, за прудомъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы сдѣлаемъ великолѣпный праздникъ,
Пиръ на весь міръ. Народу отовсюду
Тьма тьмущая, безоблачное небо,
День дышащій прохладою весны;
Ужь будетъ праздникъ! Звонъ колоколовъ
Всѣхъ колоколенъ, мы въ единый гулъ
Торжественный, какъ въ колоколъ единый,
Огромнѣйшій, гудящій громогласно,
Сольемъ — и надъ ликующимъ народомъ
Его подымемъ въ небѣ голубомъ!
Велимъ палить изъ пушекъ безъ умолку
И потчивать безчисленныхъ гостей
Обѣдомъ, яствами сахарными, медами,
Виномъ и пивомъ, вдоволь, до упаду;
А вечеромъ — музыка роговая,
Катанье, пляски, пѣсни, хороводы,
И блескъ и трескъ потѣшнаго огня!
Пусти меня отыскивать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (*подумавъ*).

Жаль мнѣ съ тобой разстаться, милый сынъ,
А надобно: иначе мы другъ съ другомъ
Никакъ не сладимъ. Ты горячъ и пылокъ!
Ну такъ и быть, ужь поѣзжай и ты!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что слышу я, царь-батюшка! Я ѣду,
Я отыщу Жаръ-Птицу непремѣнно,

И привезу ее тебѣ живую!
Царь-батюшка, прощай же, я не долго....
Не стану медлить, я готовъ въ дорогу.
Сейчасъ же ѣду! Скоро мнѣ коня!

(*уходитъ*).

IX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*въ лѣсу, ѣдетъ верхомъ*).

Не весело мнѣ ѣхать! Этотъ лѣсъ
Большой, дремучій, мрачный и, какъ видно,
Принадлежащій царству тишины,
Несносно-скученъ! Ѣду третьи сутки,
И много уже проѣхалъ, а ни съ кѣмъ
Не встрѣтился и ничего не видѣлъ
Кромѣ лѣсной дороги да небесъ,
Протянутыхъ, какъ лента голубая,
Высоко, въ даль за мной и предо мной.
Какая глушь! Здѣсь мертвое молчанье
И непробудный сонъ: въ тиши лѣсной
Не свиснетъ птичка, лѣшій не аукнетъ:
Лишь изрѣдка скакунъ мой удалой
Встряхнетъ своей нахмурой головой,
И забренчитъ опущенной уздой,
Или въ кремень стальнымъ копытомъ стукнетъ.
И ты, мой конь, задумался... грустишь?
Не унывай, товарищъ! не всегда же
Поѣдемъ мы такимъ дремучимъ лѣсомъ!
Бодрѣе будь! надѣйся несомнѣнно:
Куда-нибудь насъ выведетъ дорога,
Куда-нибудь выходитъ же она!
Мой добрый конь! повесели меня!
Разбудимъ лѣсъ громоподобнымъ стукомъ

Твоихъ копытъ, укоротимъ дорогу
Твоимъ широкимъ скокомъ! Ну, мой конь,
Неси меня, порадуй господина,
И рѣзвымъ вѣтромъ бѣга твоего
Отвѣй тоску отъ головы его! (*скачетъ*).
Вотъ этакъ лучше! Вотъ ужь и поляна!
И три дороги на три стороны,
И столбъ стоитъ, и на столбѣ слова.
Посмотримъ, что имѣетъ онъ сказать! (*читаетъ*).

«Ежели кто поѣдетъ отъ сего столба прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто же поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его убитъ; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здоровъ будетъ».

Куда жь мнѣ ѣхать? Прямо отъ столба?
Я нелюблю, я вовсе не способенъ
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мнѣ коня! Да и себя мнѣ жаль:
Идти пѣшкомъ .... умаешься, устанешь!
Потомъ лежи и отдыхай, потомъ
Опять иди и снова отдыхай.
Нѣтъ, это скучно, мѣшкатно; а я
Сказалъ отцу, что скоро ворочусь
Съ Жаръ-Птицею, я долженъ торопиться.
Куда жь мнѣ ѣхать? Развѣ ужь налѣво,
Чтобы меня убили ... а мой конь,
Мой вѣрный, добрый конь, надежный мой товарищъ,
Остался бы покинутымъ подъ верхъ
Разбойнику? Нѣтъ, этого не будетъ.
Нѣтъ! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчествъ никакихъ,
Не вѣрю имъ, я знаю, врутъ они.

X.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*въ лѣсу сидитъ*).

Чтобъ у тебя всегда болѣли зубы,
Проклятый волкъ! Ты самый хищный звѣрь!
Чѣмъ я тебя обидѣлъ, огорчилъ,
Что ты зарѣзалъ моего коня,
Товарища и друга моего?
Чѣмъ виноватъ онъ? Голоденъ ты что ли?
И малъ тебѣ пространный этотъ лѣсъ
Ловить твою несчастную добычу?
Нѣтъ! такъ ужь ты и жаденъ и свирѣпъ!
Мой добрый конь! какъ тѣшилъ онъ меня!!
И не за то ль озлился на него
Ты, лютый звѣрь, что на твоей дорогѣ
Такъ весело и смѣло онъ скакалъ
И громко топалъ бурными ногами,
Что растревожилъ самого тебя
И все твое зеленое жилище?
Какъ я усталъ! А долго ли я шелъ,
И много ли прошелъ я? То ли было....
Ахъ, добрый конь мой, что я безъ тебя?
Проклятый волкъ! осиротилъ меня.

XI.

(*Изъ лѣсу выходитъ сѣрый волкъ*)

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Прости меня, Иванъ Царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что ты?
Прочь отъ меня, разбойникъ! прочь поди!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Мнѣ жаль тебя, Иванъ Царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Поздно
Ты обо мнѣ жалѣешь.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Право жаль.
И знаешь ли? Вѣдь я почти невиненъ,
Что твоего коня я растерзалъ:
Я только былъ орудіемъ судьбы
И дѣйствовалъ невольно, исполняя
Ея законъ, жестоко-непреложный.
Ты помнишь, что̀ предсказывалъ тебѣ
Дорожный столбъ? Ты выбиралъ дорогу,
Но будь спокоенъ: я тебѣ слуга,
Хочу помочь твоей большой бѣдѣ,
И помогу: садись-ко на меня,
И поѣзжай на мнѣ куда угодно,
Какъ на конѣ, на самомъ удаломъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй, я отъ этого не прочь,
Чѣмъ мнѣ пѣшкомъ тащиться. Хорошо!
Будь мнѣ конемъ. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло:
Меня послалъ царь-батюшка достать
И привезти ему Жаръ-Птицу: такъ вези
Меня туда, въ то царство, понимаешь?
(*Садится верхомъ на волка*).
Ну! я совсѣмъ! Неспсь во весь опоръ,
Мой сѣрый конь, мохнатый мой скакунъ!

XII.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Пріѣхали! Слѣзай съ меня, мой витязь!
Вотъ черезъ эту каменную стѣну
Переберись; а тамъ въ саду Жаръ-Птица.
Давно ужь ночь, уснули сторожа;
Иди себѣ, не бойся ихъ ни мало:
Они обыкновенно крѣпче спятъ,
Чѣмъ прочія хранительныя власти.
Да вотъ тебѣ совѣтъ мой: ты Жаръ-Птицу
Бери смѣлѣй, во снѣ она смирна,
И вынь ее изъ клѣтки золотой,
И унеси; а клѣтку золотую
Оставь, какъ есть, не тронь ее, она
Съ механикой, со штукой, отъ нея
Звончатыя, чувствительныя струны
Проведены къ дворцовымъ карауламъ;
Онѣ какъ разъ подымутъ шумъ и крикъ,
Тогда тебѣ не миновать бѣды!

XIII.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ и СКАЗОЧНИКЪ.

(*Царь Долматъ лежитъ на кровати, передъ нимъ на полу сидитъ сказочникъ*).

СКАЗОЧНИКЪ.

Былъ чудный царь, великій безпримѣрно;
Задумалъ онъ народъ свой просвѣтить,
Народъ привыкшій въ захолустьи жить,
Почти безкнижный, очень суевѣрный
И закоснѣлый въ рабствѣ. Какъ съ нимъ быть?
Царь былъ премудръ и началъ онъ сначала:

Сталъ самаго себя онъ просвѣщать —
И благодать Господня возсіяла
Ему, наукъ живая благодать.
Но этого казалось недовольно
Тому царю, единому въ царяхъ:
Оставилъ онъ вѣнецъ и градъ престольной,
Пошелъ узнать въ далекихъ сторонахъ
Все нужное для своего народа;
И все узналъ онъ собственнымъ трудомъ,
И ко своимъ пришелъ, равно знакомъ
Съ вожденьемъ царствъ и звѣзднымъ чертежомъ,
Съ порядкомъ битвъ и стрѣлкой морехода,
Съ ножомъ врача, съ киркой и долотомъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Вотъ хорошо! Люблю такія сказки,
Спокойныя, гдѣ творческій талантъ
Ведетъ меня къ назначенной метѣ
Прямымъ путемъ; и мнѣ тогда легко:
Я слѣдую за нимъ, не утомляясь,
Бровей не хмуря, думаю подробно
О всемъ, что мнѣ разсказываютъ; ясно
Соображаю, какъ и въ чемъ тутъ дѣло,
И сказка вся съ начала до конца
Передо мной ложится на виду.
И любо мнѣ и сладко, что я понялъ
Всѣ хитрости, которыя талантъ
Употребилъ въ ней, свойственно своей
Возвышенной природѣ создавать
Умно. Межъ-тѣмъ часы едва замѣтно
Идутъ, идутъ, и благотворный сонъ
Мои зѣницы тихо закрываетъ,
И долго, долго въ самой сладкой нѣгѣ

Меня лелѣетъ. Поутру проснусь
Здоровъ и свѣтелъ. Тутъ-то я доволенъ,
Что слушалъ сказку; тутъ-то я вполнѣ
И чувствую и вижу на себѣ,
Какъ нужны и пріятны человѣку
Словесныя искуства и талантъ,
Развившійся въ порядкѣ. Продолжай!
Нѣтъ, погоди! Я слышу .... Такъ, звонятъ!
И крикъ и шумъ, неужели пожаръ?
Охъ! Я боюсь пожара, какъ огня!

XIV.

ТѢЖЕ и СТРАЖА СЪ ИВАНОМЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Что за тревога? Что за крикъ и шумъ?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Все слава Богу! поймали вора
Въ твоемъ саду: хотѣлъ унесть Жаръ-Птицу.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Сковать его, въ тюрьму его скорѣе!
Судить его шемякинскимъ судомъ! ....
Ко мнѣ его сію жь минуту! ....
(***Вводятъ Ивана Царевича***).

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Вотъ онъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Кто ты таковъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я сынъ царя Выслава,
Иванъ Царевичъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Сынъ царя Выслава....
Андроновича что-ли?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Точно такъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Послушай, другъ мой, какъ тебѣ не стыдно
Птицъ воровать! Твое ли это дѣло?
Вѣдь ты царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не виноватъ....
Меня послалъ царь-батюшка поймать
И привезти ему Жаръ-Птицу; намъ
Она премного сдѣлала вреда:
Изволила повадиться въ нашъ садъ
По яблоки завѣтныя, и яблонь
Испортила, хоть брось.... Меня послалъ
Царь-батюшка....

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Такъ развѣ ты не могъ
Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросилъ бы:
Тогда бы я, принявъ въ соображенье,
Что твой отецъ извѣстный государь,
Что ты Иванъ Царевичъ, сынъ его,
Рѣшился бы по милости моей

Тебѣ отдать, пожаловать Жаръ-Птицу.
Ты поступилъ иначе. Что жь ты взялъ?
Тебя жь поймали, привели на судъ
Передъ царя, и что царю угодно,
Тому и быть съ тобою! Я бы могъ
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкій твой поступокъ; я бы могъ
Провозгласить торжественно и громко
Во всѣхъ газетахъ, что такой-то
Иванъ Царевичъ, сынъ царя Выслава,
Воруетъ птицъ и пойманъ, уличенъ
И прочее; я могъ бы сверхъ того
Еще нанять, положимъ хоть десятокъ,
Ученыхъ и безсовѣстныхъ мужей,
Чтобы они особенныя книги
Писали и печатали вездѣ
О томъ, что ты не годенъ никуда:
Тебя разсмотрятъ, разберутъ, обсудятъ,
Опишутъ съ головы до ногъ, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будетъ
Разглашено отъ Кяхты до Багдада,
Отъ Колы до Помпеева столба!
Потомъ изъ тѣхъ газетъ и книгъ, мой милый,
Ты перейдешь въ пословицу, а тамъ
Того и жди, что именемъ твоимъ
Бранчивыя старухи на торгу
Кидать въ мальчишекъ станутъ, словно грязью:
Но я не строгъ, я пощажу тебя
За то, что ты извѣстной царской крови,
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирѣпыми усами
И бородой, а мягкимъ, нѣжнымъ пухомъ;

Я пощажу тебя, Иванъ Царевичъ,
Когда ты мнѣ дашь слово, что ты мнѣ
Сослужишь службу; я прощу тебя
И сверхъ-того отдамъ тебѣ Жаръ-Птицу,
И ты со мной разстанешься, какъ съ другомъ,
И выѣдешь изъ царства моего
Въ большомъ почетѣ, какъ высокій гость,
Какъ сынъ царя, съ которымъ я желаю
Вести пріязнь и дружбу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.
Какая жь это служба?

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Вотъ какая:
Есть царь Афронъ, и у царя Афрона
Есть превосходный, златогривый конь;
Такъ ты достань мнѣ этого коня;
А не достанешь: нѣтъ тебѣ пощады!
Согласенъ ты на это?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

И слово мнѣ даешь, что непремѣнно
Добудешь златогриваго коня,
И мнѣ его отдашь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Даю и слово.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Итакъ прощай же, будь здоровъ и дѣйствуй,
Ты молодецъ. Прощай Иванъ Царевичъ!

(*Иванъ Царевичъ уходитъ*).

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Досказывай же сказку: спать пора!

СКАЗОЧНИКЪ.

Царь былъ великъ: такъ нечему дивиться,
Что многіе не поняли его
И вздумали за старое вступиться,
За глушь непросвѣщенья своего,
И заговоръ составили кровавый
Противъ царя, который, какъ отецъ,
Смирялъ строптивость грубыхъ ихъ сердецъ,
Открылъ для нихъ дорогу свѣтлой славы
И цѣлый міръ возвышенныхъ трудовъ
Для ихъ ума, любившаго дотолѣ
Бездѣйствіе, сидѣніе въ неволѣ,
Завѣщанной отъ ихъ же праотцевъ, —
И заговоръ составили кровавый....
Но царь другой, тотъ, коего законъ
Выводитъ день и ночь на небосклонъ,
Хранитъ небесъ порядокъ величавый,
Кто далъ намъ жизнь и душу сотворилъ, —
Тотъ... подвиги и мысли свѣтозарны
Великаго царя благословилъ....
И замыселъ неудался коварный:
А между-тѣмъ..........

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ.

Прекрасная и нравственная сказка!

(*Сказочнику*).

Мнѣ кажется тутъ можно перервать
Разсказъ: тутъ, вѣрно, будетъ переходъ
Къ чему-нибудь дальнѣйшему. Довольно!
Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV.

ТРАКТИРЪ.

ХОЗЯЙКА и ДВОЕ ГОСТЕЙ.

(*Хозяйка сидитъ у окна за книгой*).

ГОСТИ (*перестаютъ играть въ карты*).

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Уфъ, я усталъ, я не могу играть!
Сегодня полно! — Битыхъ семь часовъ
Мы не вставали съ мѣста — это слишкомъ!
И вѣчно я проигрываю! Точно,
Мнѣ на роду написано погибнуть
Отъ рукъ твоихъ, любезнѣйшій!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Сегодня
Тебѣ несчастіе: какъ же быть, мой другъ!
День на день не приходится. Фортуна
Непостоянна, вѣтренна. Ты помнишь,
Какъ я тебѣ проигрывалъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да, помню,
И есть чѣмъ хвастать! Это капля въ морѣ
Въ сравненіи съ моими векселями.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вольно жь тебѣ играть на векселя!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А гдѣ мнѣ взять наличныхъ, если нѣтъ ихъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Извѣстно гдѣ: имѣнье заложи!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Заложено.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Продай его.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Задаромъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дамъ тебѣ не дешево. Скажи,
Почемъ ты просишь за душу? Рѣшайся:
На чистоганъ игра повеселѣе.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да чище ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ты шутишь очень мило.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не шучу.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ну, вотъ ужь и надулся!
Какъ будто самъ ты новичокъ въ игрѣ,
Какъ будто я сегодня въ первый разъ
Игралъ съ тобою. Мы давно знакомы,
Мой другъ, — ты самъ не ангелъ чистоты
По этой части; перестань сердиться.
Сыграемся хоть завтра же.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Прибавь
Сегодняшній мой проигрышъ къ тому,
Что у тебя записано за мною.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(*Записываетъ и показываетъ ему книжку*)

Смотри же самъ. Такъ, кажется?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Такъ точно (*встаетъ*).
Какъ я усталъ, и голова болитъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(*Встаетъ и подходитъ къ хозяйкѣ, припѣвая*)

Конченъ конченъ дальній путь.
Вижу край родимый!
Сладко будетъ отдохнуть
Мнѣ съ подругой милой.

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нея глаза
Чудесные, румянецъ самый свѣжій,
Приманчивый, что славно управляетъ
Она своимъ трактиромъ, знаетъ свѣтъ,
Всегда одѣта чисто, новомодно,
И сверхъ-того добра, литературна,
Читала всѣ новѣйшіе романы.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не хочу тебѣ противорѣчить,
Хоть и могъ бы; я и самъ люблю
Прелестную, живую Кунигунду,
И чувствую, что я имѣю честь

Принадлежать къ числу людей, къ которымъ
Она весьма нѣжна и благосклонна.
Я не хочу, а могъ бы доказать,
Что красота ея непостоянна,
Что поутру она совсѣмъ не то,
Что вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Неправда!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я сужу
По собственнымъ моимъ соображеніямъ:
Ей по утрамъ не должно бы казаться
Своимъ гостямъ; она бы несравненно
Сильнѣе волновала нашу кровь.
Она у насъ вечерняя звѣзда,
А по утрамъ ей лучше бъ не всходить
На горизонтъ: тогда у ней лицо
Не хорошо . . . болѣзненнаго цвѣта,
Не весело и даже какъ-то жестко
На взглядъ, не сладко; вялые глаза
Не свѣтятся, оттѣнены жестоко
Лазурными дугами; грудь болитъ,
И шаткая и вялая походка.
А вечеромъ смотри: какая прелесть!
Плѣнительна, какъ молодость, бѣла,
Румяна, какъ бѣлила и румяна,
И всякаго готова соблазнить.

ХОЗЯЙКА.

Вы очень глупы, и всегда равно
И поутру и вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Онъ проигрался, и сердитъ на всѣхъ:
Не обижайся! Это не надолго!
(*входитъ еще гость*).
А, здравствуйте! — Я васъ давно искалъ,
Желалъ васъ видѣть....

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Поздравляю васъ
Съ находкою и вмѣстѣ съ исполненіемъ
Желанія!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какъ шла у васъ игра?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Что новаго?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Въ газетахъ ничего.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А въ письмахъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Въ письмахъ тоже, что въ газетахъ!
Однакожъ есть и новость: говорятъ,
Что будутъ къ намъ, на этой же недѣлѣ,
И проживутъ у насъ до бѣлыхъ мухъ,
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денегъ не жалѣютъ;
А странствуютъ incognito: одинъ
Подъ именемъ Мельмота, а другой
Подъ именемъ втораго Казановы!

Они любезны, милы, мастерски
Танцуютъ, любятъ веселиться,
Играютъ въ вистъ и по большой.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

А въ банкъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Объ этомъ я не знаю; но конечно
И въ банкъ играютъ; ѣздятъ же они,
Какъ слышно, для ученыхъ розысканій
О птицахъ. Впрочемъ это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разнымъ государствамъ
И городамъ, чтобъ деньги разсорить,
А между-тѣмъ время провести
Съ пріятностью не въ сидячей жизни.
(*Подходитъ къ Кунигундѣ*)
Я радуюсь, что вижу васъ опять
Здоровыми по прежнему. Я слышалъ
Отъ вашего дворецкаго, что вы
Больны не въ шутку — вѣрно простудились.
Позвольте вамъ замѣтить: вы себя
Не бережете....

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Я согласенъ съ вами,
Что ей бы не мѣшало обходиться
Съ своимъ здоровьемъ нѣсколько скромнѣе, —
Хоть ради насъ.

ХОЗЯЙКА.

Я не была больна.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*Къ 1-му, смотря на часы*).

Для васъ же лучше. — Не пора ли намъ
На балъ, теперь давно десятый часъ!

ДИМИТРІЙ и ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ (*входятъ*).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанскаго и трубку табаку!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанскаго! (*Садится*) Пора намъ отдохнуть —
Жаръ, вѣтеръ, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкій перевозъ,
Гора крутая . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Смѣю ли спросить:
Вы только-что пріѣхали?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно:
Несносная, смертельная ѣзда!
Особенно гдѣ гати . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Ваша правда.
У насъ дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Изъ Дувра.
Мы ѣздили по западу Европы;
Мы странствуемъ, — пріѣхали и къ вамъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какая цѣль поѣздокъ вашихъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все,
Особенно же птицы. Намъ бы нужно
Найдти одну рѣдчайшую .... Да здѣсь
Едва ли есть такія птицы: здѣсь
Климатъ холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

У насъ
Нѣтъ рѣдкихъ птицъ, индѣйки, гуси, галки ....

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Дрозды, сороки, воробьи ....

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Грачи ....

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Тетерева и прочія простыя ....

(Приносятъ вино и бокалы).

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (*наливая*).

Угодно вамъ шампанскаго?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Позвольте
Поздравить васъ съ пріѣздомъ!

(Къ первому и второму)

Господа!
Васъ просятъ пить шампанское!

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ГОСТИ (*Пьютъ*).

Съ пріѣздомъ!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вино не дурно. Здѣшняя хозяйка
Извѣстна тѣмъ, что погребъ у нея
Отличнѣйшій — всѣ вины вышисныя!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И тѣмъ еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовутъ ее.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасное вино!

ХОЗЯЙКА.

Я никогда не подаю дряннаго:
Пошлюсь на всѣхъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

А знаете ли вы,
Любезная, какимъ изъ вашихъ винъ
Вы можете похвастать?

ХОЗЯЙКА.

Я не знаю:
Всѣ хороши!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какое лучше всѣхъ?

ХОЗЯЙКА.

Ей-ей не знаю. Я не пью вина.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

А я такъ знаю! — Это вашъ рейнвейнъ,
Такой рейнвейнъ, что этакого мало
И за границей. Вотъ такъ ужь вино!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Подать рейнвейну!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И зеленыхъ рюмокъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Скажите мнѣ, здѣсь весело живутъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Порядочно: умѣютъ ѣсть и пить:
Съѣзжаются на балы, на обѣды;
Есть много ловкихъ молодыхъ людей,
И здѣшнихъ и пріѣзжихъ; есть игра
Вистъ, экарте, направо и налѣво....

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это мило. Стало-быть, у васъ
Гражданственность довольно развита!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Такъ, въ городахъ, которые побольше,
А въ маленькихъ не очень; да нельзя
И требовать, чтобы такъ скоро; впрочемъ
И тамъ уже замѣтенъ шагъ впередъ:
И тамъ уже трефоль и ерофеичъ
Успѣшно вытѣсняются мадерой,
Полушампанскимъ, ромомъ; три листа
И горка — вистикомъ и банчикомъ; и тоже
Бываютъ танцы....

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Есть у васъ театръ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Театра нѣтъ. За то къ намъ пріѣзжаютъ
Заморскіе фигляры, прыгуны
И оптики. (*Приносятъ вино*). Вотъ рейнвейнъ! (*Смотритъ на бутылку*) Тотъ самый
(*Пьютъ*).
Не правда ли, отличное вино?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, хорошо, хотя и молодое!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Къ намъ не доходитъ старое вино.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А молодое здѣсь не долговѣчно.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Да, можно похвалиться, что у насъ
Пьютъ сильно.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

У меня до васъ
Покорнѣйшая просьба.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Говорите,
Я очень радъ....

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вотъ вмѣстѣ съ нами, — я ручаюсь вамъ,
Что балъ прекрасный, — я васъ познакомлю

Съ хозяиномъ; онъ добрый старичокъ
И хлѣбосолъ, и мастеръ угостить;
Жена его любезна, молода.
Поѣдемте! Тамъ весело, тамъ будетъ
Весь городъ; вы увидите всѣхъ нашихъ
Красавицъ, — есть премилыя, — рѣшайтесь!
Всѣ васъ полюбятъ, примутъ, какъ родныхъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Намъ надобно съ дороги отдохнуть.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы послѣ отдохнете — и съ дороги
И съ балу разомъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я почти согласенъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И я согласенъ. Ѣдемъ, такъ и быть.
Но пойдемъ переодѣться. Кунигунда!
Намъ комнату! . . . .

(Димитрій Царевичъ и Василій Царевичъ уходятъ).

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Не слишкомъ наряжайтесь.
Всѣ знаютъ, что вы прямо изъ коляски.
Пріятное знакомство . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Мнѣ они
Понравились, — особенно вотъ этотъ,
Что потчивалъ шампанскимъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Молодцы!
Какъ вѣжливы, какое обхожденье,
Привѣтливость и ловкость!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какъ умны,
Учены, добры, милы!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не жеманны;
Я полюбилъ ихъ, только-что они
Вошли.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Я также, и тотчасъ узналъ,
Что это люди перваго разбора.
Вѣдь хорошо я сдѣлалъ....

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Что на балъ
Уговорилъ ихъ? очень хорошо!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Мнѣ хочется, чтобы они у насъ
Какъ можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди.
Богатые; ихъ надобно ласкать.
Умѣть цѣнить ихъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Это мы съумѣемъ!
Лишь только бъ намъ ихъ заманить въ игру;
Сначала помаленьку и прохладно;
А тамъ знай нашихъ!....

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Мы гостеприимны.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Не должно врать . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Ты самъ остерегайся!
Ты по вранью здѣсь первый человѣкъ!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, извините — вы себя забыли!
Какая скромность!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Что вы, господа!
Вы не поссорьтесь! Чу! они идутъ.
(*Димитрій Царевичъ и Василій Царевичъ приходятъ*).

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*подаетъ имъ шляпы*).

Вотъ ваши шляпы! Мы на балъ пріѣдемъ,
Какъ слѣдуетъ, не рано и не поздно.
(*Всѣ уходятъ*).

XVI.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ (*одинъ*).

Мнѣ нравится мой витязь! Онъ красавецъ,
Смѣлъ, добродушенъ, жизненная сила
Въ немъ весело играетъ и кипитъ,
Въ немъ лишь одно неловко, не похвально
И мнѣ прискорбно: онъ мои совѣты
Позабываетъ въ самое то время,

Какъ долженъ ихъ исполнить. Молодъ онъ,
Неостороженъ; а бѣда какъ тутъ.
Но это я прощаю. Человѣкъ
Всегда таковъ, покуда самъ собой
Не испыталъ и послѣ не обдумалъ
Всѣхъ случаевъ опасныхъ и несчастныхъ,
Которые возможны, поколику
Они возможны. Я того и жду,
Что онъ опять забудетъ мой наказъ:
Онъ соблазнится золотой уздой,
Возметъ ее и сдѣлаетъ тревогу!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прости меня, мой добрый Сѣрый волкъ!
Я виноватъ, опять въ просакъ попался.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Вотъ молодость! Она воображаетъ,
Что ей довольно всюду и всегда
Одной своей незрѣлой головы.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я со стѣны спрыгнулъ благополучно,
Все было тихо, на дворѣ широкомъ
Покоился крѣпчайшій караулъ
Въ объятіяхъ весенняго Морфея;
Я шелъ, твердя въ умѣ твои слова:
Не брать узды! Не брать узды! и этакъ
Добрался до конюшни, и въ нее
Вошелъ, взглянулъ: а на стѣнѣ узда!
Я и теперь еще не понимаю,
Какъ я тогда смѣшался, я забылъ

И твой приказъ . . . и самого себя, —
Вся въ дорогихъ каменьяхъ, въ жемчугахъ
И золотая, отъ нея лучи! —
Я протянулъ къ ней руки и лишь началъ
Снимать ее съ высокаго гвоздя —
Вдругъ звонъ и крикъ, и страшная тревога!
Меня схватили молодца, и прямо
На судъ, какъ разъ передъ царя Афрона;
Царь вспыхнулъ, расходился, и меня
Сердитыми вопросами осыпалъ.
Я отвѣчалъ ему чистосердечно,
Кто я таковъ, и для чего зашелъ
Въ его конюшню. Онъ хоть и смягчился;
Но ужь мылъ-мылъ мнѣ голову! Потомъ
Исторія похожая на ту,
Что у меня была съ царемъ Долматомъ:
И царь Афронъ даруетъ мнѣ прощенье,
Отдастъ мнѣ златогриваго коня,
Когда ему я службу сослужу;
Вотъ видишь ты, въ чемъ дѣло: онъ влюбленъ,
И горячо, рѣшительно влюбленъ
Въ какую-то прекрасную Елену;
Онъ самъ принадлежитъ ей и желаетъ,
Чтобъ и она ему принадлежала,
Желаетъ страстно, жаждетъ и кипитъ!
Такъ я взялся, далъ рыцарское слово
Достать ему предметъ его любви.
Не знаешь ли, мой добрый Сѣрый волкъ,
Скажи ты мнѣ, что это за Елена?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Верхъ совершенства, чудо красоты,
Любезности и вообще всего,

Что зажигаетъ въ сердцѣ молодомъ
Огонь любви прекрасной и живой.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Эге, ге, ге!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ну, мой Иванъ Царевичъ!
Я потружусь, я сослужу тебѣ
Большую службу, я тебѣ достану
Прекрасную Елену; а тебѣ
Ее похитить самому нельзя,
Повѣрь ты мнѣ. Садись-ка на меня,
Поѣдемъ мы въ то царство. Я тебя
Оставлю на дорогѣ одного
Во чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ.
Тамъ жди меня, я скоро ворочусь
Съ прекрасною Еленой, и тебѣ
Отдамъ ее руками.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!
А мнѣ было хотѣлось самому....
Да все равно, я на тебя надѣюсь
И буду ждать. (*Садится верхомъ на волка*).
Пошелъ же поскорѣе!

XVII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*Подъ зеленымъ дубомъ*).

Свѣтла, чиста небесная лазурь;
Прохладенъ воздухъ, долы и холмы
Цвѣтутъ; стрекочетъ подмуравный міръ;
Журчатъ ручьи и свищетъ соловей.

Прекрасный день! люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годинъ,
Своею нѣгой, свѣжестью своей
Ты оживляешь душу, подымаешь
Въ ней легкія и страстныя мечты
И помыслы, и весело они
Играютъ и летаютъ надъ землей
Въ благоуханномъ воздухѣ твоемъ
Подъ сводомъ неба ясно-голубымъ!
        А что со мною будетъ, если волкъ
Меня обманетъ, убѣжитъ домой,
А я останусь пѣшъ и одинокъ....
Здѣсь, подъ зеленымъ дубомъ? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь ужь третьи сутки
Кончаются съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня
Покинулъ здѣсь. О нѣтъ! Онъ добрый малой,
Смѣлъ и проворенъ, служитъ мнѣ охотой,
Достанетъ онъ прекрасную Елену.
Верхъ совершенства! Стало-быть она
Весьма громка своею красотой,
Когда извѣстна и въ глуши лѣсной!
Я буду волку вѣчно благодаренъ
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь къ царю Афрону,
Отдамъ ему прекрасную Елену;
Возьму золотогриваго коня;
Потомъ отдамъ коня царю Долмату,
И получу желанную Жаръ-Птицу,
И съ этою блистательной добычей
Домой, домой, и прямо во дворецъ,
И батюшку на старости утѣшу!

XVIII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ и СѢРЫЙ ВОЛКЪ СЪ ЕЛЕНОЙ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ Царевичъ, принимай руками
Прекрасную Елену, вотъ она!
(*Кладетъ ее на лугъ, она въ безпамятствѣ*).
Она дорогой чувства потеряла,
Она чуть дышетъ, не глядитъ, чрезмѣрно
Испугана, потрясена ужасно;
Я такъ незапно выхватилъ ее
Изъ тишины отеческаго сада,
Изъ круга милыхъ, молодыхъ подругъ,
Прислужницъ, нянекъ, мамокъ, и такъ быстро
Скакалъ съ моею ношей дорогой,
Боясь погони и поимки, что она,
Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ,
Имѣла право обмереть со страху
И задохнуться на моей спинѣ;
А впрочемъ я берегъ ее, слегка
Придерживалъ зубами, чтобъ никакъ
Не уязвить чувствительнаго тѣла.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*смотритъ на Елену*).

Жестокъ ты, волкъ!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Небось: она очнется,
Дай только ей немножко отдохнуть.
И подлинно, прекрасная Елена!
(*смотря на нее*).
Чудесный, безподобный идеалъ!
Изящное сліяніе живыхъ

Подробностей, оттѣнковъ и частей
И сладостныхъ округлостей съ живой
И сладостною мыслію всего
Созданія въ одно очарованье!
Иванъ Царевичъ, посмотри сюда!
Какъ живописно съ этого чела
Прелестнаго упали эти кудри,
Волнистыя и мягкія, какъ шолкъ,
И черныя, какъ воронъ-птица ночи,
На бѣлизну и ясность молодую
Ея лица, на полноту грудей,
Высокихъ, пышныхъ, царственныхъ грудей!
Что за рѣсницы! Длинныя, густыя.
Глаза у ней! Ахъ, мой Иванъ Царевичъ,
Я видѣлъ ихъ, я видѣлъ этотъ рай
Живительныхъ желаній и томленій,
Восторговъ, нѣгъ, отрадъ, самозабвеній,
Разнообразный, полный рай любви!
Глаза у ней большіе, голубые,
И свѣтятся они такимъ огнемъ
И жгучимъ и умильнымъ, что я самъ . . .
Я, сѣрый волкъ . . . . Прекрасная Елена!
Откройте ваши глазки, посмотрите:
Здѣсь не обидятъ вашей красоты,
Не бойтесь!

ЕЛЕНА (*смотритъ кругомъ себя*),

Что сдѣлалось со мною? Гдѣ я? . . . .

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Худаго съ вами ничего; а гдѣ вы?
На это я могу вамъ отвѣчать
Лишь то, что вы находитесь теперь

За тридевять земель оттуда, гдѣ
Вы были дома.

ЕЛЕНА.

Я несчастная.... Куда
Меня.... Такъ точно, все это не сонъ,
Меня разбойники украли, я умру....

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь насъ! Такіе ли бываютъ
Разбойники? Вотъ этотъ человѣкъ,
Вотъ этотъ витязь, посмотрите: онъ
Ни живъ, ни мертвъ, стоитъ, какъ полоненый,
Глаза потупилъ, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулися, вы... чудо красоты!
И онъ увидѣлъ ваши голубые
Глаза, и въ васъ влюбился всей душой.
А я, кто я? Я добрый, сѣрый волкъ
И нахожуся въ должности коня,
А иногда и въ должности посланца
У витязя, который передъ вами!
Я сѣрый волкъ и звѣрь, а не разбойникъ.

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же я похищена?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

На это
Отвѣтитъ вамъ мой витязь. Вы не бойтесь!
Иванъ Царевичъ тихъ и благонравенъ,
Застѣнчивъ даже; отвѣчай скорѣе,
Иванъ Царевичъ, не робѣй, мой витязь!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Меня послалъ Царь-батюшка поймать....
Достать ему чудесную Жаръ-Птицу....
И привезти....

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Прекрасная Елена!
Не будьте строги, улыбнитесь! Что вамъ
Одна улыбка! (*Елена улыбается*) Вотъ давно бы такъ!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты какъ знаешь, что такое медъ?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Признаться, по наслышкѣ. У меня
Былъ нѣкогда пріятель задушевный,
Медвѣдь, Кузьма Иванычъ, мой землякъ;
Окончивъ курсъ ученія въ Сморгонской
Гимназіи, онъ вышелъ изъ нея,
И странствовалъ съ повадыремъ, и много
Земель различныхъ видѣлъ, потѣшая
Людскую праздность пляскою своей;
Потомъ въ лѣса родные возвратился,
Сорвавшись съ цѣпи: такъ онъ говорилъ.
Онъ возвратился, правда, старикомъ,
Измученнымъ, беззубымъ; но за то
Преопытнымъ и мудрымъ, какъ Улисъ.
Такъ отъ него-то много я узналъ
О медѣ и о свѣтѣ вообще.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались въ ту минуту,
Какъ сѣрый волкъ похитилъ васъ изъ саду.

ЕЛЕНА.

Смертельно испугалась.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мнѣ досадно,
Мнѣ больно, что усердный мой слуга
Такъ быстро мчалъ васъ; впрочемъ онъ боялся
Погони и поимки, торопился
Скорѣй ко мнѣ.

ЕЛЕНА.

Прошу васъ мнѣ сказать,
Зачѣмъ меня такъ неучтиво, странно
Похитили?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена!
Я васъ не зналъ, я полагалъ, что вы
Красавица, какихъ и я довольно
Видалъ; бывало: взглянешь на нее
И вспыхнешь и пробудятся въ тебѣ
Волненія, восторги и мечты
Тѣлесныя и ровно ничего
Духовнаго: живѣе сердце, кровь
Живѣе . . . . Ахъ, прекрасная Елена!
Ахъ, вы не то, нѣть, я увидѣлъ васъ
Спокойно, равнодушно; я хотѣлъ
Полюбоваться вами, посмотрѣть
Красавицу, которую такъ славятъ
Вездѣ и всѣ, а не влюбляться въ васъ.
И долго, долго я на васъ глядѣлъ
Безстрастно и свободно; но потомъ,
Лишь только вы очнулися, и взгляды
Мои впилися въ ваши: я не знаю,

Что сдѣлалось со мной! Затрепеталъ
Я трепетомъ нечувственнымъ; во мнѣ
Творилось что-то новое; мнѣ было
И радостно, и страшно, и легко;
Я полонъ сталъ невыразимой нѣги,
Сладчайшей и высокой; полонъ сталъ
Невыразимой силы, тишины
И ясности блаженства неземнаго!
Казалось мнѣ, что бытіе мое
Не прежнее, что въ бытіе иное
Перенесенъ я, въ дивный, чистый міръ
Гармоніи и свѣта! Я люблю!
Я васъ люблю, прекрасная Елена,
Люблю васъ каждымъ помысломъ души
И каждымъ чувствомъ сердца васъ люблю;
Все, чѣмъ живу и движусь, чѣмъ я мыслю,
Желаю, вѣрю и надѣюсь, все,
Все это — ваше; вы мой свѣтлый рай,
Моя звѣзда, мое предназначенье;
Вы мнѣ отвѣтъ на роковой вопросъ:
Быть иль не быть? Прекрасная Елена!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ Царевичъ! не пора ль тебѣ,
Къ царю Афрону вымѣнить коня?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Поди ты прочь съ твоимъ царемъ Афрономъ!
Ты видишь: мнѣ теперь не до него!
Оставь меня!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ты сердишься, Юпитеръ....

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! я далъ слово
Царю Афрону васъ ему доставить:
Вотъ для чего похищены вы были,
Вотъ этимъ волкомъ. Этотъ царь Афронъ
Вашъ давній, постоянный обожатель;
Скажите мнѣ, желаете ли вы
Къ царю Афрону?

ЕЛЕНА.

Я его не знаю....
Онъ сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ! Не велите мнѣ васъ отдавать
Царю Афрону: онъ васъ не пойметъ,
Я лучше.... Онъ не силенъ такъ любить,
Какъ я люблю васъ. Вы владѣйте мною:
Я васъ введу въ отеческій мой домъ,
Къ царю Выславу; онъ благословитъ
Мою любовь, я буду счастливъ вами,
Я буду вамъ повиноваться; буду
Всѣ ваши мысли, всѣ слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Привѣтливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тѣмъ, что я вашъ. Прекрасная Елена!
Согласны вы?

ЕЛЕНА.

Я плѣнница, я жертва
Безпечности придворныхъ сторожей....
О, будь со мной, что надобно судьбѣ!

Я ей во всемъ смиренно отдалась;
Я не ропщу, я не могу желать
Къ царю Афрону ....

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я васъ поздравляю,
Прекрасная Елена, съ женихомъ
Достойнымъ васъ по крови, по душѣ,
По сердцу, лѣтамъ, ростомъ и лицомъ!
Иванъ Царевичъ, что же ты молчишь?
Счастливѣйшій изъ смертныхъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!
Чѣмъ я могу тебя благодарить?
Я совершенно счастливъ! Это солнце
Любви мое; оно всѣ дни мои
Освѣтитъ ясно тихими лучами,
Согрѣетъ нѣжно сладкой теплотой,
И дивною красою изукраситъ,
И жизнію прелестной оживитъ.
Теперь домой! Послушай, милый волкъ!
Тебѣ не будетъ тяжело везти
Обоихъ насъ? Вези насъ легкой рысью!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Нѣтъ, мой Иванъ Царевичъ, погоди:
Ты позабылъ, что надобно тебѣ
Добыть Жаръ-Птицу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ ее добудешь?
Отдать мою прекрасную Елену
Царю Афрону! Не отдамъ никакъ,

Ни за табунъ коней золотогривыхъ,
И ни за что на свѣтѣ не могу,
Да, не могу!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

А рыцарское слово?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*задумывается*).

Что ты сказалъ? Ахъ, правду ты сказалъ!
Да я несчастный, вотъ моя судьба!
Я полюбилъ . . . глубоко, вдохновенно,
На весь мой вѣкъ прекрасную Елену . . . .
И съ ней разстаться! и ее отдать! . . . .
Я самъ умру! Мнѣ легче умереть,
Чѣмъ одному скитаться по землѣ!

(*Плачетъ*).

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Не плачь, Иванъ Царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, мой добрый волкъ;
Какъ мнѣ не плакать? Слезы льются сами;
Мнѣ тяжело, смертельно тяжело . . .
Я гибну . . . я лишусь моей Елены!

ЕЛЕНА (*плачетъ*).

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ужь развѣ мнѣ вступиться въ ваше дѣло,
Прекрасная Елена?

ЕЛЕНА.

Добрый волкъ!
Спаси его, спаси обоихъ насъ!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я вамъ слуга, прекрасная Елена:
Спасу я васъ обоихъ, — успокойтесь!
Садитесь-ка на сѣраго слугу!
Я повезу васъ самой нѣжной рысью,
Прохладно и сохранно въ государство
Царя Афрона; тамъ, Иванъ Царевичъ,
Найдемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу поляну,
И въ той полянѣ мы одну оставимъ
Прекрасную Елену не надолго.
Я обернусь прекрасною Еленой,
И ты отдашь меня царю Афрону,
И на своемъ конѣ золотогривомъ
Туда пріѣдешь; я же у него
Останусь погостить, повеселиться
Не болѣе трехъ сутокъ, убѣгу,
И снова къ вамъ явлюся вамъ служить.

XIX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА и СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

(*Въ лѣсу*).

ЕЛЕНА.

Любезный волкъ! я буду вѣчно помнить,
Чѣмъ я тебѣ обязана, ты спасъ
Обоихъ насъ: благодарю тебя!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

И есть за что, прекрасная Елена!
Ахъ, если бы вы видѣли, какъ я
Васъ представлялъ передъ царемъ Афрономъ!
Комедія! Когда Иванъ Царевичъ
Покончилъ съ нимъ дѣла свои, и вышелъ

Изъ комнаты, гдѣ приняты мы были
Блистательно и радостно и имъ
Самимъ и ловкой, пестрою толпой
Золотошвейныхъ царедворцевъ; царь
Махнулъ рукой, и я осталась съ нимъ
Наединѣ. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть;
Я сѣла на диванъ подъ балдахиномъ,
Задумчиво склонилась головой
Къ высокой спинкѣ, очи и уста
Полузакрыла томнымъ выраженьемъ
Плѣнительной усталости, а руки
На бархатныхъ подушкахъ разметала;
Во всей во мнѣ была видна печаль,
Но тихая и нѣжная печаль,
Подобная тѣмъ тонкимъ и прозрачнымъ,
И мимолетнымъ вешнимъ облакамъ,
Которыми скрываетъ иногда,
Какъ бѣлой дымкой, пурпуры свои,
Свой пышный блескъ веселая денница.
Онъ преспокойно сѣлъ противъ меня,
И занимался долго созерцаньемъ
Моей всесовершенной красоты,
Безпрестанно взглядами своими,
Смиренными и сладкими, на мнѣ
И медленно и мягко разсыпаясь.
Я видѣла, что я ему мила,
И что ему легко и хорошо.
Потомъ сказалъ: прекрасная Елена!
Простите мнѣ любовь мою; она,
Отверженная . . . . такъ неутомимо
Гнела мнѣ сердце, такъ немилосердо
Томила душу, такъ несносно-душнымъ
Мнѣ сдѣлала путь жизни, что я впалъ

Въ уныніе, въ оцѣпенѣнье чувствъ,
Въ разладъ идей; я сталъ угрюмъ, какъ ночь
Октябрская ненастная, ослабъ
Душой и тѣломъ; только и желалъ
Что умереть, — и наконецъ рѣшился!
Но вдругъ случилось! . . . . Тутъ онъ разсказалъ
Исторію, какъ ты, Иванъ Царевичъ,
Къ нему пришелъ, и какъ ты обѣщалъ
Достать ему предметъ его любви
Въ обмѣнъ на златогриваго коня.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, царь Афронъ — не промахъ: онъ хотѣлъ
Взять за коня прекрасную Елену!
Положимъ, что и дорогъ этотъ конь:
Онъ златогривый . . . все-таки онъ лошадь!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Онъ говорилъ мнѣ объ высокихъ чувствахъ,
Которыя возобновились въ немъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи ему сіяю,
Его кумиръ, звѣзда и небеса!
И говорилъ онъ многословно, жарко,
Игрой души влюбленный чрезъ край,
И пѣной удалыхъ словокруженій
Кипѣла и блистала рѣчь его.
Я слушала и слушала, и вдругъ
Мнѣ захотѣлось позабыться сномъ —
И я зѣвнула; онъ замѣтилъ это,
И замолчалъ и потихоньку вышелъ,
На цыпочкахъ, не смѣя и дохнуть.

ЕЛЕНА.

Онъ очень милъ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Какъ всякій человѣкъ
Въ присутствіи красавицы, точь-въ-точь
Такой, какъ вы, прекрасная Елена.
Я позабылась самымъ крѣпкимъ сномъ,
И долго имъ покоилась и встала,
Пробуждена горячимъ поцѣлуемъ
Полдневнаго сіянія небесъ.
Тотчасъ вокругъ меня засуетился
Игривый рой прислужницъ молодыхъ:
Предо мной наставили уборовъ
Съ три короба; во всемъ богатство, роскошь
И прелесть свѣжей выдумки и вкусъ.
Я нарядилась въ бездну жемчугу,
Въ тьму бриллiянтовъ, въ пышность и во блескъ!
И засіяла, солнце красоты,
Въ окнѣ надъ садомъ, а сама запѣла:
«Лишь только занялась заря
И солнце взошло вверхъ, горя,
И освѣтило земный кругъ,
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ
Къ потоку чистыхъ водъ.»

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Тутъ есть и смыслъ; а то обыкновенно
Красавицы поютъ такую гиль,
Что право уши вянутъ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Царь Афронъ
Меня услышалъ и ко мнѣ явился
Съ привѣтствіемъ; поднесъ мнѣ пукъ цвѣтовъ,
Прелестныхъ ботаническихъ растеній,
И похвалилъ мой голосъ.

ЕЛЕНА.

Очень милъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ человѣкъ лѣтъ сорока семи.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Обѣдали мы вмѣстѣ; онъ шутилъ
Довольно остроумно, я смѣялась
Такъ непритворно, что онъ мнѣ сказалъ:
Я радъ сердечно, что у васъ характеръ
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавицъ заунывныхъ,
Задумчивыхъ, томящихся и слезныхъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ въ этомъ правъ, я тоже не люблю....

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

По вечеру гуляли мы въ садахъ,
И по пруду каталися съ пальбой
И пѣснями, а прудъ былъ освѣщенъ
Потѣшными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

ЕЛЕНА.

И все ему не въ прокъ?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Все суета!
Назавтра онъ водилъ меня смотрѣть
Различныя полезныя постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; онъ самъ мнѣ толковалъ,
Что, почему и для чего; потомъ

Спросилъ меня, что болѣе всего
Мнѣ нравится въ его хозяйствѣ? Я
Глаза склонила и сказала тихо:
Молоденькіе шленскіе барашки.
Тутъ царь Афронъ задумался, но вдругъ
Сжалъ руку мнѣ и на меня взглянулъ
Такъ нѣжно, такъ любовно, такъ глубоко,
Что у меня кровь бросилась въ лицо!
Онъ мнѣ сказалъ: прекрасная Елена!
Назначьте день, счастливѣйшій мой день,
Когда вполнѣ вы будете моею?
Угодно ли вамъ завтра? Я смутилась,
И трепетно и робко отвѣчала:
Я непротивна .... Мы пришли домой,
И онъ тотчасъ отдалъ приказанье
Готовить праздникъ; онъ былъ внѣ себя
Отъ радости, что завтра наша свадьба.
День догоралъ, прекрасенъ вечеръ былъ:
Мнѣ захотѣлось походить въ саду
И по полю, — онъ отпустилъ меня.
Окружена блестящею толпой
Прислужницъ, нянекъ, мамокъ и другихъ
Чиновъ придворныхъ, я въ саду гуляла
И вышла въ поле. Вдалекѣ чуть видно
Синѣлся лѣсъ, я сѣла на травѣ
И приказала имъ сѣсть; а сама
Въ то самое мгновенье, какъ они
На землю опускались, вдругъ вскочила
И поминай какъ звали: прямо въ лѣсъ —
Тамъ обернулась въ свой родимый видъ,
И къ вамъ сюда, за тридевять земель,
Скорѣе вѣтра прибѣжалъ вашъ волкъ,
По прежнему готовый вамъ служить.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ молодецъ! Знай нашихъ! Каково!

ЕЛЕНА.

Мнѣ жаль царя Афрона.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Ничего!
Утѣшится и вѣрно перестанетъ
Васъ обожать; самъ виновать: зачѣмъ
Влюбляться заочно ....

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Милый волкъ!
Мнѣ полюбился златогривый конь:
Не можешь ли ты сдѣлать, ухитриться,
Чтобы и онъ остался у меня?
Вѣдь ты волшебный ....

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Я люблю тебя,
Иванъ Царевичъ, я готовъ на все,
Тебѣ въ угоду: буду златогривымъ
Конемъ. Ты за меня возмешь Жаръ-Птицу;
Я убѣгу отъ царя Долмата,
И вновь тебѣ твой добрый сѣрый волкъ.

XX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА и СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Да, царь Долматъ не удалой наѣздникъ,
Не молодецъ; лишь я прибавилъ бѣгу,

И вздыбился и бурно поскакалъ;
Онъ оробѣлъ, онъ задрожалъ, какъ листъ,
Поводья бросилъ, вскрикнулъ: помогите!
И бухъ съ меня на землю — я и радъ,
Что съ нимъ легко раздѣлался — и мигомъ
Къ вамъ прибѣжалъ. Онъ ѣздитъ очень плохо,
Ему не кстати златогривый конь!
Вотъ здѣсь мы остановимся: ты помнишь,
Иванъ Царевичъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
Я встрѣтился съ тобою въ первый разъ,
Здѣсь растерзалъ я твоего коня,
И вотъ теперь до этого же мѣста
Довезъ тебя. Теперь есть у тебя
Ретивый конь; Жаръ-Птицу ты досталъ,
И сверхъ-того досталъ себѣ невѣсту
Прекрасную. На этомъ самомъ мѣстѣ
Разстанемся. Прощай, Иванъ Царевичъ!
Мой витязь добрый, будь счастливъ во всѣхъ
Твоихъ дѣлахъ. Прекрасная Елена!
Живите съ нимъ любовно, не слабѣйте
Въ желаніи принадлежать ему,
Какъ золоту блескъ золота, веснѣ
Весенняя прохлада, лѣту лѣтній
Жаръ и огню *сіяніе денное;*
Единственно и крѣпко будьте вы
Всегда здоровы, радостны; цвѣтите,
Прекрасная Елена, упивайтесь
Сладчайшими восторгами любви
И юности счастливаго Ивана
Царевича. А мнѣ теперь позвольте
Оставить васъ: и мнѣ пора домой
Въ мои родныя горы и вертепы,
Въ затишныя поляны и лѣса.

Иванъ Царевичъ! Я тебѣ служилъ
Усердно; вамъ, прекрасная Елена,
Служилъ усердно; весело мнѣ было
Вамъ угождать; не долги и легки
Казались мнѣ большіе перебѣги
И трудности, какія ради васъ
Переносилъ я; вы меня ласкали,
Мнѣ вѣрили, вы называли волка
Своимъ слугою милымъ и любезнымъ.
Я отслужилъ вамъ, я не нуженъ вамъ,
Я не могу туда, гдѣ вы живете.
Прости меня, Иванъ Царевичъ! если
Я огорчилъ тебя когда-нибудь,
Неволею или волей огорчилъ,
Прости меня и позабудь о томъ.
А ежели я былъ тебѣ полезенъ
Моею службою — ахъ, Иванъ Царевичъ,
Не поминай же лихомъ ты меня.
Прошу тебя, когда тебѣ случится
Быть на охотѣ, и узнаешь ты,
Что псы твои залаяли по волку, —
Останови ихъ, не вели имъ гнаться
За нимъ, пусть онъ бѣжитъ въ свой лѣсъ
И поживетъ еще на бѣломъ свѣтѣ.
Прощай, Иванъ Царевичъ, добрый мой,
Прощайте . . . .

(*Убѣгаетъ*).

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ разжалобилъ меня,
До слезъ меня разжалобилъ, — мой вѣрный
Слуга, какого мнѣ ужь не найти . . . .
Я имъ доволенъ. (*Плачетъ*) Мы домой поѣдемъ;

Здѣсь недалеко. То-то будетъ радъ
Царь-батюшка. Онъ выйдетъ на крыльцо
Встрѣчать меня, онъ обоймѣтъ меня,
И самъ заплачетъ сладкими слезами
Живѣйшаго восторга. Я скажу:
Царь-батюшка! я вамъ привезъ Жаръ-Птицу
И съ клѣткою, а вотъ моя невѣста,
Прекрасная Елена! Полюбите
Ее, она прекрасна и душой!
А этотъ конь — онъ златогривый конь, —
Большая рѣдкость! Онъ весьма хорошъ
Вамъ въ бѣговые дрожки, онъ не дуренъ,
А рѣзвоногъ и крѣпокъ, добрый конь!
Ахъ милая Елена! мой отецъ
Тебя полюбитъ — я любимый сынъ
Его — и я съ тобою буду жить
Такъ весело, такъ счастливо, что диво.
И что за садъ у моего отца!
И яблоки единственныя въ мірѣ.

XXI.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ УБИТЫЙ. ЕЛЕНА, ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ и ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ не ушла же ты отъ нашихъ рукъ,
Прекрасная чудесная Жаръ-Птица!
И съ клѣткою! и златогривый конь,
И сверхъ-того и эта прелесть! Кто ты,
Несчастная, безъ друга и въ лѣсу?
Да полно плакать. Какъ тебя зовутъ?
Скажи скорѣе; а не то, ты знаешь,

Ты видѣла, что мы шутить не любимъ.
Ну кто же ты?

ЕЛЕНА.

Прекрасная Елена!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! Слышишь, братъ?
Прекрасная Елена! Вотъ она!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Та самая Елена, о которой
Молва кричитъ во всѣ свои уста,
Что на землѣ нѣтъ ровно ничего
Подобнаго ей красотою.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты ли.
Та самая? скорѣе отвѣчай,
Не бойся.

ЕЛЕНА.

Я прекрасная Елена.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (*смотритъ на нее*)

Такъ какъ же быть: кому изъ насъ обоихъ,
Любезный братъ, принадлежитъ она?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я старшій; разумѣется, что мнѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Нѣтъ, я тебѣ ея не уступлю;
Она и мнѣ понравилась, и я
Съ тобою ровенъ правомъ на нее.

И то сказать, на что тебѣ Елену:
Вѣдь ты влюбленъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуйста, не ври.
Въ кого же я влюбленъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А въ Кунигунду?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Не правда.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ не правда? Ты при мнѣ
Ей изъяснялся въ пламенной любви,
Нелицемѣрной, вѣрной, домогильной
И даже замогильной, и потомъ
Мнѣ говорилъ, ну, помнишь поутру?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я изъяснялся въ пламенной любви
Трактирщицѣ, любезной Кунигундѣ,
Я говорилъ .... Но я тогда былъ пьянъ,
Жестоко пьянъ, съ похмѣлья послѣ бала
И той проклятой ночи, какъ меня
Картежники едва не удушили.
Прошу не вѣрить пуншевымъ парамъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ жеребій, — пускай же насъ разсудитъ
Сама судьба!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ сейчасъ.

(Дѣлаетъ жеребьи).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты послушай, милая, ни слова
Не смѣй промолвить обо всемъ, что здѣсь
Ты видѣла и слышала, ни слова!
Молчи и знай, что если хоть во снѣ
Ты .... я тебѣ вотъ этой самой саблей
Срублю головку; помни, будь умна,
Не смѣй и плакать, и кажись веселой,
И будь тиха, и вовсе покорись
Своей судьбѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ жеребьи. Сначала
Метнемъ на рѣзвый.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(вынимаетъ).*

Рѣзвый мой!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно!
Теперь вотъ эти: конь или Елена?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(вынимаетъ).*

Нѣтъ счастья мнѣ! Мнѣ златогривый конь!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ то-то же! Прекрасная Елена,
Ты радуйся, что не ему досталась:
Я на тебѣ женюся непремѣнно,
И станемъ жить да поживать. Теперь
Пора домой!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты помни же, Елена . . . .
(*Уѣзжаютъ*).

XXII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ, ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ, ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ и ЕЛЕНА.

(*Обѣдаютъ*).

ЦАРЪ ВЫСЛАВЪ.

Я этому не вѣрю: невозможно,
Чтобъ человѣкъ, который съ юныхъ лѣтъ
До старости любилъ уединенье
И тишину ученаго труда,
Бѣжалъ разврата, жилъ благочестиво,
Возвышенный и дѣльный человѣкъ,
Вдругъ сдѣлался гулякой, чертоплясомъ,
Мерзавцемъ, волокитой. Я никакъ
Не вѣрю: есть въ природѣ переходы,
А этакихъ отчаянныхъ скачковъ
Не можетъ быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете . . . Что вы
Такъ пасмурны? Ужь вы здоровы ли?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обошлася въ нашей сторонѣ,
Не осмотрѣлась; ей у насъ все вновѣ,
Все будто бы чужое. Сверхъ-того,
Скажу тебѣ всю правду, мы ее
Похитили такъ смѣло и внезапно.
Такъ быстро торопились отъ погони,

И чтобъ скорѣй обрадовать тебя
Жаръ-Птицей, — что прекрасная Елена
Устала съ перепугу и со спѣху.
Дай срокъ: она привыкнетъ съ нами жить
И насъ полюбитъ всѣхъ до одного,
И разцвѣтетъ, и будетъ весела!
Не правда ли, прекрасная Елена,
Вы скоро къ намъ привыкнете?

ЕЛЕНА.

Не знаю.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И больше всѣхъ полюбите меня?

ЕЛЕНА.

Не знаю я.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вѣдь вы моя невѣста!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А гдѣ-то онъ, мой другъ Иванъ Царевичъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы ничего не слышали объ немъ,
Хотя вездѣ справлялись.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Гдѣ-нибудь
Теряетъ время, ищетъ вамъ Жаръ-Птицу,
Которая находится у васъ!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Знать, онъ заѣхалъ чрезъчуръ далеко,
Иль заплутался.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Иль сидитъ въ плѣну.
Да, признаюсь! я очень удивился
Царь-батюшка, когда узналъ отъ васъ,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жаръ-Птицу; онъ дитя!
Ну мало ли, что можетъ съ нимъ случиться.
Мы, напримѣръ, мы, кажется, не дѣти,
И мы не разъ спасались отъ бѣды
Лишь случаемъ. Большіе переѣзды,
Вертепы, горы, дикіе лѣса,
Наполненные лютыми звѣрями,
И кое-гдѣ разбойники — не шутка!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты правъ, мой сынъ: не должно было мнѣ
Пускать его. Да мнѣ же и хотѣлось,
Чтобы онъ остался утѣшать меня;
Я всячески доказывалъ ему,
Что молодъ онъ, что этотъ подвигъ труденъ,
Опасенъ, что мнѣ нужно при себѣ
Имѣть всегда хоть одного изъ васъ;
Я говорилъ, что мало ли что можетъ
Вдругъ сдѣлаться. Онъ плакалъ, горячился,
Упрашивалъ меня, мнѣ представлялъ
Свои причины, мысли и надежды
Такъ жалобно и страстно, что я самъ
Разнѣжился и отпустилъ его.
Ахъ, живъ ли ты, мой другъ, Иванъ Царевичъ!
(*Плачетъ*).

(*Елена плачетъ*).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! смотрите, какъ она
Васъ полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

ЕЛЕНА.

Я не могу не плакать!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой .... совѣтъ!
Не плачьте же — вотъ выпейте вина!
(*Входитъ Иванъ Царевичъ. Елена бросается ему на шею*)

ЕЛЕНА.

Иванъ Царевичъ! мой Иванъ Царевичъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой милый сынъ, ты живъ и цѣлъ, мой сынъ!
А мы-было .... Прекрасная Елена!
Что это значитъ? Гдѣ же вы его?...

ЕЛЕНА.

Онъ мой женихъ, мой милый и сердечный,
Иванъ Царевичъ. Онъ досталъ для васъ
Жаръ-Птицу, златогриваго коня,
И для себя невѣсту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (*на колѣняхъ*)

Царь-батюшка, прости насъ,
Мы виноваты! Братъ Иванъ Царевичъ!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себѣ твое добро,
Твои злодѣи ....

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Зависть насъ смутила.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я ровно ничего не понимаю:
Они тебя убили, милый сынъ,
Такъ какъ же ты живой къ намъ воротился?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ убитъ; они,
Царь-батюшка, зарѣзали меня
И мертваго покинули въ лѣсу.

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Иванъ Царевичъ, добрый, милый братъ!
Иванъ Царевичъ! будь великодушенъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я былъ бы съѣденъ хищными звѣрями
И птицами; но, знать, судьбѣ угодно,
Чтобы не то случилось. Сѣрый волкъ,
Волшебный волкъ, пріятель мой, который
Мнѣ чрезвычайно много услужилъ
Въ моихъ дѣлахъ (я всѣмъ ему обязанъ),
Нечаянно зашелъ въ тотъ самый лѣсъ,
Узналъ меня, и, сжалясь надо мною,
Сталъ думать, какъ помочь моей бѣдѣ!
Сталъ думать; вотъ увидѣлъ онъ, что воронъ
И съ нимъ два вороненка прилетѣли
Поѣсть меня. Онъ спрятался за кустъ,
И только-что они на мнѣ усѣлись
И начали свой голодъ утолять —
Онъ прыгъ изъ-за куста на вороненка,
Схватилъ его и хочетъ растерзать!

Тогда взмолился волку старый воронъ,
Чтобъ не губилъ онъ дѣтища его.
Послушай же ты, воронъ вороновичъ!
Сказалъ ему мой добрый волкъ: слетай
За тридевять земель, и поскорѣе
Мнѣ принеси воды живой и мертвой.
Не принесешь, такъ будешь ты безъ сына;
А принесешь, я отпущу его
И цѣлымъ и здоровымъ. Принесу,
Сказалъ ему проворно старый воронъ, —
И полетѣлъ, и воротился къ волку
На третьи сутки, и принесъ ему
Два пузырька съ лѣкарствомъ. Сѣрый волкъ
Взялъ ихъ, а вороненка разорвалъ,
И части спрыснулъ мертвою водою,
И вороненокъ сросся отъ лѣкарства;
Тутъ спрыснулъ онъ его живой водою,
И вороненокъ ожилъ, встрепенулся
И улетѣлъ; волкъ за меня принялся:
Онъ вылѣчилъ меня отъ смерти, разсказалъ
Мнѣ это приключенье, и довезъ
Меня домой до городской стѣны.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Теперь я понялъ. Ахъ они злодѣи!
Братоубійцы!...

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Братъ, Иванъ Царевичъ,
Царь-батюшка, прекрасная Елена!
Простите насъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Прочь отъ меня!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Не будемъ
Впредь никогда, исправимся, полюбимъ
Всѣхъ васъ. Ахъ, будьте милосерды,
Простите насъ, прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я васъ прощаю, встаньте!

ЕЛЕНА.

Я прощаю!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка, ужели ты одинъ ....

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты слишкомъ добръ, Иванъ Царевичъ. Встаньте!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

(*Встаютъ и обнимаютъ брата*)

Дай намъ обнять тебя, любезный братъ,
Забудь великодушно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все забуду!
И станемъ жить, какъ братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невѣста!

ЕЛЕНА.

Ты мой женихъ, моя любовь и радость,
Мой нѣжный другъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

(*Съ бокалами въ рукахъ*).

Да здравствуютъ Иванъ
Царевичъ и прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*беретъ бокалъ*).

Да здравствуетъ Царь-батюшка и вы,
Со мною помирившіеся братья!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково другъ съ другомъ,
Безхитростно, и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иванъ Царевичъ, видѣлъ я Жаръ-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной съ павлина! Золотыя
И радужныя перья! А глаза,
Какъ двѣ звѣзды востока! Для нея
Мы выстроимъ высокія палаты
Съ зеркальными окошками! Василій,
Поди и прикажи подать сюда
Десятокъ яблоковъ завѣтныхъ! Это птица!
Особенно мнѣ нравится у ней
Хвостъ! Вотъ такъ хвостъ! величественный хвостъ!
Раскидистый и разными лучами
Сіяющій . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да здравствуетъ Жаръ-Птица!

НАТАЛЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЯЗЫКОВОЙ.

Прошла суровая година вьюгъ и бурь
Надъ пробудившейся землёю,

Полна тепломъ и тишиною,
Сіяетъ вешняя лазурь.
Ея растаяны лучами,
Сбѣжали съ горъ на долъ глубокіе снѣга;
Ручей, усиленный водами,
Сверкаетъ и кипитъ гремучими волнами,
И пѣной плещетъ въ берега.
И скоро холмъ и долъ въ свои ковры зелены
Роскошно уберетъ царица красныхъ дней,
И въ лиственной тѣни засвищетъ соловей
И сладкогласный и влюбленный.
Какъ хороша весна! Какъ я люблю ее
Здѣсь, въ сторонѣ моей родимой,
Гдѣ льется мирно и незримо
Мое привольное житье;
Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
Передъ свѣтильникомъ труда;
Гдѣ озаренъ его сіяньемъ величавымъ,
Поникнувъ на руку безоблачнымъ челомъ,
Я міру чуждъ, и радостямъ лукавымъ,
И суетамъ, господствующимъ въ немъ;
И счастливъ, не хочу ни въ мраморны палаты,
Ни въ шумъ блистательныхъ пировъ!
И васъ зову сюда, подъ мой наслѣдный кровъ,
Уединеніемъ богатый,
Въ просторъ и тишь, на злачны скаты
Моихъ березовыхъ садовъ,
Въ лѣсъ и поляны за дорогой,
И къ рѣчкѣ, шепчущей подъ сумракомъ ракитъ,
И къ зыбкимъ берегамъ, гдѣ аистъ красноногой
Безпечно бродитъ цѣлъ и сытъ;

Зову на свѣтлый прудъ, туда, гдѣ тѣнь густую
Склонилъ къ водамъ нагорный садъ,
Туда и на мостки и въ лодку удалую,
И весла дружно загремятъ!
Я васъ сюда зову гулять и прохлаждаться,
Пить медъ свободнаго и мирнаго житья,
Закатомъ солнца любоваться,
И засыпать подъ трели соловья.

ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ ШЕПЕЛЕВУ.

Онъ прищурился спѣсиво,
Онъ глядитъ черезъ плечо;
Аргамакъ его ретивой
Разыгрался горячо,
Чуетъ всадникову волю,
И могучъ и рѣзвоногъ,
Мчится съ нимъ по чисту полю:
То-то топотъ, то-то скокъ!

Это твой скакунъ удалый,
Это ты, когда-то, мой
Собесѣдникъ запоздалый
Тамъ, у жизни молодой
На привольи просвѣщенья!...
Ты оставилъ мирныхъ музъ,
И воинскія ученья
Полюбилъ, крутя свой усъ.

И досуга полковаго
Въ сизыхъ, дымныхъ облакахъ

Потонувъ, ты чуждъ былаго,
Пребывающій въ мечтахъ
Про великія награды
Бога копій и мечей;
А потѣхи и прохлады
И надежды юныхъ дней,

Книжный бытъ и Нины милой
Взоры полные любви,
Все, что прежде кипятило
Чувства свѣжія твои,
Ты забылъ. А юность наша,
Хороша была она:
Хороша была, какъ чаша
Искрометнаго вина!

Рѣзвый блескъ ея и сладость,
И хвала за то судьбѣ!
Я воспѣлъ друзьямъ на радость,
Въ украшеніе себѣ,
И гулливые бывало
Чтятъ поэта своего!....
Гдѣ жь они? Однихъ не стало,
А другимъ не до него!

Я жь и нынѣ, музъ поклонникъ,
Помню молодость мою
И тебѣ, мой милый конникъ,
Братски руку подаю!
Будь ты смѣлъ передъ врагами,
Дорогъ родинѣ своей,
И геройскими дѣлами
Возрастай и просвѣтлѣй.

ЕВГЕНІЮ АБРАМОВИЧУ БАРАТЫНСКОМУ.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ изъ свѣтскихъ наслажденій,
Отъ городскихъ забавъ, превратностей и смутъ
Далеко въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
Въ душеспасительный пріютъ.

Иди же ты въ свои родимыя долины,
На свѣжіе луга поемныхъ береговъ,
Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины,
Гдѣ лепетаніе ручьёвъ.

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ,
И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
Свѣтло заискрится твой взоръ.

И лиру ты возмешь, проснется золотая,
И снова запоетъ о жизни и любви,
И звуки полетятъ, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, другъ и братъ. Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О! Будь же вѣренъ ей всегда:
Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
Она твой долгъ, твоя звѣзда!

И что же на землѣ и сладостнѣй и краше?
Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
И ради нашихъ музъ, и ради дружбы нашей,
Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй, и славою своею
Обрадуй вновь Парнасъ и оживи меня!
Да многіе пѣвцы изчезнутъ передъ нею,
Какъ снѣгъ передъ лицомъ огня!

А. С. ПУШКИНУ.

Не вовсе чуя Бога свѣта
Въ моей неполной головѣ,
Не вѣря вѣтренной молвѣ,
Я благосклоннаго привѣта —
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами —
Въ тиши безвѣстности, не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвалъ.
Пѣвецъ единственной забавы,
Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
И . . . . скихъ дѣвъ и . . . . скихъ винъ,
И прозелитъ журнальной славы,
. . . .
. . . .
. . . .

Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть что̀ въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что̀ буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ-то порываетъ;
Но будь, что̀ будетъ — не боюсь:
Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье.
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель зевсовыхъ огней,
Играя, на гору заноситъ.

МАЛАГА.

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой,
Вино шипучее я пилъ,
И вкусъ, и блескъ его, и хмѣль его игривый,
Друзья, не мало я хвалилъ;
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое;
Надежды и мечты, свободныя, живыя,
Летали весело, легко,
И заносилися, прекрасно-молодыя,

Онѣ далеко, высоко!
Шумъ, пѣсни, крикъ и звонъ въ прелестный гулъ сли-
валисъ;
Студентскій пиръ порядкомъ шолъ,
И чаши объ полъ разбивались,
Разгульный тѣша произволъ!

Остепеняютъ насъ и учатъ насъ замѣтно
Лѣта и бремя бытія:
Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
Не веселитъ меня, друзья,
Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
Напитокъ смирный и безпѣнный,
Вино густое, какъ елей,
И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
И мягкосладкое, какъ мёдъ;
Милѣй мнѣ тихій пиръ и разговоръ неспорной,
Рѣчей и мыслей плавный ходъ;
Милѣй почтительно-ласкаемая чаша,
Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ, и шумъ!
Друзья, странна мнѣ юность наша:
У ней все было наобумъ!

НИЦЦА ПРИМОРСКАЯ.

Теперь, когда у насъ природный, старый другъ
Морозовъ и снѣговъ и голосистыхъ вьюгъ,
Господствуетъ зима, когда суровый холодъ
Къ намъ въ домы просится и стукаетъ, какъ молотъ.

Въ ихъ стѣны мерзлыя, когда у насъ земля
Сномъ богатырскимъ спитъ и блескомъ хрусталя
Осыпаны дубы и сосны вѣковыя;
Здѣсь нѣтъ снѣговъ и бурь, здѣсь яркоголубыя
И по весеннему сіяютъ небеса;
Лимонные сады, оливные лѣса,
И роза милая, и пальма величава,
И знаменитый лавръ, и пышная агава
Открыто нѣжатся при шумѣ водъ морскихъ.
Благословенный край! Отрада для больныхъ!
Зимовье праведно хвалимое врачами!
И много здѣсь гостей! Ихъ цѣлыми семьями
Сюда изъ дальнихъ странъ сгоняетъ аквилонъ;
Здѣсь и россійской князь, здѣсь и нѣмецкій фонъ,
И англійскій милордъ, ихъ жены, дѣти, слуги
Проводятъ мирные приморскіе досуги
На тепломъ берегу, на ясномъ свѣтѣ дня;
Житье здѣсь хоть куда для самаго меня!
Здѣсь есть и для меня три сладостныя блага:
Уединенный садъ, видъ моря и малага.

ПЕРЕѢЗДЪ ЧРЕЗЪ ПРИМОРСКІЯ АЛЬПЫ.

Я много претерпѣлъ и побѣдилъ невзгодъ,
И страховъ и досадъ, когда отъ Комскихъ водъ
До Средиземныхъ водъ мы странствовали, строгой
Судьбой гонимые: окольною дорогой,
По горнымъ высотамъ, въ осеннiй хладъ и мракъ,
Мѣстами какъ-нибудь, мѣстами кое-какъ,
Тащили мулы насъ и тощи и нерьяны:

То вредоносные миланскіе туманы,
И долгіе дожди, которыми Туринъ
Тогда печалился, и грязь его долинъ,
Не давно выплывшихъ изъ бури наводненья;
То вѣтеръ съ сыростью, и скудость отопленья
Въ гостинницахъ, гдѣ блескъ, и пышность, и просторъ,
Хрусталь, и серебро, и мраморъ, и фарфоръ,
И стѣны въ зеркалахъ, глазамъ большая нѣга!
А нѣтъ лишь прелести осенняго ночлега:
Продрогшимъ странникамъ нѣтъ милаго тепла;
То піемонтская пронзительная мгла,
И вдругъ, нежданная подъ небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пѣніе и сладостно подъ часъ
Намъ людямъ сѣвернымъ, баюкавшее насъ.
Насъ встрѣтила въ горахъ, летая, распѣвая,
И славно по горамъ гуляла удалая!
Все угнетало насъ. Но берегъ! День встаетъ!
Италіянскій день! Открытый неба сводъ
Лазурью, золотомъ и пурпурами блещетъ,
И море свѣтлое колышется и плещетъ!

ЮГАННИСБЕРГЪ.

Изъ горъ, которыми картинный рейнскій край
Гордится праведно, плѣнительный, какъ рай,
Которыхъ имена далеко и далеко
По свѣту славятся, честимыя высоко,
И радуютъ сердца, и движутъ разговоръ
На сѣверныхъ пирахъ, одна изъ этихъ горъ.

Не то, чтобъ цѣлостью громадныхъ стѣнъ и башенъ
Старинныхъ верхъ ея понынѣ былъ украшенъ,
Не то, чтобъ рыцарей гнѣздившихся на ней
Исторія была древнѣе и полнѣй,
Была прекраснѣе воинская ихъ слава,
Одна изъ этихъ горъ, она по Рейну справа,
Вдали отъ береговъ, но съ волнъ его видна,
Иванова гора, достойно почтена
Всѣхъ выше славою: на ней ростетъ и зрѣетъ
Вино первѣйшее; предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
Краса всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной
О! Дивное вино! Струею золотой
Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пѣнно, не игриво,
Но важно, весело, величественно, живо,
И охмѣляетъ насъ и нѣжитъ, такъ сказать,
Глубокомысленно. Такая благодать,
Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
Воспламеняется, какъ радость молодая,
Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его
Въ кругу друзей, порой разгула своего,
Тамъ, тамъ у рейнскихъ водъ подъ липою зеленой
Такая благодать, что внукъ его ученый
Желалъ бы на свои студентскіе пиры,
Хоть изрѣдка, вина съ Ивановой горы.

МОРСКАЯ ТОНЯ.

Море ясно, море блещетъ;
Но уже, то здѣсь, то тамъ,
Тѣнь налетная трепещетъ,

Пробѣгая по зыбямъ;
Вдругъ поднимутся и хлынутъ
Темны водныя струи,
И высоко волны вскинутъ
Гребни бѣлые свои;
Буря будетъ, тучи грянутъ,
И пучина зареветъ.
Рыбаки проворно тянутъ
Неводъ на берегъ изъ водъ.
Грузно! Что ты, сине море,
Дало имъ за тяжкій трудъ?
Много ты въ своемъ просторѣ
Водишь рыбъ и всякихъ чудъ;
Много камней самоцвѣтныхъ,
Жемчуговъ и янтарей,
Драгоцѣнностей несмѣтныхъ,
Соблазняющихъ людей,
Въ роковой твоей пучинѣ,
Бережетъ скупое дно:
Что жь ты дало ль море сине
Рыбакамъ хоть на вино?
Неводъ вытащенъ. Немного
Обитателей морскихъ.
Отъ сокровищъ бездны строгой
Нѣтъ подарковъ дорогихъ!
Вотъ лежитъ, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой
Съ костоломными зубами!
Вотъ огромный блинъ морской
Красноносый, красногубый,
Съ отвратительнымъ хвостомъ!
Да скатавшагося въ клубы
На раздольѣ волновомъ,

Воза съ два морскаго сору,
И одинъ морской паукъ;
А тащили словно гору,
А трудились сотни рукъ!
Море стихло, море ясно;
Въ хрусталѣ его живомъ
Разыгрался день прекрасной
Златомъ, пурпуромъ, огнёмъ;
Видомъ моря любоваться
Собралась толпа гостей.
Ей мѣшаютъ наслаждаться
Рыбаки: бѣгутъ за ней
И канючатъ, денегъ просятъ:
Бѣднякамъ изъ бездны водъ
Сѣти длинныя выносятъ
Непитательный доходъ!

БУРЯ.

Громадныя тучи нависли широко
Надъ моремъ, и скрыли блистательный день;
И въ синюю бездну спустилась глубоко,
И въ ней улеглася тяжелая тѣнь:
Но бездна морская уже негодуетъ;
Ей хочется свѣта и ропщетъ она,
И скоро, могучая, встанетъ грозна,
Пространно и громко она забушуетъ.

Великую силу уже подымая,
Полки онъ строитъ изъ водныхъ громадъ;

И валъ-великанъ, головою качая,
Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
И бѣлые гребни колебля, они
Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

ЭЛЕГІЯ.

День ненастный, темный; тучи
Низко, низко надъ горой,
Вялы, тихи и плакучи,
Длинной тянутся грядой;
Садъ безлюденъ, смолкли птицы,
Дерева дождемъ шумятъ:
Двѣ красавицы-дѣвицы,
Двѣ пѣвуньи, двѣ сестрицы
Не пойдутъ сегодня въ садъ!

А вчера онѣ, при треляхъ
Соловья и при лунѣ,
Тамъ летали на качеляхъ
Соблазнительно однѣ;
И качели ихъ качаютъ
Мягко, будто на рукахъ:
Осторожно поднимаютъ,
Осторожно опускаютъ
Быстролетный свой размахъ!

А вчера поклонникъ скромный
Грацій, медикъ молодой,

Удовольственно и томно
Любовался ихъ игрой,
И размашисто качалась,
Какъ онѣ, его мечта,
Поднималась, опускалась:
Ей легко передавалась
Ихъ летаній быстрота.

День ненастный, день враждебный
Очарованнымъ сердцамъ,
И ходьбѣ многоцѣлебной,
И лекарственнымъ водамъ!
Но за то въ немъ нѣтъ томленья,
Лѣни, жару; онъ здоровъ
Мнѣ въ тиши уединенья,
Для свободы размышленья,
Для писанія стиховъ.

ПЛОВЕЦЪ.

Еще разыгрывались воды,
Не подымался бѣлый валъ,
И громъ летящей непогоды
Лишь на краю небесъ чуть видномъ рокоталъ;

А онъ, пловецъ, онъ былъ далёко
На синевѣ стеклянныхъ волнъ,
И день сіялъ еще высоко,
А въ пристань ужь вбѣгалъ его послушный челнъ.

До разгремѣвшагося грома,
До бури водъ, желанный брегъ
Увидѣлъ онъ, и вкуситъ дома
Родной веселый пиръ и сладостный ночлегъ.

Хвала ему! Онъ отплылъ рано:
Когда дремали небеса,
И въ морѣ блескъ луны багряной
Еще дрожалъ, ужь онъ готовилъ паруса,

И поднялъ ихъ онъ, бодръ и свѣтелъ,
Когда едва проснулся день,
И въ третій разъ пропѣвшій пѣтелъ
Къ работѣ приглашалъ заспавшуюся лѣнь.

УНДИНА.

Когда невесело осенній день взойдетъ
И хмурится; когда и дождикъ ливмя льетъ,
И снѣгъ летитъ, какъ пухъ, и окна залѣпляетъ;
Когда каминъ уже гудитъ и озаряетъ
Янтарнымъ пламенемъ смиренный твой пріютъ,
И у тебя тепло; а твой любимый трудъ,
Отъ скуки и тоски заступникъ твой надежной,
А тихая мечта, милѣе дѣвы нѣжной,
Привыкшая тебя ласкать и утѣшать,
Уединенія краса и благодать,
Чуждается тебя; бездѣйственно и сонно
Идетъ за часомъ часъ, и ты неугомонно
Кручинишься: тогда будь дома и одинъ,

Стола не уставляй богатствомъ рейнскихъ винъ,
И жженки изъ вина, изъ сахару, да рому,
Ты не вари: съ нея бываетъ много грому;
И не зови твоихъ товарищей-друзей
Пobражничать съ тобой до утреннихъ лучей:
Друзья, они придутъ и шумно запируютъ,
Состукнутъ чаши въ ладъ, тебя наименуютъ,
И пѣсню запоютъ во славу лучшихъ лѣтъ;
Развеселишься ты, а можетъ-быть и нѣтъ:
Случалося, что хмѣль усиливалъ кручину!
Ихъ не зови; читай Жуковскаго Ундину:
Она тебя займетъ и освѣжитъ; ты въ ней
Отраду вѣрную найдешь себѣ скорѣй.
Ты будешь полонъ силъ и тишины высокой,
Какихъ не дастъ тебѣ ни твой разгулъ широкой,
Ни пѣсня юности, ни чашъ заздравный звонъ,
И былъ твой грустный день, какъ быстролетный сонъ!

КЪ СТИХАМЪ МОИМЪ.

Небо знойно, воздухъ мутенъ,
Горный ключъ чуть-чуть журчитъ,
Садъ тѣнистый безпріютенъ,
Не шелохнетъ и молчитъ.

Попечитель винограда,
Лѣтній жаръ ко мнѣ суровъ;
Онъ противенъ мнѣ измлада,
Онъ, томящій до упада,
Рыжій врагъ моихъ стиховъ.

Ну-те, братцы, вольно, смѣло!
Собирайся рать моя!
Намъ давно пора за дѣло,
Ну, проворнѣе, друзья!

Неповертливо и ломко
Слово жмется въ мѣрный строй,
И выходитъ стихъ не ёмкой,
Стихъ растянутый, негромкой,
Сонный, слабый и плохой.

Право лучше знаменитой
Нашъ морозъ: хоть онъ порой
И стучится къ намъ сердито;
Но тогда каминъ со мной.

Мнѣ тепло, и горя мало,
Хорошо душѣ тогда:
Въ стихъ слова идутъ не вяло,
Строенъ, крѣпокъ онъ удало
И способенъ хоть куда!

КОРАБЛЬ.

Люблю смотрѣть на сине море,
Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ просторѣ,
Гроза рокочетъ и реветъ;
А побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ,
И смѣлъ, и гордъ своею славой,
Корабль въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво!

ДЕВЯТОЕ МАЯ, 1839.

То ли дѣло, какъ бывало
Въ Дерптѣ шумно, разудало
Отправлялъ я этотъ день!
Русскихъ, насъ тамъ было много,
Жили мы тогда не строго,
Собрались мы въ садъ, подъ тѣнь,
На лугу кружкомъ сидѣли:
Ужь мы пили, ужь мы пѣли!
Въ удовольствіи хмѣльномъ
Самъ стихи мои читалъ я,
И чтанье запивалъ я
Сокрушительнымъ питьемъ;
И друзья меня ласкали:
Мнѣ они рукоплескали,
И за здравіе мое
Чаши чокалися звонко,
Чаши, налитыя жжёнкой:
Безподобное житье!

Гдѣ жь я нынѣ? Какъ жестоко,
Какъ внезапно, одиноко,
Отъ моихъ счастливыхъ дней
Унесенъ я въ страны дальни,
Путешественникъ печальный,
Не великій Одиссей!
Рейнъ увижу! Старецъ славный,
Онъ Дунаю братъ державный,
Онъ студентамъ доброхотъ;
На своихъ коняхъ нерьяныхъ,

На своихъ волнахъ стекляныхъ
Онъ меня перевезетъ
Въ садъ веселый и богатый,
На холмы и горны скаты
Виноградниковъ своихъ;
Тамъ остатки величавы
Вѣры, мужества и славы
Воевателей былыхъ;
Тамъ въ тиши, въ виду ихъ дерзкихъ
Стѣнъ и башенъ кавалерскихъ,
Племя смирное цвѣтетъ,
И поэтъ изъ странъ далёкихъ,
Съ водъ глубокихъ и широкихъ,
Съ водъ великихъ, съ волжскихъ водъ,
Я тебѣ, многовѣнчанный
Старецъ-Рейнъ, вѣнокъ нежданный
Изъ стиховъ моихъ совью!
И для гостя дорогаго,
Изъ ведра заповѣднаго,
Рюмку синюю твою
Вѣковымъ виномъ нальешъ ты
И поэту поднесешь ты:
Помню я: въ твоемъ винѣ
Много жизни, много силы;
Но увы мнѣ! старецъ милый,
Пить его уже не мнѣ!

ГРАФУ ВЛАДИМІРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ СОЛЛОГУБУ.

Тебя — ты мнѣ родня по мѣсту воспитанья,
Моихъ стиховъ, моей судьбы,
По лѣтамъ юности, годины процвѣтанья
Работъ ученыхъ и гульбы,
Студентскихъ праздниковъ, студентскихъ пѣснопѣній
И романтическихъ одеждъ,
Годины свѣтлыхъ думъ, веселыхъ вдохновеній,
Желаній гордыхъ и надеждъ,
Ты добрый молодецъ, себя не погубившій
Въ столицѣ, на бою суетъ,
Свободною душой, почтенно сохранившій
И жаръ, и доблесть юныхъ лѣтъ,
И крѣпкую любовь къ отеческому краю,
И громозвучный нашъ языкъ —
Тебя привѣтствую, тебя благословляю,
Тебя, счастливый ученикъ
Той жизни сладостной, которую стихами
Я горячо провозглашалъ,
Плѣнявшійся ея блестящими дарами
И лестью дружескихъ похвалъ;
Привѣтствую тебя, подъ знаменемъ Камены,
На много, много славныхъ дѣлъ!
Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны,
Ея любовью твердъ и смѣлъ!
Обманчивой волной молвы не увлекайся,
Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся
Въ ихъ непристойный крикъ и гамъ,

Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
 Не забывая никогда,
Но тихъ и величавъ, проникнутый глубоко
 Святыней чистаго труда,
Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово....
 И паче всякаго грѣха,
Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово,
 Полетъ мечты и звонъ стиха;
Ты будь неутомимъ! Когда на Русь Святую,
 Когда въ чужбинѣ я свою
Неугомонную тоску перетоскую
 И чашу горькую допью,
Въ Симбирскъ я возвращусь, въ мое уединенье,
 Въ покой родимаго гнѣзда,
На благодатное, привольное сидѣнье,
 Здоровъ и радостенъ; тогда
Меня ты посѣтишь въ моемъ пріютѣ миломъ;
 Тогда каминъ, домашній другъ
Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
 Освѣтитъ мирный нашъ досугъ,
И мы, по способу пѣвца Вильгельма-Теля,
 Составимъ славное питье,
И будемъ бражничать и вмѣстѣ полны хмѣля
 Помянемъ дерптское житье,
И наши прошлыя, лирическія лѣта;
 Потомъ, давай твоихъ стиховъ
И прозы, все читай! Я слушаю поэта,
 До ночи слушать я готовъ
Тебя; въ созданіяхъ души твоей прекрасной
 Въ картинахъ вѣрныхъ и живыхъ,
Въ гармоніи стиха съ игрою мысли ясной
 И вдохновеніяхъ твоихъ
Легко, восторженно забудусь я съ тобою....

Часы летятъ, давно погасъ
Каминъ, давно мой пуншъ простылъ передо мною,
И вотъ денница занялась!....

МАЯКЪ.

Межъ моремъ и небомъ, на горной вершинѣ
Отважно поставленъ бросать по водамъ,
Отрадный, спасительный свѣтъ кораблямъ,
Застигнутымъ ночью на бурной пучинѣ,

Ты волю благую достойно творишь:
Встаетъ ли свирѣпое море волнами,
Волнами хватая тебя, какъ руками,
Обрушить тебя въ глубину: ты стоишь!

И небо въ тебя свѣтоноснаго мещетъ
Свой громъ, раздробляющій горы: ты цѣлъ:
Онъ, словно какъ пыль, по тебѣ пролетѣлъ,
И бурное море тебѣ рукоплещетъ!

КРЕЙЦНАХСКІЯ СОЛОВАРНИ.

Предо мной скалы и горы!
Тѣсно сковываетъ взоры
Высь подоблачныхъ громадъ!
Вотъ на солнечномъ ихъ скатѣ

Жарко нѣжится въ халатѣ
Полосатомъ виноградъ!
Вотъ густая сѣнь акацiи,
Для больныхъ мужчинъ и грацiй
Садъ съ цѣлебнымъ ручейкомъ!
Два сарая подъ горами
Длинны, черны, съ шатунами
Съ иксiонскимъ колесомъ!
Скучный видъ! Вотъ гдѣ я нынѣ!
Въ щели горъ, въ глухой лощинѣ,
На лѣкарственныхъ водахъ!
Жду отъ нихъ себѣ помоги!
Сбился я съ моей дороги
Сильно къ Нѣмцамъ за Крейцнахъ.

ГАСТУНА.

Такъ, вотъ она, моя желанная Гастуна,
Издревле славная, Gastuna tantum una
Чудесной силою цѣлительныхъ ключей!
Великiй Парацельсъ, мудрѣйшiй изъ врачей,
Глубокомысленный таинственникъ природы
Уже изслѣдовалъ живыя эти воды;
Онъ хвалитъ ихъ, и самъ предписывалъ больнымъ,
И вновь они цвѣли, здоровьемъ молодымъ!
Великiй человѣкъ! Хвала его не втунѣ:
Донынѣ многiе находятъ лишь въ Гастунѣ
Возстановленiе своихъ упадшихъ силъ;
И я изъ дальнихъ странъ къ ея ключамъ спѣшилъ,

Въ предѣлъ подоблачный, на этотъ воздухъ горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный!....

Элегія.

Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспѣшая,
Шумитъ по улицѣ; иль добрый нашъ сосѣдъ,
Окончивъ чтеніе сегоднишнихъ газетъ,
Уже глядитъ въ окно и тихо созерцаетъ,
Какъ близъ него кузнецъ подковы подшиваетъ
Коровѣ, иль ослу; иль пара дюжихъ псовъ
Тележку полную капусты иль бобовъ
Тащитъ по мостовой, работая всей силой;
Служанка-ль, красота развившаяся мило,
Склонилась надъ ведромъ, готова мыть крыльцо,
А холодъ, между-тѣмъ румянитъ ей лицо,
А вѣтреный зефиръ заигрываетъ съ нею,
Теребитъ съ плечъ платокъ, и раскрываетъ шею,
Прельщенный пышностью живыхъ лилей и розъ;
Повозникъ ли, бичомъ пощелкивая, возъ
Высокой, громоздкой и длинной-передлинной,
Гдѣ нѣсколько семей подъ крышкою холстинной,
Разнобоярщина изъ многихъ странъ и мѣстъ,
Нашли себѣ весьма удобный переѣздъ,
Свой полновѣсный возъ къ гостинницѣ подводитъ,
И самъ почтенный Дицъ, встрѣчать его выходитъ,
И Золотой Сарай хлопочетъ и звонитъ;
Иль вдругъ вся улица народомъ закипитъ:
Торжественно идетъ музыка боевая,

За ней гражданскій полкъ, воинственно ступая,
Въ великолѣпіи, въ порядкѣ строевомъ
Красуется, неся ганавскій огнь и громъ:
Защита вѣчныхъ правъ, полезное явленье;
Торопится ль въ нашъ домъ на страстное сидѣнье
Прелестница, франтя нарядомъ щегольскимъ,
И новымъ зонтикомъ, и платьемъ голубымъ,
Та бѣлотѣлая и сладостная Дора . . .
Взойдетъ ли ясная осенняя аврора,
Или туманный день печаленъ и сердитъ,
И снѣгомъ и дождемъ въ окно мое стучитъ —
И чтобъ ни дѣлалось передо мною: муки
Однѣ и тѣжь со мной; возьму ли книгу въ руки,
Берусь ли за перо; всегда со мной тоска.
Пора же мнѣ домой . . . . Россія далека!
И трудно мнѣ дышать, и сердце замираетъ;
Но никогда меня тоска не угнетаетъ
Такъ сокрушительно, такъ грубо, какъ въ тотъ часъ,
Когда вечерній лучъ давно уже погасъ,
Когда все спитъ, когда одни мои лишь очи
Не спятъ, лишенныя благословеній ночи.

ЭЛЕГІЯ.

Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ, какъ двѣ стѣны:
Межъ ними тѣсный долъ и царство тишины.
Однообразіе въ глуши уединенья;
Градскія суеты, градскія наслажденья
Здѣсь рѣдко видятся и слышатся: порой
Пройдетъ съ курантами потѣшникъ площадной.

Старикъ, усердный жрецъ и музыки и Вакха;
Пройдетъ комедія: сынъ Брута или Гракха
И свищетъ онъ въ свирѣль, и бьетъ онъ въ барабанъ
Ведя полдюжины голодныхъ обезьянъ!
Тоска несносная! Но есть одна отрада:
Между густыхъ вѣтвей общественнаго сада
Мелькаетъ легкая, летучая, какъ тѣнь,
Красавица; свѣтла и весела, какъ день,
Она живительно бодритъ и поднимаетъ
Мой падающій духъ; она воспламеняетъ
Во мнѣ желаніе писать стихи ей въ честь,
Стихи любовные. Еще отрада есть:
Вотъ вечеръ, воздухъ свѣжъ, деревья потемнѣли,
И, чу! поетъ она; серебряныя трели,
Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
Манятъ, зовутъ меня волшебно въ міръ иной,
Въ мои былые дни, и нѣга въ грудь мнѣ льется,
И сладко, сладко мнѣ, а сердце такъ и бьется!....

СЕРЖАНТЪ СУРМИНЪ.

(БЫЛЬ.)

Былъ у меня пріятель, мой сосѣдъ,
Старикъ, почти семидесяти лѣтъ,
Старикъ, какихъ весьма немного нынѣ,
Здоровой; онъ давно ужь заплатилъ
Свой долгъ отчизнѣ: въ гвардіи служилъ
Еще при матушкѣ Екатеринѣ,
При Павлѣ онъ съ Суворовымъ ходилъ

Противу Галловъ. Мой сосѣдъ любилъ
Поговорить, и говорилъ прекрасно,
О прошломъ вѣкѣ, жарко, даже страстно!
Ко мнѣ въ деревню, по воскреснымъ днямъ,
Онъ пріѣзжалъ, не скучно было намъ!
Я вообще выслушиваю жадно
Изустныя преданья, въ нихъ у насъ
Для будущей исторіи запасъ,
И мой сосѣдъ, разсказывалъ такъ складно,
Что хоть куда! Одинъ его разсказъ
Я повторю стихами, какъ съумѣю:
Употребляя въ немъ прозопопею:
«Вотъ тото же! Вы спорите всегда!
Въ нашъ вѣкъ, ни чуть не хуже люди были
И что бы вы объ немъ ни говорили,
А жить не трудно было намъ тогда!
Согласенъ я, что черезчуръ любили
Роскошничать и денегъ не щадили
Тогдашніе большіе господа!
За то они гораздо проще были,
Они добрѣе, мягче были къ намъ,
Неименитымъ, маленькимъ чинамъ.
Въ нашъ вѣкъ вельможа важный и почтенный
Былъ неприступенъ, крутъ между вельможъ;
А съ прочими былъ тихъ обыкновенно
И миловалъ полезно молодежь,
Уча ее не ради разглашенья
Ея грѣховъ, а ради исправленья!
У насъ въ полку служилъ сержантомъ сынъ
Какого-то степнаго дворянина,
Саратовской губерніи, Сурминъ:
Я зналъ его, собой онъ былъ картина:
Высокъ и статенъ, боекъ и умёнъ,

И не буянъ, и всѣмъ хорошъ былъ онъ;
Лишь та бѣда, что молодецъ дружился
Со всякой дрянью, не разборчивъ былъ
По этой части, только и ходилъ
Что на картёжъ, и къ банку пристрастился
Онъ всей душой и службу позабылъ!
И день и ночь бывало съ игроками,
Какъ бы приросъ къ зеленому столу,
Растрепанъ, безобразенъ, весь въ мѣлу,
Угрюмый, сонный, съ красными глазами!
Мы думали, погибнетъ нашъ Сурминъ!
А каково отцу, когда онъ знаетъ,
Какъ сынъ живетъ и время убиваетъ!
Еще гвардеецъ! Онъ срамитъ свой чинъ!
Однажды онъ поутру занимался
Игрою въ банкъ, вдругъ стукъ шаговъ раздался,
И шасть курьеръ: «Кто здѣсь сержантъ Сурминъ?»
Онъ боекъ былъ, однако же смѣшался,
Меня... я... «Вы, къ свѣтлѣйшему сейчасъ
Пожалуйте! Со мною же! Есть дѣло!»
Къ Потемкину? Не сонъ ли? Вотъ-те разъ!
Что жь, такъ и быть! Сурминъ поѣхалъ смѣло
Къ свѣтлѣйшему. Роскошныхъ комнатъ рядъ
Сержантъ проходитъ; мраморныя залы,
Какъ царскія, убранствами блестятъ,
Полны гостей; вельможи, генералы,
Въ звѣздахъ и лентахъ, въ красныхъ, въ голубыхъ,
Стоятъ и ждутъ! Сержанта мимо ихъ
Ведетъ лакей учтивый и проворный,
И въ кабинетъ. «Сюда-съ прошу покорно,
Свѣтлѣйшій здѣсь, сюда!» Сурминъ вошелъ
И видитъ: самъ Потемкинъ на кровати
Сидитъ въ пунцовомъ бархатномъ халатѣ.

Пьетъ кофе; возлѣ приготовленъ столъ
И карты. Князь было взглянулъ сурово,
Но вдругъ сказалъ: «Ахъ, это ты! Здорово,
Сурминъ! Ты въ банкъ играешь? Точно такъ,
Играю, ваша свѣтлость, почему же
И не играть? Отвѣтствовалъ смѣльчакъ,
Мнѣ отъ того на свѣтѣ жить не хуже!»
Садись, играй со мной, да не робѣй!
Потемкинъ сталъ метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выигралъ сержантъ пять сотъ рублей.
Князь отдалъ деньги. На другой день тоже
Сурминъ былъ позванъ къ первому вельможѣ,
Игралъ съ нимъ въ банкъ, и выигралъ опять,
Такъ и потомъ исторія тянулась;
Онъ радъ ее хоть вѣчно продолжать:
Ему фортуна сладко улыбнулась!
Ему житье! Еще и то сказать:
Когда Сурминъ по комнатамъ проходитъ
Изъ кабинета князя, какъ герой;
Сановники кругомъ его толпой:
Тотъ руку жметъ ему, другой заводитъ
Съ нимъ разговоръ, и сталъ Сурминъ знакомъ
Со знатью, сталъ на балы, маскерады
Онъ ѣздить, тамъ ему всѣ рады,
И всѣ его ласкаютъ, онъ въ большомъ
Ходу, въ кругу высокомъ; раздружился
Со сволочью, сталъ книги покупать,
И объ чинахъ, о будущемъ мечтать,
Процвѣлъ душой, совсѣмъ перемѣнился!
Сталъ ѣздить онъ въ одинъ семейный домъ.
Понравился красавицѣ, влюбился
И вѣрно скоро будетъ женихомъ,

Она согласна!... Цѣлый городъ знаетъ,
Что сватовство на ладъ уже пошло,
А между-тѣмъ Потемкинъ продолжаетъ
Играть съ нимъ въ банкъ. Однажды повезло
Свѣтлѣйшему, и сталъ онъ бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другаго утра, нѣтъ далеко!
Что будетъ, будетъ, панъ или пропалъ!
Сержантъ еще играетъ, проигралъ
Еще, и много, денегъ не достало;
Онъ проигралъ часы и перстень, мало!
Еще играетъ, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочаго, и вотъ бѣднѣе Ира
Сурминъ, увы! спустилъ все до гола!
Тутъ князь сказалъ: «Я больше не играю!
А ты раздѣнься, мнѣ отдай свой долгъ,
Да и ступай домой.» Сурминъ примолкъ,
Глаза потупилъ. Я воображаю
Его досаду, страхъ и стыдъ! Хорошъ
Онъ вылетитъ теперь изъ кабинета
Потемкина, какъ разъ въ толпу вельможъ!
И что объ немъ молва большаго свѣта
И тамъ, и тамъ, вездѣ заговоритъ?
Онъ счастье зналъ, и вдругъ неосторожно
Все потерялъ! Оно, какъ призракъ ложный,
Изчезло, самъ онъ навсегда убитъ
И для чиновъ, и для невѣсты милой
И для всего, чѣмъ сердце полно было.
Бѣда, бѣда и только! Князь сердитъ
И пристаетъ и требуетъ ужасно:
Сурминъ чуть живъ, такъ и дрожитъ несчастный!

Весь поблѣднѣлъ, и слезы въ два ручья!
«Ахъ, ваша свѣтлость! Ахъ, не будьте строги!
Помилуйте! Приходитъ смерть моя!
Помилуйте!» И повалился въ ноги
Свѣтлѣйшему. Ну, полно же, вставай!
Сказалъ Потемкинъ, я твой долгъ забуду,
Прощу тебѣ, ты мнѣ лишь слово дай
Не браться вѣкъ за карты. Вѣкъ не буду,
Клянусь вамъ, ваша свѣтлость, никогда
Играть не буду въ карты! Побожился,
И съ той поры онъ бросилъ навсегда
Картежныя бесѣды, онъ женился
Превыгодно и службу продолжалъ,
Украшенный чинами, орденами,
Въ отставку вышелъ. Тутъ онъ разсказалъ,
Ужь бригадиръ, какими онъ судьбами
Исправился и человѣкомъ сталъ:
Онъ молодъ былъ, связался съ подлецами
И въ шайкѣ ихъ онъ вовсе бы пропалъ....
Отецъ услышалъ про его несчастье,
И написалъ письмо чрезъ одного
Стариннаго знакомца своего
Къ свѣтлѣйшему, прося принять участье
Въ житьѣ-бытьѣ заблудшаго сынка,
И князь исполнилъ просьбу старика!»

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
　　Онѣ, при вешнемъ свѣтѣ дня,

Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
Качали ласково меня;
Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
Твои изгибы, твой просторъ,
Твои веселые каштаны и раины,
И виноградъ по склонамъ горъ,
И горы, и на нихъ высокія могилы
Твоихъ былыхъ богатырей,
Могилы рыцарства, и доблести, и силы
Давно, давно минувшихъ дней!
Я Волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
Не такъ, не такъ она бурлитъ,
Когда поднимется погодка верховая
И бѣлый валъ заговоритъ!
А какова она, шумящихъ волнъ громада,
Весной, какъ съ выси береговъ
Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
Чрезъ море водъ и острововъ!
По царству и рѣка!... Тебѣ привѣтъ заздравный
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ,
Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,

Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
Въ раздольѣ муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ, —
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣстъ несется надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свіяги пажитной, игривой и безсонной,
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ, и плескъ неугомонной,
И гулъ работающихъ водъ;
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На исполинскихъ ладіяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,

И всѣхъ и большихъ и меньшихъ,
Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
Державной сѣверной рѣки,
Привѣты я принесъ тебѣ!... Теки со славой,
Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки:
Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
Ни пѣсенъ радостныхъ врага
Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
Твои покоитъ берега!
Да сладостно, на нихъ мечтая и гуляя,
Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
Цѣлуются любовь и юность удалая
При звонѣ синихъ хрусталей!

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Забыли вы меня! Я самъ же виноватъ:
Гдѣ я теперь, зачѣмъ меня взяла чужбина?
Гдѣ я перебывалъ? Вотъ онъ Маріенбадъ,
Ганау, старый Дицъ, его тѣнистый садъ;
Вотъ рейнскихъ береговъ красивая картина,
Крейцнахъ и черные сараи и Гофратъ,
Полковникъ, колесо, Амалія и Пина!
Вотъ край подоблачный! Громады горъ и скалъ,
Чудесные мосты, роскошныя дороги,
Гастуна славная, куда я такъ желалъ....
Вотъ Зальцбургъ, и Тироль, и Альповъ выси строги,
Ихъ вѣчный ледъ и съ нихъ ліющійся кристалъ,
Кричатъ орлы и скачутъ козероги,
И вѣтеръ осени качаетъ темный лѣсъ!

Вотъ и Ломбардія! Веселыя долины,
Румяный виноградъ, каштаны и раины,
Лазурь и пурпуры полуденныхъ небесъ!
Великолѣпныя палаты и столбницы
Надъ яснымъ зеркаломъ потоковъ и озеръ!
Часовни странныя, пугающія взоръ,
Канюки и калекъ и нищихъ вереницы,
Ватага южныхъ вѣдьмъ, красавицы-дѣвицы....
Вдали концы швейцарскихъ горъ!
Вотъ Комо! Берега съ прозрачными домами!
Вотъ площадь и фигляръ, махающій руками!
И пристань, озеро, и въ чистотѣ зыбей
Колеблются цвѣта расписанныхъ ладей
И бѣлыхъ парусовъ играющіе плески;
На площади народъ гулливой и живой,
Италіи народъ пѣвучій, удалой,
И деревянные Тедески!
Вотъ пасмурный Миланъ съ поникшей головой,
Туринъ и Піемонтъ гористый! Вотъ Савона!
Отважный путь лежитъ надъ бездной, на тычкѣ!
И вотъ онъ, островокъ, чуть видный вдалекѣ,
Какъ облачко на краѣ небосклона,
Не важный на моряхъ, но важный на рѣкѣ
Временъ, гдѣ онъ горитъ звѣздой Наполеона!
Вотъ Ница — вотъ гдѣ я! Вотъ городъ и заливъ,
Приморскіе сады лимоновъ и оливъ,
И свѣтлый рядъ домовъ съ заѣзжими гостями,
И воздухъ сладостный, какъ медъ!
О много, много странъ, въ мой длинный, черный годъ,
Я видѣлъ скучными глазами!
Скитаюсь по водамъ цѣлебнымъ, и увы!
Еще пью чашу водъ! Горька мнѣ эта чаша!
Тоска меня томитъ! Дождусь ли я Москвы?

Когда узнаю я, что дѣлаете вы?
Какъ распѣваетъ муза ваша?
Какой вѣнокъ теперь на ней?
Теперь, когда она, родная намъ, гуляетъ
Среди московскихъ музъ и царственно сіяетъ,
Она, любезная начальница моей!

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

СКАЧКОВЪ, ВЛАСЬЕВЪ, ХВОРОВЪ, ДРЯНСКОЙ, ПРОНСКОЙ. (*Всѣ навеселѣ въ разныхъ градусахъ*).

СКАЧКОВЪ.

Ужь пить, такъ пить. Держаться середины
Я не могу: оно и мудрено,
Здѣсь, напримѣръ, когда такія вины
Намъ предстоятъ, какъ вотъ мое вино,
Кипучее, разгульное, живое,
И свѣтлое, и свѣтлозолотое!
Люблю его и пью его давно,
Какъ вѣрный другъ ему не измѣняя
Съ младенчества. Ахъ, юность удалая!
Друзья мои, зачѣмъ она прошла!
А хороша, какъ хороша была,
Пора надеждъ, восторговъ и желаній!...
Да, господа, хочу я предложить
Одинъ законъ для нашихъ засѣданій —
Законъ равенства: поровну всѣмъ пить,
Чтобъ не было различныхъ состояній

Въ кругу друзей, и были бъ всѣ равно....
Согласны вы? (*Пьетъ*) Прекрасное вино!

ХВОРОВЪ.

Согласны.

ДРЯНСКОЙ.

Я согласенъ, утверждаю,
Законъ премудрый!

СКАЧКОВЪ.

Я провозглашаю
Торжественно, теперь же укрѣпимъ
И навсегда....

ПРОНСКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мы не хотимъ,
Мы отрицаемъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Думаемъ иначе;
Я докажу, что этакой законъ,
Законъ равенства вреденъ и смѣшонъ,
Всегда, вездѣ, въ кругу друзей тѣмъ паче,
Гдѣ всякой дома, всякому должно
Быть весело.

ДРЯНСКОЙ.

И всякой пей свободно,
Какъ, и когда, и что ему угодно:
Вотъ нашъ законъ!

СКАЧКОВЪ (*пьетъ вино*).

Вкуснѣйшее вино!
Я имъ доволенъ: утѣшеній много

Въ немъ нахожу, имъ освѣжаюсь я.
Друзья мои! Идя земной дорогой,
Мы охаемъ подъ ношей бытія,
Мы устаемъ, трудяся до упаду;
Такъ намъ ей-ей отрадно иногда
Освободить плеча изъ-подъ труда
Жестокаго, прилечь подъ тѣнь, въ прохладу,
И скушать двѣ-три кисти винограду!

ХВОРОВЪ.

Ты говоришь, Скачковъ, какъ бы поэтъ....
Мысль не нова, а выражена мило.

СКАЧКОВЪ.

Я не поэтъ, однакожь время было,
Я писывалъ то пѣсню, то сонетъ
Красавицѣ; я предавался мрачно
Своей любви, и гордо воспѣвалъ
Тоску, луну и все....

ХВОРОВЪ.

Ты подражалъ....

СКАЧКОВЪ.

Кому это?

ХВОРОВЪ.

И подражалъ удачно
Кубенскому, который въ свой чередъ
Самъ подражалъ, самъ корчилъ онъ Виктора Гюго.

СКАЧКОВЪ.

Ты правъ. Я избѣгаю спора:
Вы критики несноснѣйшій народъ!

А впрочемъ, какъ бы вы ни разсуждали,
Кубенскій былъ рѣшительно поэтъ,
Какихъ еще немного мы видали:
Уменъ, ученъ и двадцати трехъ лѣтъ,
Онъ понялъ жизнь, на міръ глядѣлъ глубоко,
Великое и доброе постигъ,
Трудолюбивъ, прочелъ онъ груды книгъ,
Зналъ языки; стоялъ бы онъ высоко
Въ словесности. Ахъ, братцы, жаль его!
Нежданая, ужасная утрата!
Мы всѣ его любили, такъ какъ брата,
Какъ генія, поэта своего!
И вдругъ онъ умеръ. Помню очень ясно,
Какъ вмѣстѣ мы встрѣчали новый годъ,
Всѣ вмѣстѣ у Кубенскаго. Прекрасной
Тогда былъ пиръ! И новый настаётъ;
А лучшій другъ къ своимъ ужь не придетъ.

ХВОРОВЪ.

Прилично бы въ его поминовенье
Всѣмъ по стакану. Выпьемъ же друзья! (*пьютъ*).

СКАЧКОВЪ.

Кубенскій былъ намъ честь и прославленье,
Роскошный цвѣтъ привольнаго житья,
Онъ сочеталъ въ себѣ познанье свѣта
Съ ученостью, свободу юныхъ дней
И вѣрный взглядъ на жизнь и на людей
Съ веселостью и пылкостью поэта!
Былъ чистъ душой, да встрѣтитъ радость тамъ....
Хвала ему и миръ его костямъ!

(*Встаютъ и чокаются*).

ВЛАСЬЕВЪ.

Чтобы у насъ объ немъ воспоминанье
Хранилось свято, сладостное намъ!

ДРЯНСКОЙ.

И каждый годъ такое жь возліянье
Свершать по немъ!

ХВОРОВЪ.

И чаще я готовъ.

ДРЯНСКОЙ.

Какъ молодъ былъ и былъ всегда здоровъ,
И вдругъ онъ умеръ!

ХВОРОВЪ.

Бренное созданье!
Каковъ бы ни былъ человѣкъ, нашъ братъ.

ДРЯНСКОЙ.

И то сказать, онъ самъ же виноватъ:
Онъ страненъ былъ, зачѣмъ онъ не жилъ съ нами,
У насъ, въ Москвѣ? Погнался за чинами,
Перемѣнилъ родъ жизни и климатъ,
Сталъ день и ночь работать черезъ силу
И заболѣлъ, взялъ отпускъ, и скорѣй
Въ тамбовскую деревню, тамъ въ могилу,
При помощи уѣздныхъ лѣкарей.

ХВОРОВЪ.

Не помню кто.... нѣтъ, помню, точно, Тлѣнской
Мнѣ сказывалъ, что онъ письмо читалъ
И шесть стиховъ, которые Кубенской

Передъ своею смертью написалъ
Какой-то теткѣ....

ВЛАСЬЕВЪ.

Я прошедшимъ лѣтомъ
Не разъ ему говаривалъ: зачѣмъ
Москву и насъ бросаешь ты совсѣмъ?
Останься здѣсь, займись своимъ предметомъ;
Передъ тобой великій міръ души;
Работай въ немъ на волѣ, будь поэтомъ
Возвышеннымъ и драму напиши!
Онъ пренебрегъ тогда моимъ совѣтомъ;
Онъ былъ упрямъ.

ДРЯНСКОЙ.

Онъ Гегеля не зналъ
И не любилъ Кузеня....

СКАЧКОВЪ.

А читалъ.

ХВОРОВЪ.

И вообще былъ чрезвычайно страненъ,
Хотѣлъ служить....

СКАЧКОВЪ.

Да, службу знаю я!
Легко сказать. Послушайте, друзья,
Послушай, Пронской, что ты такъ туманенъ?
Нахмурился, въ себя препогруженъ,
Исполненъ думы, будто сочиняешь
Законъ природы.... Кстати бъ ей законъ
На новый годъ. Нѣтъ, знаю, ты мечтаешь
Объ Олинькѣ Варлянской....

ПРОНСКОЙ.

Все ты знаешь!
И вот ошибся, вовсе не объ ней;
И что тебѣ? Вѣдь ты не понимаешь
Ея достоинствъ.

СКАЧКОВЪ.

Мракъ въ душѣ моей:
Звѣзда любви когда-то мнѣ свѣтила,
Твоя звѣзда, но только что манила,
И вотъ не къ ней летятъ мои мечты!

ПРОНСКОЙ.

Такъ и должны....

СКАЧКОВЪ.

О чемъ же думалъ ты?
О чемъ-нибудь общественномъ и важномъ,
Скажи, о чемъ?

ПРОНСКОЙ.

Я думалъ.... какъ въ нашъ вѣкъ
Усовершился, выросъ человѣкъ,
Въ своемъ быту, въ развитіи отважномъ
Своихъ идей, какую бездну силъ
Природы онъ себѣ поработилъ!
И какъ легко и вѣрно правитъ ими
Теперь уже, а что еще впередъ,
Что сдѣлаетъ онъ силами такими,
Когда имъ дастъ повсюдный, полный ходъ?
Лѣтъ черезъ сто, какой переворотъ!
Гражданственность, науки, все пойдётъ,
Когда вездѣ желѣзныя дороги....

СКАЧКОВЪ.

Вездѣ онѣ, о милосерды боги!...
А знаешь ли ты, Пронской, что твоя
Звѣзда, любовь и радость бытія,
Прекрасная прочь отъ тебя склонила
Свое лицо, весь жаръ лучей своихъ
Къ другому....

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ, ужели измѣнила?

СКАЧКОВЪ.

Почти что такъ: у ней ужь есть женихъ.

ПРОНСКОЙ.

Вотъ вздоръ! Когда....

СКАЧКОВЪ.

А въ эти двѣ недѣли,
Которыя такъ мимо пролетѣли
Въ твоей тиши, въ сидѣніи твоемъ
За книгами и письменнымъ столомъ,
Въ живительныхъ, несуетныхъ бесѣдахъ
Съ главнѣйшими свѣтилами временъ.

ХВОРОВЪ.

Я слышалъ самъ.

ДРЯНСКОЙ.

Вездѣ на всѣхъ обѣдахъ
Ужь говорятъ....

ХВОРОВЪ.

Женихъ въ нее влюбленъ
До бѣшенства.

ДРЯНСКОЙ.

Вчера мы поздравляли
нскую. Какія серги, шали
й даритъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

А кто ея женихъ?

СКАЧКОВЪ.

олодецъ, проворнѣе другихъ,
тный, преизвѣстный Загорѣцкій.

ВЛАСЬЕВЪ.

чудеса! Нашла же за кого....

ХВОРОВЪ.

эму же не выйдти за него?
еловѣкъ богатый, прямо свѣтскій,
ный, умный, вовсе ей подъ стать

ВЛАСЬЕВЪ.

я бы....

ХВОРОВЪ.

Какъ эдакъ разсуждать!
:енъ я, другая бы, конечно....
наши дни смѣшно любить безпечно;
разсчетъ.

ДРЯНСКОЙ.

А можетъ-быть и вкусъ;
ительно....

ПРОНСКОЙ.

Я, право, не сержусь,
:тно мнѣ.... я предался сердечно,

Я предался вполнѣ моей любви;
Чистѣйшія желанія мои
Сливались въ ней. Мои труды, заботы,
Мои печали, радости и сны
И смѣлыхъ думъ свободные полеты,
Всѣ были ей одной посвящены!
А міръ мечты свѣтлѣе, выше, краше,
Отраднѣе существенности нашей!
Чудесный міръ, онъ мнѣ знакомъ, друзья.
Въ него меня, какъ въ небо, уносила
Моей любви таинственная сила,
И гдѣ же онъ? И нѣтъ его! Гдѣ я?
Кругомъ меня опять и мракъ и холодъ
Земныхъ сусетъ, опять я праха сынъ!
Куда иду? Несчастливъ и одинъ....

ХВОРОВЪ.

Не плачь, мой другъ.

СКАЧКОВЪ.

Ахъ, братецъ, какъ ты молодъ!
Вотъ на и пей. Тоска твоя пройдетъ.
Повѣрь ты мнѣ, въ винѣ такая жь сила,
Какъ и въ любви; оно ей антидотъ.
Я самъ любилъ, мнѣ также измѣнила
Волшебница, и не твоей чета,
И не въ Москвѣ, и чудо красота,
И нѣмочка, въ Германіи, на Рейнѣ,
Эмилія: я также пылокъ былъ
И тосковалъ, но скоро утопилъ
Огонь любви на мѣстѣ же въ Рейнвейнѣ.
И веселъ сталъ, какъ прежде: вотъ любовь!

ДРЯНСКОЙ.

энскій правъ: «Не знаю, что любовь?
«Стаканъ вина, иль дымъ священный?
«Души припадокъ вдохновенный,
«Иль разыгравшаяся кровь?»

ХВОРОВЪ.

унывай, садись за книги смѣло,
есмотри Гиббона своего:
сдѣлаешь полезнѣйшее дѣло,
мастерски переведешь его.

ДРЯНСКОЙ.

что Гиббонъ? Вотъ есть надъ чѣмъ трудиться!
устарѣлъ, прошла его пора....

ВЛАСЬЕВЪ.

ѣтую покрѣпче углубиться
исторію Россіи до Петра,
аконецъ рѣшить вопросъ великой.

СКАЧКОВЪ.

орый окончательно рѣшенъ

ВЛАСЬЕВЪ.

Не для меня.

СКАЧКОВЪ.

Ахъ, Власьевъ, ты уменъ,
се читалъ, а судишь слишкомъ дико.
а же намъ оставить нашу старь,
ъ ветхій, давнолѣтній календарь,
ерестать напрасно шевыряться

Въ родной пыли; пора идти впередъ
И намъ.

ДРЯНСКОЙ.

Нѣтъ, за Европой гнаться
Намъ тяжело; мы не такой народъ....

СКАЧКОВЪ.

Прикажешь намъ сидѣть, поджавши руки,
Безсмысленно и мертво ко всему,
Что̀ движетъ всѣхъ, что̀ дѣлаютъ науки
И тамъ и тамъ. Нѣтъ, мы по твоему
Давно уже погибли бы со скуки.

ВЛАСЬЕВЪ.

А согласись, что пища есть уму
Прекрасная, питательная пища,
Уединяться отъ живыхъ людей
Въ священный мракъ давно минувшихъ дней,
На тихія, смиренныя кладбища
Изчезнувшихъ народовъ и царей!
Умъ творческой способностью своей
Влагаетъ жизнь въ могилы молчаливы,
И передъ нимъ онѣ краснорѣчивы,
И передъ нимъ вѣка, за рядомъ рядъ,
Встаютъ, идутъ и внятно говорятъ;
Какъ наяву онъ видитъ ихъ и слышитъ,
Онъ судитъ ихъ и величаво пишетъ
Свой судъ въ урокъ позднѣйшимъ временамъ.

ХВОРОВЪ.

И я люблю и занимался самъ
Исторіей, особенно Нибуромъ;
Я начиналъ его переводить.

ПРОНСКОЙ.

Мнѣ кажется, что можно бы сравнить
Великаго историка съ авгуромъ:
Историкъ также долженъ уходить
Отъ шума и приличій современныхъ
На свѣтлый лугъ холмовъ уединенныхъ,
Чтобъ наблюдать съ свободныхъ ихъ высотъ
Судьбу вѣковъ, ихъ вѣщій крикъ и лётъ....

СКАЧКОВЪ.

Ну полно, братъ, я не терплю сравненій.

ДРЯНСКОЙ.

За что это?

СКАЧКОВЪ.

Не трудно ихъ набрать.

ХВОРОВЪ.

Сравненія до ложныхъ заключеній
Доводятъ насъ, и странно бъ основать
На нихъ науку или выводъ цѣлый.

ДРЯНСКОЙ.

Въ поэзіи....

ХВОРОВЪ.

Тогда другое дѣло:
Тамъ мѣсто имъ, они тамъ хороши.

ДРЯНСКОЙ.

Какъ напримѣръ сравненіе души
Съ огнемъ лампады....

ХВОРОВЪ.

Или жизни нашей
Съ несвязнымъ сномъ....

СКАЧКОВЪ.

А молодости съ чашей
Вина. Друзья! давайте жь пить вино, (*пьетъ*)
Пока еще такъ чисто и прекрасно
Кипитъ, блеститъ и пѣнится оно.

ВЛАСЬЕВЪ (*смотритъ въ окно*).

Луна взошла и сыплетъ свѣтъ свой ясной
На бѣлый снѣгъ! Серебряная ночь! (*задумывается*).
Вы помните: такая же точь въ точь
Она была, когда мы любовались
На видъ Кремля, Кубенскій съ нами былъ....

ДРЯНСКОЙ.

И на своихъ пегасахъ....

ВЛАСЬЕВЪ.

Говорилъ
Торжественно; мы долго восхищались
Величіемъ и славою Кремля!
И гдѣ поэтъ? Его взяла земля
И не отдастъ....

СКАЧКОВЪ.

Скажи ты мнѣ, мой милой,
Ты Пронской, полно! Ты опять уныло
Задумался, скажи свой приговоръ:
Вѣдь ты читалъ ту книгу? Міръ явленій
Изъ-за могилы. право, сущій вздоръ!

ДРЯНСКОЙ.

Однако же, друзья, и до сихъ поръ
Не рѣшено ....

ПРОНСКОЙ.

Объ этомъ много мнѣній:
Защитники такихъ духовидѣній
Зашли уже чрезмѣрно далеко,
Предположивъ рѣшительно возможность ....

ДРЯНСКОЙ.

А для ума почти равно легко
Доказывать неложность ихъ и ложность,
Не испытавъ на дѣлѣ.

ХВОРОВЪ.

Такъ, ты правъ,
Весьма легко, когда не испытавъ ....
Я думаю: обманъ воображенья ....
Иль выдумка, вѣдь Кернеръ самъ поэтъ.

СКАЧКОВЪ.

Невѣжество иль сумасшедшій бредъ.

ДРЯНСКОЙ.

Но ежели достойный уваженья
И всѣмъ извѣстный человѣкъ съ умомъ,
Правдивости и честности примѣрной,
Какъ дядя мой, и человѣкъ притомъ
Ученый и ничуть несуевѣрный,
Самъ Тимоѳей Петровичъ Волховской ....

ХВОРОВЪ.

Все пустяки!

ПРОНСКОЙ.

Такъ что же дядя твой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Послушаемъ.

СКАЧКОВЪ.

Пожалуйста недолго.
Разсказывай! Пора намъ новый годъ
Встрѣчать, не то не встрѣченный придётъ....
(*Смотритъ на часы.*)
Одинадцать.

ДРЯНСКОЙ.

Мой дядя жилъ за Волгой,
Въ деревнѣ; былъ онъ вообще любимъ
Сосѣдами, особенно жь съ однимъ
Ближайшимъ всѣхъ, съ майоромъ отставнымъ,
Съ Курковымъ былъ онъ друженъ. Самъ почтенный
Майоръ былъ очень старъ и домосѣдъ,
Такъ дядя мой ѣзжалъ, обыкновенно
По вечерамъ, къ нему играть въ пикетъ;
Они всегда садились въ кабинетѣ
Куркова, гдѣ висѣлъ большой портретъ
Хозяина. Майоръ былъ на портретѣ
И въ орденахъ, и въ пукляхъ, и съ косой,
И такъ похожъ, такъ дядѣ полюбился,
Что наконецъ онъ выпросить рѣшился
Его себѣ въ подарокъ. «Нѣтъ, другъ мой,
Сказалъ майоръ, нельзя. Помилуй, что ты?
Такой портретъ прекраснѣйшій! Работы
Левицкаго, тебѣ какая стать?
Самъ посуди, картина дорогая!»
Такъ дай же мнѣ его хоть срисовать,

Сказалъ мой дядя. «Это рѣчь другая!
Возми, срисуй; однакожъ уговоръ,
Чтобъ мой портретъ черезъ полгода снова
Былъ дома!» Дядя взялъ портретъ Куркова,
И у себя повѣсилъ; а майоръ
Чрезъ три дни умеръ, и его картина
Осталась дядѣ, другу напоминъ.
И быть бы такъ, да сдѣлалась причина!
Разъ дядя мой былъ дома и одинъ;
Была ужь ночь; лакеи спать ложились,
А онъ сидѣлъ за книгой .... Слышитъ: вдругъ
По комнатѣ пронесся шумъ и стукъ
Шаговъ, идутъ, и двери отворились!
Вошелъ Курковъ, къ стѣнѣ приставилъ стулъ,
Портретъ досталъ, со всѣхъ сторонъ обдулъ,
Подъ мышку взялъ и съ нимъ проворно вышелъ.
Не струсилъ дядя: тутъ же онъ вскричалъ
Людей и дворню, домъ весь обыскалъ:
Нигдѣ никто не видѣлъ и не слышалъ,
Кто взялъ портретъ, и какъ пропасть онъ могъ.
Тутъ вспомнили, что въ эту ночь былъ срокъ:
Послать портретъ, по силѣ уговора,
Въ майорской домъ. Мой дядя съѣздилъ самъ
Въ село Куркова, въ кабинетъ майора
Вошелъ: портретъ покойника былъ тамъ
На прежнемъ мѣстѣ. Я васъ увѣряю ....
Не вѣрю самъ, а дядя ....

СКАЧКОВЪ.

Знаю, знаю,
И самъ могу .... Пожалуй и у насъ
Въ семьѣ хранится этакой разсказъ,
Еще отъ дѣда, также достовѣрный ....

ХВОРОВЪ.

Мы слушаемъ.

СКАЧКОВЪ.

У бабушки моей
Былъ человѣкъ, слуга, ея лакей,
Старикъ Миронъ; слуга онъ былъ примѣрной,
Любилъ мести полы, и мелъ онъ ихъ всегда
Такъ смирно, тихо мелъ, что господа
Весьма остро за то его прозвали
Мирономъ тихимъ. Умеръ онъ. Такъ что жь!
Теперь такихъ усердныхъ не найдёшь:
Лѣнивѣе и хуже люди стали!
Въ полночный часъ, Миронъ и мертвецомъ
Ходилъ мести полы въ господскій домъ,
И мелъ, какъ прежде. Многіе видали
И много разъ, и дѣдъ мой видѣлъ самъ,
И бабушка ходила со свѣчами
Въ гостиную и наблюдала тамъ,
Какъ по полу пыль ѣхала рядами
Къ дверямъ сама, а щетки не видать!
Вотъ вамъ, друзья, извольте разсуждать!

ХВОРОВЪ.

Все это вздоръ.

СКАЧКОВЪ.

А, я божиться буду,
Что дѣдъ не лгалъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Я никакому чуду
Не вѣрю.

СКАЧКОВЪ (*садится за столъ*).

Братцы, новый годъ встрѣчать
Пора. Друзья, садитесь, начинаю
Желанія .... Да слушайте жь, друзья,
Садитесь всѣ. Вопервыхъ я желаю,
Начну съ себя, себѣ желаю я,
Чтобъ я, Скачковъ, побольше занимался
Дѣлами службы; чтобъ любилъ труды
Полезные; чтобъ рѣже я влюблялся
И рѣже бы въ армидины сады
Ходилъ ловить обманчивые взгляды
Сиренъ; впередъ чтобъ не былъ я сердитъ,
Когда моимъ товарищамъ награды,
Мѣста, кресты, и все такъ и летитъ;
Чтобъ я сидѣлъ за важною работой,
А не вертѣлся въ мелочныхъ чинахъ.
Теперь, мои друзья .... (*Слышенъ скрыпъ саней*).

ВЛАСЬЕВЪ.

Подъѣхалъ кто-то
Къ крыльцу .... нѣтъ, нѣтъ ....

ХВОРОВЪ.

На пѣгихъ лошадяхъ.

СКАЧКОВЪ.

Да слушайте жь! Теперь, друзья, желаю,
Тебѣ, мой милой Пронской ....

ВЛАСЬЕВЪ.

Нѣтъ, сюда
Пріѣхалъ кто-то.

СКАЧКОВЪ.

Сядьте, господа,
И слушайте меня, я продолжаю:
Тебѣ, мой Пронской, на твоемъ вѣку
Довольно ты любовныхъ треволненій
Препобѣдилъ, тебя твой добрый геній....

(*Входитъ Кубенской и обращается къ Хворову*).

ХВОРОВЪ.

Ахъ, батюшки! (*Вылетая въ дверь*) Артемій, табаку!

КУБЕНСКОЙ.

Здорово, Пронской! Вотъ и я съ друзьями
Опять.... (*Всѣ отъ него отворачиваются въ испугѣ*).
Друзья, Скачковъ!

СКАЧКОВЪ.

Поди ты! Нѣтъ, не я....

КУБЕНСКОЙ.

Что это вы?... что дѣлается съ вами?
Помилуйте, послушайте, друзья!

ХВОРОВЪ (*вбѣгаетъ*).

Кубенской живъ, онъ живъ!

КУБЕНСКОЙ.

Смотрите сами.
Вотъ я, Кубенской, тотъ же....

ВЛАСЬЕВЪ.

Здравствуй, другъ!

ПРОНСКОЙ.

Ты не сердись, Кубенской: намъ сказали,
Что умеръ ты, такъ мы не полагали....

ДРЯНСКОЙ.

Вольно жь пугать насъ. Этакой испугъ!

ХВОРОВЪ.

Всѣ думали.... а ты явился вдругъ,
Всѣ думали....

КУБЕНСКОЙ.

Я боленъ былъ опасно,
Отчаянно....

ДРЯНСКОЙ.

Да можно бы дать знать....

КУБЕНСКОЙ.

Былъ при смерти, однакожь умирать
Не умеръ.

ВЛАСЬЕВЪ (*обнимаетъ его*).

Другъ, ты поступилъ прекрасно!

КУБЕНСКОЙ.

Я къ вамъ спѣшилъ, и вотъ всего-то съ часъ,
Какъ я въ Москвѣ. Я приглашаю васъ,
Друзья, ко мнѣ: мы встрѣтимъ, какъ бывало,
Студенчески и этотъ новый годъ,
Разгульно, шумно!

ДРЯНСКОЙ.

Звонко, разудало!

ХВОРОВЪ.

Какъ слѣдуетъ.

КУБЕНСКОЙ.

Веселый пиръ пойдетъ,
Какъ прошлый разъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

И даже веселѣе
У мертвеца . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Поѣдемъ же скорѣе.
Пора, друзья.

ВЛАСЬЕВЪ.

Поѣдемъ и пойдемъ.

ДРЯНСКОЙ.

Подумаешь, вотъ слухи . . . .

ХВОРОВЪ.

Что жь такое!
Не мы . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое!

ВЛАСЬЕВЪ.

Какая ночь!

ПРОНСКОЙ.

Идемъ же . . . .

СКАЧКОВЪ.

И поемъ:
Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus . . . .

(*Всѣ подтягиваютъ.*)

АЛЬПІЙСКАЯ ПѢСНЯ.

НА ГОЛОСЪ: «МАЛЬБРУКЪ ВЪ ПОХОДЪ ПОѢХАЛЪ».

Изъ тишины глубокой
Родимаго села
Судьба меня жестоко
На Альпы занесла,

Гдѣ шаткія дороги
Прилѣплены къ горамъ,
И скачутъ козероги
По горнымъ крутизнамъ, —

Гдѣ лѣсъ шумитъ дремучій
Высоко близъ небесъ,
И сумрачныя тучи
Цѣпляются за лѣсъ, —

Гдѣ ярко на вершинахъ
Блистаетъ вѣчный снѣгъ,
И вторится въ долинахъ
Ручьевъ гремучій бѣгъ.

И вотъ она Гастуна,
Куда стремился я,
Gastuna tantum una,
Желанная моя!

Плохое новоселье,
Домовъ и хижинъ рядъ . . . .

Надъ бездною въ ущельѣ
Они такъ и висятъ!

И словно звѣрь свирѣпый
Рѣка межъ нихъ ревётъ,
Бѣгущая въ вертепы
Съ подоблачныхъ высотъ.

И шумъ безперестанный,
И стонъ стоитъ въ горахъ,
И небеса туманны,
И горы въ облакахъ.

НИЦАРКѢ.

Если бъ ты была Юнона,
А любовникъ твой Зевесъ;
Садъ твой, милая Миньона,
Походилъ бы не на лѣсъ:
Въ немъ не ландыши простые
Осѣняла бъ тѣнь дубовъ,
А блистательно-живые
Іакинѳы золотые —
Драгоцѣнности садовъ.

МОРСКОЕ КУПАНЬЕ.

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня

Блеститъ подвижная громада кристала,
И тихо, качаясь, идетъ на меня;
Вотъ, словно въ раздумьи, она отступила,
Вотъ, берегъ она подъ себя покатила,
И выше сама поднялась и падетъ;
И громомъ, и пѣной пучинная сила,
Холодная, бурно меня обхватила,
Кружитъ, и бросаетъ, и душитъ, и бьетъ . . .
И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
И холода, легокъ и свѣжъ, выхожу;
Живѣе мои выпрямляются члены;
Вольнѣе дышу, веселѣе гляжу
На берегъ, на горы, на свѣтлое море;
Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
И юность, такая жь, какъ прежде была,
Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
Гулять, распѣвать, красоваться готова
Свободно, безпечно, рѣзва, удала.

ПѢСНЯ БАЛТІЙСКИМЪ ВОДАМЪ.

Пою васъ, балтійскія воды! вы краше
Другихъ, величайшихъ морей;
Лазурно-широкое зеркало ваше
Свободнѣе, чище, свѣтлѣй:
На немъ не крутятся огромныя льдины,
Въ щепы разбивая суда;
На немъ не блуждаютъ холмы и долины
И горы полярнаго льда;
Въ немъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ

И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ:
Приволъ янтарей золотыхъ
И рыбы вкуснѣйшей! Балтійскія воды!
На вольной лазури своей
Носили вы часто въ старинные годы
Станицы норманскихъ ладей;
Слыхали вы пѣсни побѣдныя скальда
И буйные крики войны,
И пѣсню любви удалаго Гаральда,
Пѣвца непреклонной княжны;
Носили вы древле и грузы богатства
На Русь изъ нѣмецкой земли,
Когда, сограждане ганзейскаго братства,
И Псковъ и Новгородъ цвѣли;
И нынѣ вы носите грозные флоты:
Не рѣдко въ строю боевомъ
Гуляютъ на васъ громовые оплоты
Столицы, созданной Петромъ,
И тысячи, тьмы росписныхъ пароходовъ
И всякихъ торговыхъ судовъ
Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ
Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ.
О! вы достославны и въ новые годы,
Какъ прежде; но пѣсню мою,
Похвальную пѣсню, балтійскія воды,
Теперь я за то вамъ пою,
Что вы, въ ту годину, когда бушевала
На васъ непогода, — она
Ужасна, сурова была: подымала
Пучину съ далекаго дна,
И силы пучинной и сумрака полны,
Громады живаго стекла,

Качаяся, двигались шумныя волны,
И бездна межъ ними ползла;
И долго тѣ волны бурлили, и строго
Онѣ разбивали суда,
И долго та бездна зіяла и много
Пловцовъ поглотила, — тогда,
Въ тѣ страшные дни роковой непогоды,
Почтенно уважили вы
Елагиныхъ; вы ихъ на невскія воды
Примчали, — и берегъ Невы
Счастливо ихъ принялъ: за то вы мнѣ краше
Всѣхъ южныхъ и сѣверныхъ водъ
Морскихъ, и за то уваженіе ваше
Мой стихъ вамъ и честь отдаетъ!

ЭЛЕГІЯ.

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
Печальный, трепетный и томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Благословляю твой возвратъ
Изъ этой нехристи нѣмецкой,

На Русь, къ святынѣ москворѣцкой!
Ты, слава Богу, счастливъ, братъ:
Ты дома, ты уже устроилъ
Себѣ привольное житье;
Уединеніе свое
Ты оградилъ и успокоилъ
Отъ многочисленныхъ суетъ
И вредоносныхъ навожденій
Мірскихъ, отъ праздности и лѣни,
Отъ празднословящихъ бесѣдъ,
Высокой, вѣрною оградой
Любви къ труду и тишинѣ;
И своенравно и вполнѣ
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цвѣтетъ
Твое житье легко и пышно,
Какъ милый цвѣтъ въ тѣни затишной.
У родника стеклянныхъ водъ!
А я, по прежнему, въ Ганау
Сижу, мнѣ скука и тоска
Среди чужаго языка:
И Гальмъ, и Гейне, и Ленау
Передо мной, усердно ихъ
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идутъ, какъ безталанный стихъ;
Отрады нѣтъ. Одна отрада.
Когда передъ моимъ окномъ,
Площадку гладкимъ хрусталёмъ,
Оледенитъ година хлада:
Отрада мнѣ тогда глядѣть,
Какъ нѣмецъ скользкою дорогой
Идетъ, съ подскокомъ жидконогой —

И бацъ да бацъ на гололедь!
Краснорѣчивая картина
Для русскихъ глазъ! Люблю ее!
Но вѣдь томленіе мое
Пройдетъ же — и меня чужбина
Отпуститъ на святую Русь!
О! я, какъ плаватель спасенной
Отъ бурь и бездны треволненной,
Счастливъ и радостенъ явлюсь
Въ Москву, что въ пристань. Дай мнѣ руку!
Пора мнѣ дома отдохнуть;
Я перекочкалъ трудный путь,
Перетерпѣлъ тоску и скуку
Тяжелыхъ лѣтъ въ краю чужомъ!
За то смотри: гляжу героемъ;
Давай же, братъ, собща устроимъ
Себѣ пріютъ и заживемъ!

ЭЛЕГІЯ.

Поденщикъ, тяжело навьюченный дровами,
Идетъ по улицѣ. Спокойными глазами
Я на него гляжу; онъ прежнихъ думъ моихъ
Печальныхъ на душу мнѣ болѣ не наводитъ:
А были дни — и вѣкъ я не забуду ихъ —
Я думалъ: Боже мой! какъ онъ счастливъ! онъ ходитъ!

АЛЕКСѢЮ АНДРЕЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Была прекрасна, весела
Та живописная картина
Свободной жизни, та година
Достойно-праздничнa была,
Когда остатки вдохновеній
Студентской юности моей
Я допивалъ въ кругу друзей,
Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣній,
Стихомъ блистая удалымъ,
Восторженъ, выше всякой прозы,
Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
Любили хмѣль мой, слава имъ!
А нынѣ гдѣ, каковъ я нынѣ?
О! знаю, чувствую: тому
Душецвѣтенью моему,
Той исторической картинѣ
Не повториться никогда.
Но ежели мои печали
Минуютъ такъ, какъ миновали
Мои златые дни — тогда
Грѣшно бы, право, на досугѣ
Не помянуть намъ за виномъ
О томъ гуляніи моёмъ,
Какъ о минувшемъ, миломъ другѣ.
Не такъ ли? Я почти готовъ,
Я радъ сердечно, я чужбину,
Мою тоску легко покину,
И прямо съ майнскихъ береговъ
Въ Москву. Вы ждете — ѣду, ѣду,

Скачу, лечу, и вотъ, какъ разъ
Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ,
И наливай сосѣдъ сосѣду!

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРѢ.

I.

ВЛАСЬЕВЪ.

Войди! Ахъ! здравствуй....

СКАЧКОВЪ.

Здравствуй, братъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Откуда и куда ты?

СКАЧКОВЪ.

Возвращаюсь
Изъ дальнихъ странъ въ Россію.

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ я радъ
Тебѣ! Садись.

СКАЧКОВЪ.

Давно ужь я толкаюсь
Межъ нѣмцами; пора мнѣ ко своимъ,
Въ отечество: отечественный дымъ....
А ты, здоровъ? Не такъ ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Поправляюсь . . . .
Я хоть куда!

СКАЧКОВЪ.

Карлсбадъ тебѣ помогъ:
Чудесный ключъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Я имъ весьма доволенъ.

СКАЧКОВЪ.

И есть за что: ты словно не былъ боленъ,
Сталъ молодцомъ, отъ головы до ногъ
Включительно, ты потолстѣлъ прекрасно.
Свѣжъ и румянъ. Ты явишься домой.
Милъ и любезенъ тѣломъ и душой.
А между-тѣмъ ты ѣздилъ не напрасно
И для ума, ты бросилъ высшій взглядъ
На разные предметы, освѣжился
Отъ жизни вялой, сонной, прокатился
Въ Германію. И знаешь ли что, братъ?
Женись-ка ты. Покинь свой бытъ келейной.
Безплодныя работы и мечты
Студентскихъ лѣтъ, да смѣло въ міръ семейной,
Въ объятія любви и красоты!
Ты вѣрно счастливъ будешь, мнѣ, какъ другу,
Повѣрь ты: одинокое житье
Не хорошо, особенно твое
Сидячее, найди себѣ подругу
Хариту.

ВЛАСЬЕВЪ.

Я отъ этого не прочь
И былъ бы радъ . . . .

СКАЧКОВЪ.

Давно ты здѣсь?

ВЛАСЬЕВЪ.

Недавно,
Однакожъ я все осмотрѣлъ исправно:
Мадонну и Корреджіеву ночь,
Зеленый Сводъ, все видѣлъ.

СКАЧКОВЪ.

И отсюда
Назадъ, въ Москву?

ВЛАСЬЕВЪ.

Конечно.

СКАЧКОВЪ.

И когда?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не знаю самъ.

СКАЧКОВЪ.

Кто жь знаетъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Да, покуда
Еще никто.

СКАЧКОВЪ.

Такъ у тебя всегда,
Да, нѣтъ! Скорѣй въ Москву, и я съ тобою:
Мы ѣдемъ вмѣстѣ, ѣдемъ и скорѣй!
Мнѣ срокъ уже, мы завтра же....

ВЛАСЬЕВЪ.

Ей, ей,
Я не могу, готовъ бы всей душою:
Я долженъ здѣсь остаться, а потомъ
И зимовать, быть-можетъ.

СКАЧКОВЪ.

Я, братъ, знаю
Тебя: ой, ой! Тяжелъ ты на подъёмъ,
А впрочемъ я надежды не теряю
Сегодня же тебя уговорить....

ВЛАСЬЕВЪ.

Здѣсь у меня есть дѣло....

СКАЧКОВЪ.

А какое?
Могу ли знать? И полно: все пустое!
Ужь не любовь ли? Ты готовъ любить....
Ты крайне мягокъ сердцемъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Такъ и быть:
Тебѣ открою тайну....

СКАЧКОВЪ.

Обѣщаюсь
Хранить ее, и будь увѣренъ, братъ,
Что можешь смѣло....

ВЛАСЬЕВЪ.

Здѣсь я дожидаюсь:
Вотъ видишь ты, любезнѣйшій, хотятъ
Женить меня.

СКАЧКОВЪ.

И женятъ непремѣнно,
И сдѣлаютъ весьма умно, и я
Совѣтую . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Хотятъ женить меня,
И тетки, такъ у насъ обыкновенно,
Племяннику на всемъ лицѣ земли
Невѣсту ищутъ.

СКАЧКОВЪ.

И уже нашли
Любезную, богато-молодую,
Красавицу?

ВЛАСЬЕВЪ.

Ужь вѣрно, не дурную!
Такъ дѣло въ томъ, что здѣсь теперь я жду
Пріѣзда Кемскихъ: познакомлюсь съ ними
И сближуся, и ежели найду
Одну изъ нихъ согласною съ моими
Надеждами: то дѣло поведу
Скорѣй къ концу, имѣю повелѣнье
Особенно принять въ соображенье
Зизи, меньшую; впрочемъ выбирать
Могу и самъ! Какъ будущее знать?
Быть-можетъ мнѣ судьба опредѣлила
Ее; онѣ здѣсь будутъ зимовать.
Вотъ почему, вотъ, милый мой, въ чемъ сила!

СКАЧКОВЪ.

Однако же зима ужь настаетъ,
А Кемскихъ нѣтъ; пошли снѣга, морозы:
Пора бъ на мѣсто . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Сѣверныя розы
Не очень хлипки: мѣсто не уйдетъ.
Признаться, братъ, и тайное влеченье
Къ нимъ есть во мнѣ, мое воображенье
Уже кипитъ желаніемъ любви.

СКАЧКОВЪ.

Кипѣніе похвальное, благое.
Влюбись, мой другъ: прекрасное земное
Чаруетъ жизнь, лови его, лови....
Носи въ груди тотъ пламень благородный,
Которымъ вспыхнешь; береги его
Сохранно, свято, какъ залогъ того
Небеснаго.... Итакъ судьбѣ угодно.
Чтобы въ Москву скакалъ я одинокъ.
Путь холоденъ, и грязенъ, и далёкъ
Мнѣ предлежитъ: помчусь нетерпѣливо
И ночь и день, и этакъ доберусь....

ВЛАСЬЕВЪ.

А я когда-то на святую Русь!

СКАЧКОВЪ.

Еще успѣешь, ты теперь счастливо
Останешься, желанное найдешь,
И вѣрно славно зиму проведешь
Въ мечтахъ любви, въ магическомъ туманѣ,
Въ восторгѣ чувствъ! (*Смотритъ въ окно*).
Какой прекрасный видъ!
Трактиръ хорошъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

За то биткомъ набитъ.
За то его и любятъ англичане.

СКАЧКОВЪ.

Почтеннѣйшій, единственный народъ,
Особенно, когда ихъ знаешь дома,
У нихъ — какъ тамъ все хорошо идетъ!
Все крѣпко, стройно, дѣльно, все цвѣтетъ!
Я въ Лондонѣ жилъ долго, мнѣ знакома
Великая владычица морей.
Ахъ, братъ, не намъ и говорить объ ней!
Ты знаешь ли? Вѣдь я было пустился
Въ Америку — мнѣ кстати бы и тамъ
Ужь побывать; да просто я полѣнился:
Притомъ же путь по скачущимъ волнамъ.
По океану, я и не рѣшился,
И то сказать: вѣдь я тогда спѣшилъ
На Рейнъ его видами насладиться,
Какъ водится, полазить по горамъ,
По древнимъ башнямъ, каменнымъ тычкамъ:
Все это мило! Тутъ же прокатиться
Хотѣлось мнѣ по вольнымъ городамъ:
Хотѣлось видѣть, что такое тамъ?
За то теперь я знаю совершенно
Какъ добрый нѣмецъ, рейнскіе края.
И если бъ не родные и друзья,
Я жить бы тамъ остался непремѣнно
По крайней мѣрѣ на десятокъ лѣтъ.
Да, Рейнъ рѣка! У насъ подобной нѣтъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Ты говоришь, какъ будто бы ты знаешь
Россію . . . .

СКАЧКОВЪ.

Ты меня не понимаешь.
Я думаю, что нѣтъ рѣки у насъ

Классической, хоть матушка Россія
И велика: у насъ мѣста другія!
Я помню, я пріѣхалъ въ первый разъ
На Рейнъ; была ужь ночь: остановился
Я въ домикѣ на самомъ берегу,
Я ѣхалъ долго, очень утомился,
Легъ спать; ну не могу, да не могу
Заснуть, всю ночь я безо сна пробился,
Я былъ взволнованъ, голова моя
Такъ и горѣла; мысль, что вотъ и я,
И я на Рейнѣ! эта мысль глубоко
Во мнѣ кипѣла и заря взошла,
Торжественно-спокойна и свѣтла;
Гляжу въ окно, сверкаетъ Рейнъ широкой
Въ картинныхъ и веселыхъ берегахъ,
За Рейномъ горы въ утреннихъ лучахъ,
И тамъ, и тамъ, далеко, и высоко,
Старинны башни, замки на горахъ,
Развалины и прахъ краснорѣчивый!

ВЛАСЬЕВЪ.

А ты до нихъ охотникъ?

СКАЧКОВЪ.

Не совсѣмъ:
Не ревностный, какъ человѣкъ лѣнивый,
Обозрѣватель занятый не тѣмъ,
Что онъ обозрѣваетъ, хоть иныя
Развалины люблю я, но большія,
Изящныя, какихъ не можетъ быть
Тамъ . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

На тебя не шутка угодить:
Ты былъ вездѣ.

СКАЧКОВЪ.

И вправду! Кто подобно
Мнѣ странствовалъ и видѣлъ все подробно,
Кто видѣлъ Римъ, и Тибръ, и Колизей,
Венецію, Неаполь, кто два года
Таскался по Италіи, по всей,
Тому вся эта реінская природа,
Всѣ эти горы, зàмки, острова
Съ каштанами и липками, все мало,
Безвкусно, пошло, дико, трынъ-трава!

ВЛАСЬЕВЪ.

А почему же?

СКАЧКОВЪ.

Да! Имъ недостало
Той сладости, той нѣги, такъ сказать,
Той мягкости, которыя понять,
Почувствовать заочно, иль словами
Изобразить рѣшительно нельзя.
Италія, вотъ сторона, моя
Любимая, богатая слѣдами
Великаго былаго, чудесами
Изящнаго, веселье и краса
Земли. И что, братъ, тамъ за небеса,
Прозрачныя и темно-голубыя,
И облака румяно-золотыя,
Летучія и тонкія .... Какъ жаль,
Что отъ Москвы до Рима эта даль
Чертовская! Не то бы можно было
Намъ ежегодно уѣзжать туда
Отъ нашихъ зимъ и жизни преунылой.

Однако же ты не повѣришь, милой!
Что даже тамъ я тосковалъ всегда
По родинѣ, и самъ не понимаю,
Какъ это, отъ чего бы? Полагаю:
Отъ слишкомъ частой перемѣны мѣстъ,
Да отъ ѣзды безъ дѣла и безъ цѣли,
И я жь таковъ, что все мнѣ надоѣстъ
И скоро: такъ-то мнѣ и надоѣли:
Во-первыхъ, пресловутая страна
Премудрости, науки, вся сполна:
Старинная и новая, пивная
И винная, такая и сякая,
Потомъ и самъ туманный Альбіонъ,
Потомъ Парижъ, хотя его соблазны
Невыразимо какъ разнообразны!
Италія и южный небосклонъ,
И всѣ картины сладостнаго юга,
Все не по мнѣ, все это не мое!
Хочу къ себѣ, мнѣ только тамъ житье
Хочу туда, гдѣ завываетъ вьюга,
Стучитъ морозъ; пора и мнѣ пожить
Порядочно, и было бъ безтолково,
Грѣшно весь вѣкъ въ чужбинѣ прогостить,
Гдѣ для меня уже ничто не ново.
Теперь въ Москву покуда, — а весной
Переселюсь въ деревню на покой,
На волю и просторъ уединенья,
Изъ толкотни мірской и треволненья
Въ родную глушь, тамъ крѣпко углублюсь
Въ свои дѣла, привыкну постепенно
Любить хозяйство, сельскіе труды.
Ахъ, братецъ! плугъ, взрывающій бразды,
Полезнѣе меча.

ВЛАСЬЕВЪ.

О, несравненно!

СКАЧКОВЪ.

Такъ ѣду. Что жь прикажешь ты въ Москву
Твоимъ друзьямъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Поклоны, рукожатья!
Скажи, что я не праздно здѣсь живу,
Что у меня есть разныя занятья —
Ученыя, что скоро возвращусь
Домой; скажи друзьямъ, что я сержусь
На нихъ за то, что пренесносно мало
Въ нихъ письменной дѣятельности.

СКАЧКОВЪ.

Да,
Я тоже думалъ, говорилъ всегда.
Вотъ напримѣръ хоть Пронской, славной малой
Душой, умомъ, возвышенный поэтъ,
А проку въ немъ большаго также нѣтъ!
Его таланта вѣрно бы достало
На важный, историческій предметъ,
На драмы, на большія сочиненья
А что же онъ? Два-три стихотворенья
Коротенькихъ Парнассу подаритъ,
И цѣлый годъ потомъ живетъ ихъ славой,
Покоясь такъ почтенно-величаво,
Какъ будто львомъ немейскимъ онъ покрытъ!
Да, я съ тобой согласенъ совершенно:
У насъ талантъ всегда весьма лѣнивъ
И много спитъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

И видѣть предосадно,
Какъ самъ себя онъ губитъ безпощадно
Бездѣйствіемъ, хотя самолюбивъ.

(*Слышенъ звонокъ*).

СКАЧКОВЪ.

Звонятъ къ обѣду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Да.

СКАЧКОВЪ.

Я радъ сердечно:
Я голоденъ порядкомъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Мы пойдемъ
За общій столъ.

СКАЧКОВЪ.

Хорошъ онъ здѣсь?

ВЛАСЬЕВЪ.

Конечно.
Прекрасный и съ прекраснѣйшимъ виномъ.

СКАЧКОВЪ.

А то нѣмецкій столъ безчеловѣчно
Безвкусенъ. Я извѣстный гастрономъ.

(*Уходятъ*).

II.

СКАЧКОВЪ.

О! Нѣтъ, мой другъ, любовь моя была
Не высока, тѣлесная, земная.

И вдаль увлечь меня бы не могла,
Мнѣ только-что пріятно оживляя
Вечернія прогулки, и прошла
Она, какъ сонъ, игра воображенья!
А я весьма доволенъ этимъ сномъ,
И лучшаго инаго развлеченья
Въ тогдашнемъ положеніи моемъ
Я не нашелъ бы: лѣто жарко было,
И, какъ нарочно, въ окнахъ у меня
Стояло солнце половину дня
Послѣ обѣда, и меня палило
Неумолимо; вечера я ждалъ,
Какъ радости или свиданья съ милой,
И чуть лишь вечеръ, я ужь покидалъ
Свое жилье, летѣлъ вкушать прохладу
Въ сосѣдній садъ, тѣмъ паче, что она
Съ красавицей была сопряжена;
И находилъ я вѣрную отраду
Въ тѣни деревъ, въ дыханіи любви.
Такъ прожилъ я спокойно, беззаботно
Два мѣсяца, потомъ дѣла мои....

ВЛАСЬЕВЪ.

Ты будешь пить шампанское?

СКАЧКОВЪ.

Охотно,

А ты?

ВЛАСЬЕВЪ.

Нѣтъ, я не пью.

СКАЧКОВЪ.

И, полно, братецъ, пей.

ВЛАСЬЕВЪ.

Запрещено.

СКАЧКОВЪ.

Боишься лѣкарей?
Повѣрь ты мнѣ, я это лучше знаю,
Шампанское здоровью не вредитъ:
Я пью его давно и выпиваю
Помногу, чтоже у меня болитъ?
Мнѣ подражай (*пьетъ*). Почтеннѣйшій, желаю
Тебѣ, мой другъ, чтобы всегда впередъ
Ты былъ далекъ отъ горькой чаши водъ,
Какъ я теперь, и пилъ бы безопасно
Вино, какъ я.

ВЛАСЬЕВЪ.

Вино къ водамъ ведётъ.

СКАЧКОВЪ.

О нѣтъ! Да впрочемъ на водахъ прекрасно
Проводятъ время: тамъ больной народъ
Не унываетъ, лѣчится гуляя;
Тамъ царствуетъ свобода золотая:
Всѣ запросто, всѣ вмѣстѣ, всѣ равны:
Тамъ самые высокіе чины
Предъ малыми чинами не спѣсивы,
Напротивъ тихи, ласковы, игривы
Со всѣми, тамъ всѣ пить осуждены
Одну волну. — людей нужда смиряетъ!
Подобная исторія бываетъ
И у звѣрей: ты знаешь, милый мой,
Что точно такъ въ невыносимый зной
И барсъ и тигръ смиренны, какъ ягнята,
И съ кроткими звѣрьми запанибрата

На зелени прохладныхъ луговинъ
Аравіи!

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ тонко изощряетъ
Вино твой умъ!

СКАЧКОВЪ.

Оно лишь возбуждаетъ
Его; итакъ я буду пить одинъ,
И не спѣша. Я чашу наслажденья
По каплѣ пью, какъ Батюшковъ велитъ
Весьма умно, вѣдь онъ почти забытъ,
А я люблю его стихотворенья:
Прекрасны, нѣжны, пламенны они;
Въ нихъ сладость меда, благовонье розы
И жаръ любви; конечно въ наши дни
Иначе пишутъ, нынче время прозы,
. . . . Проперцій и Парни
Изъ моды вышли, милыя созданья!
Желаю я, чтобы твои желанья
Исполнились! Узнай ее, влюбись
Въ нее, зачѣмъ тебѣ терять напрасно
Дни юности? Немедленно женись,
Ахъ, что же я, да это вѣдь ужасно!
Какой же я разсѣянный! Едва
Не позабылъ: что, братецъ, какова
Та съ пышными, летучими кудрями,
Что за столомъ, какъ разъ противъ тебя . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Мила!

СКАЧКОВЪ.

Мила? А я, такъ внѣ себя
От этихъ глазъ подъ черными бровями
И длиннотѣнными рѣсницами....

ВЛАСЬЕВЪ.

И взглядъ
У ней какъ радость.

СКАЧКОВЪ.

Ясность молодая
Въ лицѣ, улыбкѣ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Цѣлый міръ отрадъ
Плѣнительныхъ.

СКАЧКОВЪ.

Прелестный ангелъ рая,
Цвѣтъ совершенства.

ВЛАСЬЕВЪ.

Впрочемъ и другая,
Ея сосѣдка, очень не дурна
И на нее похожа, знать меньшая
Сестра ея.

СКАЧКОВЪ.

Жаль, что она блѣдна,
Какъ снѣгъ, и смотритъ какъ-то вяло,
Не ласково, безсмысленно, въ ней мало
Огня и жизни, это не по мнѣ,
Не хорошо!

ВЛАСЬЕВЪ.

Но если бы прибавить
Румянецъ къ этой чистой бѣлизнѣ
Ея лица? . . . .

СКАЧКОВЪ.

Да, кое-что поправить
Въ ея лицѣ; кромѣтого у ней
Ни пышныхъ плечъ, ни мраморныхъ грудей,
Той сильной, увлекательной приманки
Для вожделѣній . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Говорятъ онѣ
Поанглійски . . . .

СКАЧКОВЪ.

Должно быть англичанки.
И портеръ пьютъ, тѣмъ паче милы мнѣ! (*Пьетъ*).
Да здравствуютъ прелестныя британки!
Да процвѣтаютъ нѣжные цвѣты
Высокой и чистѣйшей красоты!
Откуда ѣдутъ Кемскія?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не знаю:
Они сперва поѣхали въ Парижъ,
Въ Марсель и въ Ниццу, ихъ не прослѣдить;
Итакъ я ихъ оттуда ожидаю,
Откуда только вѣтры могутъ дуть,
Хоть мнѣ тоска.

СКАЧКОВЪ.

И полно, другъ мой, будь
Непоколебимъ. Бываютъ ожиданья

И тяжелы и горьки для сердецъ:
За то легокъ и сладокъ ихъ вѣнецъ.
Тебѣ любовь свои очарованья
Предназначаетъ, много впереди
Тебѣ отрадъ; великодушно жди
Грядущаго своей судьбы прекрасной!
Мой другъ! въ тиши семейнаго житья,
Отъ бурь мірскихъ далеко безопасной,
Прямое счастье. Часто, братъ, и я
О немъ мечтаю, только-что мечтаю:
Не мнѣ оно! люблю я блескъ и шумъ
И прелесть міра, и вездѣ скучаю!
Живя и наслаждаясь наобумъ,
Я чрезвычайно скоро пресыщаюсь
Всѣмъ вообще, и потому скитаюсь
Изъ края въ край; мой безпокойный умъ
Всегда чего-то ищетъ; мнѣ съ нимъ мука
Всегда и всюду, такъ уже давно,
Такъ и теперь ... за чѣмъ? куда я? Скука,
Одно и тоже, то же и одно,
Томитъ меня, гнететъ и гонитъ чудно
Домой, зачѣмъ? Скучать о тѣхъ земляхъ,
Гдѣ я скучалъ недавно. Право, страхъ
Мнѣ и подумать, какъ я безразсудно,
Въ какихъ я пошлыхъ, явныхъ пустякахъ
Теряю дни и мѣсяцы и годы!
На всемъ раздольѣ счастья и свободы,
Какъ разцвѣтала молодость моя,
Безпечная! Теперь когда глубоко
Въ себя вошелъ я; вижу какъ жестоко,
Но праведно судьбой наказанъ я!
Я чувствую: я жизнію моею
Пренебрегалъ, я забавлялся ею,

Шалилъ я сю, какъ дитя шалитъ
Премудрыми, священными листами.

ВЛАСЬЕВЪ.

Слишкомъ горячитъ
Тебя вино.

СКАЧКОВЪ.

Я истинно сердитъ
Самъ на себя, и мрачными глазами
Гляжу на все, и болѣе всего
На будущность мою, гдѣ ничего
Отраднаго .... несчастная картина!
Въ ней мысли нѣтъ! Что жь этому причина?
Увидишь ты: все такъ и быть должно
Со мной, какъ есть. Причина: не дано
Мнѣ ровно никакого направленья
Первоначально, и въ душѣ моей
Нѣтъ ничему пріюта, утвержденья
Достойнаго; отъ самыхъ юныхъ дней
Высокія, святыя впечатлѣнья
Ей ни почемъ: они блеснутъ на ней —
И прочь и прочь, слѣдовъ неоставляя,
Лишь пустоту! Вотъ, милый другъ, какая
Досталася мнѣ доля бытія
Страннѣйшая! Вотъ какъ воспитанъ я
Безсмысленно! Не только не развиты
Хорошія способности во мнѣ
Природныя, онѣ совсѣмъ убиты,
Немилосердо въ самой ихъ веснѣ!
Вся жизнь моя одно большое горе,
И я не силенъ горю пособить!
Рѣшительно могу себя сравнить

Теперь съ ладьей на треволненномъ морѣ;
Въ туманномъ небѣ ниодна звѣзда
Не свѣтитъ, страшнымъ ревомъ непогоды
Наполненъ воздухъ, хлещутъ бурны воды,
Несутъ ладью и чортъ знаетъ куда!
И эта мысль меня сопровождаетъ
Вездѣ, какъ тѣнь, а я ли виноватъ?
Ты видишь!

ВЛАСЬЕВЪ.

Вижу, хмѣль въ тебѣ играетъ,
Но хмѣль пройдетъ.

СКАЧКОВЪ.

О! счастливъ много кратъ
Тотъ, кто края чужіе покидаетъ
Не горестно и въ тоже время знаетъ,
За чѣмъ свои родимые края
Онъ покидалъ....

ВЛАСЬЕВЪ.

Вотъ напримѣръ какъ я
Покинулъ ихъ; ты смотришь слишкомъ строго
Самъ на себя и на земной свой путь:
Живи на свѣтѣ просто, какъ-нибудь,
Какъ многіе, не занимаясь много
Вопросами о жизни и судьбѣ:
Иначе ты себя лишь раздражаешь,
А пользы нѣтъ! И пей.

СКАЧКОВЪ.

Скажу тебѣ,
Ты знаешь, нѣтъ, ты этого не знаешь!
Ты очень плохъ и слабъ по части винъ....

Я думаю, да и не я одинъ,
И многіе такъ думаютъ, что вина,
Когда желаешь всю ихъ прелесть знать,
Въ виду тѣхъ мѣстъ и должно распивать,
Гдѣ вина тѣ родятся, что картина
Долинъ, рѣкъ, горъ, пригорковъ имъ родныхъ,
Важна при этомъ дѣлѣ, украшая
Ихъ дѣйствіе и дивной силѣ ихъ
Содѣйствуя, и душу восхищая
Невыразимо. Точно такъ читать
Поэта должно тамъ, гдѣ развивался
И возросталъ онъ, тамъ, гдѣ, такъ сказать,
Талантъ его бродилъ и разливался.
Не мудрено все это испытать
При случаѣ: такъ, помню я, бывало,
Ахъ, какъ меня воспламеняло! —
Я разумѣю рейнское вино, —
Бывало, пью, а самъ гляжу въ окно.
И старецъ Рейнъ роскошно предо мною
Блеститъ, и черный лебедь рейнскихъ водъ, —
Такъ величаютъ нѣмцы пароходъ
На Рейнѣ, — пѣнитъ волны подъ собою!
Далече горы, за̀мки на горахъ,
И небосклонъ въ златистыхъ облакахъ:
Сильнѣе вдвое душу восхищаетъ
Живая сладость добраго вина,
Когда въ виду прелестная страна . . . .

ВЛАСЬЕВЪ (*Смотритъ въ окно*).

Красавица-британка уѣзжаетъ!

СКАЧКОВЪ (*Подбѣгаетъ къ окну*).

Не можетъ быть. И точно, вѣдь она!
Вотъ хорошо! А я еще не знаю,

И кто онѣ? О! надобно узнать!
Онѣ того достойны — (*выходитъ и тотчасъ возвращается*).
Поздравляю
Тебя, мой милый, можешь перестать
Здѣсь дожидаться Кемскихъ! Это были
Онѣ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Онѣ? Неужели онѣ!

СКАЧКОВЪ.

Изъ Лондона и скачутъ въ Римъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Жаль мнѣ! (*Задумывается*).

СКАЧКОВЪ.

Такъ и тебя, мой другъ, воспламенили
Глаза.

ВЛАСЬЕВЪ.

Ничуть! Ахъ, я чудакъ, чудакъ!

СКАЧКОВЪ.

Теперь тебѣ не гнаться же за ними.

ВЛАСЬЕВЪ.

И вотъ я здѣсь съ надеждами моими,
Какъ на мели....

СКАЧКОВЪ.

О, нѣтъ, совсѣмъ не такъ!
Утѣшься, братъ! Вѣдь не съ однимъ съ тобою
Случаются невзгоды: такова
Земная жизнь, смирись передъ судьбою!
Ей хочется, чтобъ ѣхалъ ты со мною.

ВЛАСЬЕВЪ.

Такъ ѣду же.

СКАЧКОВЪ (*Пьетъ*).

Да здравствуетъ Москва!

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Въ тѣ дни, когда мечты блистательно и живо
Въ моей кипѣли головѣ,
И молодость мою поканчивалъ гульливо
Я въ Бѣлокаменной Москвѣ,
У Красныхъ у Воротъ, въ республикѣ, привольной
Наукѣ, сердцу и уму,
И упоеніямъ веселости застольной,
И пѣснопѣнью моему, —
Въ тѣ дни, когда мою студенческую славу
Я оправдалъ при звонѣ чашъ, —
Въ тѣ дни, поэтъ я былъ, по долгу и по праву,
По преимуществу былъ вашъ;
И воспѣвалъ я васъ, и вы благоволили
Веселымъ юноши стихамъ,
Зане тогда сильны и сладкозвучны были
Мои стихи: спасибо вамъ!
И нынче я, когда прошло, какъ сновидѣнье,
Мое былое, все сполна,
И мнѣ одна тоска, одно долготерпѣнье,
Въ мои крутыя времена
Я, васъ привѣтствовалъ стихами: вы прекрасной
Отвѣтъ мнѣ дали, и отвѣтъ

Возстановительный! Итакъ я не напрасно
Еще гляжу на божій свѣтъ:
Еще сіяетъ мнѣ любезно, какъ бывало,
Благословенная звѣзда,
Звѣзда поэзіи. О, мнѣ и горя мало!
Мнѣ хорошо, я хоть куда!

ГОРА.

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору,
Что̀ выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ:
Душѣ тамъ отрадно и вольно, а взору
Оттуда великій, чудесный просторъ.

Увидишь недвижное море громадныхъ
Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,

Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
И свѣтлые холмы, поляны, лѣса,
И грады, и села, внизу подъ тобою;
А выше тебя лишь одни небеса!

ИЗРѢЧЕНІЕ
АЛЕКСѢЯ ДМИТРІЕВИЧА МАРКОВА.

Любилъ онъ крѣпкіе напитки, и не мало;
Въ свободные часы онъ ихъ употреблялъ.

Но былъ всегда здоровъ и службу исполнялъ
Добропорядочно, и дѣло не стояло
За нимъ; былъ духомъ твердъ, глубокомысленъ; словъ
Не тратилъ пóпусту; но рѣчью необильной
Умѣлъ онъ дѣйствовать рѣшительно и сильно;
При случаѣ умы своихъ учениковъ
Онъ ею поражалъ, какъ громомъ: такъ однажды
Палимый жаждою, онъ воду пить не сталъ —
Другой Катонъ въ пустынѣ! — и сказалъ
Поморщившись: «вода не утоляетъ жажды».

МОРЕ.

Струится и блещетъ, свѣтло, какъ хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкаетъ багрянцемъ, и вѣтеръ шумитъ
Попутный: легко твой корабль побѣжитъ;
Но, кормчій, пускаяся весело въ путь,
Смотри ты: надежна ли мѣдная грудь,
Крѣпки ль паруса корабля твоего,
Здоровы ль дубовыя ребра его?
Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
Смутится и вдругъ обуяетъ оно,
И страшною силой съ далекаго дна
Угрюмая встанетъ его глубина,
Расходится, будетъ кипѣть, бушевать
Сердито, свирѣпо и дастъ себя знать!

ЭЛЕГІЯ.

И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ,
Въ глубокихъ вертепахъ, въ гранитныхъ лощинахъ
Я выросъ на свѣтлыхъ холмахъ и равнинахъ,
Привыкъ побродить, разгуляться мой взоръ!

Мнѣ своды небесъ чтобъ высоко, высоко
Сіяли открыты туда и сюда;
По краю небесъ чтобъ тянулась гряда
Лѣсистыхъ пригорковъ, синѣясь далеко,

Далеко: тамъ дышетъ свободнѣе грудь!
А горы да горы.... онѣ такъ и давятъ
Мнѣ душу, суровыя: словно заставятъ
Онѣ мнѣ желанный на родину путь!

ЭЛЕГІЯ

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ ПОСТНИКОВУ.

Въ тѣни громадъ снѣговершинныхъ,
Суровыхъ, каменныхъ громадъ
Мнѣ тяжело отъ думъ кручинныхъ:
Кипитъ, шумитъ здѣсь водопадъ,
Кипитъ, шумитъ онъ безпрестанно,
Онъ усыпительно шумитъ!
Безмолвенъ лѣсъ, и постоянно
Пустъ, и не весело глядитъ:

А, вонъ охлопья сѣрой тучи,
Цѣпляясь за лѣсъ тамъ и сямъ,
Ползутъ, пушисты и тягучи,
Вверхъ къ задремавшимъ небесамъ.
Ахъ, горы, горы! Прочь скорѣе
Отъ нихъ домой! Не ихъ я сынъ!
На Русь! Тамъ сердцу веселѣе
Въ виду смѣющихся долинъ!

ЭЛЕГІЯ.

Опять угрюмая, осенняя погода,
Опять расплакалась гаштейнская природа,
И плачетъ, бѣдная, она и ночь и день:
На горы налегла ненастной тучи тѣнь,
И нѣтъ исходу ей! Душа во мнѣ уныла:
Передъ моимъ окномъ, бывало, проходила
Одна прекрасная; отколь и какъ сюда
Она явилася, не вѣдаю, звѣзда
Съ лазурно-свѣтлыми, веселыми глазами,
Съ улыбкой сладостной, съ лилейными плечами;
Но и ея ужь нѣтъ! О! Я бы радъ отсель
Летѣть, бѣжать, идти за тридевять земель,
И хладъ, и зной, и дождь, и бурю побѣждая.
Туда, скорѣй туда, гдѣ, прелесть молодая,
Она господствуетъ и всякій день видна:
Я думаю, что тамъ всегдашняя весна!

ВЕСНА.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горной
Прохладой сладостной и нѣгой животворной
Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
И звуки надо мной веселые летаютъ!
И чувство дивное тѣ звуки напѣваютъ
Мнѣ на душу. Даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

АВДОТЬѢ ПЕТРОВНѢ ЕЛАГИНОЙ

при посвященіи «новыхъ стихотвореній».

Я знаю, въ дни мои былые,
Въ дни жизни радостной и пѣсенъ удалыхъ,
Вамъ нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкой стихъ;
И знаю я, что вы и нынѣ,
Когда та жизнь моя давно уже прошла.
— О ней же у меня осталось лишь въ помина̀,
Какъ хороша она была
И приголубленная вами
И принятая въ вашъ благословенный кругъ,
Полна залетными, веселыми мечтами,

Любя студентскій свой досугъ, —
И нынѣ вы, какъ той порою,
Добры, привѣтливы и ласковы ко мнѣ:
Такъ я и думаю, надѣюсь всей душою,
Такъ и увѣренъ я вполнѣ,
Что вы и нынѣ доброхотно
Приносъ мой примите, и сердцу моему
То будетъ сладостно, отрадно и вольготно.
И потому, и потому
Вамъ подношу и посвящаю
Я новую свою поэзію, цвѣты
Суровой, сумрачной годины; въ нихъ, я знаю,
Нѣтъ достодолжной красоты,
Ни бодрой, юношеской силы,
Ни блеска свѣжести плѣнительной; но мнѣ
Они и дороги и несказанно милы;
Но въ чужедальной сторонѣ
Волшебно ими оживлялось
Мнѣ одиночество туманное мое;
Но, ими скрашено, сноснѣе мнѣ казалось
Мое печальное житье.

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ.

Благодарю тебя за твой подарокъ милой:
    Прими радушный мой привѣтъ!
    Стихи твои блистаютъ силой
    И жаромъ юношескихъ лѣтъ,
И сладостно звучатъ, и полны мысли ясной;
    О! пой, плѣнительный пѣвецъ,

Лаская чисто и прекрасно
Мечты задумчивыхъ сердецъ;
И пой, какъ соловей поетъ въ затишьи сада
Свою весну, свою любовь,
И въ пѣньи томъ и вся награда
Ему за пѣнье, вновь и вновь,
И слушаютъ его, и громко раздается,
И гонитъ сонъ отъ ложа дѣвъ,
И такъ и льется, такъ и льется
Его серебряный напѣвъ.

Княгинѣ Софьѣ Петровнѣ Голицыной.

Я слышалъ, что вы и прекрасны, какъ роза,
И милы, какъ роза, утѣха полей,
Что жизни подлунной и скука и проза
Чуждаются васъ, какъ полдневныхъ лучей
Чуждается полночь, что также прекрасны
Вы сердцемъ, какъ прелестью вы разцвѣли,
Что чувства и мысли въ васъ тихи и ясны,
Какъ вешнее небо, веселье земли.

Все это я слышалъ, и слухомъ поэта,
Отъ всѣхъ, и повсюду, и тысячу разъ,
И гордо мои пѣснопѣвныя лѣта
Я вспомнилъ, и смѣло привѣтствую васъ:
О! будьте всегда таковы: процвѣтайте
Спокойно, и дѣлайте дѣло свое,
Земная прелестная роза! вплетайте
Небесныя розы въ земное житье.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И геллеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низошла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!

И пѣсню ту принесъ онъ долу,
Священнымъ трепетомъ объятъ,
И церковь тѣ слова святыя
Въ свою молитву приняла,
И той молитвой Византія
Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли
Носись душой превыше праха,
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены.

ВАРВАРѢ НИКОЛАЕВНѢ АННЕНКОВОЙ.

Мнѣ милъ прелестный вашъ подарокъ,
Мнѣ милъ любезный вашъ вопросъ!
Въ тѣ дни, какъ межъ лилей и розъ,
Раскидистъ, свѣжъ, блестящъ и ярокъ,
Цвѣтокъ веселаго житья,
Я полонъ жизни красовался,
И здѣсь въ Москвѣ доразвивался
И довоспитывался, — я
Въ тѣ дни, златые дни! быть-можетъ
И стоилъ этихъ двухъ вѣнковъ:
А нынѣ . . . я ужь не таковъ.
Увы! Болѣзнь крушитъ и ёжитъ

Меня, и ѣстъ меня тоска;
А вы и нынѣ благосклонны
Къ тому, чьи пѣсни самозвонны
Давно молчатъ, чья жизнь горька,
Кого давно ужь, какъ поэта,
И непривѣтствуетъ никто,
Лишь вы теперь, — и вамъ за то
Моя хвала, и многи лѣта!
И много, много дай Богъ вамъ
Созданій стройныхъ, сладкогласныхъ,
Прекрасныхъ думъ, стиховъ прекрасныхъ
Такихъ всегда, какіе намъ
Вы такъ плѣнительно дарите;
Да будутъ вѣчно, какъ они,
Счастливы, ясны ваши дни,
И долго, долго вы цвѣтите!

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

Благодарю тебя сердечно
За подареньице твое! *
Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
Поэту! Бойко, быстротечно,
Легко пошли часы мои
Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня уважилъ!
Постихотворчески я зажилъ,
Я въ духѣ! Словно, какъ ручьи
Съ высокихъ горъ на долы злачны
Бѣгутъ, игривы и прозрачны,
Бѣгутъ, сверкая и звеня

* Старинную чернилицу.

Свѣтлостеклянными струями,
При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами,
Весной: такъ точно у меня
Стихи мои проворно, мило
Съ пера бѣгутъ теперь; и вотъ
Тебѣ, мой явный доброхотъ,
Стаканъ стиховъ: На, пей! Что было,
Того нельзя же воротить!
Да, братъ, теперь мои созданья
Не то, что въ пору волнованья
Надеждъ и мыслей; такъ и быть!
Они теперь напитокъ трезвый:
Давнымъ-давно уже въ нихъ нѣтъ
Игры и силы прежнихъ лѣтъ,
Ни мысли пламенной и рѣзвой,
Ни пьяно-буйнаго стиха.
И не диковинное дѣло:
Я самъ не тотъ уже, и смѣло
Въ томъ признаюсь: кто безъ грѣха?
Но ты, мой добрый и почтенный,
Ты примешь ласковой душой
Напитокъ поднесенный мной,
Хоть онъ безхмѣльный и не пѣнный!

АЛЕКСАНДРУ ДМИТРІЕВИЧУ ХРИПКОВУ.

Тебѣ и похвала и слава подобаетъ!
Ты съ первыхъ юношескихъ лѣтъ
Не измѣнялъ себѣ: тебя не соблазняетъ
Мишурный блескъ мірскихъ суетъ;
Однажды навсегда предавшися глубоко

Одной судьбѣ, одной любви
Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
Ей вѣренъ ты, и дни твои
Свободою она украсила, святая
Любовь къ искуству, и всегда
Созданія твои плѣнительны, блистая
Живымъ изяществомъ труда;
Любуюсь ими я: вотъ рѣчка межъ кустами
Крутой излучиной бѣжитъ,
Свѣтло отражены прозрачными струями
Ряды черемухъ и ракитъ,
Літющійся хрусталь едва, едва колышетъ
Густовѣтвистую ихъ тѣнь,
Блеститъ какъ золото, тяжелымъ зноемъ дышетъ
Палящій, тихій лѣтній день,
И вотъ купальницы, вотъ ясною волною
Игривый обнялъ водобѣгъ
Прелестный, юный станъ, вотъ руки надъ водою
И груди бѣлыя какъ снѣгъ,
И черными на нихъ разсыпалась змѣями
Великолѣпная коса!
Вотъ горы и Кавказъ; сіяютъ надъ горами
Пышнѣе нашихъ небеса;
Вотъ груды голыхъ скалъ, угрюмыя тѣснины,
Гдѣ-гдѣ кустарникъ; вотъ Дарьялъ
И тотъ вертепъ, куда съ заоблачной вершины
Казбека падаетъ обвалъ!
Вотъ Терекъ! Это онъ летучей пѣной блещетъ,
Несется дикъ и силы полнъ,
Неистово кипитъ, высоко въ берегъ хлыщетъ;
Несется буря бѣлыхъ волнъ,
По звонкому руслу, съ глухимъ, громовымъ гуломъ,
Гоня станицу валуновъ!

Вотъ хижины, аулъ и садъ передъ ауломъ,
И купы низменныхъ холмовъ;
За ними, съ края въ край, синѣяся пустынно,
Идетъ уныло гладь степей
Подъ яркій небосклонъ; курганъ островершинной
Одинъ возвысился на ней,
Давно-безмолвный гробъ воздвигнутый герою,
Вождю изчезнувшихъ племенъ;
Иль памятникъ войны, сокрывшій подъ собою
Тьму человѣческихъ именъ!
Вотъ двухъ безлѣсныхъ горъ обрывы полосаты
И плющъ зеленый по скаламъ
Взвился; вотъ чистый лѣсъ и луговые скаты
Горы Ермолова! Вонъ тамъ,
Бывало, отдыхалъ мужъ доблести и боя,
Державшій въ трепетѣ Кавказъ....
Вотъ быстрая Кубань, волнами скалы роя,
Сердито пѣнясь и клубясь,
Летитъ клокочущимъ, широкимъ водопадомъ
Между утесовъ и стремнинъ!
Вотъ крѣпость, домики поставленные рядомъ
И строй чинаровъ и раинъ,
Воинской частоколъ съ рогаткой и заставой,
Налѣво холмъ и мелкій лѣсъ,
А далѣ царство горъ громадою стоглавой
Загородило полнебесъ,
И въ солнечныхъ лучахъ заоблачныя льдины,
Какъ звѣзды, свѣтятся надъ ней,
Порфирнаго кряжа алмазныя вершины,
Короны каменныхъ царей!
Подробно, медленно созданьями твоими
Любуюсь я, всегда я радъ
Хвалить ихъ: весело бесѣдовать мнѣ съ ними:

Они живутъ и говорятъ!
Но полно рисовать тебѣ Кавказъ!... Ещели
Тебя онъ мало занималъ?
Покинь, покинь страну обваловъ и ущелій,
Ужасныхъ пропастей и скалъ,
Гдѣ кроется разбой кровавый и проворный
Въ глуши вертеповъ и тѣснинъ....
Иди ты къ намъ съ твоей палитрой животворной
Въ страну раздолій и равнинъ,
Гдѣ величавые изгибы разстилая
Своихъ могущественныхъ водъ,
Привольно, широко красуясь и сіяя,
Лазурно-свѣтлая течетъ
Царица русскихъ рѣкъ, течетъ, ведетъ съ собою
Красивы, пышны берега
И купы острововъ надъ зеркальной водою,
Холмы, дубравы и луга....
Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
И вѣрь мнѣ, будутъ во сто разъ
Онѣ еще живѣй, плѣнительнѣй и краше,
Чѣмъ распрекрасный твой Кавказъ!

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

Въ тѣ дни, какъ только-что съ похмѣлья
Отъ шумной юности моей,
Отъ превеликаго веселья
Я отдохнуть хотѣлъ въ виду моихъ полей,
Въ тѣни садовъ, на лонѣ дружбы,
Въ тѣ дни, какъ тихъ и неудалъ,

Уже чиновникъ русской службы,
Я родину свою и пѣлъ и межевалъ,
Спокойно, скромно провожая
Мечты гульливой головы,
Въ тѣ дни стихомъ изъ дальня края
Торжественно меня привѣтствовали вы,
Стихомъ оттуда, гдѣ когда-то
Шла ходко, смѣло жизнь моя,
Гдѣ я гулялъ молодцевато,
Пилъ крѣпкой, сладкой медъ студентскаго житья ....
Сердечно милъ мнѣ стихъ вашъ бойкой.
Сердечно любъ привѣтъ мнѣ вашъ,
Какъ милъ, бывало, за попойкой
Заздравный крикъ друзей и звонъ заздравныхъ чашъ.
И что жь? Я не далъ вамъ отвѣта,
Не отозвался стихъ на стихъ!
Но беззаботнаго поэта,
Меня въ тѣ дни уже свирѣпый рокъ настигъ.
Ужь я слабѣлъ, я духомъ падалъ;
И медицинскій факультетъ
Пилюлю горькую мнѣ задалъ:
Пить воды за моремъ! И пилъ я ихъ пять лѣтъ!
Но, вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
Уже не робко я гляжу
И на парнасскую дорогу,
Пора, за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу:
Потѣхи юности удалой
Не кстати были бъ мнѣ: не юному челу
Не кстати рѣзвый плющъ и роза ....
Пора за дѣло! Въ добрый путь!
Довольно жизненная проза,

олѣзнь гнела меня и мнѣ тѣснила грудь,
И міръ поэта, міръ высокой,
Едва ли мнѣ доступенъ былъ
Въ моей кручинѣ лежебокой,
ь глухомъ бездѣйствіи, въ упадкѣ чувствъ и силъ.
Теперь я крѣпче: грусть и скуку
Прочь отъ себя уже стихомъ
Я отогналъ, и подаю вамъ руку!
асибо вамъ, что вы въ томленіи моемъ
Меня и тамъ не покидали,
У нѣмцевъ; въ дальной сторонѣ
Мою тоску вы разгоняли,
і утѣшительно заботились о мнѣ!
Желайте жь вы мнѣ, чтобъ я скоро
Сталъ бодръ, какъ былъ, чтобъ вовсе я
Сталъ молодцомъ, и было бъ скоро
исцѣленіе.... О братья! о друзья!
Уже ль дождусь я благодати,
Что смѣло, весело спрыгну
Съ моей болѣзненной кровати
гоголемъ пойду и пѣсню затяну!

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРЕЕВОЙ.

Сильно чувствую и знаю
Силу вашей красоты:
Скромно голову склоняю
И смиренныя мечты
Передъ ней. Когда бъ вы жили
Между грековъ въ древни дни,

Греки бъ васъ боготворили:
Вамъ построили бъ они
Бѣломраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ бъ горѣли ѳиміамы
Отъ зари и до зари;
Васъ и царственная Гера
Не любила бъ и гнала
Не пощадно бъ, и Венера
Вамъ покоя бъ не дала
За измѣны и обиды
Олимпійцевъ и людей . . .
Нынче Геры и Киприды
Вамъ не страшны; . . . .
. . . .

КЪ НЕЙЖЕ.

Тогда какъ сердцемъ мы лелѣемъ
Живыя, сладкія мечты,
И часто розамъ и лилеямъ
И незабудкамъ красоты
Мы поклоняемся, — и нѣжно
Ихъ величаемъ и поемъ, —
Полны любви самонадежной,
Сгарая пламеннымъ огнемъ; —
Въ тѣ дни желаній легкокрылыхъ,
Восторговъ, мыслей и стиховъ,
Счастливыхъ, радостныхъ и милыхъ,
Когда весь міръ намъ любъ и новъ.

Гостепріименъ и чудесенъ, —
Въ тѣ дни разгара чувствъ и силъ,
Я много, много, много пѣсенъ
Сердечныхъ — вамъ бы посвятилъ,
Свободно, весело лелѣя
Живыя, пылкія мечты: —
Нѣтъ, вы не роза, не лилея,
Вы просто, чудо красоты! —
Я передъ вами на колѣна
Упалъ бы, трепетный, нѣмой,
На вѣкъ, на вѣкъ въ оковы плѣна
Любви глубокой, роковой!
Мои глаза бъ остановились,
Къ землѣ бъ склонилась голова,
Смѣшались, замерли бъ и сбились
Во мнѣ всѣ чувства и слова....
Теперь, мои младыя лѣта
Прошли; рѣшительно прошли;
И вы во мнѣ уже поэта
Смиренномудраго нашли:
Теперь, холодный и безстрастный,
Я вижу только суеты
Вездѣ, во всемъ. Нѣтъ, вы прекрасны,
Вы просто чудо красоты!
Нѣтъ! вы всего меня смутили
Въ тотъ вѣчно памятный мнѣ часъ,
Какъ на меня вы обратили
Лучи огнистыхъ вашихъ глазъ:
Мои глаза остановились,
Къ землѣ склонилась голова,
Смѣшались, замерли и сбились
Во мнѣ всѣ чувства и слова.

ОТРОКЪ ВЯЧКО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РУАЛЬДЪ старый воинъ.
ВЯЧКО
БЕРМЯТА } отроки.
Дѣйствіе въ 968 году, въ Кіевѣ, на городской стѣнѣ.

I.

ВЕЧЕРЪ.

РУАЛЬДЪ и БЕРМЯТА.

РУАЛЬДЪ.

Ты правъ, Бермята, больно худо намъ:
Ѣсть нечего, пить нечего, и голодъ
И жажда долго и жестоко насъ
Томятъ и мучатъ, и въ добавокъ къ нимъ
Еще и та невзгода, что Изокъ
Стоитъ у насъ необычайно жарокъ,
И тихъ, и сухъ, и душенъ не втерпежъ.
Изъ края въ край, небесный сводъ надъ нами
Безвѣтренъ и безоблаченъ, и блещетъ,
Какъ золотой, и солнце такъ и жжетъ
Луга и нивы. Съ ранняго утра
До поздней ночи бродишь, самъ не свой,
И ночью нѣтъ тебѣ отрады: ночь
Не освѣжитъ тебя, не успокоитъ
И спать тебѣ не дастъ, вертись и бейся
Ты хоть до слезъ.... такіе жь точно дни,

Такія жь ночи, помню я, бывали
Въ землѣ Сиканской. Уфъ! какой тамъ жаръ,
И вспомнишь, такъ едва не задохнешься, —
Нѣтъ, мнѣ морозъ сноснѣе: отъ него
Уйдешь къ огню и спрячешься въ одежду,
Не осовѣешь; если жь лѣтній жаръ
Пройметъ тебя; такъ отъ него и въ воду
Ты не йдешь; и въ ней прохлады мало,
И весь ты слабъ и вялъ. Да, худо намъ
И больно худо.

БЕРМЯТА.

И рѣку у насъ
Отрѣзали злодѣи Печенеги.

РУАЛЬДЪ.

Все — ничего, лишь уповай на Бога,
Да не плошай, да не робѣй и самъ.

БЕРМЯТА.

Оттерпимся, либо дождемся князя
Къ себѣ домой изъ дальняго похода.

РУАЛЬДЪ.

Досадно мнѣ, что Прейтичъ за Днѣпромъ
Стоитъ и ждетъ тогоже. Что бъ ему
Рѣшиться и ударить всею силой
На ратный станъ поганыхъ Печенеговъ,
И къ нимъ пробиться бъ. Что тутъ долго думать?
Богъ вѣсть, когда дождемся Святослава?

БЕРМЯТА.

Поди, ему и не въ домекъ про то,
Какъ мы сидимъ въ осадѣ, еле живы ....

РУАЛЬДЪ.

А князь далеко, и не можетъ знать
О нашемъ горѣ.

БЕРМЯТА.

Князю что до насъ:
Онъ Кіева не любитъ, онъ его
Забылъ совсѣмъ, онъ промѣнялъ свой Кіевъ
На чужеземный городъ, и живетъ
Тамъ весело — и хорошо ему!
Охъ, не люблю я князя Святослава.

РУАЛЬДЪ.

За что это?

БЕРМЯТА.

За то и не люблю,
Что онъ живетъ не въ Кіевѣ.

РУАЛЬДЪ.

Ты молодъ,
И многаго нельзя тебѣ понять
Своимъ умомъ; а я старикъ, я вижу
Подалѣе, чѣмъ ты, молокососъ!
Что Святославъ не нравится тебѣ,
Такъ это, братъ, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Онъ молодецъ!

БЕРМЯТА.

Мнѣ что̀, что молодецъ!
У насъ ихъ вдоволь: всякой Русъ не трусъ!
Ни ты, ни я нигдѣ мы не уронимъ,
Не выдадимъ отцовской славы.... Солнце
Давно за лѣсъ зашло; а намъ на смѣну
Никто не йдетъ....

РУАЛЬДЪ.

Знать сходка задержала.
Чья очередь?

БЕРМЯТА.

Да Вячки.

РУАЛЬДЪ.

Это онъ,
Что приходилъ вчера сюда на стѣну?
Онъ мнѣ не полюбился: больно гордъ онъ,
Его не тронь, — вишь онъ новогородецъ,
Такъ и спѣсивъ, и съ нимъ не сговоришь;
А парень бойкій!

БЕРМЯТА.

Это былъ не Вячко,
А Спиря. Вячко тоже парень бойкій;
Его ты вѣрно знаешь: онъ тотъ самый
Кудрявый, бѣлокурый, быстроглазый,
Что у Ильи Пророка, въ расписной
Избѣ живетъ у тетки. Вячко мнѣ
Другъ и названный братъ; онъ родомъ
Изъ-за Мещеры, изъ села Рязани.

РУАЛЬДЪ.

Такъ, помню, знаю, какъ его не знать?
Я самъ училъ его стрѣлять изъ лука,
Метать копьемъ; онъ малый хоть куда,
Рязанецъ. Я всегда любилъ рязанцевъ;
У насъ въ походѣ пятеро ихъ было,
И живо я ихъ помню и теперь:
Народъ высокорослый, здоровенный,
Народъ мачтовый, строевой, люблю ихъ.

БЕРМЯТА.

Вотъ Вячко! ты, братъ, легокъ на поминѣ.
Здорово.

ВЯЧКО.

Я замѣшкался, я былъ
На сходкѣ. Слушай-ко, Бермята,
Вѣдь ты мнѣ братъ, такъ сдѣлай мнѣ услугу.

БЕРМЯТА.

Изволь, готовъ и радъ я хоть на смерть
За своего.

ВЯЧКО.

Останься на сторожѣ
Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я къ утру ворочусь.

БЕРМЯТА.

Куда жь ты это?

ВЯЧКО.

Вотъ куда! на сходкѣ
Судили и рядили старики
О томъ, что де нельзя ли какъ-нибудь
За печенежскій станъ, къ Днѣпру, а тамъ
Ужь и за Днѣпръ — и Претичу словцо
Сказать, что намъ давно ужь силы нѣтъ
Терпѣть бѣду: я вызвался; отецъ
Висаріонъ благословилъ меня
На славный подвигъ. — Я иду — прощай....

РУАЛЬДЪ.

Ахъ ты мой милый, ахъ ты удалецъ,
Мой ученикъ! Дай мнѣ тебя обнять;
Храни тебя Господь! (*обнимаетъ Вячко*).

БЕРМЯТА.

Иди, мой Вячко!
Смотри же ты . . . .

ВЯЧКО.

Не бойся! я, братъ, знаю,
Что дѣлаю, прощай. (*уходитъ*).

РУАЛЬДЪ (*кричитъ вслѣдъ Вячкѣ*).

Прощай, ты встрѣтишь
Фрелафа, такъ скажи ему, что мнѣ
Не надо смѣны.

БЕРМЯТА.

Что? каковъ мой братъ?

РУАЛЬДЪ.

Надежный парень! и повѣрь ты мнѣ,
Ему удастся . . . . Всѣ они такіе . . . .

БЕРМЯТА.

Добрыня тоже родомъ изъ Рязани.
(*помолчавъ*).
Ты говорилъ про князя Святослава . . . .

РУАЛЬДЪ.

И говорю, что любъ мнѣ Святославъ,
Онъ молодецъ; онъ со своей дружиной
Запанибрата; ѣстъ, что мы ѣдимъ,
Пьетъ, что мы пьемъ, спитъ подъ открытымъ небомъ,
Какъ мы: подъ головой сѣдло, постеля —
Сѣдельный войлокъ. Вѣтеръ, дождь и снѣгъ
Ему ничто. Ты самъ, я чаю, слышалъ,
Какъ онъ, — тогда онъ былъ еще моложе, —
Когда ходили наши на Древлянъ,

Бросался первый въ битву. Ты увидишь:
Въ немъ будетъ прокъ; онъ будетъ государь
Великій — и прославитъ свой народъ.
Да, Святославъ совсѣмъ не то, что Игорь,
Отецъ его, — будь онъ не тѣмъ помянутъ, —
Князь Игорь былъ не добрый человѣкъ:
Былъ непомѣрно падокъ на корысть!
Вѣдь, люди терпятъ, терпятъ, — наконецъ
Терпѣнье лопнетъ ....

БЕРМЯТА.

Мнѣ княгиня Ольга
Тѣмъ по сердцу, что бискупа Лаберта
Изъ Кіева прогнала ....

РУАЛЬДЪ.

Слава ей,
Что приняла она Святую вѣру
Отъ грековъ.

БЕРМЯТА.

Почему же Святославъ
Не принялъ тойже вѣры?

РУАЛЬДЪ.

Онъ бы радъ,
Да какъ ему? Нельзя жь ему перечить
Своей дружинѣ! Праведно и вѣрно
Ему дружина служитъ; за него
Она въ огонь и воду; крѣпко
Стоитъ она за князя, такъ еще бъ онъ
Съ ней ссорился .... Бермята, я пойду
На угловую башню; ты останься здѣсь
И сторожи, не спи и не зѣвай.
Давно ужь ночь. Какая ночь, какъ день!

II.

РАЗСВѢТЪ.

РУАЛЬДЪ и БЕРМЯТА.

РУАЛЬДЪ.

Прекрасный островъ, дивная земля,
Всѣмъ хороша. Не слушаешь, товарищъ?
Кажись, тебя осиливаетъ сонъ.

БЕРМЯТА.

Нѣтъ, я не сплю, я слушаю тебя;
Я никогда не пророню и слова
Изъ твоего разсказа: сладко мнѣ,
Мнѣ весело душой переноситься
Съ тобой въ твои отважные походы,
Въ толпы бойцовъ, въ тревоги боевыя,
Въ разгульный станъ и братскій шумъ и пиръ,
Въ прохладные, воинскіе ночлеги,—
Въ чужихъ поляхъ, при блескѣ новыхъ звѣздъ
Летать съ тобой въ ладьяхъ вѣтрокрылатыхъ
По скачущимъ, сверкающимъ волнамъ
Безбрежнаго, лазореваго моря, —
Или, въ виду красивыхъ береговъ
И городовъ невиданной земли,
Причаливать — и тутъ же прямо въ бой....
Я слушаю.

РУАЛЬДЪ.

Сиканская земля
Всѣмъ хороша: кругомъ ея шумитъ
И блещетъ море чисто и свѣтло,

Какъ синій сводъ безоблачнаго неба;
На ней оливы, лавры, виноградъ,
И яблоки съ плодами золотыми!
И города изъ тесанаго камня
Обведены высокими стѣнами,
Богатые и людные, — и сёла,
И сёла, всѣ изъ тесанаго камня,
Богатыя, и краше, крѣпче нашихъ
Родимыхъ, деревянныхъ городовъ
И сёлъ. Однимъ она не хороша:
Стоитъ на ней, на самой серединѣ,
Огромная, престрашная гора,
Высокая, высокая такая,
Что верхъ ея до самаго до неба
Досталъ, и облака не залетаютъ
На верхъ ея, и въ той горѣ огонь, —
И есть жерло, и черный дымъ выходитъ
Изъ той горы, и съ той горой бываетъ
Трясеніе — и молнію и жупелъ
Она бросаетъ изъ себя; въ ту пору
Находитъ страшный мракъ на землю; ужасъ
И трепетъ обнимаетъ человѣка
И звѣря; — люди вонъ изъ городовъ
И селъ бѣгутъ и, словно какъ шальные,
Шатаются, и падаютъ, и вопятъ!
А изъ горы огонь столбомъ встаетъ,
Горячій пепелъ сыплется, и камень
Растопленный течетъ, и потопляетъ
Онъ цѣлыя долины и лѣса,
И города и сёла; вся земля дрожитъ
И воетъ; и подземный громъ и гулъ
Реветъ; и нѣтъ спасенья человѣку
Ни звѣрю . . . .

БЕРМЯТА.

Какъ же тамъ живутъ?

РУАЛЬДЪ.

Живутъ. себѣ . . . .

БЕРМЯТА.

Не весело жь тамъ жить!

РУАЛЬДЪ.

Не весело тамъ, — ахъ ты голова!
Вѣдь не всегда жь бываетъ тамъ такое
Трясеніе. Бѣды, братъ, есть вездѣ,
И нѣтъ отъ нихъ пощады никакимъ
Странамъ: одно отъ всякихъ бѣдъ спасенье,
Одно, вездѣ, для всѣхъ людей одно
Спасеніе: Святая наша вѣра!
Вотъ и на насъ нашла теперь невзгода,
Какъ быть, терпи . . . .

БЕРМЯТА.

А Вячки нѣтъ, какъ нѣтъ!
Давно ужь разсвѣтало — гдѣ жь онъ? . . . .

РУАЛЬДЪ.

Ты, чай, слыхалъ, какъ на Царьградъ ходили
Аскольдъ и Диръ?

БЕРМЯТА.

Какъ не слыхать! А что? . . . .

РУАЛЬДЪ.

Свирѣпая, неслыханная буря
Разсѣяла и въ морѣ потопила
Почти-что всю ладейную ихъ рать.

БЕРМЯТА.

И это знаю.

РУАЛЬДЪ.

Отчего жь та буря
Взялась?

БЕРМЯТА.

Не знаю, не могу и знать.

РУАЛЬДЪ.

А я такъ знаю! — Вотъ какъ было дѣло:
Въ то время былъ у грековъ царь негодный....
Какъ бишь его? Василій? не Василій....
Левъ? нѣтъ не Левъ! — какой онъ левъ! Никифоръ?
И не Никифоръ, — такъ вотъ и вертится
На языкѣ; — а нѣтъ, не вспомню; — царь
У грековъ былъ негодный, и такой
Безпутный и смертельный лошадинникъ,
И былъ онъ такъ безуменъ, что, бывало,
Война уже подъ самыя подъ стѣны
Пришла къ его столицѣ, — а ему
И горя мало; онъ о томъ и слышать
Не хочетъ; знай себѣ на скачкѣ: у него
Тамъ день деньской потѣха: тьма народу,
И шумъ, и пыль, и громъ отъ колесницъ —
Безперестанно....

БЕРМЯТА.

Посмотри: бѣжитъ!
Вѣдь это Вячко! Точно, это онъ,
Мой другъ и братъ мой.... (*входитъ Вячко*).

ВЯЧКО.

Знай же нашихъ!
Конецъ бѣдѣ, уходятъ Печенеги!

РУАЛЬДЪ.

Разсказывай!

БЕРНЯТА.

Разсказывай скорѣе!

ВЯЧКО.

Я запыхался, я бѣжалъ сюда....
Что стало силы, — дайте мнѣ вздохнуть....
Ну, отдышался — вотъ и хорошо....
Вчера я въ руки взялъ узду.... и вышелъ
Изъ города; тихонько я пробрался
Въ станъ Печенеговъ, и давай по стану
Ходить; хожу, встрѣчаю Печенеговъ,
Кричу имъ, ихъ собачьимъ языкомъ:
Не видѣлъ ли кто моего коня?
А самъ къ Днѣпру, — и къ берегу, и скоро
Долой съ себя одежду! — бухъ и поплылъ.
Злодѣи догадались, побѣжали
Къ Днѣпру толпами, и кричатъ, и стрѣлы
Въ меня пускаютъ. Наши увидали!
И лодку мнѣ на встрѣчу, я въ нее
Прыгнулъ, да былъ таковъ! и вышелъ
Я на берегъ здоровъ и цѣлъ. Господь
Спасъ и сберегъ меня. Сегодня,
Какъ только-что забрезжилась заря
На небѣ, Претичъ поднялъ станъ свой,
И трубы затрубили; Печенеги
Встревожились, встревожился ихъ князь
И Прейтича встрѣчаетъ; что такое?
«Веду домой передовой отрядъ,
А вслѣдъ за мной, со всей своею ратью
Самъ Святославъ!» сказалъ нашъ воевода.

Перепугался печенежскій князь,
И прочь идетъ отъ Кіева со всею
Своей ордой. Чу! трубы! это наши!
Идемъ встрѣчать ихъ.

БЕРМЯТА.

Славно, славно братъ!

РУАЛЬДЪ.

Спасибо, Вячко! ты спасенье наше,
Счастливый отрокъ, честь родной земли!

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Тогда, когда жестоко боленъ
Тѣлесно и жестоко хилъ
Душевно, я судьбою былъ
Жить на чужбинѣ приневоленъ, —
Когда подъ гнетомъ же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или ѓомеровы мольбы, —
И въ томъ моемъ томленьи жесткомъ
Всегда, вездѣ я помнилъ васъ:
На вашъ отрадный мнѣ возгласъ
Всегда готовымъ отголоскомъ
Я отвѣчалъ; и самый Римъ,
Со всей громадою высокихъ
Воспоминаній, думъ глубокихъ,
Въ душѣ встающихъ передъ нимъ, —

Палаты, храмы и столбницы,
И все, что нынѣ говоритъ
Поэту мрачно гордый видъ
Самовластительной столицы
Трехъ поэтическихъ міровъ
Минувшихъ, и поля пустынны
Кругомъ ея, давно старинный
Упрекъ сынамъ ея сыновъ! —
И самый Римъ давалъ мнѣ волю
Воспоминать объ васъ; и въ немъ
Я, вашимъ счастливымъ стихомъ
Любуясь, тягостную долю
Мою не рѣдко забывалъ —
Такъ я ль, теперь, когда оставилъ
Чужбину, и уже направилъ
Мечты туда, гдѣ я живалъ....
Такъ я ль, когда хвораю менѣ
И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавицѣ, Каменѣ,
Зову ее къ себѣ; когда
Я здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ такъ красивы
И такъ любезно разцвѣли вы
Для вдохновеннаго труда, —
И разцвѣли хвалой и славой —
Гдѣ стихъ вашъ ясенъ, какъ хрусталь,
Какъ злато, свѣтелъ, твердъ какъ сталь,
Звучитъ и блещетъ величаво, —
Въ Москвѣ, гдѣ васъ, я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно
Пѣлъ горячо и превосходно,
Пѣвецъ свободнаго житья,
Громко - хвалебными стихами

Усердно поклонялся вамъ!
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя: въ ту пору вами
Моя кружилась голова!
Теперь-ли я?... какой же буду
Поэтъ я, если позабуду
Всѣ ваши милыя права
На стихословныя творенья
Мои? — Не будетъ никогда
Мнѣ столь великаго стыда,
Столь многогрѣшнаго паденья
Не будетъ мнѣ. Смотрите: вотъ
Лишь мало-мальски успокоенъ
Въ моемъ житьѣ, еще разстроенъ
Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣя довѣрять,
Что буду нѣкогда опять
Такимъ, каковъ бывалъ я прежде,
Когда лишь только-что дышу
Вольнѣе, и лишь не сурово
Гляжу на свѣтъ, — вотъ жизни новой
Цвѣты я вамъ ужь приношу!

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Хвалю я васъ за то, что вы
Поете намъ, не какъ иныя,
Что вамъ отечество Россія,
Вамъ — славной дочери Москвы!

Что вамъ дался языкъ нашъ чудный,
Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ!
Вѣдь онъ не всякому по силамъ!
А почитательницамъ милымъ
Чужесловныхъ думъ и книгъ
Онъ не доступенъ — и не знаютъ
Онѣ его — онѣ болтаютъ
Другимъ, не русскимъ языкомъ
Свои мечты и впечатлѣнья:
И нѣтъ на нихъ благословенья,
Онѣ у Бога ни почёмъ!
Я васъ хвалю и уважаю
За то, что вы родному краю
Принадлежите всей душой,
Что вы понашему поете,
Хоть языки Шенье и Гёте
Послушны вамъ, какъ вашъ родной.
Я васъ хвалю — и радъ я буду,
Когда пойдетъ ходить повсюду
Моя правдивая хвала
За подвигъ вашъ: во имя ваше
Она дѣйствительнѣй и краше
И въ свѣтѣ болѣе смѣла,
Скорѣй отыщетъ грѣшны души:
Да слышитъ, кто имѣетъ уши!

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ.

Блаженъ, кто мудрости высокой
Послушенъ сердцемъ и умомъ,

Кто при лампадѣ одинокой
И при сіяніи дневномъ
Читаетъ книгу ту святую,
Гдѣ явенъ Божескій законъ:
Онъ не пойдетъ въ бесѣду злую,
На путь грѣха не ступитъ онъ.

Ему не нуженъ путь разврата;
Онъ лишній гость на томъ пиру,
Гдѣ братъ обманываетъ брата,
Сестра клевещетъ на сестру;
Ему не нуженъ праздникъ шумный,
Куда не входятъ стыдъ и честь,
Гдѣ суесловятъ вольнодумно
Хула, злорѣчіе и лесть.

Блаженъ!... какъ древо у потока
Прозрачныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ водъ
Стоитъ, — и тѣнь его широка
Прохладу страннику даетъ,
И зеленѣетъ величаво
Оно, — красуяся плодомъ,
И своевременно и здраво
Растетъ и зрѣетъ плодъ на немъ.

Таковъ онъ, мужъ боголюбивый:
Всегда, во всѣхъ его дѣлахъ
Ему успѣхъ, а злочестивый...
Тотъ не таковъ; онъ словно прахъ!....
Но злочестивый правъ не будетъ
Онъ на судѣ не устоитъ,
Зане Господь не лестно судитъ
И беззаконнаго казнитъ.

АЛЕКСАНДРѢ ВАСИЛЬЕВНѢ КИРѢЕВОЙ.

Я вновь пою васъ; мнѣ отрадно,
Мнѣ сладко пѣть и славить васъ:
Я не люблю, я врагъ нещадный
Тѣхъ женъ, которыя отъ насъ
И православнаго закона
Своей родительской земли
Подъ вѣтротлѣнныя знамена
Заморской нехристи ушли,
И западъ ласково ихъ тянетъ
Въ свои объятія . . . . . . но вы . . .
Онъ васъ къ себѣ не переманитъ
Никакъ, — нѣтъ, вы не таковы:
Вы измѣнить не захотите
Завѣтнымъ чувствамъ; вы вполнѣ,
Вы чисто намъ принадлежите,
Родной, славянской сторонѣ,
И сильно бьется сердце ваше
За насъ. И тѣмъ милѣе вы,
Великолѣпнѣе и краше,
Вы — украшеніе Москвы!

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
Благочестивая жена!
Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ

*

И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любитъ,
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубитъ,
Она хранитъ его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала, — и любо ей,
Что, межъ старѣйшинами града,
Онъ знатенъ мудростью рѣчей,
И что богатъ онъ чистой славой,
И силенъ въ общинѣ своей;
Она воспитываетъ здраво
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водитъ въ Божій храмъ;
Она блюдетъ порядокъ дома:
Ей милъ ея семейный кругъ,
Мірская праздность незнакома
И чуждъ безсмысленный досугъ.
Не соблазнятъ ея желаній
Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
Ни вихрь полуночныхъ скаканій
И сладки рѣчи плясуновъ,
Ни говоръ пусто-величавый
Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческихъ суетъ.
И домъ ея боголюбивый
Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
И дни ея мелькаютъ живо
Прекрасной, свѣтлой чередой;

И никогда ихъ не смущаетъ
Обуреваніе страстей:
Господь ее благословляетъ
И люди радуются ей.

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНІЕ ПАМЯТНИКА

ИСТОРІОГРАФУ

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ.

(ПОСВЯЩАЮТСЯ А. И. ТУРГЕНЕВУ.)

Онъ *памятникъ себѣ воздвигъ чудесный*, *вѣчный*,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ камѣносѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!

Любя отечество душою просвѣщенной,
И славу русскую любя,

Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
Всѣ дни свои, всего себя;
И полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
Призывъ блистательныхъ честей,
И множество суетъ, какими жизнь мірская
Манитъ къ себѣ, влечетъ людей
Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
И жажду чистаго труда,
И пылкую любовь къ отечеству и благу,
Мертвитъ и душитъ навсегда,
Въ тиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
Простосердечной старины,
И ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ,
И не наемникъ новизны!
Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,
Онъ прямодушно понималъ
Родную нашу Русь, — и совершилъ со славой
Великій подвигъ: написалъ
Для насъ онъ книгу книгъ — и ясною картиной
Въ ней обновилась старина.

Вотъ первые князья съ варяжскою дружиной,
И вѣютъ наши знамена
У цареградскихъ стѣнъ! — Вотъ Русь преображаетъ
Владиміръ — солнце древнихъ лѣтъ,
И съ кіевскихъ высотъ ей царственно сіяетъ
Креста животворящій свѣтъ!
Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
И Мономахъ, и Даніилъ!
Вотъ страшный Божій гнѣвъ: по всей землѣ тревога
И шумны полчища Татаръ;

Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога; *
　　Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
И русскіе князья съ поникшими главами
　　Идутъ въ безбожную орду!
Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками
　　И ихъ побоище на льду;
Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
　　И Псковъ, Новугороду братъ;
Москва, святитель Петръ, и Куликово поле;
　　Вотъ уничтоженный Ахматъ;
Великій Іоаннъ, всей Руси повелитель, —
　　И вотъ нашъ *Грозный*, внукъ его,
Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель —
　　И кровопійца своего,
Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
　　Природы ужасъ и позоръ!
Въ Москвѣ за казнью казнь; у плахи беззаконной
　　Весь день мясничаетъ топоръ.
По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродитъ,
　　Нося грабежъ, губя людей,
И бѣшено-свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ,
　　Глава усердныхъ палачей!
И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенѣя,
　　Ты всѣ кровавыя дѣла,
Весь дикой произволъ державнаго злодѣя,
　　Спокойно ты перенесла,
Святая Русь! — Но судъ исторіи свободно
　　Свой приговоръ ему изрекъ;
Царя мучителя онъ проклялъ всенародно
　　Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!

---

* Стихъ Озерова.

Вотъ сынъ тирана, — царь-смиренникъ молчаливой,
Молитва, постъ и тишина,
И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой,
И царству слава отдана.
Правитель Годуновъ; вотъ самъ онъ на престолѣ;
Но тѣнь изъ гроба возстаетъ
И гибнетъ царь Борисъ: его не любитъ болѣ,
Его не хочетъ свой народъ!
Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства,
Онъ презираетъ нашъ законъ,
Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
Ночныхъ скаканій шумъ и звонъ,
И пѣсни буйныя, и струнное гуденье....
Но чу! набатъ и грозенъ крикъ!
И бурно въ Кремль идетъ народное волненье....
Долой вѣнчанный еретикъ!
Вотъ Шуйскій, мятежи — и самозванецъ новый
Клевретъ строптивыхъ поляковъ;
Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
Вотъ сотня доблихъ чернецовъ,
Противу тьмы враговъ громовая твердыня.
Въ Москвѣ знамена короля....
Въ плѣну священный Кремль... поругана святыня...
Мужайся Русская земля!

Великой подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О! сколько думъ рождаетъ въ насъ,
И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!

Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасной и высокой,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
Отъ жизни блудной и пустой,
Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ русскій міръ,
И памяти о немъ не нужны струнъ бряцанья,
Не нуженъ камень иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной....
Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно передъ лицомъ народа
Уже на ровной вышинѣ!

И. С. Аксакову.

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будутъ же годы твои молодые

Прекрасны, какъ ясные вешніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поётъ
На волѣ; и если тебя очаруетъ
Красавица-роза — не бойся любви;
Пускай она нѣжитъ, томитъ и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства — и ею полна,
Свѣтло, сладкозвучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна.
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
Счастливыя пѣсни — и весь выпѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-оселъ.

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Тебѣ хвала и честь и слава!
Въ твоихъ бесѣдахъ ожила
Святая Русь — и величава,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытная, родная
Заговорила старина,

Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Ты добросовѣстно и смѣло,
И чистой, пламенной душой
Созналъ свое святое дѣло —
И, возбужденная тобой,
Краснорѣчиво рукоплещетъ
Тебѣ великая Москва!
Такъ пусть же на тебя клевещетъ
Мірская, глупая молва!

Твои враги . . . они чужбинѣ
Отцами проданы съ пелёнъ:
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена.

Такъ ихъ не слушай — будь спокоенъ
И не смущайся ихъ молвой,
Науки жрецъ и правды воинъ!
Благословится подвигъ твой;
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своенародныхъ,
Возстановилъ и укрѣпилъ.

РОМАНСЪ.

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ,
Чернѣя при лунѣ.
Несется витязь по лѣсу
На рѣзвомъ скакунѣ.

Одѣтъ въ желѣзо молодецъ;
Съ нимъ вѣрный мечъ и щитъ.
Онъ къ дѣвицѣ-красавицѣ
Въ объятія спѣшитъ.

Глаза у ней какъ звѣздочки,
Уста у ней какъ медъ,
И, рѣчи . . . рѣчи сладкія
Какъ соловей поетъ.

И ждетъ она задумчиво
Милаго, и груститъ.
Гудитъ дорога звонкая
Подъ топотомъ копытъ.

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ;
Не дрогнетъ сонный листъ.
Несется витязь по лѣсу —
И вдругъ онъ слышитъ свистъ.

Чего бояться молодцу?
Съ нимъ мечъ его и щитъ,
И сила богатырская
Ему не измѣнитъ.

«Ты, знать, дружокъ, не пробовалъ
Встрѣчать меня въ бою!
Такъ выдь! Тебѣ немедленно
Я черепъ раскрою!

Не струшу я, кто бъ ни былъ ты —
Хоть самъ рогатый бѣсъ!»
Несется витязь по лѣсу;
Вотъ онъ проѣхалъ лѣсъ.

И выѣхалъ онъ на поле —
И полемъ поскакалъ:
И пусто поле чистое ....
А свистъ не пересталъ!

За молодцемъ онъ гонится,
Такой же, какъ въ лѣсу:
Не горячись ты, молодецъ!
Свистъ .... у тебя въ носу.

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей.
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои

Разгарались и пылали
Вдохновеніемъ любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стихъ звучалъ,
Выговаривая ясно
Много, много вамъ похвалъ!
Поэтически-живая
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная
И тяжелая — но я....
Тотъ же я: во мнѣ сохранно
Уцѣлѣли той поры
Благодатной, безтуманной
Драгоцѣнные дары:
Сердца чистая любовность,
И во всякой день и часъ
Достохвальная готовность
Воспѣвать и славить васъ
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Черезчуръ неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому-что за родную
Старину и за своихъ
На враговъ и нехристь злую
Возстаетъ мой русской стихъ,
Потому-что не хочу я
Нѣмчуры, и не даюсь
Ей въ неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Непріязнью небывалой

Беззащитнаго гоня,
И теперь я вашъ глубокой
Почитатель, и готовъ
Васъ по прежнему высоко
Славить множествомъ стиховъ.
Я себѣ не измѣняю,
Потому-что съ юныхъ лѣтъ
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тѣмъ паче я поэтъ,
И тѣмъ выше, и тѣмъ краше
Достославное мое
Пѣснопѣнье, что я ваше
Неизмѣнное копье!

САМПСОНЪ.

(А. С. ХОМЯКОВУ.)

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Сампсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,

И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далида, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано ни кому!

И Бога забылъ онъ, — и падшаго взяли
Сампсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Сампсонъ;
Но выросли кудри его, — но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели, — и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Сампсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница.... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ....

ПѢСНЯ.

Страшна дорога черезъ свѣтъ:
Непьяный вижу я дорогу;
А пьянъ, до ней мнѣ дѣла нѣтъ,
Я какъ слѣпой — и слава Богу!

Мечта и сонъ нашъ вѣкъ земной;
Мечта, я съ Бахусомъ мечтаю,
И сонъ — за чашей круговой
Я не скорѣе ль засыпаю?

Что шагъ, то грѣхъ: какъ не почтить
Совѣта вѣры неподложной?
Напьемся такъ, чтобы ходить
Намъ было вовсе невозможно.

Извѣстно всѣмъ, что въ наши дни
За рѣчи многіе страдали:
Напьемся такъ, чтобы онѣ
Во рту же нашемъ умирали.

Что было, есть, что впереди,
Весь столъ трезвый разсуждаетъ,
А пьяный, міръ хоть пропади,
Его ничто не занимаетъ.

Собой довольному не страхъ —
Ему судьбы непостоянство,
И онъ въ чувствительныхъ слезахъ
Благодаритъ за это пьянство.

Пѣсня.

Душа героевъ и пѣвцовъ,
Вино любезно и студенту:
Оно его между цвѣтовъ
Ведетъ къ ученому патенту.

Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта;
Но день прошелъ — и вечеркомъ
Онъ за вино отъ фоліанта.

И каждый день его, какъ сонъ,
Плѣняя чувства, пролетаетъ:
За книгой не скучаетъ онъ,
А за бакаломъ кто жь скучаетъ?

Свободой жизнь его красна,
Ея питомецъ просвѣщенной
Онъ капли милаго вина
Не дастъ за скипетры вселенной!

ПѢСНЯ.

Мы пьемъ, какъ рыцари пивали,
Поемъ, они такъ не пѣвали:
Ихъ бранный духъ, ихъ грозный вкусъ
Отъ чаши гнали милыхъ музъ.

Веселость пасынковъ Рорбаха *
Была безумна и неряха:
Бывало въ замкѣ за столомъ
Стоятъ въ броняхъ передъ виномъ.

И всякой въ буйности природной
Кричитъ, что пьяному угодно,
И непристойность глупыхъ словъ
Слетаетъ нагло съ языковъ.

Но мы, друзья, не то, что дѣды:
Мы пѣсни призвали въ бесѣды,
Когда веселье — нашъ кумиръ
Сзываетъ насъ на шумный пиръ.

Великолѣпными рядами
Сидимъ за длинными столами,

* Фонъ Рорбахъ, первый гермейстеръ лифляндскихъ рыцарей. *Прим. автора.*

И всякой, глядя на покалъ,
Поетъ, какъ Гете приказалъ.

Слова: отрада и свобода
Въ устахъ у пьянаго народа
При звукѣ чоканья гремятъ,
И всякъ другъ другу — другъ и братъ!

Мы пьемъ, какъ рыцари пивали,
Поемъ — они не такъ пѣвали.

ПѢСНЯ.

Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ!
Передъ виномъ благоговѣнье:
Ему торжественный виватъ,
Ему — колѣнопреклоненье!

Герой, виномъ разгоряченъ,
На смерть отважнѣе стремится;
Пѣвецъ поетъ, какъ Аполлонъ,
Умѣя Бахусу молиться.

Любовникъ, глядя на стаканъ,
Измѣну милой забываетъ,
И счастливъ онъ, покуда пьянъ,
Затѣмъ что трезвый онъ страдаетъ.

Скажу короче: въ жизни сей
Безъ капли людямъ все досада:

Анакреонъ твердитъ намъ: пей,
А мы прибавимъ — до упада!

Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ!
Передъ виномъ благоговѣнье:
Ему торжественный виватъ,
Ему колѣнопреклоненье!

КЪ . . .

Мой братъ, по вольности и хмѣлю
Съ тобой согласенъ я: годна
Въ усладу пламенному Лелю
Твоя М — я Д — а;
Порой горятъ ея ланиты,
Порой цвѣтутъ ея уста,
И грудь роскошна и чиста
И томенъ взоръ полузакрытый;
Въ ней много жизни и огня:
Среди заманчиваго танца
Она плѣняетъ и меня
И бѣлобрысаго лифляндца;
Она чувствительна, добра,
И знаетъ бога пѣснопѣній,
Ей не годится и для тѣни
Вся молодая нѣмчура.
Всё хорошо, мой другъ, но то ли
Моя красавица? она
Завоевательница воли
И для поэтовъ создана;

Какая сладость на устахъ,
Какая царственная сила
Въ ея блистательныхъ очахъ!
Она мнѣ все: ея творенья —
Мои живыя вдохновенья,
Мой пламень въ сердцѣ и въ стихахъ.
И я ль одинъ, ѣздокъ Пегаса,
Скачу и жду ея наградъ?
Разнобоярщина Парнаса
Ее поетъ на перехватъ —
И тайный Глинка и Евгеній
И много всяческихъ именъ;
О слава Богу: я влюбленъ
Въ звѣзду любви и вдохновеній!

КОРЧМА.

Несется тройка удалая,
Бренчатъ колеса, пыль столбомъ,
Изъ-подъ телеги вылетая,
Бѣжитъ за пыльнымъ сѣдокомъ.
Очамъ отрадная картина:
Волнуясь жатвой золотой,
Необозримая равнина
Вдали шумитъ передо мной.
Добро природы благосклонной
Готово, — но зачѣмъ оно?
Его сберетъ Чухонецъ сонный
И промѣняетъ на вино!
На лѣво зрѣлище иное:

Какъ оживленное стекло,
То млечное, то голубое,
Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло;
Меня палитъ несноснымъ жаромъ:
«Вези въ корчму — я пить хочу!»
Такъ я извощику ворчу,
Неоскорбительнымъ ударомъ
Къ его притронувшись плечу.
Онъ понялъ — плеткою лихою
Коней задумчивыхъ стягнулъ,
И я отраднѣе вздохнулъ
Передъ булыжною корчмою.
Вхожу въ нее — она полна.
Не милы лица, одѣянья
Сего незнатнаго собранья:
Здѣсь видѣнъ и плохой чухна,
И некрасивая Чухонка,
И блѣдный жидъ, съ нимъ два жиденка,
И грязная его жена,
И православные солдаты
И трое нищихъ — и одинъ,
Знать арендаторъ — знать богатый,
Въ сафьянной шляпѣ господинъ.
Я пить просилъ: рукой не мытой
Хозяйка кружку мнѣ дала,
Вода нечистая была,
Душа питья не приняла, —
И я съ поспѣшностью сердитой
Корчму покинулъ и лечу.
Несносный жаръ — я пить хочу!

КЪ ТАТАРИНОВУ.

Хвалю тебя, мой спутникъ новый
На чистомъ поприщѣ наукъ!
Славянъ могущественныхъ внукъ,
Нѣмецкой вольности въ оковы
Ты не отдашь свободныхъ рукъ;
Не нашъ удѣлъ — ея порывы
И жажда чести мелочной;
Иною жизнію мы живы,
Мы славой славимся иной;
Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
Не вѣрь же чуждому уму,
Не призывай чужаго бога,
Живи и пей посвоему.

ЭКСПРОМТЪ *.

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ:
Боги сжалились надъ нимъ:
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ домъ — и ключъ кипучій
Покатился . . . Пей Москва!

* Экспромтъ относится къ 1830 году, когда поэтъ ходилъ на богомолье въ Троицкую Лавру съ Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Елагинымъ, но здѣсь помѣщенъ нами потому, что мы про него узнали только изъ № 264 Рус. Инв. 1857 года, когда уже оканчивалось печатаніе стихотвореній.

ВАРІАНТЫ ПІЕСЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

***На смерть няни А. С. Пушкина*, стр. 2 — 5.**

Стх. 12: «И нивъ съ извилистой дорогой»
читаемъ: «И нивъ съ песчаною дорогой»
Стх. 36: «Разгоряченною мечтой»
читаемъ: «Разгоряченною душей»
Стх. 60: «И какъ вино краснорѣчива»
читаемъ: «Какъ старость часто говорлива».

***И. В. Кирѣевскому* стр. 8.**

Стх. 9: «Но ея на ложе ночи»
читаемъ въ С. Цвѣт.
«Но ея во мракѣ ночи»
Стх. 15: «Упоительныхъ лобзаній»
читаемъ: Соблазнительныхъ лобзаній»

***Весенняя ночь*, стр. 19 — 21.**

Стх. 10: «Во весь объемъ трехъ-рамнаго окна»
читаемъ въ Одес. Альманахѣ:
«Во всю длину трехъ-рамнаго окна»
Стх. 12: «Сей полумракъ лелѣющій мечты»
читаемъ: «Сей полумракъ и свѣжесть теплоты»
Стх. 17: «Когда къ тебѣ склоняясь головой»
читаемъ: «Когда къ тебѣ склонившись головой».

***На смерть барона Дельвига*, стр. 32 — 33.**

Стх. 40: «И тамъ поэтъ чистосердечно»
читаемъ въ С. Цв.:
«И тотъ поэтъ чистосердечно».

Элегія, стр. 34.

Стх. 1 и 2: «Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть»
читаемъ въ Од. Альм.:
«Блаженъ, кто могъ одежду ночи
Съ тебя, волшебница, сорвать».

Іоганисбергъ, стр. 160.

Стх. 14—17: Иванова гора, достойно почтена
Всѣхъ выше славою: на ней растетъ и зрѣетъ
Вино первѣйшее;
читаемъ въ Современникѣ:
«Ивановой горой зовутъ ее — она
Почтеннѣй всѣхъ другихъ и громче во вселенной;
На ней одной растетъ напитокъ драгоцѣнный —
Вино, доступное не многимъ подъ луной,
Вино первѣйшее».

Элегія, стр. 164.

Стх. 9: «А вчера поклонникъ скромный.»
читаемъ: «А вчера любитель скромный.»

Корабль, стр. 168.

Стх. 3: «Гроза рокочетъ.»
читаемъ: «Гроза грохочетъ.»

Ницаркъ, стр. 210.

Первые 4 стиха читаемъ въ Современникѣ:
«Если бъ другъ твой былъ Зевесъ,
И была бы ты Юнона,
Садъ твой, милая Миньона,
Процвѣталъ бы не какъ лѣсъ.»

Море, стр. 241.

Стх. 1. «Струится и блещетъ.»
читаемъ: «Струится и плещетъ.»

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

